

НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

ВЫПУСК XIV

ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Общая редакция и вступительная статья

Б. Ю. ГОРОДЕЦКОГО

Составление

Т. С. ЗЕВАХИНОЙ

МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1983

Рецензенты: член-корреспондент АН СССР Ю. Н. Караулов
и доктор филологических наук Е. С. Кубрякова

Редактор Н. Н. Попов

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО
И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Очередной выпуск неперидической серии «Новое в зарубежной лингвистике» знакомит читателя с работами зарубежных ученых в области построения разнообразных словарей, необходимых людям для осуществления исследовательских и практических задач. Большое внимание уделяется видам словарной информации, включающей, в частности, описание семантических, энциклопедических, логических свойств слов, проблемам адекватности и надежности словаря и многим другим вопросам, актуальным для современной лексикографии.

Сборник рассчитан на лингвистов, преподавателей, аспирантов, студентов, а также на всех интересующихся вопросами общего языкознания.

© Составление, вступительная статья и перевод на русский язык —
издательство «Прогресс», 1983

Н $\frac{4602000000-016}{066(01)-83}$ 75-83 (по темплану изд-ва «Радуга»)

ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

1. СЛОВАРЬ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Не будет преувеличением сказать, что словари являются древнейшим видом лингвистической продукции. Достаточно вспомнить глоссы Шумера и Китая, глоссарии к ведам в Древней Индии, хеттские таблички и т. д. По крылатому выражению Сэмьюэла Джонсона, словари подобны часам: обладать худшими из них лучше, чем не иметь никаких; но и о лучших из них мы не можем утверждать, что они абсолютно точны. Современный размах словарной индустрии характеризуется как количественным, так и качественным ростом. Значительных успехов добилась в последние годы советская практическая лексикография¹.

Каково же состояние «научного обеспечения» словарного дела? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен. Словарь является одновременно и объектом лексикографической деятельности, и предметом изучения в лексикографической теории. Если осмысление его свойств в историческом плане и продвинулось до определенного уровня обобщения, то этого нельзя сказать о разработке оптимальной стратегии создания новых словарей, отвечающих требованиям современной научно-технической революции. Главная проблема такой стратегии — это проблема об основности словарей как с точки зрения их состава, так и в плане адекватности подаваемой в них информации.

¹ Укажем для примера лишь несколько недавно вышедших разнообразных словарей: З а л и з н я к А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977; Англо-русский синонимический словарь (под рук. А. И. Розенмана и Ю. Д. Апресяна). М., 1979; Словарь словообразовательных элементов немецкого языка (под рук. М. Д. Степановой). М., 1979; Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977; Г р а б ч и к о в С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря. Минск, 1980; Х а м о я н М. У. Курдско-русский фразеологический словарь. Ереван, 1979; Частотный словарь романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Тула, 1978; К а р а у л о в Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980.

Методы решения этой проблемы и рассматриваются в статьях настоящего сборника.

Прежде чем определить методологический статус лексикографии как научной дисциплины (см. ниже раздел 2), укажем границы ее объектной области. Типология словарей, начиная с классической работы Л. В. Щербы, неоднократно служила предметом рассмотрения лексикографов². Ниже приводятся типологические признаки, характеризующие состав отражаемой в словарях информации и непосредственно подводящие тем самым к проблеме ее обоснованности:

1) Отражается ли в словаре только формальная или также семантическая информация о единице описания?

2) Какой аспект семантической инвентаризации языка отражает словарь? (Главное подразделение здесь касается инвентаризации лексико-семантического или морфо-семантического уровня и, далее, каждого из них — либо в парадигматическом, либо в синтагматическом аспекте³.)

3) Является ли словарь нормативным или описательным?

4) Какой хронологический период он охватывает?

5) Стремится ли он отразить язык «в целом» или определенные подязыки (социально-территориального характера)?

6) Какова степень охвата лексики языка (подязыка)?

7) Какая грамматическая информация дается об описываемых единицах?

8) Какие используются стилистические пометы?

9) Какой тип толкования (определения, дефиниции) используется в словаре?

10) Включается ли энциклопедическая информация?

11) Объясняется ли мотивированность описываемой единицы?

² См. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 265—304; Виноградов В. В. Толковые словари русского языка. — В кн.: В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 206—242; Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка. — В кн.: С. И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 158—182; Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981; Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.

³ О направлениях семантической инвентаризации см. Б. Ю. Городецкой. О принципах инвентаризации семантики языка и подязыка. — В кн.: «Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики». М., 1973.

12) В какой мере учитываются семантические отношения?

13) Показывается ли реализация единиц в контексте?

14) Указывается ли происхождение (история) единиц?

15) Привлекаются ли количественные характеристики единиц и их значений?

16) Каков порядок расположения единиц в словаре (в частности, по формальному или семантическому принципу)?

17) Имеются ли в словаре указатели?

18) Даются ли металингвистические сведения (история изучения, разные трактовки и т. п.)?

19) Производится ли генетическое сопоставление единиц и их значений с родственными языками?

20) Производится ли типологическое сопоставление материала неродственных языков?

С помощью этих признаков можно дать многостороннюю характеристику любому словарю: частотному, обратному, синонимическому, словообразовательному, этимологическому, фразеологическому и т. д.⁴

Таким образом, лексикография в широком смысле охватывает все множество инвентарей языковых единиц с приписанной им информацией того или иного рода. Конечно, наиболее богата и сложна для отражения семантическая информация. Встает вопрос: можно ли мыслить создание глобального словаря, описывающего все смысловые свойства единиц языка (пусть хотя бы лексических)? Именно в этом ключе написана статья Ч. Филлмора «Об организации семантической информации в словаре». Критически

⁴ Вопросы систематизации возможной словарной информации более детально рассматриваются в целом ряде работ: К и с е л е в с к и й А. И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. Минск, 1977; К а р а у л о в Ю. Н. Об одной тенденции в современной лексикографической практике.— В кн.: «Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография». М., 1981; Современная русская лексикография. 1980. Л., 1981; Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. К 80-летию чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова. М., 1974; Современность и словари. М., 1978; Вопросы учебной лексикологии и лексикографии. М., 1969; Переводная и учебная лексикография. М., 1979; D u b o i s J. et Cl. Introduction à la lexicographie: Le dictionnaire. Paris, 1971; D r o s d o w s k i G., H e n n e H., W i e g a n d H. E. Nachdenken über Wörterbücher. Mannheim—Wien—Zürich, 1977; R e y A. Les dictionnaires: forme et contenu.— «Cahiers de lexicologie», 1965, 7, p. 65—102; Das Lexikon in der Grammatik — die Grammatik im Lexikon. Hamburg, 1977; M a t h i o t M. The place of the dictionary in linguistic description.— «Language», 1967, v. 43, № 3, p. 703—724.

подходя к бытующим в зарубежной лингвистике узким трактовкам лексической семантики, автор предлагает пути достижения подлинно системного описания. Отправной точкой для него служит представление о связности словаря в целом, причем разные семантические области характеризуются разной степенью связности. Взаимные отсылки при описании лексем должны органично вытекать из свойств системы. Словарь должен отражать также стратификацию лексики с точки зрения стилей, регистров, прагматической обусловленности. Ч. Филлмор, предлагавший в разное время целый ряд собственных оригинальных методик, теперь проявляет большую осторожность в выборе метаязыка представления семантической информации, подчеркивая необходимость различать семантическую реальность и методические установки составителей словарей. Новым моментом является также типологический фон лексикографического описания: учитывая опыт предшественников, Ч. Филлмор намечает девять параметров для характеристики различий языков в области лексической семантики (аналитичность, таксономическая глубина, модели расширения значений, соотношение грамматики и словаря и другие). Знаменательно также, что, с точки зрения автора, непосредственной реальностью обладает семантическая система не языка в целом, а того или иного подъязыка. Именно в нем находит каждый раз специфическое воплощение определенная пропорция между четкой («списочной») семантикой и нечеткой семантикой, как это показано на примере юридического подъязыка (ср. четкость термина *невинный* и нечеткость термина *злой умысел*).

Весьма ценным представляется доказательство ограниченности популярных ныне методов перифразирования и компонентного анализа. Автор призывает использовать в словаре все существующие виды дефиниций, выбирая, правда, для разных семантических полей различные дефиниционные базы. «Семантическая теория должна отказаться от предположения о возможности семантического описания всех слов языка в одних и тех же терминах»⁵.

2. ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ПРИКЛАДНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Лексикография как научная дисциплина носит, несомненно, комплексный характер: ее историко-филологический аспект проявляется в постоянном интересе к типологии сло-

⁵ См. наст. сборник, с. 50.

варей и их связи с культурой, ее гносеологический аспект обусловлен сущностью словарей как способа организации и представления знаний, накопленных обществом, ее семантико-лексикологический аспект связан с обобщением словарных данных в русле моделирования плана содержания языка. Но все же определяющей чертой лексикографии является ее прикладная направленность, ибо все многообразие упомянутых выше типов словарей получает необходимую практическую ориентацию лишь в случае наложения на него функциональной типологии семантических инвентарей, то есть типологии, исходящей из *ц е л е у с т а н о в к и*, предназначения словаря⁶.

Будучи прикладной дисциплиной, лексикография разрабатывает оптимальные средства для выявления и фиксации семантических фактов в определенных практических целях. Центральным понятием этой дисциплины становится представление о *л е к с и к о г р а ф и ч е с к о й д е я т е л ь н о с т и*, центральной проблемой — обоснование различных этапов такой деятельности. Словари используются как для собственно лингвистических, так и для экстралингвистических целей. Задачи, решаемые с помощью словарей, охватывают сегодня самые разнообразные области науки и практики: преподавание родного и иностранных языков, перевод, теория и практика научно-технической информации, теория массовой коммуникации, проблемы искусственного интеллекта, проблемы управления, социология, этнография, поэтика и многие другие. Соответственно складываются особые типы словарей, среди которых наиболее известны нормативные, учебные, переводные, терминологические, ономастические, этимологические и т. д. К недавно возникшим, но составляющим уже огромное множество хранящихся в машинной памяти инвентарей относятся словари машинного перевода, информационно-поисковых систем, интеллектуальных роботов. Все они различны по составу информации и по точности ее представления. В лексикографии не может быть универсальных решений традиционных лексикографических проблем (*омонимия и полисемия, значение и понятие, значение и суждение,*

⁶ Указанная направленность лексикографии находит в последнее время ясное выражение в целом ряде монографий и статей. См., напр.: M e l e r H. H. Lexicography as applied linguistics. — «English Studies», 1969, 50, p. 141—151; S c h a e d e r B. Lexikographie als Praxis und Theorie. Tübingen, 1981; Praxis der Lexikographie: Berichte aus der Werkstatt / Helmut Henne (Hrsg.). Tübingen, 1979; Lexicography and dialect geography. Wiesbaden, 1973.

словарь и речевая деятельность, семантические поля и тезаурусы). Эти проблемы должны решаться в рамках различных задач по-разному⁷.

Сказанное не означает приуменьшения роли теории. Наоборот, эффективность приложений определяется адекватностью наших знаний о природе объекта. Классики отечественной лексикографии постоянно подчеркивали эту связь. Вспомним хотя бы проникнутые научным и одновременно гражданским пафосом строки: «Отсутствие глубоких самостоятельных исследований, посвященных семантической системе современного русского языка в целом и в отдельных ее структурных элементах и компонентах, а также русской синонимике, трагически отражается на работе наших лексикографов»⁸.

3. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Итак, среди разнообразных проблем лексикографии сегодня на передний план выдвигаются вопросы, связанные с организацией самой лексикографической деятельности. Все эти вопросы подчинены одной сверхзадаче — повышению уровня обоснованности создаваемых словарей. Следовательно, внимательному рассмотрению должны быть подвергнуты все операции (процедуры) лексикографической работы. Именно эти процедуры и находятся в центре внимания большинства статей настоящего сборника. Сегодня уже недостаточно сделать *какой-нибудь* словарь — необходимо обосновать его адекватность; нужно показать, *как* ее добиться. Тем самым первостепенную важность приобретает разработка методов лексикографической деятельности.

К чести отечественной лексикографии, следует подчеркнуть, что наши классики уже давно ориентировали лексикографическую теорию и практику в указанном направлении. В. В. Виноградов писал: «Недостатки и ошибки в дифференциации значений слов и их оттенков, в их семантической характеристике во многом зависят от самой техники и методики лексикографической работы»⁹. Конкретные идеи

⁷ См. Городецкий Б. Ю. Теоретические основы прикладной семантики. Автореф. докт. дисс. М., 1978.

⁸ Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии.— В кн.: В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 251.

⁹ Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории..., с. 251.

о такого рода методике были высказаны Л. В. Щербой: «Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило»¹⁰. И далее: «Особенно плодотворен метод экспериментирования в синтаксисе и лексикографии и, конечно, в стилистике... Я бы сказал, что без эксперимента почти невозможно заниматься этими отраслями языкознания... Только с его помощью мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря»¹¹.

Лексикографическая деятельность распадается на ряд этапов. Их примерная последовательность такова:

I. Разработка системы требований, касающихся внешних параметров словаря (его назначения, круга потребителей, способов использования, информационной области и т. п.).

II. Разработка системы требований, касающихся внутренних параметров словаря (единиц описания, основных свойств метаязыка, объема, структуры, видов словарной информации и т. п.).

III. Формальная инвентаризация выбранных подязыков (отбор текстов, характеристика грамматических форм, составление предварительных словников, расписывание контекстов и т. д.).

IV. Экспериментальное исследование семантики описываемых единиц (дистрибутивный анализ текстов, проведение тестов с носителями языка и т. д.).

V. Обобщение экспериментальных данных.

VI. Построение дефиниций на соответствующем метаязыке и их проверка в ходе новых экспериментов.

VII. Сбор и систематизация дополнительной информации о каждой словарной единице.

VIII. Оформление словарных статей.

IX. Системный анализ и упорядочение словарных статей.

X. Оформление словаря в целом, включая вспомогательные указатели (или машинная реализация словаря).

¹⁰ Щ е р б а Л. В. О тройком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — В кн.: Л. В. Щ е р б а. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 32.

¹¹ Там же.

Если обратить внимание на относительную важность этих этапов, то, разумеется, на первое место должны будем поставить экспериментальное исследование семантики и связанное с ним построение дефиниций. Затем нужно назвать этап выявления дополнительной информации о слове. Наконец, немаловажен в плане обоснованности словаря этап обоснования его состава (словника), начиная с разработки систем требований и кончая формальной инвентаризацией текстовых массивов. Приведенная оценка относительной важности этапов условна. Все названные задачи в конечном итоге связаны с повышением уровня объективности словаря как результата лексикографической деятельности¹².

Три главные задачи, которые только что нами были выделены, рассматриваются в разделах 4, 5 и 6 настоящей статьи.

Как указывалось выше, лексикографическая деятельность по своей сущности может быть определена как семантическая инвентаризация языка (или подъязыка). Раскроем эту сущность более подробно.

Дать абсолютно полное описание семантической структуры языка можно только в идеале: имеющиеся трудности связаны как с глубиной, так и с широтой описания. Поэтому реальные описания являются ограниченными.

На пути к полному и адекватному описанию первым шагом является инвентаризация семантических фактов. Она не всегда делается в явном виде. Но для многих задач такой шаг необходим именно в явном виде. Инвентаризация семантики — это составление определенного набора семантических инвентарей (словарей).

¹² В публикациях по лексикографии все более отчетливо проявляется тенденция к выделению указанного круга проблем в особое направление — теоретическое обоснование практики: Щербачева Л. В. О т р о я ч а с т н о м а с п е к т е...; Вопросы практической лексикографии. Л., 1979; W a h r i g G. Neue Wege in der Wörterbucharbeit. Hamburg, 1967; W i e g a n d H. E. Lexikographische Praxis — vom Standpunkt unterschiedlicher Wörterbuchtypen und Wörterbuchkonzepte. — «Zeitschrift für germanistische Linguistik», 1978, Bd. 6, № 3, S. 326—330; Z g u s t a L. Manual of lexicography. Prague — The Hague — Paris, 1971; Hiorth F. On the Relation between Field Research and Lexicography. — «Studia Linguistica», 1956, 10, p. 57—66; W e i n r e i c h U. Lexicographic definition in descriptive semantics. — «Problems of Lexicography». L., 1962, p. 25—43; N e u b a u e r F. Die Struktur der Explikationen in deutschen einsprachigen Wörterbüchern: Eine vergleichende lexiko-semantische Analyse. Hamburg, 1980. См. также библиографию к настоящему сборнику.

Семантический инвентарь (СИ) — это определенным образом упорядоченный перечень всех семантических объектов определенного класса, зафиксированных с помощью некоторого метаязыка с заданной точностью и эксплицитностью. Виды семантических инвентарей могут различаться в зависимости от того, какие семантические объекты фиксируются, на каком метаязыке они описываются, какова степень точности и эксплицитности описания, каков порядок расположения объектов в инвентаре. Как подсказывает практика, в инвентарях могут фиксироваться семантические единицы и их классы, семантические отношения, семантические комплексы и последовательности семантических комплексов.

В чем же состоит разница между полным описанием семантики и ее инвентаризацией? Прежде всего в степени факультативности. Если в первом случае она минимальна, то во втором она может сильно колебаться в зависимости от целей инвентаризации, которые определяют набор составляемых инвентарей. Хотя каждый данный СИ и включает все объекты определенного класса, набор инвентарей может быть более или менее далек от охвата всех вообще семантических объектов. Для каждой данной инвентаризации характерна целенаправленная выборочность инвентаризуемых аспектов семантической структуры. Этим и оправдывается роль инвентаризации как первой (для некоторых целей — и последней) ступени в последовательном описании семантики: отвлекаясь от полноты общей картины (особенно от взаимосвязей ее частей), она дает исчерпывающий состав отдельных фрагментов.

Далее, отмеченная факультативность касается и степени подробности (глубины) описания семантических объектов. При разных целях инвентаризации может фиксироваться разная степень подробности.

Другая существенная черта: при инвентаризации часто оказывается естественным и удобным уделять сравнительно мало внимания семантическим отношениям как таковым, составляя лишь инвентари семантических единиц и комплексов, с тем чтобы на более высоких этапах семантического описания выявить и описать все отношения в зафиксированном множестве единиц и комплексов.

Еще одна черта инвентаризации — ограниченная обобщающая сила; ведь перечень элементов (пусть даже заданный в виде исчисления) — далеко не самый объяснительный способ описания. Однако разумно организованный ин-

вентарь может сильно облегчить и ускорить обобщение зафиксированных данных (ср. статью Д. Уорта).

Выделение этапа инвентаризации в семантическом описании позволяет тем самым выделить этап частично алгоритмизуемой работы, не требующей во всех вопросах высокой лингвистической квалификации. Такое разделение труда удобно в лабораторных коллективах, особенно в прикладных областях, и способствует применению ЭВМ.

Каждый СИ задается определенным идентификатором, описывающим совокупность признаков, с помощью которых о любом семантическом объекте можно сказать, входит он в данный СИ или нет. В инвентарь должны входить те, и только те, объекты, которые удовлетворяют его идентификатору (ср. статью В. Мендрупа).

На СИ естественно наложить следующие интуитивные общие требования: 1) однородность (в нем должны фиксироваться однородные объекты); 2) полнота (он должен полно охватывать какой-либо класс объектов); 3) равномерность (семантические объекты в нем должны быть описаны равномерно, с одинаковой степенью подробности, расчлененности); 4) различительная сила (все фиксируемые объекты должны быть различимы с помощью применяемого метаязыка). Разумеется, частные виды СИ подчиняются своим системам требований.

Выбор системы требований, предъявляемых к конкретному словарю в соответствии с его целевой направленностью, во многом определяет его состав, строение и форму представления. Важно подходить к созданию словаря с самых общих позиций, чтобы с самого начала выбирать оптимальные решения из принципиально возможных (ср. статью А. Бальвег-Шрамм и Г. Шумахера).

Поэтому необходимо знать, какие вообще требования могут предъявляться к словарю, как они связаны между собой, какова их относительная важность, какие из них зависят от специального исследования в каждом конкретном случае. Иначе говоря, желательно иметь полную систему возможных частных требований, т. е. и с ч и с л е н и е т р е б о в а н и й. Наряду с их теоретической разработкой необходимо экспериментально изучить их влияние на структуру словаря. Исчисление требований может служить основой для классификации словарей, а также для выработки критериев оценки различных словарей с точки зрения степени соответствия тем или иным требованиям.

Тщательная лексикографическая деятельность предпола-

гает детализацию процедур, осуществляемых составителем словаря. В отличие от основных этапов, число процедур велико. Укажем для примера некоторые их классы.

— Процедуры отбора исходных объектов лексикографического описания. Они имеют ту или иную специфику в зависимости от того, берется материал одного языка (диалекта) или группы языков (диалектов), отбираются лишь лексемы или также и фразеологизмы, включается ли терминологическая лексика и т. д. (ср. статью У. Френсиса).

— Процедуры предварительной фиксации анализируемых значений и употреблений. Эти процедуры варьируются по характеру учитываемой информации (понятийной, эмоциональной, денотативной, оценочной и т. д.), по степени формализации первичного метаязыка, по способам обработки энциклопедической информации (ср. статьи Ч. Филлмора, В. Ментрупа, А. Рея и С. Делесаль).

— Процедуры выявления объективных семантических свойств описываемых единиц. Здесь встают такие вопросы, как характер используемых эмпирических данных (словари, полевые эксперименты и т. д.); тип подструктуры, в рамках которой ведется анализ; пути использования дистрибуции и синтагматических связей единиц; использование перифразирования, логических приемов; критерий необходимости и достаточности (ср. статьи Ю. Найды, Э. Бендикса, Дж. Лича, У. Лабова, Дж. МакКоли).

— Процедуры описания системных свойств словаря (примыкающая сюда обширная теория тезаурусов в данном сборнике не затрагивается).

4. ОБОСНОВАНИЕ ДЕФИНИЦИЙ

Итак, обратимся к центральному этапу лексикографической деятельности — обоснованию дефиниций. Как отмечал В. В. Виноградов, «самая методика выделения значений слов и их определения остается малоразработанной»¹³. Как показывает опыт последних десятилетий, такого рода методика должна прежде всего опираться на «оценочное чувство правильности или неправильности того или иного речевого высказывания»¹⁴. Эксперименты с участием информанта при исследовании значений позволяют сделать «несомненные выводы об этих значениях и даже об их отно-

¹³ Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории..., с. 244.

¹⁴ Щербат Л. В. О тpioм аспекте... с. 33.

сительной яркости»¹⁵. По мысли Л. В. Щербы, немаловажными являются и отрицательные результаты экспериментов: «Роль этого отрицательного материала громадна и совершенно еще не оценена в языкознании...»¹⁶.

Четыре статьи настоящего сборника (Ю. Найды, Э. Бендикса, Дж. Лича, У. Лабова) раскрывают конкретные методики экспериментального изучения значений, приводящего в конечном счете к построению дефиниций. Характерно, что в этих экспериментальных работах получает новый импульс к своему развитию ставший уже традиционным в лексикологии метод компонентного анализа. Основные принципы этого метода в его классическом виде сформулированы Ю. Найдой в монографии 1975 года.

К числу базисных понятий компонентного анализа относятся следующие: общие, диагностические и дополнительные компоненты; пресуппозиционные, ядерные и вероятностные. Что касается процедур анализа, то в общем случае в процессе выявления компонентов Найда выделяет 6 этапов: отбор значений, перечисление всех видов референтов, определение диагностических компонентов, характеристика каждого значения через диагностические компоненты, проверка на основе возможности предсказывать языковое поведение говорящих, системное описание диагностических признаков. Трудности компонентного анализа связаны с тем, что далеко не всегда существуют готовые термины метаязыка для описания различий между значениями; часто значения какого-то семантического поля имеют слишком мало общих признаков; границы между значениями обычно весьма неопределенны.

Положительной стороной предлагаемой статьи Найды является эксплицитное разграничение двух типов семантических полей по характеру трудностей, возникающих при их компонентном анализе: это иерархически организованные значения (позволяющие применять «вертикально-горизонтальную процедуру анализа») и пересекающиеся значения. Автором показана взаимосвязь и взаимодополнительность методик, опирающихся на три разные эмпирические базы: тексты, данные экспериментов и словари.

Статья Э. Бендикса посвящена одной из этих «баз», а именно проведению тестов с участием информантов. Автору принадлежит известная монография, соединяющая компо-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

нентный анализ с психолингвистическим подходом и вызвавшая многочисленные отклики и подражания. Статья, включенная в настоящий сборник, посвящена на логическое обоснование разработанных тестов. В ней в одинаковой мере разрабатываются и процедуры, и метаязык исследования. Последний существенно использует понятие функции при построении дефиниций. Любой лексиколог может взять на вооружение многократно проверенные Бендиксом тесты на свободную интерпретацию предлагаемой информанту фразы (например, *Я потерял книгу, но сделал это намеренно*), на проверку соответствия посылки и заключения (ср. *Он только одолжил эту вещь мне, и поэтому она в действительности не моя*), на упорядочение предлагаемых фраз с точки зрения большей или меньшей их осмысленности. Показаны богатые возможности, которые дает использование в тестах предложений с отрицаниями, а также с союзом *but* 'но'. Идея Л. В. Щербы соответствует выводу автора, что семантическая теория должна содержать «правила нарушения правил».

Дальнейшее развитие теории и практики семантических экспериментов нашло отражение в статье Дж. Лича, носящей полемический характер. Основная мысль автора сводится к тому, что тесты — это не средство открытия фактов или компонентных структур, а прежде всего средство проверки гипотез. Углубляя логические основы тестирования, Дж. Лич разграничивает следующие виды тестов: «вопрос — ответ», «тавтология — контрадикция», «импликация — противоречие». На конкретных примерах английского языка мы можем наблюдать процесс подтверждения гипотез, касающихся, в частности, разграничения когнитивных и ассоциативных компонентов значения.

Широту складывающегося направления экспериментальной семантики хорошо иллюстрирует статья У. Лабова «Структура денотативных значений». Автор исследует слова, обозначающие различные виды сосудов, и использует при этом совершенно иные тесты, чем Э. Бендикс при анализе глаголов типа *иметь, получить* или Дж. Лич при анализе терминов родства. Здесь не принимается логический анализ высказываний, а реакция информантов изучается с помощью «картинок» — изображений денотатов. Но и здесь используется компонентный анализ, ибо денотаты подобраны и расположены на основе их признаков, и именно эти признаки служат базой обобщения ответов информантов и построения дефиниций. При всей конкретности мате-

риала и методики статья У. Лабова представляет принципиальный теоретический интерес для лексикографии. «В самом общем плане исследование языка можно определить как исследование категорий, выражаемых в языке»¹⁷. Кардинальный вопрос о границах между категориями и составляет содержание логистических и теоретико-вероятностных моделей, развиваемых в статье. Автором показано применение теории нечетких множеств для моделирования денотативной структуры лексики.

Отметим, что проблема нечеткости, размытости лексического значения стоит еще более остро в области исследования абстрактной лексики. Так, само понятие (например, «красота») уже довольно неопределенно. С ним связан, далее, ряд слов: *красивый, прекрасный, милостивый, очаровательный, прелестный, распрекрасный, пригожий, красота, красивость, краса, красавица, красотка, краля, красавец, красавчик, херувим* и др. Каждое из значений этих слов в свою очередь неопределенно в силу общего тенденционального характера языковой семантики, то есть на неопределенность понятий накладывается еще неопределенность значений.

Таким образом, обоснование дефиниций связано, с одной стороны, с адекватностью компонентного метаязыка, а с другой — с адекватностью процедур полевого исследования семантики, использующих знания носителей языка.

Компонентный метаязык, служащий для толкования значения слов, имеет много модификаций. Прежде всего интерес представляет вопрос о статусе семантических компонентов. Общеизвестно, что в генеративистской концепции признается универсальность компонентов, то есть их надъязыковой, ментальный характер (что как раз и является обоснованием вообще возможности компонентного подхода к универсальной грамматике). Наряду с принципом универсальности иногда провозглашается принцип полного разложения значения слова. Данному подходу противостоит «прагматическая» точка зрения большинства лексикологов и лексикографов; последние понимают компоненты как лингвистические конструкторы, соответствующие критерию удобства при отражении семантики слова.

Рассматривая формальные особенности компонентного метаязыка, нетрудно заметить, что в нем могут использо-

¹⁷ См. наст. сборник, с. 133.

ваться как двоичные признаки, так и признаки континуального характера (с постепенной градацией); часто различаются простые и производные компоненты. У некоторых авторов компоненты отождествляются со словами и выражениями естественного языка, которые встречаются в дефинициях толковых словарей. Однако стремление к эксплицитности описания значения слова заставило исследователей (напр., Э. Бендикса, см. его статью в наст. сб.) обратиться к описанию компонентов с помощью предикатных форм.

Синтаксис компонентного метаязыка характеризуется разной степенью связанности компонентных представлений. Компоненты в компонентном представлении различаются по их синтаксическим функциям; имеются специальные правила объединения комплексов в более крупные семантические представления; при этом, как правило, порядок компонентов в комплексе оказывается значимым. Соотношение числа компонентов и числа описанных с их помощью значений может колебаться в значительных пределах: например, 19 и 15¹⁸, 15 и 57¹⁹ соответственно. В каждом случае это соотношение является производным от целеустановки методики.

Полевая семантика направлена на совершенствование лексикографических работ, а также процессов, связанных с другими аспектами практических задач по описанию плана содержания языка. Особенно актуальны сегодня проблемы лексикографии малоописанных языков, требующих для своего решения эффективных методов полевого семантического исследования (см. сноску 7).

Наш опыт подтверждает следующие рабочие принципы полевой семантики: 1) четкое предварительное определение семантической области, которая подлежит структурному описанию; 2) курс на исчерпывающее, сплошное описание множества семантических объектов в избранной области (отсюда, в частности, следует, что поставленная задача может решаться только в процессе работы с информантами; анализ текстов какой бы то ни было длины здесь не поможет); 3) предварительная разработка семантического метатипа — искусственного построения, опирающегося на описания языков и предусматривающего имею-

¹⁸ Goodenough W. H. Componential analysis and the study of meaning. — «Language», 1956, v. 32, № 1, p. 195—216.

¹⁹ Михедова Л. Г. Опыт компонентного анализа лексики. — «Вестник Московского университета», Сер. «Филология», 1969, № 1.

щиеся в них возможности (это позволяет сократить полевой поиск того, что часто встречается в языках мира, а также успешнее направлять поиск по оптимальному пути); 4) предварительная подготовка необходимых инструментов проведения семантического теста (словников, диагностических контекстов, ситуаций, вопросников, потенциальных значений и т. д.); 5) такая систематизация семантических инвентарей, при которой описание обладало бы объяснительной силой (почему одни значения или сочетания возможны, а другие — нет; подобные объяснения наверняка будут опираться на парадигматические признаки слов, поэтому и предварительные, и полевые материалы упорядочиваются по тезаурусному принципу); 6) сокращение полевой процедуры с помощью обоснованного предсказывания семантических фактов; 7) жесткая процедура работы с информантом, фиксирующая его реакцию на стандартные вопросы; 8) запись хода полевых экспериментов в стандартные протоколы; 9) коллективный характер полевой работы, единообразно осуществляемый всеми исследователями; 10) универсальность методики для всех языков. Указанные принципы отражаются в наборе заранее разрабатываемых универсальных методик (инструкций) с развернутыми приложениями, содержащими вспомогательные материалы по отдельным языкам. Подготовка к полевой работе обеспечивается должным образом с технической стороны (составляются необходимые картотеки, схемы) и занимает значительно больше времени, чем сама работа с информантом.

5. ДИАПАЗОН СЛОВАРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

При всей важности дефиниции как ядра словарной информации необходимо признать, что другие виды сведений, выходящие за рамки собственно дефиниции, составляют неотъемлемую часть многих типов словарей. Разнообразие такого рода сведений столь велико, что невозможно перечислить их здесь даже в конспективном виде. Говоря совсем обобщенно, мы можем свести эти сведения к системно-языковым, понятийно-логическим и сопоставительно-типологическим связям слова. Последствия игнорирования таких связей образно обрисованы Х. Касаресом: «Как только мы вырвем слово, изолируем его из предложения, в котором оно было употреблено, и положим на анатомический стол, мы убедимся, что слово утратило жизненную силу,

превратившись в объект анатомического исследования, столь же инертный, как отделенный от тела орган»²⁰.

В настоящем сборнике проблема обоснования различных видов словарной информации представлена по необходимости весьма и весьма фрагментарно. Ряд связей, в которые вплетены лексические единицы, отражен в уже упоминавшихся статьях. Работа Дж. МакКоли «Логика и словарь» демонстрирует некоторые логические инструменты, призванные моделировать функции слова в логических суждениях и, шире, в актах коммуникации. Автор выделяет некоторые виды лексем, при описании которых оказываются существенными понятия референции, имплицатуры дискурса, пресуппозиции, многозначной логики.

Актуальным вопросам создания словарей валентностей посвящена статья А. Бальвег-Шрамм и Г. Шумахера. Авторы критически переосмыслили опыт своих предшественников (Г. Хельбига, В. Шенкеля, К. Зоммерфельда, Г. Шрайбера). Они отказываются от использования селекционных ограничений в смысле Хомского и строят свой словарь на основе трех уровней: микроструктуры, медиоструктуры и макроструктуры. Удачным рабочим методом представляется выделение медиоструктурной «шапки», содержащей все ситуационные и другие сведения, общие для членов семантического поля. На уровне микроструктуры разработана словарная статья, содержащая 13 зон. Среди них важнейшие — структурный образец предложения и семантико-синтаксическое заполнение валентностей.

Один из практических опытов словарного отражения деривационных связей слова описан в статье Д. Уорта, представляющей собой введение к известному «Русскому словообразовательному словарю», составленному с помощью ЭВМ. Такой словарь — необходимая база для дальнейшей работы над семантикой производного слова²¹.

6. ОБОСНОВАНИЕ СЛОВНИКА

Проблема формирования словника волновала ученых на всем протяжении истории лексикографии. Эта проблема теснейшим образом связана с понятием нормы, с грани-

²⁰ К а с а р е с Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958, с. 64.

²¹ См. К у б р я к о в а Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.

цами литературного языка, с описанием диалектов и профессиональных языков. Глубокий и сложный научный вопрос, лежащий в основе дискуссии на эту тему, сводится к следующему: какая языковая система отражается в каждом данном словаре? Ответ на этот вопрос должен вытекать из объективного обследования условий существования языка. А реальность такова, что «язык дробится на очень маленькие ячейки вплоть до семьи»²². Диалектика языкового существования (и ее отражение в словаре) получает научное освещение, во-первых, на основе исследования социально-стилевых типов речи и, во-вторых, на базе широких эмпирических обобщений, производимых с применением современной вычислительной техники. Первому направлению посвящена статья А. Рея и С. Делесаль. Характерно, что, назвав свою работу «Проблемы и антиномии лексикографии», авторы сводят ее содержание преимущественно к вопросам словника. Словарь литературного языка, по их мысли, является вторичной семиотической системой и должен последовательно отражать семиотику культуры. Сюда же примыкает и статья В. Ментрупа, который делится опытом разработки так называемого «междисциплинарного» словаря. Основная идея этого словаря заключается в том, чтобы описать терминологическую лексику на том уровне понимания, который соответствует системе знаний рядового носителя языка.

Самый предварительный этап лексикографической работы — создание надежного корпуса текстов, соответствующего конкретной практической задаче, и его машинное представление — составляет предмет статьи У. Фрэнсиса, одного из авторов построенного 15 лет назад машинного словаря американского варианта английского языка. Практические рекомендации автора учитывают также аналогичные работы самых последних лет.

Дальнейшие перспективы лексикографии включают теоретическое уточнение ее понятий, совершенствование методик, расширение экспериментальных исследований.

Сентябрь 1982 года

Б. Ю. Городецкий

²² Щ е р б а Л. В. О т р о я к о м а с п е к т е . . . , с. 28.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЛОВАРЕ

1. В настоящей работе я хочу рассмотреть различные способы, которыми может быть структурирована семантическая информация в словаре естественного языка. Я начну с того, что сформулирую следующие вопросы для обсуждения.

- (1) Как следует организовывать и представлять лексическую информацию при формальном описании языка? Какими формальными свойствами должна обладать словарная статья в целом и какое место в ней занимает семантическая информация?
- (2) Если рассматривать словарь как закрытое множество лексических единиц, то в какой степени эти единицы связаны друг с другом? Иначе говоря, что изменится при исключении из списка одной единицы или введении в него новой единицы? Выделяются ли внутри словаря области, реагирующие на такие изменения, и области, к ним безразличные?
- (3) В какие отношения вступают лексические единицы между собой? В частности, в какой степени описание одной лексической единицы может опираться на описание других лексических единиц? В каких случаях такие перекрестные ссылки действительно необходимы, а в каких они определяются просто соображениями удобства?
- (4) Какие виды стратификации следует признать в словарном составе языка? Должно ли выделение разных слоев опираться на различие контекстов, стилей, сфер общения (registers) или тематических областей? Как отличаются друг от друга разные языки в плане диапазона, характера и функции подобной стратификации?

Charles J. Fillmore. On the organization of semantic information in the lexicon.— In: «Papers from the parasession on the lexicon», Chicago Linguistic Society, Chicago, 1978, p. 148—173.

- (5) Как можно убедиться в том, что определенный способ организации информации, наблюдаемый нами в том или ином описании словарного состава, отражает реальности самого языка, а не является следствием какой-то конкретной методологической установки?
- (6) Какие типы понятий или смысловых структур лексикализуются в языке, то есть обретают жизнь в виде самостоятельных лексических единиц? Существуют ли универсальные ограничения на модели лексикализации? Имеются ли специфические модели лексикализации, характерные для разных языков и позволяющие систематически классифицировать языки? Какого рода описание было бы здесь наиболее предпочтительным?
- (7) Как распределяются семантические свойства между различными классами слов? Как меняется такое распределение от языка к языку?
- (8) Каковы вообще различия между языками с точки зрения структуры их словарного состава?

В данной работе я прежде всего рассмотрю вопрос о том, из чего складывается лексико-семантическая информация; далее будет сказано о связи между теоретическими (или методологическими) установками исследователей и типами структур (или структурных репрезентаций), которые они предполагают; затем я опишу некоторые расхождения в способах организации семантической информации в разных языках. Далее я рассмотрю следующие вопросы: стратификация словарного состава языка, степень отражения семантики слова в его форме, различия в способах приписывания семантической информации морфологическим единицам и структурные свойства разных типов лексических полей. Будет обсуждена гипотеза о том, что различные области словарного состава языка требуют для своего описания различных семантических средств. В заключение я кратко охарактеризую некоторые свойства специального (юридического) языка, что может оказаться полезным и для иллюстрации ряда принципов, сформулированных в предшествующем изложении, и для создания у читателя представления о предлагаемом подходе к описанию семантических структур языка в целом.

2. Если мы беремся за исследование лексико-семантических структур, то мы тем самым предполагаем возможность принципиального определения понятий «лексическое» и «семантическое». Однако на самом деле это достаточно тонкие вопросы. Существуют разногласия относительно

того, в какой мере в построении возможных интерпретаций предложения участвуют значения отдельных слов, грамматических категорий, правила осмысления словосочетаний (например, при интерпретации авторских метафор), принципы взаимодействия участников диалога и, конечно же, знания о действительности. Решение таких проблем пока продвигается очень и очень медленно.

Что касается вопроса об установлении круга «лексических» явлений, то здесь возникает первая и главная проблема, связанная с выбором уровня единиц надлежащего размера, которые должны описываться в словаре. Как мне представляется, недостаточно лишь дать то или иное определение слова. Подразделяя знания, закрепленные в языке, на лексические и грамматические, мы должны опираться на разграничение индивидуального и общего, в результате нам придется отнести к «лексическим» единицы как большие, так и меньшие, чем обычные, слова.

Вторая трудность связана с тем, что при описании любого естественного языка целый ряд речевых отрезков следует рассматривать одновременно и как лексические единицы, и как цепочки, состоящие из двух и более слов и обладающие собственной грамматической структурой. Речь идет не только о пресловутых «идиомах», которые, быть может, составляют лишь незначительную часть всего словаря устойчивых сочетаний («phrasicon»), но и об огромном запасе несвободных словосочетаний, клише, речевых формул — короче говоря, обо всех привычных способах выражения, которые носитель языка усваивает независимо от процесса усвоения грамматических правил данного языка.

Третья проблема связана с разграничением лексического и грамматического. Существуют семантические явления, к которым применимо как лексическое, так и синтаксическое объяснение. Подобные расхождения в трактовке объясняются, по-видимому, различными точками зрения на допустимость тех или иных уровней синтаксического представления предложения. Вот один пример такого рода.

Примерно год назад в «Сан-Франциско кроникл» появилась заметка о пациентах психиатрической больницы, которые принимали роды у пациентки той же больницы. (Врачи не поверили пациентке, утверждавшей, что она беременна.) Заметка была озаглавлена «Mental midwives», букв. «Психические акушерки». Хотя журналисты часто используют весьма специфические коды, порой не

имеющие ничего общего с естественным языком, все же представляется полезным определить, какую языковую операцию произвел автор заметки. Здесь возможны два объяснения. Автор либо использовал слово *mental* 'умственный; мысленный; психический; душевный' в одном из его существующих значений, и тогда заголовок «*Mental midwives*» является газетным сокращением более сложной синтаксической конструкции, либо создал новое значение слова *mental*, которое можно перифразировать как *being a mental patient*, букв. 'являющийся психически больным' или что-то в этом роде. Предположим, мы приняли то или иное решение по этому вопросу, но как тогда понимать слово *mental* в словосочетании *mental patient*? Должны ли мы считать, что одним из значений слова *mental* является значение 'страдающий психической болезнью' (на основе того, что такое употребление слова *mental* широко распространено), или мы должны в этом случае рассматривать данное словосочетание как синтаксическое сокращение какой-то другой конструкции? Точно такой же вопрос встает при рассмотрении весьма широкого класса словосочетаний английского языка. В школах бывают так называемые *retarded programs*, букв. 'отсталые программы' (т. е. программы для умственно отсталых детей); в городах встречаются *topless districts*, букв. 'безверхие районы' (т. е. районы, где женщины носят декольтированные платья), и т. п. Специалисты в области семантики должны уметь объяснять функцию и значение прилагательных в подобных выражениях (см. *Leech* 1974, 223).

Четвертая трудность лексико-семантического анализа связана с тем, что порой чисто дескриптивистский подход заводит нас в тупик. Часто нам приходится отступить от первоначального намерения построить семантическое описание, непосредственно соответствующее анализируемому высказыванию. Как мне представляется, во многих случаях мы должны учитывать возможность ошибки, неадекватности, неполноты выражения, не поддающихся исправлению или дополнению средствами одного лишь семантического описания. Перелистывая однажды «Британскую энциклопедию», я наткнулся (в статье «Сравнительная юриспруденция») на такое употребление слова *conception* 'зачатие': *Many of the simpler peoples see no causal connection between conception and childbirth* 'Многие из менее развитых народов не видят причинной связи между зачатием и рождением ребенка'.

Представляется бессмысленным считать, что некоторая народность знакома с понятием 'зачатие' и в то же время не подозревает, что это событие есть один из этапов единого сложного процесса, приводящего к появлению нового живого существа. Должно быть, автор употребил слово *conception* как эвфемизм для обозначения полового акта. Другими словами, как мне представляется, слову *conception* в приведенном контексте было бы неправильно приписывать его собственный смысл даже с позиции автора статьи. К сожалению, решение отбрасывать некоторые словоупотребления как ошибочные сопряжено с определенным риском, поскольку при этом не учитывается возможность изменения значений слов¹.

3. В любой области лингвистики важным является вопрос о разграничении структур, обнаруживаемых в языке и навязываемых языку. Нас подстерегают две опасности: первая связана с тем, что избранные нами модель или метод могут помешать обнаружению структур, естественно присущих языку; а вторая — с постулированием структур там, где их на самом деле нет.

Ключевым понятием в теории лексической семантики, предложенной Бендиксом (B e n d i x 1966), является принцип «минимального толкования» (*minimal definition*). В соответствии с этим принципом семантическое описание каждой лексической единицы должно включать те, и только те, признаки, которые отличают ее от всех остальных лексических единиц данного языка. Результатом применения этого принципа должна явиться минимальная, полностью структурированная сеть, которая более всего отвечает идеалу лингвистов, работающих в русле традиции структурализма. Введение в словарь нового слова, как и исключение какого-либо слова из словаря, влечет за собой, вообще говоря, существенные изменения в семантическом описании многих других слов. Безоговорочное следование этому принципу означает невозможность его выборочного применения к описанию лишь тех классов слов, для которых он действительно полезен.

Основной недостаток этого подхода состоит в следующем: слово может иметь смысл, требующий исключительно богатого и детального описания, однако подобное описание нельзя включить в словарь, так как оно будет избыточным с точки зрения принципа минимального толкования.

Некоторые ученые хотят одновременно и использовать принцип минимального толкования, и теоретически обо

снова введение в словарь всей релевантной семантической информации. Брвиш и Кифер (Bierwisch — Kiefer 1969) различают центральное значение слова и так называемую «периферию», относя к последней те части значения, которые не связаны со «структурой» как таковой. Как мне представляется, подобное разграничение можно считать естественным только в том случае, если признать принцип минимизации избыточности адекватным для семантики.

С принципом минимального толкования соотносимо и предложение искать для каждого слова единое ядерное («общее») значение, покрывающее все его смыслы (significations). Это предложение, которое можно назвать принципом минимизации полисемии, связано с именами таких лингвистов, как Роман Jakobson и Уильям Дайвер, хотя в их работах указанный принцип применяется в основном к описанию значений грамматических морфем, таких, как значения падежей или грамматических времен. У меня нет сведений относительно того, как использовать этот принцип в практическом лексическом описании, если не считать пояснений предложения Jakobsona по упрощению описания многозначного слова *bachelor*, ставшего широко известным в лингвистических кругах после публикации работы Katz — Fodor 1963. Как пишут эти авторы, слово *bachelor* может обозначать либо холостяка, либо молодого морского котика-самца, не имеющего пары в брачный сезон, либо рыцаря, служащего в войске другого рыцаря. Единое толкование, покрывающее, по мнению Jakobsona, все эти значения слова *bachelor*, имеет следующий вид: «не осуществивший типичную мужскую функцию».

Если я правильно понимаю описанное выше предложение, то для его сторонников важно дать единое толкование слову *short* «короткий; низкий» таким образом, чтобы это толкование покрыло противопоставления этого слова как слову *long* «длинный», так и слову *tall* «высокий», и единое толкование для слова *wide* «широкий, обширный», чтобы оно покрывало его отношения со словами *long* «длинный» и *deep* «глубокий».

По моему мнению, при таком подходе затемняются многие реальные структурные отношения между лексемами; это касается, в частности, структурных противопоставлений в антонимических парах, если в них по чистой случайности некоторые члены совпадают по форме².

Другая методологическая установка, которая может

завести в тупик, состоит в требовании нахождения (или, точнее, в убеждении, что подобные поиски в принципе могут увенчаться успехом) ограниченного замкнутого языка перифраз для семантического описания. Как мне кажется, опыт построения таких перифраз полезен для лингвиста, поскольку помогает ему выявить такие семантические свойства лексических единиц, которые при ином подходе он мог бы и не заметить; однако, на мой взгляд, весьма сомнительно, что в результате операций перифразирования действительно будет получено точное отражение семантической структуры лексических единиц. В рамках рассматриваемого подхода можно показать, что слова отличаются друг от друга по степени сложности их описаний в соответствующем языке перифраз; однако, как мне кажется, эти описания далеко не всегда отражают действительное соотношение лексем по степени их семантической сложности.

Как я указывал в одной из своих работ (Fillmore 1975b, 141), такие понятия, как относительная сложность семантически связанных лексем, могут быть представлены совершенно по-разному в зависимости от выбора семантических «примитивов». Так, для семантического описания терминов родства можно выбрать такие основные примитивы, как 'родитель', 'мужской пол', 'женский пол', и тогда слова *father* 'отец' и *mother* 'мать' будут семантически сложными терминами (причем одинаковой степени сложности), а слова *male* 'самец', *female* 'самка' и *parent* 'родитель' окажутся семантически простыми. Если же выбрать в качестве примитивов феноменологически более простые понятия, такие, как 'зачатие', 'роды', 'организм, приспособленный для выполнения какой-то из этих функций', то по своей семантической структуре слово *mother* окажется самым простым, слова *male*, *female* и *father* — более сложными, а слово *parent* — самым сложным из всех, поскольку его описание будет состоять из дизъюнкции описаний для *mother* и *father*.

Эту мысль можно проиллюстрировать на материале другого семантического поля. Так, лингвист, не являющийся специалистом по юриспруденции, скорее всего будет трактовать глагол *own* 'владеть' как простой предикат (хотя, возможно, и не входящий в число «примитивов»), существительное *owner* 'владелец' считать более сложным, а абстрактное существительное *ownership* 'владение' — самым сложным из трех. В то же время лексиколог, специализирующийся на описании юридического подязыка, при построе-

нии семантической сети толкований скорее всего будет рассматривать в качестве первичного элемента понятие «право» и определит слово *ownership* как 'право (лица) располагать и пользоваться (некоторой собственностью)', а слова *owner* и *own* определит как семантически производные от слова *ownership*: 'лицо, обладающее таким правом' и 'иметь такое право'.

Итак, структурирование словаря по сравнительной семантической сложности лексем существенно варьируется в зависимости от того, какую из многих возможных альтернатив выбирает исследователь при определении базы своих толкований.

Еще один методологический принцип, безоговорочное следование которому часто оказывается бесперспективным,— это принцип, лежащий в основе теорий, которые я назвал «списочными» (*checklist*) семантическими теориями (см. *F i l l m o r e* 1975a). Я противопоставляю списочные теории таким семантическим теориям, которые допускают построение описательного прототипа или парадигмы для некоторой категории, а также учитывают возможность отклонения реальных словоупотреблений от заданного прототипа. Списочной назовем теорию, стремящуюся выявить список критериев, задающих необходимые и достаточные условия, которым должно отвечать употребление единицы для того, чтобы можно было счесть его за проявление определенной категории. Прототипной назовем теорию, которая задает для категории ее прототипический каркас, но в то же время допускает вариативность и возможность неполного удовлетворения этих условий, заданных в прототипе критериев.

В качестве иллюстрации я повторю уже рассмотренный мною в другой работе пример (правда, не идеальный) с английским словом *climb* 'взбираться, лезть, влезать', которое включает два смысловых компонента: 'карабкаться', то есть определенным образом использовать для движения свои конечности, и 'подниматься'. Когда речь идет об обезьяне, влезющей на флагшток (*climbing up a flagpole*), удовлетворяются оба эти условия. Когда мы говорим об обезьяне, слезающей с флагштока (*climbing down a flagpole*), присутствует только компонент 'карабкаться', но тем не менее совершаемое действие вполне может быть описано глаголом *climb*. Ситуация, когда 'улитка ползет вверх по флагштоку', удовлетворяет признаку 'подниматься' и поэтому может тоже описываться глаголом

climb. Но никогда нельзя сказать *The snail is climbing down the flagpole*, поскольку тогда нарушаются оба условия, заданных для climb: действие улитки, спускающейся вниз по флагштоку, нельзя характеризовать ни как 'карабканье', ни как 'движение вверх'. Прототип для рассматриваемого глагола включает два критерия, но один из них может и не удовлетворяться.

Пол Кей и Линда Коулман (*Kay — Coleman in press*) исследовали суждения носителей языка по поводу категории lie 'лгать'. Критерии прототипа для lie включают ложность произнесенного высказывания, знание говорящего о том, что его высказывание ложно, и желание говорящего обмануть слушающего. Сконструировав ситуации, в которых каждое из трех названных условий присутствовало или отсутствовало независимо от двух остальных, и собрав суждения испытуемых относительно того, какие из восьми полученных ситуаций можно охарактеризовать с помощью слова lie, Кей и Коулман выяснили, что большинство испытуемых уверенно соотносит с 'ложью' ситуации, в которых не выполнено одно из трех названных условий, а многие, кроме этого, и ситуации, в которых не выполнены любые два из этих условий. (Естественно, во всех этих ситуациях присутствовал еще один необходимый критерий, а именно: ситуации предполагали наличие речевого общения двух людей.)

Таким образом, различие двух рассматриваемых типов семантических теорий состоит в следующем. Прототипная семантика позволяет говорить о центральном или ядерном смысле лексемы и, кроме того, если это окажется необходимым, о различных неравноценных отдельных критериях, которые используются при определении прототипа. В то же время списочная семантика оказывается неспособной решить проблему нечеткости границ и степени принадлежности элемента к категории.

И наконец, мне хотелось бы указать еще на две опасности методологического характера. Первая из них состоит в ограничении семантических представлений одними лишь метаязыковыми терминами, то есть терминами некоторой системы теоретико-семантического описания. Вторая, связанная с противоположным подходом, заключается в решении вводить в словарь максимальное количество перекрестных ссылок, то есть с целью обнаружения семантических отношений между словами широко использовать в

толкованиях одних лексем другие лексемы естественного языка, уже истолкованные в данном словаре.

Если выбрать принцип максимального использования перекрестных ссылок, то составленный на такой основе словарь будет в явном виде выражать некоторые типы понятийных цепочечных отношений между лексемами. Сначала вы читаете толкование исходной лексемы, потом толкования тех лексем, которые встретились в толковании исходной лексемы, и так далее, пока круг таких лексем не оказывается исчерпанным. Например, пусть у нас имеется некоторое толкование английского глагола *see* 'видеть'. Тогда *look* 'смотреть' можно истолковать с использованием *see*: «act so as to SEE» 'действовать так, чтобы ВИДЕТЬ', *stare* 'установиться, глазеть' — с использованием *look*: «LOOK sustainedly» 'СМОТРЕТЬ пристально' (или другим подобным образом), а *gawk* 'глазеть, разинув рот' — с использованием *stare*: «STARE while failing to hold one's mouth shut» 'ГЛАЗЕТЬ, будучи не в состоянии держать рот закрытым'. Итак, лексема *stare* используется в толковании *gawk*, лексема *look* — в толковании *stare*, а лексема *see* — в толковании *look*.

Словарь, в котором толкования написаны исключительно на абстрактном метаязыке, конечно, тоже может выражать отношения такого рода, хотя и не столь явно. Отметим, что ряд фактов позволяет считать использование перекрестных ссылок теоретически более удачным решением, чем противоположный ему подход. Роберт Бинник (В и п н и с к 1971) привел убедительные аргументы в пользу того, что глагол *bring* 'приносить' следует толковать с помощью глагола *come* 'приходить, прибывать, наступать': «cause to COME» 'каузировать ПРИХОДИТЬ (ПРИБЫВАТЬ, НАСТУПАТЬ)', причем в этом толковании *COME* рассматривается не как семантический примитив, а как реальное английское слово. Вкратце рассуждения Бинника сводятся к тому, что при любом другом описании многочисленные пересечения по смыслу глаголов *come* и *bring* в разных значениях не поддаются объяснению. Если же в толковании слова *bring* мы используем слово (а не примитив) *come*, то, описав один раз полную сочетаемость для *come*, мы уже не обязаны дублировать всю эту информацию применительно к *bring*.

Аналогичным образом Поль Кей и я в нашем курсе лексической семантики предложили использовать полисемию слова *day* 'день' при описании подобной ей полисе-

мии слова morning 'утро', определив morning просто как «the part of a DAY before noon» ('часть дня до полудня'). Оба слова могут означать временной интервал, начинающийся либо после полуночи, либо на заре.

По моим наблюдениям, глаголы determine 'определять' и price 'оценивать' имеют сходную структуру полисемии. Determine может означать либо 'решать, назначать', либо 'узнавать, выяснять'. Неоднозначное предложение Have you determined when the concert will start? может означать либо Have you made up your mind about when the concert will start? 'Решили ли вы, когда начинать концерт?', либо Have you found out when the concert is going to start? 'Выяснили ли вы, когда начинается концерт?'

Аналогичным образом предложение I spent the morning pricing boots можно понимать двояко: I spent the morning deciding how much to charge for boots 'Я провел утро решая, сколько следует запросить за ботинки' или I spent the morning learning how much boots cost 'Я провел утро выясняя, сколько стоят ботинки'. Подобная аналогия полисемических структур может быть отражена в словаре, если определить price как «to DETERMINE the price of» ('определить цену чего-либо') и тем самым выразить полисемию глагола price через полисемию глагола determine³.

Очевидным недостатком стратегии максимизации перекрестных ссылок является то, что она часто вынуждает нас принимать произвольные решения. В языке существует много групп пересекающихся по смыслу слов таких, что любое слово можно с равным основанием включать в толкование каждого из остальных слов группы. Примерами могут служить такие группы, как up/down 'вверх/вниз', right/left 'правый/левый', start/stop/continue 'начинать/кончать/продолжать', permit/require/forbid 'позволять/требовать/запрещать'. В подобных случаях мы стоим, очевидно, перед необходимостью принятия произвольного решения; например, должны ли мы говорить, что hollow 'впадный, вдавленный' означает «having a hole» ('имеющий впадину'), или мы должны определять hole 'впадина, ямка' как «hollow place» ('вдавленное место; место вогнутости')⁴.

Как мне представляется, было бы неверным строить толкования на основе лишь одного из двух рассмотренных выше подходов; более предпочтительным кажется их совместное использование.

4. Ученому, интересующемуся лексической семантикой, естественно задаться вопросом о том, каковы харак-

терные типовые различия лексико-семантических структур в разных языках. Существенный вклад в разработку программы такого рода исследований внесли Стивен Ульманн (Ullmann 1952, Ullmann 1958), Эрнст Лейзи (Leisi 1952) и многие другие. Можно утверждать, что с точки зрения семантики слов языки отличаются друг от друга в следующих отношениях.

(1) СТЕПЕНЬ АНАЛИТИЧНОСТИ

Этот параметр Ульманн (Ullmann 1958, 680) определяет как процент мотивированных и немотивированных слов в языке. В одном языке могут преобладать морфологически неразложимые слова с весьма специфическими значениями, в другом может наблюдаться сложная, семантически мотивированная система словообразования; в третьем для выражения сложных понятий могут использоваться преимущественно синтаксические средства. Языки разительно отличаются друг от друга с точки зрения относительного веса в их структуре того или иного из этих механизмов.

Одно из важных подразделений в этом отношении основано на том, в какой степени данный язык заимствует из других языков специальную терминологию. Для людей, не знающих языка, из которого они взяты, соответствующие заимствования оказываются неразложимыми, независимо от того, каков был их статус в исходном языке. Так, в английском языке из двух синонимов со смыслом 'болеутоляющее' — *pain reliever* и *analgesic* — первое является мотивированным, а второе — немотивированным.

В отличие от английского языка, который заимствовал не только слова, но даже словообразовательные модели других языков, в некоторых языках, таких, как современный иврит, исландский и в значительной мере немецкий, словообразовательные процессы ограничены рамками только данного языка, в результате чего в этих языках больше процент мотивированных слов, то есть слов с явно выраженной семантической структурой.

(2) ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ ГЛУБИНА

Этот параметр соответствует тому, что Ульманн связывает с долей видовых и родовых общих терминов. Насколько мне известно, в последнее время этот параметр изучал-

ся наиболее детально Brentom Берлином и его коллегами в связи с исследованием этнобиологических классификаций (Berlin — Breedlove — Raven 1973). Народы, достигшие более высокого уровня в преобразовании природы, обычно развивают в своем языке большую таксономическую глубину терминологии, связанной с животным и растительным миром, — как в сторону большего абстрагирования и обобщения, так и в сторону большей детализации и спецификации. Подобным же образом народы с развитыми правовыми отношениями имеют в своем языке разветвленную систему юридических терминов.

(3) МОДЕЛИ РАСШИРЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ

Под этим параметром я понимаю регулярные типы полисемических отношений в тех или иных лексических полях. Языки могут различаться по используемым в них типам метафорического переноса, например по использованию названий частей тела для обозначения общих пространственных понятий, по распространенности переноса наименований эмоций на причины, вызывающие эти эмоции, и т. п. Некоторые случаи переноса значений опираются на собственно семантические свойства лексики и могут рассматриваться как развитие в языке новых правил семантической избыточности; примером может служить метафорическое использование цветообозначений, описанное Сандрой Дерриг (Derriг 1978). Другие случаи объясняются внеязыковыми ассоциациями. Пример такого типа — использование во французском языке Квебека в качестве наиболее сильных в эмоциональном отношении ругательств слов из лексикона христианской церкви; исследованию этого явления посвящена недавняя работа Джиллиана Санкоффа и Джоанны Тиболт (Sankoff — Thibault 1978). Кроме достаточно распространенного использования в этой функции слов, соответствующих английским Christ 'Христос' и damn 'проклятый', в качестве ругательств там применяются также слова chalice 'чаша, потир', host 'гостия, тело христово' и tabernacle 'скиния; дарохранительница; рака'.

(4) ОБЛАСТИ СИНОНИМИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Под этим параметром я имею в виду развитие синонимических средств выражения в тех или иных семантических полях, когда выбор синонима зависит от социальных

и прагматических функций. В качестве очевидного примера можно привести существование в английском языке ряда альтернативных наименований для обозначения табуируемых частей тела, продуктов выделения и некоторых видов телесной деятельности; выбор того или иного выражения зависит от нейтрального медицинского, вульгарного, игривого и т. п. употребления. Другие языки могут развивать синонимическое варьирование не в этих, а в других областях своего словарного состава.

(5) СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ГРАММАТИКОЙ И СЛОВАРЕМ

Некоторые языки регулярно отличаются друг от друга в отношении того, каким образом семантическая информация распределяется между лексической или грамматической системами. Так, в английском языке видовые различия иногда передаются противопоставлением пар глагольных лексем, тогда как в других языках подобные различия принадлежат грамматике. В языке уто-ацтеков для обозначения единственного и множественного числа подлежащего часто используются разные глаголы, в то время как другие языки либо просто игнорируют подобное различие, либо выражают его с помощью флексий единственного и множественного числа.

(6) ОБЛАСТИ НОМЕНКЛАТУРНОГО ДРОБЛЕНИЯ

Под этим параметром я имею в виду те области словарного состава, в которых одни языки проводят больше лексических разграничений, чем другие. Хорошо известными примерами здесь могут служить наименования снега у эскимосов, обозначения понятий, связанных с верблюдами, у бедуинов и названия различных душевных состояний человека в языках Южной Азии и в некоторых диалектах английского языка в Северной Калифорнии.

(7) ХАРАКТЕРНЫЕ МОДЕЛИ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ

Ульманн называет этот параметр «характерными тенденциями». Я имею в виду модели, с помощью которых разные языки лексикализируют различные виды движения либо

через способ движения, либо через путь движения, либо через движение конкретного тела и т. п. Весомый вклад в исследование этого вопроса внес Леонард Талми (см., в частности, работу T a l m у 1972).

(8) ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

Языки различаются — не только грамматически, но и лексически — типами своих обязательных категорий. Мы замечаем этот факт особенно тогда, когда язык загоняет нас в тупик, то есть в тех случаях, когда выбор любой лексемы влечет за собой тот или иной обязательный смысловой компонент, выражать который мы, быть может, совсем и не собирались. Классическим примером такого рода являются некоторые явления, связанные с семантикой речевой ситуации и встречающиеся в различных местах Восточной Азии.

Более знакомы носителям английского языка трудности, встающие при желании назвать лицо, не называя его пол. Поскольку система местоимений английского языка является закрытым классом слов, в котором выражение единичности применительно к людям неотделимо от выражения пола, то оказывается невозможным найти бесспорный способ для обозначения местоимением человеческого существа без указаний на его пол. They 'они' вызовет возражение у грамматистов, he 'он' — у феминисток, he or she 'он или она' — у стилистов, she явно не подходит, не говоря уже об it 'оно'. Эту трудность можно обойти, если начать говорить по-китайски, однако и это у кого-нибудь вызовет возражения.

(9) ДИСТРИБУТИВНАЯ СВЯЗАННОСТЬ

И наконец, языки могут различаться по степени дистрибутивной связанности части их словарного состава. В английском языке сравнительно много слов, употребление которых ограничено крайне узким кругом контекстов, например blithering 'болтающий глупости, законченный' [blithering idiot 'полный идиот'], excruciating 'мучительный', kith 'знакомые' [kith and kin 'вся родня']. В других языках подобных слов может быть значительно меньше. Конечно, выбрать разумные критерии для оценки масштабов такой сочетаемостной связанности трудно.

5. По-видимому, в каждом языке можно выделить так называемый общий, или первичный, словарь — грубо говоря, те слова, которые соответствуют «базисному английскому» и, по всей вероятности, имеют однословные переводные эквиваленты во всех языках; см., например, описание языковой ситуации в австралийском штате Квинсленд, где «базисной» является та часть словарного состава, которая непосредственно переводима на язык дьянгул, или «тещин язык» (D i x o n 1971).

Наряду с общим словарем существует (для многих языков) значительная часть лексики, относящаяся к другим специальным слоям. Такая стратификация наблюдается, в частности, в языках, которые, как говорилось выше, заимствуют слова или словообразовательные модели с целью расширения словаря техники, религии, эстетики и т. п.

Для этих языков весьма характерно наличие значительного числа «трудных» слов, то есть слов, известных лишь немногим. Хотя я и не уверен в этом, но мне представляется, что во многих языковых сообществах сочли бы неразумным увеличивать словарь за счет подобных слов, которые в нашем словаре зачастую остаются мертвым грузом, будучи не связаны ни с нашей деятельностью, ни с культурой.

Из одного руководства по обогащению словарного запаса я недавно узнал, что я «мизокапнист» (misocapnist). Встретив это слово, мне чуть-чуть пришлось напрячь свою память, и я вспомнил, что мизокапнист — это «лицо, которое не переносит запаха табачного дыма». Однако, органично освоив теперь это слово, я совершенно не понимаю, как мне его использовать, разве что попробовать украсить себя значком с надписью «власть мизокапниста» или прилепить такую этикетку к бамперу моей машины. Мои рассуждения, естественно, сводятся к следующему: языки могут различаться с точки зрения того, имеются ли в них лексические единицы, которые практически никогда не нужны и которые запоминаются лишь путем заучивания.

Более осязаемой функциональной нагрузкой обладают такие слои слов, которые известны не всем носителям языка и которые связаны с определенной трудовой деятельностью, ремеслами или культурами. Нередко в разных культурах встречаются слова, известные только части людей — будь то мужчины, женщины, колдуны, плотники и т. д.

От рассмотренного класса случаев отличаются ситуации, когда слова, известные всем носителям языка, тем

не менее употребляются лишь немногими или лишь в определенных ситуациях. Тони Вудбери (Woodbury) в своей пока не опубликованной работе исследовал тот весьма специфический словарь, который используют полицейские в своих отчетах. (Пример: Shortly prior to the time of the explosion three male white individuals were observed to abandon their vehicle in this vicinity and to proceed northward hastily on foot. 'Незадолго до времени взрыва были замечены три белых индивидуума мужского пола, которые покинули свое транспортное средство в данном районе и поспешно проследовали пешком в северном направлении'.) Описывая языковую способность тех, кто владеет этим регистром, мы должны будем констатировать, что они сознательно пользуются определенным, ясно очерченным классом слов, а также определенными предпочтительными моделями сочетаемости, созданными специально для данной цели.

6. Как мы видели, слова различаются с точки зрения прозрачности своей семантической структуры, своей мотивированности, «аналитичности». Немотивированные слова в каком-то смысле «труднее», поскольку их приходится выучивать отдельно, тогда как мотивированные слова легче запоминать и понимать даже в тех случаях, когда их значение не «вычисляется» автоматически из значений их частей.

Названия месяцев в китайском языке являются мотивированными, имея компонентную форму '1 — месяц', '2 — месяц' и т. д. Напротив, в английском названия месяцев не мотивированны, если отвлечься от нерелевантной (в синхронном плане) этимологической мотивации слов September 'сентябрь', October 'октябрь', November 'ноябрь' и December 'декабрь'. Поскольку названия месяцев часто используются любым говорящим по-английски, для них могут быть неочевидными «трудности», вытекающие из немотивированности этих слов. Однако разница между английскими и китайскими названиями проявляется, если вообразить себе следующую ситуацию тестирования американских детей с целью определения уровня их развития (если, конечно, считать подобный тест правомерным): детям предлагается для того или иного названия месяца назвать его порядковый номер (т. е. в ответ на слово June 'июнь' ребенок должен сказать «6», в ответ на слово October 'октябрь' — «10» и т. п.). Китайским же детям подобный тест давать бессмысленно, поскольку никто из них в нем ошибиться не может.

По сведениям А. Ирвинга Хэллоуэлла (Hallowell 1955, 226—227), названия месяцев в языке солто тоже мотивированны. Лунные месяцы называются по тем явлениям природы, которые для них характерны. Так, имеются «месяц сбора диких ягод», «месяц цветения», «месяц сбора дикого риса», «месяц течки», «месяц ранней зимы» и т. п. Однако месяцы в солто не организованы в такой цикл, чтобы один из них считался первым, поэтому в этом языке ассоциация названия месяца и его порядкового номера невозможна.

Пример с названиями месяцев в трех языках позволяет сравнить три системы наименований, одна из которых произвольна, а две другие мотивированны, причем принципы мотивации в них различны.

Различия по степени и структурному положению мотивации легче всего выявлять при сравнении таких подсистем, которые тождественны на лексико-семантическом уровне. Может быть, единственным чистым примером такого типа является система счета. В китайском, а следовательно, и в японском система счета обладает высокой степенью аналитичности. Числительные от 11 до 19 имеют форму 'десять — один', 'десять — два' и т. д.; 20, 30 и т. д. имеют форму 'два — десять', 'три — десять' и т. д. Напротив, в английском числительные мотивированы в меньшей степени, достаточно вспомнить слова типа *eleven* 'одиннадцать' и *twelve* 'двенадцать', а также нерегулярные или частично мотивированные элементы с суффиксами *-teen* и *-ty*, варианты корней *two* 'два', *three* 'три' и *five* 'пять' в составе производных слов *twenty* 'двадцать', *thirty* 'тридцать' и *thirteen* 'тринадцать', *fifty* 'пятьдесят' и *fifteen* 'пятнадцать'.

Что касается больших чисел, то в английском языке названия сто, тысяча и миллион (*hundred, thousand, million*) не мотивированны, а названия биллион, триллион, квадриллион и т. д. (*billion, trillion, quadrillion*) мотивированны — по крайней мере для тех, кто знаком с латынью. В китайском и японском языках самые крупные немотивированные числительные — это названия сотни, тысячи и десяти тысяч.

Наглядным доказательством трудности перехода к непривычной семантической структуре служит то, что европейцы с трудом овладевают названиями больших чисел в китайском и японском языках. Виной тому одноморфемное наименование 10 000.

Если сравнить системы счета в китайском и английском языках, то можно заметить, что основное различие связано со структурным положением немотивированных единиц высшего уровня: максимальное число, имеющее немотивированное наименование, — это десять тысяч в китайском языке и миллион в английском. В данном случае главное различие соответствующих систем именно в этом. Для носителей одного из этих языков собственная система счета представляется, я думаю, столь же простой, как для носителей второго — их система, а трудности возникают лишь при овладении системой счета чужого языка. В других случаях определенное семантическое поле одного языка может действительно оказаться сложнее соответствующего ему поля другого языка, что объясняется несовпадением пропорции мотивированных слов. Я думаю, что немецким студентам-медикам легче дается запоминание анатомических терминов, чем их американским собратьям, так как эти термины (например, названия мускулов) являются немотивированными в английском языке и мотивированными в немецком.

Иногда выясняется, что языки систематически различаются по разложимости слов даже в области широко распространенной, повседневной лексики, и эти различия охватывают большие классы слов. Например, систематическое и достаточно сильное различие моделей лексикализации наблюдается при сравнении английского и японского языков. В частности, в японском широко распространены подражательные (в японской традиции они называются «джитаиго») наречия, которые, соединяясь с базисными глаголами, дают значения, обычно выражаемые в английском языке с помощью одноморфемных глаголов.

Я попытался выявить масштабы подобных различий для пары названных языков. Следуя методике, которая должна была бы быть очевидной, но о которой я впервые узнал от Джеймса МакКоли, я брал слова одной рубрики из тезауруса Роже, выписывал их переводы, данные в большом англо-японском словаре, а потом группировал эти переводы вокруг разных японских ключевых слов. Такую работу, например, я сделал для глаголов, связанных с передвижением пешком.

Японским переводом для walk 'ходить' является глагол агики, или, более точно, агиите ики 'идти, уходить пешком', или агиите киги 'приходить пешком'. Японские переводы многих английских глаголов движения состоят из

глагола *aguku* плюс один из адвербиальных элементов. Некоторые из этих адвербиальных элементов выражены словосочетаниями, другие — наречиями образа действия, которые упомянуты выше. В моем исследовании встретились, в частности, следующие пять наречий такого типа: *burabura*, *yochiyochi*, *tobotobo*, *yogyoyo* и *doshindoshinto*. Английские глаголы *stroll* 'прогуливаться, бродить', *saunter* 'прогуливаться, медленно ходить' и *meander* 'бродить без цели' переводятся как *burabura aguku*, *plod* 'брести, тащиться' — как *tobotobo aguku*, *totter* 'идти неверной, дрожащей походкой, ковылять' — как *yochiyochi aguku*, *waddle* 'ходить вперевалку' — как *yogyoyo aguku* и *lumber* 'ходить тяжело, неуклюже, с грохотом' — как *doshindoshinto aguku*.

Далее следует отметить, что некоторые из этих наречий используются только при обозначении передвижения пешком, то есть, хотя *burabura aguku* является аналитическим по сравнению с *aguku*, само наречие морфологически не мотивировано и может употребляться только в данном смысловом контексте. (Таким образом, подобно тому как в английском языке человек научается неаналитически различать смысл глаголов *waddle* и *walk*, в японском человек научается неаналитически различать сочетание *yogyoyo aguku* и простой глагол *aguku*.) *Doshindoshinto*, встретившееся в переводе глагола *lumber*, является звукоподражательным словом; форма *doshindoshin* переводится в словаре как 'тяжелый удар; глухой шум'.

В ряде других случаев японские сочетания, являющиеся переводами английских глаголов движения, носят более мотивированный характер. Так, глагол *stride* 'широко шагать' переводится на японский язык сочетанием, означающим 'идти большими шагами'; глаголы *trudge* 'идти с трудом, устало' и *plod* переводятся одинаково — *otokkugushiku aguku* 'идти, сгорбившись под тяжестью ноши'; глагол *swagger* 'расхаживать с важным видом, чванливо' переводится сочетанием *ibatte aguku* 'ходить гордо'; глагол *strut* 'ходить с важным, напыщенным видом' — сочетанием *kidotte aguku* 'ходить жеманно'.

Далее, многие из более мотивированных переводных эквивалентов являются не переводами в собственном смысле, а, скорее, объяснениями соответствующих английских слов. Иначе говоря, соответствующие японские адвербиальные элементы обычно не употребляются в ситуациях,

описываемых такими английскими глаголами, как *stride*, *strut* и *swagger*.

Во всяком случае, из приведенного примера мы можем сделать следующий вывод о лексико-семантической структуре: в английском языке имеется группа морфологически простых глаголов с общим семантическим компонентом 'ходить пешком', различающихся по способу хождения и по психологическим характеристикам того, кто ходит; в японском языке имеется единственный глагол со значением 'ходить пешком' и набор наречий, по-видимому, возникших в языке именно для описания способов хождения. Более мотивированные японские сочетания, приведенные в словаре как переводы английских глаголов движения, не должны учитываться при исследовании лексической структуры японского языка, поскольку они построены по обычным синтаксическим правилам объединения слов в словосочетания.

7. Теперь я хотел бы рассмотреть вопрос о том, каким образом семантические компоненты сложного понятия получают различное морфологическое воплощение. Иллюстрацией будут служить глаголы, обозначающие сложные действия и содержащие семантический компонент 'результат'. Иначе говоря, рассматриваемые действия можно мысленно разложить на две части, одна из которых представляет собой какое-то состояние или действие, а вторая — ситуацию, возникшую в результате этого действия. Я хочу обратить внимание на возможные морфологические отношения между глаголом, обозначающим исходное событие (или глаголом, обозначающим результирующее событие), с одной стороны, и глаголом, обозначающим сложное событие в целом, — с другой.

Сказанное можно представить следующим образом: пусть *X* — глагол, называющий исходное событие; пусть *Y* — глагол или прилагательное, называющее результирующую ситуацию; запись *СТАНОВИТЬСЯ Y* выражает событие, состоящее в развертывании результирующей ситуации; и наконец, пусть глагольное описание всей ситуации в целом выражается записями одного из двух видов: *X КАУЗИРУЕТ Y* (где *Y* — глагол, называющий событие) или *X КАУЗИРУЕТ СТАНОВИТЬСЯ Y* (где *Y* — слово, называющее состояние). И наконец, пусть *Z* — глагол, называющий сложное действие в целом.

Первый вариант: отсутствие в языке объемлющего глагола *Z*. Например, вы каким-то образом заставляете меня

завизжать (squeal). Это событие в целом невозможно описать по-английски с помощью одного глагола (типа несуществующего *besqueal).

Второй вариант: глагол Z существует, но не связан морфологически ни с X, ни с Y. Например, kill 'убивать' называет ситуацию, когда некто А совершает действие, в результате которого умирает некто В. В этом случае X не имеет фиксированной словесной манифестации, Y выражается глаголом die 'умирать', а Z по форме никак не связан ни с X, ни с Y.

Третий вариант, широко распространенный в английском языке: глагол Z совпадает с глаголом Y. Если, например, в результате некоторых действий В передвигается (moves), то всю ситуацию мы можем выразить по-английски как A moved B 'А передвинул В'. Итак, Y и Z выражены одним глаголом.

Четвертый вариант, также встречающийся в английском языке: глагол Z совпадает с глаголом X. Если, например, толкнув какой-то предмет, я заставляю его двигаться, то это сложное событие в целом может быть описано с помощью глагола push 'толкать': A pushed B. Этот пример является не вполне чистым, поскольку исходное событие лучше описать сочетанием push against *, а сложное событие — просто глаголом push. Тем не менее этот пример все же можно рассматривать как случай совпадения по форме X и Z.

Пятый вариант распространен в английском языке не так широко: глагол Z является производным от X. Так, если я намазал (глагол smear) чем-нибудь какой-то предмет, то в результате данный предмет оказался вымазанным; сложное событие в целом может быть описано фразой типа A besmeared B 'А вымазал В'.

Последний, шестой, вариант, встречающийся в английском только для глаголов, построенных по типу словосочетаний: глагол Z морфологически равен X плюс Y. Примером могут служить результирующие конструкции в пекинском диалекте китайского языка, т. е. сложные глаголы, которые имеют буквальный перевод типа 'плакать — красный'. Имеется в виду ситуация, когда в результате плача глаза покраснели, которую можно выразить по-английски как I cry-red eye 'Я плачу до красных глаз'. В пекинском

* Данное сочетание глагола с предлогом можно передать по-русски примерно как 'осуществить толчок'. Правда, английское выражение предусматривает после себя дополнение. Поэтому более точным его описанием может быть 'осуществить толкание чего-либо'. — *Прим. ред.*

диалекте нет простого переходного глагола со значением 'ломать'; в этой функции употребляется сложный глагол типа XY, означающий буквально 'ударять — ломаться'.

Я перечислил все возможные варианты, поскольку, как выясняется, языки могут систематически различаться по предпочтительному использованию тех или иных механизмов. Характерные для английского языка случаи равенства Z и X или Z и Y в других языках встречаются достаточно редко. Для венгерского и немецкого языков типичны регулярные способы образования производного глагола Z от X. В пекинском диалекте китайского языка распространен тип X—Y.

Итак, мы показали, что языки могут систематически различаться по способам морфологической реализации семантических моделей. Характер этой связи между содержанием и выражением является одним из аспектов структуры словаря.

8. При изучении структуры словарного состава наибольшее внимание уделяется, пожалуй, структуре семантических полей, или лексических областей. При исследовании семантического поля обычно рассматриваются слова определенной области (цвета, отношения родства, ощущения, температура, части тела и т. п.) и выделяются семантические признаки, позволяющие различать слова в данном множестве.

Английские глаголы движения были подробно исследованы Джорджем Миллером (Miller 1972), Доротеей Вениджер (Weniger 1974), Ясухико Икегами (Ikigami 1970) и многими другими. Среди глаголов этого класса преобладают немотивированные слова. При характеристике глаголов движения семантические измерения могут выбираться неограниченным числом способов, но среди них должны быть по крайней мере следующие: "путь движения" (как в словах ascend 'подниматься' и advance 'продвигаться вперед'), "путь движения с учетом внешней среды" (например, climb 'карабкаться, лазить', dive 'нырять', cross 'пересекать, переправляться'), "путь движения по отношению к начальной или конечной точке" (например, arrive 'прибыть', alight 'сходить, спешиваться, спускаться', leave 'покидать' или enter 'входить'), "способ движения" (lope 'бежать вприпрыжку', stride 'идти большими шагами', scurry 'бежать мелкими шагами', slog 'с трудом тащиться'), "звук, сопровождающий движение" (swish 'рассекать воздух со свистом', stump 'ходить топая', scuffle 'ходить шар-

кая ногами'), "участие тела" (stride 'идти большими шагами', creep 'ползать, еле передвигать ноги', crawl 'ползать'), "скорость движения" (bolt 'нестись стрелой, удирать', dart 'устремиться', hurry 'спешить') и т. д. и т. п.

Если мы обратимся к названиям частей тела, то увидим (как это показано в недавней работе Anderson 1977), что с этим семантическим полем связан целый ряд своих специфических вопросов. К ним относятся, например, следующие: какие слова являются названиями частей тела человека, а какие — животного; какие слова имеют значение части тела не в качестве первого, а в качестве производного значения; какие названия частей тела человека стали употребляться в других значениях и вошли теперь в другие семантические поля; какие части тела имеют названия; какова морфологическая структура слов этой области и т. д.

Вместо того чтобы рассматривать конкретные поля сами по себе, я хотел бы остановиться на типах структур, которые присущи различным полям. Одно структурное понятие — маркированность — присутствует в нескольких структурах этого типа и будет упоминаться по мере необходимости.

Первым, простейшим, типом структуры поля является «контрастивное множество». Некоторые слова естественным образом объединяются в небольшие группы, такие, что, зная значение одного из членов группы, можно без труда понять значение остальных ее членов. Члены «оппозиции» не даны говорящему вне самой оппозиции. Простейшими примерами могут служить самые различные типы семантических оппозиций: tall/short 'высокий/низкий', girl/woman 'девушка/женщина', dead/alive 'мертвый/живой', raw/cooked 'сырой/вареный или жареный' и т. д. Вопрос о маркированности встает тогда, когда один из членов оппозиции в некоторых контекстах может выступать как имя всей оппозиции (точнее, категории) в целом.

Другим типом структуры семантического поля является таксономия. Она определяется как набор слов, связанных друг с другом отношением господства (superordination). В таксономической структуре о маркированности можно говорить лишь тогда, когда какое-то слово находится с другим словом в отношении соподчиненности и господства одновременно, как, например, в структуре, где слово, означающее "дуб", и слово, означающее "дерево", тождественны друг другу.

Как показано в ряде недавних работ, таксономическая

структура — это нечто большее, чем простой набор слов с заданным отношением господства. Если не во всех, то по крайней мере во многих таксономиях имеется такой уровень, при котором как вышестоящие, так и подчиненные ему уровни содержательно опираются на него как в плане эволюции данной таксономии, так и в плане ее синхронного функционирования. Я имею в виду, конечно, работы Элеоноры Рош о понятии категорий базисного уровня (R o s c h 1973) и Брента Берлина с соавторами о понятии родовых категорий (B e r l i n et al. 1973).

Еще одним типом структуры семантического поля является партономия. Под последней понимается структура, в которой слова соединены отношением «часть — целое». Типичным примером может служить структура поля названий частей тела (ноготь — часть пальца, палец — часть кисти (hand), кисть — часть руки (arm), рука — часть тела); примеров подобного рода существует множество. Противопоставление маркированных и немаркированных членов возникает в случае наличия слов, которые означают одновременно и часть, и непосредственно подчиняющее ее целое (например, в ряде языков [в частности, в русском] слова типа foot ‘ступня’ и leg ‘нога’), а также в том случае, когда слово называет две функционально подобные части, относящиеся к разным целым (например, в ряде языков [в частности, в русском] finger ‘палец руки’ и toe ‘палец ноги’ имеют одно наименование).

В квазипартономической структуре отношение «части и целого» не обладает свойством транзитивности (возможно, такие структуры распространены шире, чем партономические). Так например, можно сказать, что “ноготь — часть пальца”; вероятно, допустимо утверждение, что “ноготь — часть кисти”; но неверно (или просто неинформативно?) говорить, что “ноготь — часть руки (arm)”; в то же время, по видимому, вполне допустимо утверждение, что “ноготь — часть тела”.

Самым известным и наиболее исследованным типом структуры семантического поля является парадигма. Парадигма — это группа слов, имеющих один общий семантический признак и отличающихся друг от друга другими признаками, каждый из которых участвует в различении более чем одной пары слов. (Так, семантическое различие между словами wolf ‘волк’ и fox ‘лиса’ не является парадигматическим, поскольку оно не служит различению никакой другой пары слов, а различие между man ‘мужчина’ и woman ‘женщина’

является парадигматическим потому, что оно участвует также в различении слов boy 'мальчик' и girl 'девочка', actor 'артист' и actress 'артистка' и многих других.) Совершенной парадигмой является такая, в которой каждая комбинация семантических признаков представлена одним, желательным одноморфемным, словом.

Парадигмы, состоящие из большого количества слов, встречаются не слишком часто, особенно в области общепотребительной лексики. Классическим примером, приводимым в учебниках, является парадигма слов, связанных с домашними животными, в которой используются такие различительные признаки, как "мужской/женский/нейтральный", "взрослый/молодой/детеныш", "название работника, ухаживающего за данным видом животных", "название акта рождения потомства", "название копуляции" и т. д. Эта парадигма неполна; так, в английском нет слова со смыслом "молодая овца", соответствующего таким словам, как heifer 'телка', filly 'молодая кобыла' и gilt 'молодая свинья'; эту парадигму нельзя считать и особенно активной, поскольку многие носители английского языка и не знают таких слов, как wether 'кастрированный баран', gilt, barrow 'кастрированный хряк', whelp 'щенок' или tup 'баран'.

При изучении парадигмы следует обращать внимание на отсутствующие звенья (например, отсутствие лексемы со смыслом "молодая овца") и на продуктивные способы названия соответствующих понятий. При сравнении языков важно выяснить, являются ли в них парадигматическими одни и те же признаки. Так, в баквери, одном из языков группы банту, распространенном в Камеруне, по-видимому, нет лексем, противопоставленных по признаку "детеныш/детеныш"; значение "мальчик" выражается как "детеныш-мужчина", "девочка" — как "детеныш-женщина", "щенок" — как "детеныш-собака" и т. д.

Двумя другими (не слишком распространенными) типами структуры поля являются циклы и цепи. Примеры циклов: "утро — день — вечер — ночь", "весна — лето — осень — зима". Некоторые циклы отражают природные явления, другие, например дни недели, обозначают искусственные циклические системы.

Цепочка — это множество слов, соединенных каким-либо ранговым отношением; ее отличие от таксономических и партономических структур состоит в том, что на каждом уровне допустим ровно один узел. (Другими словами, таксономические и партономические структуры могут быть схемати-

чески представлены в виде ветвящегося дерева; в цепи ветвление запрещено.) Примером цепочечной структуры могут служить воинские звания или названия скоростей работы миксера.

Еще одним типом структуры семантического поля является сеть, которую можно проиллюстрировать на примере терминов родства. Сеть строится на основе нескольких простых отношений (но не на основе одного отношения, как в случаях таксономических и партономических структур). В примере с терминами родства наиболее типичными отношениями будут “состоять в браке с (кем-либо)” и “быть родителем (кого-либо)”, а также “старше чем”. Исследование семантических сетей состоит в выяснении того, какие из отношений, определяемых в сети, имеют лексическое выражение, какие нет; какие комбинации отношений имеют одинаковые имена; какие понятия, отличные от базисных отношений, участвуют в кодировании терминов родства (например, пол, социальная принадлежность); и, разумеется, как подобные структуры варьируются в разных языках.

Наконец, последним и, как мне представляется, наиболее важным типом структуры является фрейм* (термин представляется не слишком удачным). Фреймом в этом смысле можно считать набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого. Иными словами, содержание той или иной лексической единицы фрейма нельзя понять, не зная внутренней структуры фрейма в целом. Понятие фрейма легче проиллюстрировать на примерах, чем описать в общем виде; рассмотрим один пример, связанный с торговлей. Ситуация “торговля” состоит в том, что некое лицо обменивает свои деньги на товары или услуги, получаемые от другого лица. Существует множество английских слов, описывающих различные части и аспекты этой ситуации, например buy ‘покупать’, sell ‘продавать’, pay ‘платить’, spend ‘тратить’, cost ‘стоить’, charge ‘плата’, price ‘цена’, money ‘деньги’, change ‘обменивать’ и десятки других. Внутри множества слов, относящихся к одному фрейму, можно выделить подмножества, образующие парадигмы, таксономии и другие типы структур; однако их семантическое описание возможно при условии предварительной детализации концептуальной схемы, положенной в основу фрейма.

* Английское слово frame означает ‘каркас; строение, система; рамка’. В русской терминологии, связанной с машинными методами обработки информации, утвердился термин «фрейм». — *Прим. ред.*

9. Как мне представляется, семантическая теория должна отказаться от предположения о возможности семантического описания всех слов языка в одних и тех же терминах. Напротив, разным семантическим полям часто будут соответствовать разные принципы толкования, учитывающие свойства слов каждого класса. Для описания некоторых слов информация о бинарных оппозициях естественна и необходима, тогда как для других полей она не нужна. Вероятно, существуют поля, для которых имеет смысл искать наиболее элементарные семантические компоненты, а для других полей это не имеет смысла. Описание одних классов слов должно непременно опираться на знания о действительности, тогда как для описания других классов слов эти знания не обязательны.

Короче говоря, виды лексических значений различны. Некоторые слова, как представляется, достаточно просто и прямо связаны с теми или иными фрагментами действительности, например названия цвета или известных, неэкзотических растений и животных. Другие слова (например, *pilot* 'летчик', *diary* 'дневник', *teacup* 'чашка') следует описывать, ссылаясь на функцию или характерную деятельность соответствующих объектов. Есть слова (*lazy* 'ленивый', *witty* 'остроумный', *genius* 'гений', *fool* 'дурак'), которые задают как бы характерные особенности обозначаемых лиц. Есть слова (*widow* 'вдова', *tenure* 'владение', *apple core* 'сердцевина яблока'), которые можно понять, только располагая знаниями о социальных установлениях или о способах совершения тех или иных действий. Лексико-семантическая структура последнего класса слов зачастую сильно связана со структурой внеязыковой сферы (той или иной деятельности, социальных институтов и т. п.), части или аспекты которой эти слова называют.

Итак, в отличие от моей прежней позиции (*Fillmore* 1975, 143—146) моя нынешняя точка зрения состоит в том, что в лингвистической семантике должны использоваться все известные типы дефиниций.

Ученые выделяют следующие типы дефиниций:

(А) условные дефиниции, с помощью которых связь между выражением и значением устанавливается на основе того, что существует реальный человек, сознательно давший для каких-то практических целей такую дефиницию (в лингвистике к этому типу принадлежит определение «трансформации»);

(В) характеристические дефиниции, с помощью которых

делается попытка выявить сущность понятия в отрыве от определения слова, именующего эту категорию (в лингвистике к этому типу принадлежат многочисленные попытки определить термины «слово» или «язык»);

(С) критериальные дефиниции, в которых пытаются указать некоторый отличительный признак понятия независимо от того, представляет ли он сущность соответствующего понятия или условия употребления соответствующего слова (примером такого определения может служить рабочее определение “глагола” в английском языке как слова, способного присоединять суффикс -ing);

(D) дефиниции, описывающие употребление, с помощью которых пытаются определить условия, регулирующие наблюдаемые словоупотребления; к этому типу относятся многие толкования (например, толкование слова *remind* ‘напоминать’). При этом списочные теории пытаются сформулировать необходимые и достаточные условия для вхождения той или иной ситуации в категорию, обозначаемую данным словом; теории, опирающиеся на понятие прототипа, признавая размытость границ категории, проводят разграничение между прототипическим и более периферийными употреблениями слова.

10. Уточнив общий теоретический аппарат, я хочу теперь перейти к анализу юридического подъязыка и тех специальных семантических представлений, которые, по-видимому, присущи людям, которые пользуются данным подъязыком. Это исследование предпринято мной не столько потому, что семантика юридического языка интересна сама по себе, сколько потому, что ее отличия от семантики общепотребительного языка позволяют сформулировать ряд обобщений, касающихся последней⁵.

Нетрудно заметить, что семантика юридического языка обладает рядом специфических особенностей. Как мне кажется, некоторые из них проявляются в одном интересном примере диалога, имевшего место недавно в ходе собеседования с присяжными в уголовном суде в Беркли (штат Калифорния).

Прокурор, проводивший собеседование, задал предполагаемому присяжному следующий вопрос: *Do you accept without question the American legal doctrine that a man is innocent until proven guilty?* ‘Признаете ли Вы бесспорным принцип американского законодательства, в соответствии с которым лицо является невиновным до тех пор, пока не будет доказана его вина?’

Последовал ответ: I think a man should be *treated* as innocent until proven guilty, but it would be funny to say that he *is* innocent until proven guilty. 'Я полагаю, что лицо следует *рассматривать* как невиновное до тех пор, пока не будет доказана его вина, но было бы смешно утверждать, что лицо *является* невиновным до тех пор, пока не будет доказана его вина'.

Реплика прокурора: The doctrine I am speaking of is precisely that a man *is* innocent until proven guilty. Do you or do you not accept that doctrine? 'Принцип, который я имею в виду, в точности гласит, что лицо *является* невиновным до тех пор, пока не будет доказана его вина. Вы признаете или не признаете этот принцип?'

Ответ: But if he *is* innocent, then it would be *wrong* to prove him guilty. So why have the trial? 'Но если лицо *является* невиновным, было бы *неправильно* доказывать его вину. Тогда зачем вообще вести судебный процесс?'

Предполагаемому присяжному был дан отвод от участия в процессе, и он был вообще освобожден от деятельности в составе суда присяжных.

Присяжный заседатель обязан понять, что о всяком человеке, вина которого не доказана, следует говорить, что он «не виновен». В отличие от обыденного языка презумпция невиновности здесь должна быть выражена в виде утверждения о том, что лицо именно *является* невиновным.

Таким образом, юридический язык обладает собственными семантическими закономерностями. Ранее я уже отмечал, что базис дефиниций здесь часто составляют понятия прав и обязанностей, поэтому, возвращаясь к уже приводившемуся примеру, мы констатируем, что слово *ownership* 'владение, собственность', будучи морфологически сложнее слова *owner* 'владелец', по смыслу является более простым: владелец — это тот, кто имеет право собственности (*an owner is one who has the right of ownership*).

Семантика специальных терминов юридического языка основана на условных определениях. В некотором смысле юридический язык демонстрирует нам «списочную семантику», доведенную до безрассудства. В то же время в нем предусмотрена и значительная доля неясности, размытости, например в толковании таких понятий, как *intention* 'намерение', *malice* 'злой умысел', *clear and present danger* 'явная и наличествующая опасность' и т. п.

В юридическом языке достигнут эффективный компромисс между прототипной и списочной семантикой, прояв-

ляющийся в виде различных, установленных законом, принципов интерпретации. Прототипическое определение понятия *murder* 'преднамеренное убийство' предполагает факт убийства кого-либо, намерение убить то лицо, которое было убито, и наличие злого умысла в данной ситуации. Действительно, явные случаи убийств включают все три указанных выше компонента. Однако можно указать случаи отклонения от данного прототипа, например в такой ситуации, когда, скажем, некто желает убить Смита, имеет злой умысел в отношении Смита, направляет револьвер на Смита, нажимает курок, а реально убивает Джонса, стоявшего рядом со Смитом. В результате ошибки, происшедшей в данной ситуации, произошло разделение условий совершения убийства. Можно ли тогда квалифицировать то, что произошло, в точности как *murder* 'убийство'?

Официальный ответ получается посредством обращения к принципу Переноса Намерения (*Transfer of Intent*) — принципу, который предусмотрен для подобного рода случаев. Прототипическое определение остается неизменным, а в действие вступает принцип устранения неясности, возвращающий случай отклонения от прототипа в состав соответствующей категории. Этот принцип состоит в следующем: если вы намеревались совершить определенный преступный акт, но вместо этого совершили другой акт, который должен был бы трактоваться как преступный, если бы вы намеревались совершить именно этот второй акт, то закон гласит, что вы намеревались совершить именно второй акт.

Юридический язык изобилует такими контрастивными наборами, различительные признаки которых являются следствием условных определений. Различие между *jail* и *prison* во многих штатах определяется длительностью срока тюремного заключения; если он не превышает года, то такое место заключения называется *jail*, а если он длится год или более, то соответствующее место называется *prison*. В некоторых правилах судопроизводства, согласно Р. Робинсон, различие между *simple assault* 'простое применение насилия' и *aggravated assault* 'применение насилия, повлекшего за собой тяжелые последствия' зависит от того, подверглась ли жертва насилия госпитализации и продолжалась ли эта госпитализация менее или более 72 часов. (Таким образом, может потребоваться три дня ожидания для выяснения того, какой тип преступления был совершен.)

В юридическом языке существует множество (полных или частичных) семантических парадигм. Различия между

citation, summons и subpoena [имеющими родовое понятие "вызов в суд"] определяются тем, кто получает повестку и кто санкционирует ее вручение. В случае citation и summons получателем повестки является обвиняемый; в случае subpoena — свидетель; при этом в случае summons и subpoena вручение повестки санкционирует служащий судебного ведомства, а в случае citation — служащий административного (исполнительного) ведомства.

В юридическом языке наблюдается множество таксономических структур. В ряде простых таксономических структур используются противопоставления, носящие операционный характер и образующие простые иерархии и контрастивные наборы, сводимые в иерархию. Существуют три типа правонарушений (offenses): infractions, misdemeanors и felonies. В отличие от infractions нарушения, называемые misdemeanors и felonies, наказуются посредством тюремного заключения; а друг от друга они отличаются тем, заключается ли правонарушитель в тюрьму, называемую jail или prison [см. выше].

Homicide является родовым термином для понятия «убийство» — с тремя разновидностями, называемыми excusable 'неумышленное', justifiable 'убийство в целях самозащиты' и felonious 'умышленное'. Понятие felonious homicide имеет три подкласса: suicide 'самоубийство', manslaughter 'непреднамеренное убийство' и murder 'преднамеренное убийство'. В свою очередь понятие murder подразделяется на подклассы в соответствии со степенью серьезности убийства.

Мне хотелось бы рассмотреть подробнее одну область юридической терминологии, а именно терминологию законодательства о наследовании. В ней можно выявить разнообразные отношения и структуры: контрастивные наборы, парадигмы, сети, таксономии, фреймы и т. п. Понятие property 'имущество' подразделяется на inheritable 'наследуемое' и noninheritable 'ненаследуемое'; первое называется также hereditaments ('имущество, могущее быть предметом наследования'). Имущество, называемое hereditaments, может быть movable 'движимым' или immovable 'недвижимым'; критерий различения в последнем случае (в соответствии с одним из законов) состоит в том, может ли предмет быть перемещен без нанесения ущерба чему-либо другому. Так, дерево является недвижимым предметом, поскольку, если вы перемещаете его, вы оставляете после этого большую яму, а велосипед является движимой вещью. Движимое имущество называется personal; недвижимое

имущество называется *real*. В ситуации обсуждения права наследования *personal property* может быть названо *personalty*, а *real property* — *realty*.

Лицо, желающее указать, каким образом должно наследоваться принадлежащее ему имущество, должно составить завещание. Сделав это, он или она становится *testator* 'завещателем' или *testatrix* 'завещательницей'. Обычно завещание составляется с помощью юриста. Однако закон признает *holographic will* 'собственноручное завещание', написанное непосредственно завещателем, и *nuncupative will* 'устное завещание', сделанное завещателем в устной форме. Последнее представляет собой устное распоряжение относительно имущества, оцениваемого меньше чем в 50 долларов, завещаемое в присутствии двух или более свидетелей военнотружущим во время боя или матросом торгового флота во время морского бедствия.

Приведем еще ряд терминов из этой области. Если умершим лицом при жизни было составлено завещание, то данная ситуация именуется *testacy* 'наличие завещания'; если умершим лицом завещание не составлено, то данная ситуация именуется *intestacy* 'отсутствие завещания'. Недвижимость, наследуемая от *testate* — 'лица, оставившего завещание', называется *devise*. Движимое имущество, наследуемое от лица, оставившего завещание, называется *legacy*. Недвижимость, наследуемая от *intestate* — 'лица, не оставившего завещания', именуется *descent*; движимое имущество, наследуемое от лица, не оставившего завещания, называется *distribution*. Получатель завещанной недвижимости называется *devisee*; получатель завещанного движимого имущества называется *legatee*; получатель имущества *descent* называется *heir*; получатель имущества *distribution* именуется *next of kin*⁶. Термин *dower* обозначает право жены на часть имущества мужа. *Curtesy* обозначает право мужа на часть имущества жены, но данный термин используется только тогда, когда имеется *issue* 'потомство'. Пока жена жива, соответствующее право мужа называется *curtesy initiate*; после смерти жены это право называется *curtesy consummate*.

Цель этого обзора юридической терминологии состояла в том, чтобы познакомить читателя с некоторыми лексико-семантическими особенностями юридического языка, чтобы мы могли сопоставить их с семантическими характеристиками общеупотребительного языка. Рассмотрев специальную область юридического языка, мы видим, что в ней

интерпретация значений слов подчиняется особым, несколько необычным требованиям. Проводя сопоставление с общенародным языком, мы будем выяснять, можно ли и в нём обнаружить аналогичные требования.

При таком сопоставлении мы можем занять одну из двух позиций. С одной стороны, можно было бы утверждать, что юридический подъязык является в конце концов естественным языком и что теория лингвистической семантики должна содержать принципы объяснения и такого рода системы; с другой стороны, можно было бы утверждать, что юридический подъязык — это некий искусственный язык и лингвистам незачем тратить на него свое время и рассматривать его в качестве объекта изучения. В обоих случаях сопоставление подъязыков может оказаться полезным.

Во-первых, как мы уже отмечали, база дефиниций, которая используется при толковании слов в юридическом языке, нередко отличается от базы толкований, которые естественно было бы дать соответствующим словам в быденном языке. Если это так, то как мы должны квалифицировать ситуации, когда юристы дают свои собственные толкования словам, употребляющимся также и в неспециальной сфере? Скажем, для такого слова, как *ownership* 'владение, собственность', будем ли мы утверждать, что это то же самое слово, что и *ownership*, употребляемое в неюридических контекстах? Или же нам следует считать, что *ownership*, хотя оно используется и в повседневной речи, обозначает все же изначально юридическое понятие и что его юридическое определение является единственно правильным? Или же нам следует считать, что одно и то же слово в одном и том же значении может иметь разные семантические описания (все в одинаковой мере правильные), служащие разным целям?

В обычном языке многие значения слов остаются нечеткими, а их употребление опирается на взаимодействие членов коллектива и на здравый смысл; а иногда неоднозначность просто оставляется без прояснения. Мы можем четко различать явные случаи состояния *alive* 'живой' и явные случаи состояния *dead* 'мертвый'; и в повседневной жизни нам не требуется как-либо переопределять эти понятия, чтобы провести между ними предельно четкую границу. Однако в юридической сфере может возникнуть необходимость уточнения указанного противопоставления, т. е. необходимость преобразования прототипной семантики в списочную. Поскольку по вопросу о смерти суд обращается за консуль-

тацией к биологам и медикам, а не к лексикографам, получаемое в конечном итоге изложение обстоятельств дела достигается вовсе не посредством таких рассуждений, к которым прибегают лингвисты, когда пытаются найти правильное описание значения некоторого слова.

Лингвисты, занимающиеся лексической семантикой, иногда поднимают вопрос о том, как определить лексическую единицу в языке (M c S a w l e y 1971). Я подозреваю, что подобный вопрос должен пониматься по-разному в том случае, когда он относится к лексическим единицам общепотребительной части словаря, или и в том случае, когда рассматривается юридический или какой-либо другой специальный подъязык. Серьезный вопрос о том, допустимы ли в семантическом описании слова дизъюнктивные выражения, получает тривиальный ответ в терминологической системе, прошедшей через ряд этапов построения условных толкований и переосмысления значений слов. В юридическом языке дизъюнктивные толкования встречаются на каждом шагу — например, в определении слова *tort* 'не связанное с нарушением контракта или договора правонарушение, дающее основание предъявить иск' или, как мы уже видели, в определении понятия *puncipative will* 'устное завещание'.

Словарь юридического языка — в большей мере, чем словари других известных мне областей, — вынуждает нас признать, что лексическими единицами могут быть словосочетания. Я думаю, что слова *ingress* и *egress* встречаются только в словосочетании *the right of ingress and egress*, которое толкуется целиком как 'право арендатора вступить во владение арендуемой собственностью или оставить ее'. Это выражение по своей семантике представляется одновременно и составным и цельным. Другой пример такого рода — рассмотренное выше словосочетание *clear and present danger*; подобных примеров существуют сотни. Семантическая теория, безусловно, должна охватывать идиомы, имеющие цельную семантическую структуру, фразеологические единства, являющиеся частично произвольными и частично мотивированными, а также неидиоматичные «формулы», т. е. выражения, единство которых проявляется не в их значении, а в их речевой повторяемости и распространенности. Случай, когда неидиоматичные словосочетания должны тем не менее определяться как отдельные единицы словаря (типа сочетаний, встречающихся в юридическом языке), можно, видимо, считать особым типом сочетаний; впрочем, быть мо-

жет, следует констатировать принципиальное различие, которое существует между семантическими определениями (неважно, условными или нет) и принципами установленной законом интерпретации терминов.

Способы расширения юридических таксономий напоминают во многих отношениях те, которые указаны в работе *Verlip et al. 1973*; однако в нашем случае причины расширения зависят от социальных отношений, а не от знания биологических фактов, и здесь, как я предполагаю, нет естественного предела для возможной «глубины» таксономии. Всегда, по-видимому, возможны новые перегруппировки элементов таксономии в направлении обобщений на более высоких уровнях и новые подразделения в направлении установления более дробных классов на нижних уровнях. В таксономической структуре, построенной вокруг понятия *murder*, непрофессиональный интерпретатор захочет все же сделать центральной категорией — категорией базисного уровня — само понятие *murder*; однако очевидно, что в рамках семантической системы юридического языка понятие родовой категории (или категории базисного уровня) не играет никакой роли.

Юридический язык в одних отношениях подобен обычному языку, а в других отличается от него. Его особый словарь можно рассматривать как отдельный языковой слой; одни слова принадлежат к этому слою, поскольку они обладают значениями, которые специально определяются для юридических целей, другие — благодаря тому, что существуют только в юридическом словаре, и, наконец, третьи — потому что специально выбраны для юридического регистра, поскольку привносят в формулировки точность (например, слова типа анафорического прилагательного *said* ‘упомянутый’ или катафорического наречия *herein* — *after* ‘в дальнейшем’) либо придают им официальную торжественность.

11. Я предлагал читателю задуматься над тем, отличается ли принципиально семантика юридического языка от семантики обыденного языка. Я надеюсь, что мне удалось доказать, что для обыденного языка единой семантики вообще не существует, и поэтому юридический язык представляет интерес для лингвистов как самостоятельная система. Я полагаю, что стремление того или иного исследователя ограничиться изучением только центральной области лексического состава языка следует рассматривать как проявление его личного интереса, а не как следствие каких-то

исходных допущений о том, что следует, а что не следует включать в компетенцию науки о языке.

Настоящая работа направлена не столько против компонентного анализа значений, сколько против исключения из сферы лингвистики некоторых важных частей и аспектов словарного состава языка. Люди испытывают необходимость в категоризации объектов и событий реального мира. Когда мы хотим исследовать конкретные примеры категоризации, которые прослеживаются в лексических единицах естественного языка, мы должны четко уяснить, какие функции выполняют подобные категоризации в жизни людей. Некоторые обнаруживаемые нами категоризации имеют исключительно языковую мотивировку: люди пользуются ими потому, что язык развивался определенным образом и навязал людям то или иное членение мира, но в принципе язык мог бы развиваться и по-другому. Другие категоризации, по крайней мере частично, имеют неязыковую мотивировку, тесно связанную с тем, как люди воспринимают объекты реального мира, по какому принципу они формируют категории объектов и какие социальные установления составляют основу их повседневной деятельности. Нам нужны теории языковых значений, которые не теряют, а учитывают все эти факторы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работе F i l l m o g e 1972 я рассмотрел случаи такого рода на примере употребления слов *allegedly* 'якобы' и *suspect* 'подозреваемый' в речи журналистов и полицейских.

² Говоря о случайном совпадении, я имею в виду функционирование таких антонимических пар лишь в современном английском языке. Если же рассматривать историю языка же модель полисемии, то, например, полисемия слова *short* окажется совсем не случайной.

³ *Bring* и *morning* являются более очевидными случаями необходимости применения перекрестных ссылок, чем *price*. Последний пример более естественно описывать с помощью принципов семантической избыточности типа тех, которые рассматриваются в статье G r a g g 1978, так как существует ряд других слов (например, *establish* 'учреждать/выяснить'), которые имеют точно такую же модель полисемии, и поэтому невозможно сделать обоснованный выбор какого-то одного слова, которому и надо было бы в первую очередь приписать данный вид полисемии.

⁴ Как показано в работе L e i s i 1952, с. 40, в словаре «*Concise Oxford Dictionary*» подобное решение относительно слов *hole* и *hollow* так и не принято.

⁵ Должен сказать, что я ни в коей мере не являюсь знатоком права. Мое знание юридического языка почерпнуто из двух моих занятий: первое — это чтение различных словарей, включая и юридические, а второе — разбор примеров, взятых из юридических текстов. Хотя я и

консультировался по ряду возникших у меня вопросов с людьми, знающими законодательство лучше меня, такими, как Патрик Каткерт и Роня Робинсон, в дальнейшем изложении все же могут встретиться фактические ошибки, объясняющиеся моим недостаточным знанием предмета.

⁶ Тому, кто знаком с юридическим языком лишь по словарям и учебным пособиям, трудно добиться свободного владения им. Так, мне ничего не удалось выяснить о синтаксическом поведении слов *descent* и *distribution*; например, я не знаю, относятся ли они к исчисляемым или неисчисляемым существительным.

ПРОЦЕДУРЫ АНАЛИЗА КОМПОНЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ РЕФЕРЕНЦИОННОГО ЗНАЧЕНИЯ*

Учитывая разнообразие отношений между значениями, важно различать по крайней мере две стандартные процедуры семантического анализа. Одна из них может быть названа «процедурой вертикально-горизонтального анализа», другая — «процедурой анализа пересекающихся значений».

ПРОЦЕДУРЫ ВЕРТИКАЛЬНО-ГОРИЗОНТАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЗНАЧЕНИЙ

Процедура вертикально-горизонтального анализа значений предусматривает их сопоставление в двух измерениях: (1) в вертикальном, когда вышестоящие (*more inclusive*) значения сравниваются с нижестоящими (*less inclusive*), то есть сравниваются значения, стоящие на разных иерархических уровнях, и (2) в горизонтальном, когда сравниваются значения одного и того же иерархического уровня независимо от того, находятся ли значения в отношении смежности, пересечения или дополнительности.

Применяя процедуру вертикально-горизонтального анализа к значению слова *magazine* 'журнал' (именно к этому его значению, а не к значениям, связанным с указанием на место хранения военного снаряжения или на магазин патро-

Eugene A. Nida. Procedures for the analysis of the Componential Structure of a single referential meaning.— In: Nida E. A. Componential analysis of meaning. The Hague-Paris, Mouton, 1975, Chapter 5, p., 156, 167, 169—172.

* Настоящая статья представляет собой сокращенный вариант главы 5 из монографии Ю. Найды, которая является, по существу, учебным пособием по семантике. В предыдущих главах рассматривается сущность референционного значения, определяемая через совокупность семантических компонентов, необходимых и достаточных для отграничения референционного потенциала данной единицы от потенциала других единиц.— *Прим. сост.*

нов в огнестрельном оружии), на первом этапе мы обратимся непосредственно к вышестоящему уровню иерархического дерева и определим ту единицу, которая включает значение слова *magazine*. Для большинства носителей английского языка это будет значение слова *periodical* 'периодическое издание' — слова, содержание которого включает также значение слова *journal* 'журнал (преимущественно научный)', но не *book* 'книга', *pamphlet* 'брошюра, памфлет' и *brochure* 'брошюра'; на каком-то более высоком уровне иерархии имеется лексема *publication* 'публикация', которая охватывает значения всех членов этого поля.

На втором этапе анализа следует обратиться к ближайшему нижестоящему уровню иерархического дерева и найти те единицы, которые могут считаться включенными в рассматриваемое значение слова *magazine*. Для некоторых носителей языка ближайший нижний уровень будет включать слова *slicks*, *pulps*, *comics* и т. д., означающие различные типы журналов. Но для многих носителей американского варианта английского языка этот уровень будет охватывать прежде всего названия конкретных журналов: *Time*, *Newsweek*, *Forbes*, *Fortune*, *Sports Illustrated* и т. д.

Третий этап состоит в исследовании единиц того же самого иерархического уровня, которые находятся с исследуемым значением в отношении смежности или пересечения. Это прежде всего слова *book* 'книга', *pamphlet* 'брошюра, памфлет', *brochure* 'брошюра', *newspaper* 'газета' и *journal* 'журнал (преимущественно научный)'. Значение слова *magazine* отличается от *book*, *pamphlet* и *brochure* тем, что обладает признаком периодичности, который в то же время является компонентом, объединяющим исследуемое значение со словами *newspaper* и *journal*; но объект, называемый словом *magazine*, отличается от большинства газет тем, что он не является ежедневной публикацией, и отличается от всех газет тем, что он переплетен или сброшюрован, если, правда, не принимать во внимание тот факт, что газеты при хранении в библиотеке могут переплетаться. Изучая противопоставление значений слов *magazine* и *journal*, мы должны прежде всего выделить несколько разных значений слова *journal*, в частности: (1) некоторое множество ежедневных счетов, (2) ежедневная запись событий или деятельности некоторого человека или учреждения, (3) ежедневная газета, (4) не ежедневное периодическое издание. Именно последнее значение слова *journal* находится в особом противопоставлении с *magazine*: вид публикации, называемый *journal*,

обычно является более специальным по своему содержанию (например, академические журналы или журналы научных организаций).

Четвертый этап заключается в составлении списка тех минимальных диагностических компонентов, которые (1) отделяют значение слова *magazine* от других значений того же уровня, (2) позволяют включать его адекватным образом в рамки ближайшего вышестоящего значения и (3) удовлетворительным образом охватывают те значения, которые подчинены ему. Эти диагностические компоненты таковы: (1) периодическая публикация, (2) переплетенная или сброшюрованная и (3) по содержанию и оформлению носящая довольно популярный характер. Первые два компонента могут считаться абсолютными, а третий является относительным, так как нет четкой границы между популярным и специальным изданиями. Например, кое-кто мог бы назвать журнал *Scientific American* словом *journal*, учитывая в целом его научное содержание, но большинство назовет его *magazine*, так как он обращен к широкой публике. Доказательством его широкой направленности является то, что он продается во всех газетных киосках. Объекты, называемые *magazine*, отличаются от объектов, называемых *journal*, конечно, и рядом других аспектов. Например, первые обычно выходят чаще, чем вторые, подписка на них обычно не связана с членством в каком-либо обществе, и цены на них обычно ниже. Однако эти признаки не являются существенными для различения данных классов объектов.

Заключительный этап состоит в формулировании дефиниции для слова *magazine* на основе его диагностических компонентов. Такая дефиниция обычно включает указание на класс, к которому принадлежит значение (фактически — указание на ближайшее вышестоящее значение), и на значимые противопоставления со смежными, пересекающимися и дополнительными значениями (которые обычно отмечаются только в том случае, если они оказываются для носителя языка особенно значимыми (*significant*)). Значение слова полезно проиллюстрировать путем перечисления единиц, которые охватываются его значением. Такая описательная дефиниция для слова *magazine* могла бы выглядеть следующим образом: 'периодическая публикация, в переплетенном или сброшюрованном виде, имеющая относительно популярное содержание и броское оформление, например: *Time*, *Fortune*, *Sports Illustrated*, *Popular Photography*'.

Что касается описания семантической структуры, то

для этой исследовательской задачи нет необходимости формулировать дефиниции. Дефиниция, являясь элементом глубоко лексикографического описания, представляется нам лишь одним из способов описания семантических структур, она может быть, а может и не быть релевантной для решения той или иной исследовательской задачи. Использование дефиниции в семантике является просто удобным способом демонстрации того, что в идеальном случае определение значения строится на базе установления родового класса (то есть указания на соответствующее семантическое поле) в сочетании с перечислением различительных компонентов значения.

Во многих случаях применение процедур вертикально-горизонтального анализа сопряжено с определенными трудностями, обусловленными отсутствием строгой системности в иерархическом упорядочении связанных (*related*) значений. Например, ближайшее вышестоящее значение для слова *spouse* 'супруг, супруга' выражается словом *mate*, обозначающим партнеров по брачному союзу (здесь не принимаются в расчет другие значения этого слова, как, например, 'один из парных предметов (например, один из пары ботинок)' или 'помощник капитана (на корабле)'. Это значение слова *mate* охватывает, однако, не только людей, но и животных. Таким образом, оказывается, что ближайшее вышестоящее значение, применимое только к референтам слова *spouse*, будет выражаться словом *person* 'человек, лицо'.

Непосредственно нижестоящие значения, покрываемые словом *spouse*, выражаются словами *husband* 'муж' и *wife* 'жена', так как обе лексемы обозначают супругов. Для животных иногда употребляются слова *sig* 'самец' и *dam* 'самка', но обычно используются только особые обозначения животных в зависимости от пола, например *buck* 'самец оленя, зайца, кролика' / *doe* 'самка оленя, зайца, кролика', *ram* 'баран' / *eve* 'овца' и т. д. Однако термина, относящегося к животным и соответствующего по иерархическому уровню слову *spouse*, то есть включающего партнеров и мужского и женского пола, в английском языке просто не существует.

Слово того же уровня, что и *spouse*, а именно *lover* 'любовник, любовница; возлюбленный, возлюбленная', находится с ним в противопоставлении, но имеет общий компонент 'партнер по половым отношениям'. *Lover* отличается от *spouse* тем, что относится к людям, которые обычно не состоят в браке друг с другом, что указывает на наличие в

семантике слова *spouse* диагностического компонента 'состоять в браке'.

Итак, диагностические компоненты для *spouse* таковы: (1) человек, (2) мужского или женского пола и (3) по отношению к партнеру по браку. Конечно, слово *lover* может быть применено и к 'супругу (супруге)', и в этом случае мы должны будем либо (1) постулировать два значения слова *lover*, одно из которых будет включать компонент 'не состоять в браке', а другое — не будет включать такого компонента, либо (2) признать существование единого значения у *lover* и считать, что компонент 'находиться в браке' возможен, но маловероятен. Хотя первая трактовка, предусматривающая два разных значения, представляется более аккуратной с описательной точки зрения, вторая трактовка ближе к реальности семантической структуры, так как вероятностные оценки составляют важный аспект семантических признаков.

Анализ значения слова *bat*₁ 'летучая мышь', которое обозначает летающее млекопитающее отряда *Chiroptera*, иллюстрирует некоторые другие проблемы, возникающие при описании отдельного значения лексической единицы. Прежде всего, слово *bat*₁ является омофоном по отношению не менее чем к двум другим не связанным по смыслу лексемам — *bat*₂ 'бита; ударить битой' и *bat*₃ 'мигать, моргать'. В последующем анализе мы, конечно, рассматриваем только значение *bat*₁. Разграниченные нами пять этапов выглядят следующим образом:

Этап 1. Движение вверх по иерархическому дереву: *mammal* 'млекопитающее' и *animal* 'животное'.

Этап 2. Движение вниз по иерархическому дереву: виды летучих мышей — *fruit bat*, *fox bat*, *hairly bat* и т. д.

Этап 3. Сравнение со значениями на том же иерархическом уровне: *bat* vs. *squirrel* vs. *bird* 'летучая мышь' vs. 'белка' vs. 'птица'. Летучие мыши противопоставлены летающим белкам тем, что летучие мыши действительно летают, а летающие белки только планируют. Летучие мыши отличаются от птиц в нескольких аспектах, в частности, они не имеют перьев.

Этап 4. Перечисление диагностических компонентов: (1) млекопитающее, (2) способность летать. Заметим, что эти диагностические компоненты являются необходимыми и достаточными признаками, которые отличают значение *bat* от значения любой другой единицы английского языка; они не описывают все интересные свойства летучих мышей.

Более того, эти диагностические компоненты не включают различные дополнительные компоненты, которые часто связываются говорящими со значением слова *bat*, например: 'отталкивающий', 'зловещий', 'со специфическим запахом' и даже 'вредный'.

Этап 5. Формулирование дефиниции. Практически достаточной дефиницией для *bat* будет просто 'млекопитающее, которое летает', или 'летающее млекопитающее'. Может быть, следовало бы оговориться, что «летающее» должно пониматься в смысле самостоятельного передвижения, а не с помощью вспомогательных средств, но в сочетании со словом *млекопитающее* неоднозначность возникать не должна. Специальные определения слова *bat* часто включают формулировки типа *млекопитающее отряда Chiroptera*, но это всего лишь способ введения таксономической формулы, которая указывала бы научное определение точного места термина в семантическом пространстве. Если же мы определяем *bat*, вслед за некоторыми словарями, как «летающее млекопитающее с видоизмененными передними конечностями, которые служат в качестве крыльев и которые покрыты мембранами, простирающимися до задних конечностей», то мы тем самым даем не минимальную дефиницию, а описание. Такая информация о передних конечностях и мембранной ткани передает важные энциклопедические сведения, но она выходит за рамки компонентов, необходимых и достаточных для дефиниции. Такие описания полезны, но они содержат больше, чем просто значение слова *bat*.

ПРОЦЕДУРЫ АНАЛИЗА ПЕРЕСЕКАЮЩИХСЯ ЗНАЧЕНИЙ

В принципе набор процедур вертикально-горизонтального анализа может быть рекомендован как общий метод установления значения семантической единицы. Однако во многих случаях его применение оказывается невозможным, так как соответствующие противопоставления могут быть сформулированы только в терминах пересекающихся значений. Хорошей иллюстрацией некоторых важных принципов, связанных с использованием процедур исследования пересекающихся значений, может служить слово *beautiful* 'прекрасный; красивый', относящееся к характеристике привлекательной наружности, приятного внешнего вида и т.п., как в сочетаниях *beautiful woman* 'красивая женщина', *beautiful picture* 'прекрасная картина'.

Первый этап анализа будет состоять в том, чтобы найти те значения семантических единиц, которые пересекаются со значением beautiful, то есть те единицы того же семантического поля, которые могут использоваться применительно к тем же объектам или событиям, но отличаться по степени интенсивности, диапазону применимости или некоторым частным признакам, например, значения слов handsome 'красивый', pretty 'привлекательный; прелестный; хорошенький', lovely 'прелестный, очаровательный'.

Второй этап, применимый преимущественно к словам абстрактного значения, связан с выявлением круга объектов или событий, которые могут описываться с помощью рассматриваемых связанных значений. В результате применения этой процедуры исследователь получает некоторые подсказки для разграничения этих значений. При этом, однако, более эффективным представляется не такой метод, при котором перечисляются сотни контекстов, содержащих в качестве определителей все изучаемые лексические единицы, а такой, который направлен на выяснение границ их применимости, то есть случаев необычного употребления, на выделение контекстов, где такие единицы являются неприемлемыми или выглядят необычно и странно. Слово handsome вполне допускает сочетания со словами, man 'мужчина', woman 'женщина' и building 'здание', но сочетания со словами lake 'озеро', scene 'сцена', jewel 'драгоценный камень' являются довольно странными. В случае pretty мы можем говорить о pretty cottage 'прелестный коттедж', но выражение pretty skyscraper 'прелестный небоскреб' производит странное впечатление. С другой стороны, сочетание pretty jewel 'прелестный драгоценный камень' вполне приемлемо. Прилагательное lovely применимо ко многим объектам и событиям, например, lovely dress 'прелестное платье', lovely room 'прелестная комната', lovely sight 'прелестный вид' и lovely thought 'прекрасная (чудесная) мысль'; оно применимо даже к таким объектам, которые говорящий вовсе не обязательно считает красивыми (beautiful), например, lovely old lady 'очаровательная старушка' и lovely nurse 'прелестная няня'.

Третий этап, являющийся логическим продолжением второго, предназначен для того, чтобы выявить те аспекты пересекающихся связанных значений, на которых основано их противопоставление. Наиболее эффективным приемом в данном случае является постановка пересекающихся значений в один и тот же контекст, например: beautiful child

‘красивый ребенок’ / pretty child ‘хорошенький ребенок’, beautiful woman ‘красивая женщина’ / pretty woman ‘хорошенькая женщина’, a beautiful diamond ‘красивый бриллиант’ / a pretty diamond ‘прелестный бриллиант’. В этих контекстах beautiful обнаруживает большую степень интенсивности качества, чем pretty. Аналогичным образом, beautiful отличается по степени интенсивности и от прилагательного attractive ‘привлекательный’, например: attractive picture ‘приятная картина’ vs. beautiful picture ‘прекрасная картина’. Beautiful отличается от lovely тем, что в значение последнего не входит в качестве обязательного свойства физическая (внешняя) привлекательность. Выражение lovely old lady ‘очаровательная старушка’ не всегда равнозначно выражению beautiful old lady ‘красивая старая дама’, а сочетание lovely dress ‘прелестное платье’, видимо, синонимичное сочетанию pretty dress, не обязано быть равнозначно сочетанию beautiful dress ‘красивое платье’. Можно считать, следовательно, что beautiful отличается от lovely также и по степени интенсивности, при этом lovely акцентирует некоторое приятное качество, необязательно связанное с особыми достоинствами внешнего вида. Можно сравнить также сочетание handsome woman ‘статная женщина’ с выражением beautiful woman ‘красивая (прекрасная) женщина’, в результате чего мы сможем заключить, что центральными элементами значения handsome являются компоненты величественной внешности и идеальных пропорций, а значение beautiful включает второй из этих компонентов в качестве подразумеваемого. Центральным (focal) элементом в beautiful является общее впечатление от предмета, а не сама пропорциональность (сравним, например, a beautiful building ‘прекрасное здание’ и a handsome building ‘красивое здание’).

Четвертый этап состоит в перечислении важных (significant) признаков слова beautiful: (1) привлекательность (2) общего вида (3) в относительно высокой степени. Но эти семантические признаки могут быть описаны полно только с учетом того, в какой мере они противопоставлены признакам других пересекающихся значений: (а) pretty — относится к более внешним аспектам, имеет меньшую степень привлекательности, особенно часто применяется к объектам меньшего размера, (б) lovely — общая привлекательность внешнего вида, но, как главная черта, способность объекта располагать к себе, (в) handsome — в центре внимания находится привлекательность с точки зрения признаков величественности и пропорциональной внешности.

Применение этих процедур, имеющих дело с пересекающимися значениями, ясно показывает, что значение каждой семантической единицы существенно зависит от значений всех связанных семантических единиц. Более того, контрастные признаки значения касаются не просто степени (то есть относительного количества некоторого качества), но и центра внимания, или акцента (подчеркивания). Объект, называемый очаровательным (*lovely*), обычно обладает привлекательной внешностью, но такая привлекательность вовсе не обязательна, если главное в восприятии этого объекта — это то, что он просто располагает к себе.

Трудности, связанные с применением этих процедур при исследовании пересекающихся значений, часто происходят от игнорирования существующих границ внутри одного и того же слова. Например, пытаясь определить важные компоненты слова *righteous*, мы должны провести разграничение между (1) *righteous*₁ 'справедливый', которое затрагивает аспекты поведения, связанные с социально-культурной оценкой, и поэтому входит в то же поле, что и слова *good* 'хороший', *upright* 'справедливый', *honest* 'честный' и другие, и (2) *righteous*₂ 'праведный', которое подразумевает «правильность» в смысле самооценки (это наиболее употребительное значение данного слова) и поэтому принадлежит к семантическому полю, включающему *pride* 'гордость', *self-satisfaction* 'самодовольство', *self-centeredness* 'эгоцентризм' и т. д. В противном случае результаты анализа будут безнадежно искажены противоречивостью указанных признаков и несопоставимостью контекстов, в которых могут употребляться связанные значения, подлежащие анализу¹.

Значение идиомы во многих случаях может описываться с помощью вертикально-горизонтальных процедур, например, когда идиома близка по значению параллельно существующей отдельной лексической единице (ср. *down in the dumps* 'в унынии' и *depressed* 'подавленный'). Однако в большинстве случаев более подходящей оказывается методика, предложенная для пересекающихся значений, так как почти всегда идиомы пересекаются по значению с несколькими другими идиоматическими или неидиоматическими выражениями. Главная причина, по которой идиомы не могут исследоваться с помощью набора вертикально-горизонтальных процедур, связана с чрезвычайной специфичностью их значений, что отражается в довольно сложных компонентах, которые приходится выделять в этих случаях. Выражение *tempest in a teapot* 'буря в стакане воды' (*букв.* 'буря в чай-

нике для заваривания') имеет компоненты: (1) конфликт (часто только на словах), (2) широкий или интенсивный, (3) связанный с весьма незначительными обстоятельствами. Выражение *Have his cake and eat it too* 'И волки сыты и овцы целы' (букв. '(пытается) съесть один пирог два раза') включает признаки: (1) полное использование обстоятельств, (2) незначительность или полное отсутствие жертв со стороны субъекта ситуации (имеются в виду неизмеримо меньшие жертвы по сравнению с получаемой выгодой).

При анализе значения идиомы *to have too many irons in the fire* 'быть перегруженным работой' (букв. 'иметь слишком много утюгов на огне') в качестве первого этапа мы должны установить набор тех выражений (идиоматических или неидеоматических), которые пересекаются друг с другом по крайней мере в некоторых аспектах, например, *to be too busy* 'быть слишком занятым', *not to be able to carry out one's responsibilities* 'не быть в состоянии выполнять свои обязанности', *to be head over heels in work* 'быть с головой погруженным в работу' (букв. 'быть вверх тормашками в работе'), *to take on too much* 'брать на себя слишком много'.

Так как идиома *to have too many irons in the fire* является в основном описанием обстоятельств или состояния, а не выражением абстрактного значения, то второй этап процедуры, описанный выше, здесь неприменим. Следовательно, далее должен идти третий этап, на котором различные выражения помещаются в одни и те же контекстуальные рамки, чтобы сравнить случаи пересечения и противопоставления.

1. *My husband has too many irons in the fire.*
'Мой муж слишком перегружен работой'.
2. *My husband is too busy.*
'Мой муж слишком занят'.
3. *My husband is head over heels in work.*
'Мой муж с головой погружен в работу'.
4. *My husband has taken on too much.*
'Мой муж слишком много взял на себя'.
5. *My husband is not able to carry out his responsibilities*
'Мой муж не в состоянии выполнять свои служебные обязанности'.

Если сравнить значения этих пяти выражений, станет ясно, что значение предложения (2) включается в предложение (1), но предложение (1) сообщает, видимо, нечто боль-

шее, чем просто чрезмерную занятость. Предложение (3) примерно эквивалентно предложению (2), но оно оказывает большее воздействие благодаря тому, что оно содержит идиому². Предложение (4) в определенных аспектах пересекается с предложением (1), так как предложение (1) обычно подразумевает, что служебные дела были приняты на себя субъектом добровольно. Предложение (5) примерно эквивалентно предложению (4), но оно фокусирует внимание прежде всего на неадекватном выполнении служебных обязанностей, что является также одним из признаков предложения (1).

Четвертый этап заключается в составлении списка диагностических признаков идиомы *to have too many irons in the fire*: (1) служебные обязанности, связанные со слишком большим числом функций, (2) которые были (вероятно, но не обязательно) взяты на себя субъектом добровольно, (3) неспособность успешно справляться с ними.

УСТАНОВЛЕНИЕ РЕФЕРЕНЦИОННОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В НЕЗНАКОМОМ ЯЗЫКЕ

При анализе значения лексической единицы в незнакомом языке мы можем опираться на два основных источника данных: (1) употребление единиц в контексте — либо в существующих текстах, либо в материалах, полученных от информантов (в ходе наблюдения спонтанной речи или в результате экспериментов по целенаправленному извлечению речевых отрезков)³, и (2) существующие словари (однойязычные или двуязычные) и списки лексем с комментариями (глоссарии). Поскольку процедуры, применимые к этим двум типам данных, различны, они должны быть рассмотрены отдельно. Однако надо иметь в виду, что в конечном итоге семантический анализ должен опираться на все виды источников. Данные словарей и глоссариев должны постоянно дополняться материалом, получаемым из текстов и от информантов*.

* В переводе опущен раздел об использовании словарей, поскольку он носит традиционный характер, а также раздел об анализе значений на базе контекстов, основные идеи которого перекликаются с содержанием статьи Ю. А. Найды, опубликованной на русском языке в сб. «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962.— *Прим. сост.*

УСТАНОВЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАНТОВ

При работе с информантом важно избегать вопроса: «Что значит это слово?» Опытный информант может иногда предложить полезное определение, но все же в большинстве случаев лучше задавать вопросы другого вида, например: «На что это похоже?», «Как это используют?», «Когда вы используете это слово?»

Для определения типов вопросов, которые следует применять для извлечения информации, целесообразно сначала установить, обозначает ли рассматриваемое слово какой-то предмет, событие или абстрактную характеристику. Когда лексическая единица обозначает какое-то отношение реального мира, это значительно усложняет анализ, так как информанты редко могут предложить для такой единицы удовлетворительную серию контекстов.

Если лексическая единица обозначает некоторую конкретную сущность (предмет), то один из первых вопросов может быть таким: «Как это выглядит?» Могут оказаться необходимыми и такие вопросы: «Как это звучит (какой издает звук)?», «Каково это на ощупь?» Эти вопросы нацелены на выявление описаний, основанных на чувственном восприятии рассматриваемого объекта.

Если лексическая единица обозначает активного деятеля или обычного участника какого-либо события, то мы можем задавать вопросы типа «Что он (она, оно) делает?», «Где он (она, оно) живет?», «Как он (она, оно) действует?». Если, с другой стороны, данный объект является искусственным предметом, то полезная информация часто может быть получена в ответ на следующие вопросы: «Как его (ее) делают?», «Из чего он (она, оно) сделан?», «Для чего он (она, оно) используется?» Эти типы вопросов естественно следуют принципам таксономических структур. Мы начинаем с высшей степени иерархии, затрагивающей такие разграничения, как предмет, событие, абстрактная характеристика, а затем переходим к вопросам, которые наиболее удовлетворительным образом позволяют нам эксплицировать различные крупные категории, например, для конкретных объектов: исчисляемые vs. неисчисляемые, одушевленные vs. неодушевленные, естественного vs. искусственного происхождения и т. д. в соответствии с разграничениями, проводимыми в крупных семантических полях.

Для слов, обозначающих события, задаются два типа

вопросов. Первый тип использует вопросительные слова, соответствующие различным «падежным отношениям»: «Кто это делает?», «Как он это делает?», «С чем он делает это?», «Кому он это делает?», «Где он это делает?» и т. д. Второй тип базисных вопросов связан с просьбой, чтобы информант употребил изучаемое слово в различных предложениях или выражениях; это дает своего рода «извлеченный конкорданс».

Если рассматриваемая лексическая единица обозначает абстрактную характеристику, то полезно определить, относится ли она преимущественно к предметам или событиям. В случае предметов можно спросить: «Кто может быть X?» или «Что может быть X?» Если же эта абстрактная характеристика применяется преимущественно к событиям, то вопросы могут быть такими: «Можете ли вы сделать что-то X», «Можете ли вы идти X?», «Можете ли вы разговаривать X?» и т. д., вставляя в каждом случае в позицию X подходящую адвербиальную форму.

После того как получено некоторое количество контекстов употребления лексических единиц, полезно применить дополнительные процедуры, которые позволяют проверить первоначальные наблюдения и точно определить действительный диапазон значения*.

Особый тип методики связан с непосредственным использованием иерархических классов. Спрашивая, могут ли предполагаемые объекты или события низшего уровня входить в референционное поле названий высшего уровня, мы можем установить по крайней мере некоторые из основных признаков «народных таксономий», например «Все ли собаки являются млекопитающими?», «Являются ли опоссумы млекопитающими?», «Являются ли рыбы млекопитающими?», «Являются ли собаки животными?», «Являются ли опоссумы животными?», «Являются ли рыбы животными?». Однако при использовании этой серии вопросов мы сталкиваемся с серьезными трудностями, так как слово со значением 'животное' может употребляться применительно к разным уровням иерархии, как это имеет место в английском языке: во-первых, к уровню, различающему четвероногих и человека; во-вторых, в значении, объединяющем четвероногих и человека; и наконец, для обозначения всех живых существ.

Хотя непосредственное извлечение данных с помощью ин-

* Далее опущена часть раздела, в которой описываются типы тестов Э. Бендикса (см. его статью в наст. сборнике).— *Прим. сост.*

формантов является важной и весьма полезной методикой, оно всегда связано с определенными опасностями, в основном потому, что информанты склонны думать, что они должны отвечать так, как ожидает от них исследователь. Более того, после того как построена конкретная структурная модель фразы и установлено некоторое количество единиц, удовлетворительно заполняющих пробелы, многие информанты продолжают вставлять в нее единицы, которые при нормальных условиях в эти позиции не ставятся. Тем не менее, несмотря на наличие подобных проблем, извлечение семантических данных с помощью хорошо составленных вопросов и полезно, и необходимо, по крайней мере в качестве предварительного этапа. Однако все данные, полученные в экспериментах с информантом, следует подтверждать в ходе последующего анализа, основанного на спонтанной речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Противоречивость значений слова *righteous* хорошо иллюстрируется следующим восклицанием: *Oh that all the righteous people were good people!* 'О, [не говори мне], что все праведники — хорошие люди!'

² В данном случае воздействие — это, по существу, один из аспектов информации, которая может определяться через понятие непредсказуемости. Поскольку идиома менее предсказуема, то она оказывает большее воздействие.

³ Об использовании полевых процедур в лингвистическом анализе см. S a m a r i n 1965; 1967; N i d a 1947; 1949; 1950; 1958.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

1. ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Применение компонентного анализа¹ и ряда других методик исследования к изучению народных таксономий в рамках этнографических проблем открыло новые перспективы и для собственно семантического анализа. Однако прежде чем обратиться к анализу менее структурированных областей словарного состава языка, необходимо четко представлять себе границы изучаемой области лексики. В этой связи следует принять допущение, что начать исследование семантической системы (вообще говоря, непрерывной) можно в любой произвольной точке. Вычлняемые таким образом единицы можно рассматривать как образующие в системе естественно выделяемое подмножество. Их дефиниции будут уточняться по мере того, как будут исследоваться все новые и новые единицы системы, в противопоставлении с теми, которые были извлечены ранее.

Следовательно, наш подход, как и классический компонентный анализ, носит структурный характер в парадигматическом смысле этого слова. Значения единиц языка, согласно этому представлению, находятся друг с другом в оппозициях в рамках системы языка и различаются благодаря дискретным семантическим компонентам, выступающим в роли различительных признаков. Сказанное не является определением термина «значение», которое, как известно, зачастую определяется так широко, что может охватывать все что угодно (не охватывая разве что анекдотических семантических штудий); сказанное не означает также, что мы хотим принизить роль других семантических теорий. Просто мы предлагаем один конкретный подход, который может принести пользу при эмпирическом исследовании значения.

Edward H. B e n d i x. The Data of Semantic Description.— In: «Semantics», ed. by D. D. Steinberg and L. A. Jakobovits, Cambridge (Mass.), 1971, p. 393—409.

Данный подход ограничивается рассмотрением минимальных дефиниций (дефиниционного значения, которое состоит из определяющих характеристик, или критериев). Минимальная дефиниция значения какой-либо единицы — это перечень семантических компонентов, необходимых и достаточных для отграничения (в парадигматическом плане) данного значения от значений всех других единиц языка.

2. НЕИЗОМОРФНОСТЬ СЕМАНТИКИ И ФОРМЫ СЛОВА

Прежде всего необходимо предостеречь от опасности часто наблюдаемого прямолинейного переноса свойств формальной структуры языка на описание семантической структуры. Например, когда речь идет о выделении компонентов «множественное число» и «мужской пол» в значении слов *men* 'мужчины', нам безразличен тот факт, что компонент множественного числа имеет самостоятельный морфемный статус в описании формальной структуры (чего нет, к примеру, в слове *people* 'люди') и тем самым служит для объяснения определенных синтаксических процессов.

Проблема разграничения омонимии и полисемии, также имеющая морфемный аспект, создает осложнения несколько иного типа. Рассмотрим, например, глагол *raise* в значениях 'выращивать, воспитывать' и 'поднимать вверх', а также глагол *lift* в значении 'поднимать, возвышать'. Теория порождающей семантики использует те или иные символы мета-языка для представления значений или компонентов. В процессе порождения определенное сочетание таких семантических символов будет в конечном счете преобразовано в поверхностную форму естественного языка — *raise*. Другое сочетание семантических символов тоже приведет к появлению формы *raise*. Третье сочетание (более похожее на второе, чем на первое) даст нам форму *lift*. Тот факт, что и первая и вторая последовательность правил порождают *raise*, относится к формальной стороне языка, что существенно, например, для объяснения лексической неоднозначности предложений (ср. *He raised the child* 'он воспитал ребенка' или 'он поднял ребенка'). С исторической точки зрения лексема *raise* трактуется как одна многозначная форма, а лексемы *ear* 'ухо' и *ear* 'колос; початок' — как омонимы. Наш чисто синхронный подход не предусматривает такого разграничения: для нас эти случаи покрываются единым термином «омонимия». Психолингвистические эксперименты,

направленные на изучение интуитивных представлений носителей языка о полисемии и омонимии, свидетельствуют, что такое разграничение в принципе существует, хотя граница проходит не обязательно там, где ее указывают исторические критерии. Некоторые носители языка могут считать ея одной формой, рассматривая применение ее для обозначения колоса как метафорический перенос («потому что он прикреплен к стержню и торчит, как ухо»). Но случаи сильно разошедшейся полисемии, которые носители языка интерпретируют как омонимию, а также примеры народной этимологии (с трактовкой омонимии как полисемии) показывают, что интуиция говорящего относительно рассматриваемого разграничения должна учитываться как особый аспект лингвистического описания².

Итак, в словаре каждая дефиниция будет составлять отдельную словарную статью с указанием соответствующей формы выражения. Две разные дефиниции, имеющие некоторые общие семантические компоненты, могут быть представлены как одинаковыми, так и неодинаковыми формами, но отношение между ними в семантической системе в любом случае остается одним и тем же. Поскольку значение многоморфемной лексемы, по определению, невыводимо из значений морфем, то в качестве единицы, подлежащей толкованию в словаре, выступает именно лексема (одно- или многоморфемная), что тоже говорит о неизоморфности семантической и формальной структур языка.

3. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

По мере расширения и углубления исследований по различным языкам мира упоминавшиеся выше метаязыковые семантические признаки будут образовывать все более расширяющийся инвентарь элементов семантического описания, во многом аналогичный инвентарю фонетических признаков, которые могут использоваться при описании различных языков. Межъязыковая применимость таких семантических элементов гарантируется прежде всего возможностью осуществлять с определенной точностью перевод с одного языка на другой. Их обоснованность в составе более широкой семантической метатеории будет определяться их способностью объяснять ответы информантов-билингвов в ходе экспериментов по исследованию межъязыковых сходств и различий. Такие элементы, претендующие на универсаль-

ность, будут использоваться в дефинициях единиц конкретных языков в сочетании с компонентами, специфическими для каждого языка.

4. ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Все еще продолжают споры о том, может ли семантический анализ, например компонентный анализ в рамках этнографии, рассматриваться как модель представлений говорящих о мире (*model of the cognition of speakers*). Когнитивная, или психологическая, реальность принадлежит, однако, к уровню абстракции, соотносимому с поведением индивидуума, в то время как семантический анализ языка находится на более высоком уровне абстракции — на уровне социальных, или культурных, явлений, составной частью которых и является язык. Подобно исследователю, носитель языка в ходе освоения культуры конструирует свою модель, или набор правил, на основе наблюдаемого поведения, — модель, которая может совпадать или не совпадать с моделью, создаваемой другим говорящим. Исследователь в ходе своего анализа использует определенные методы. Например, стараясь объяснить разнообразные употребления какого-то слова, он может (руководствуясь принципом экономии) пытаться избежать ненужной полисемии (или омонимии) и с этой целью проводить максимальные обобщения до ядерных значений или до наиболее глубоких общих семантических знаменателей, соизмеримых с системой парадигматических противопоставлений. В той степени, в какой его методы анализа отражают принципы, используемые носителями языка, процесс научного анализа может считаться моделью (на определенном абстрактном уровне) процессов, осуществляемых говорящими; но его итоговое описание может быть, а может и не быть совместимым с набором правил, который реально вырабатывает для себя какой-то конкретный носитель языка.

5. УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Используются следующие условные обозначения:

а) Aux(*iliary*) — комплекс элементов, которые отражают выбор обязательных глагольных категорий времени, числа, лица, модальности, утвердительности и т. д.; для

простоты в примерах используется форма третьего лица единственного числа простого настоящего времени английского глагола.

б) X, Y, Z — синтаксические переменные, обозначающие любую цепочку символов в синтаксическом представлении предложения.

в) В одинарные кавычки заключаются значения, а именно: компоненты, дефиниции, толкования, интерпретации.

г) При обозначении синтаксической позиции группы существительного (именной группы) вместо более распространенных символов NP_1, NP_2, NP_3 для простоты используются буквы A, B, C . Буква, заключенная в одинарные кавычки, обозначает денотат (референт) того знака, который стоит в позиции, соответствующей данной букве, например: 'A' или 'A имеет B'; в таком случае мы говорим также, что это денотат некоторого представителя (token) данного типа (type)³.

д) Аналогично, буквы P, Q, R или 'P', 'Q', 'R' (а не S_1, S_2, S_3) обозначают, соответственно, предложения, схемы предложений и цепочки семантических компонентов, оформленные в виде предложений.

е) P_i, P_j — представители типа P (конкретные реализации предложения типа P).

ж) AF обозначает функцию с переменной A . Нами принят именно этот, а не более привычный порядок — $f(x)$ или Fx , так как он соответствует порядку слов в английском предложении: субъект предшествует предикату. ARB , где A и B переменные, обозначает отношение между 'A' и 'B'.

з) Квантор существования 'существует некоторый...' обозначается в дефиниции путем постановки неопределенного артикля (a-, an-) перед первым вхождением квантифицируемой переменной.

и) Not - ставится перед предложением в целом для обозначения отрицания с широкой сферой действия и непосредственно перед конкретной единицей внутри предложения — для обозначения отрицания с узкой сферой действия. Пример на узкую сферу действия отрицания: 'He not-has every one' букв. 'он не-имеет всякую вещь' ('он не имеет никаких вещей'), что соответствует смыслу 'ему недостает всего'; пример на широкую сферу действия отрицания: 'not- (he has every one)', что может означать либо 'не-он имеет все вещи', либо 'он не-имеет все вещи', либо 'он имеет не-все вещи'.

6. ПРИМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ ПРИ ОПИСАНИИ ЗНАЧЕНИЙ

Мы применяем некоторые методы формальной логики как для анализа предложений, так и, наоборот, для синтеза или порождения предложений. Так, содержание предложения *John has a dog* 'у Джона есть собака' может быть расчленено на квантор существования и функции: 'существует некоторый В' и 'А имеет В' и 'А = Джон' и 'В есть собака'. *Dog* 'собака' является фактически одноместной функцией, в противоположность двух- и трех- и вообще многоместным функциям. При описании данного слова как лексической единицы в модели английского языка оно должно подаваться не как изолированное слово, а в виде выражения *A is a dog* 'А есть собака'. Существительное типа *son* 'сын' является двухместной функцией *A is B's son* 'А есть сын В'. Функция *A gives B to C* 'А дает В (кому?) С' является трехместной. Ясно, что омонимичные единицы, различающиеся числом мест, должны различаться в описании эксплицитно, а именно: *A is a child* 'А есть ребенок' и *A is B's child* 'А есть ребенок В'. (Заметим, что из 'А есть ребенок В' не обязательно следует 'А есть ребенок'.) Поскольку различие в числе аргументов в функции коррелирует с различиями в синтаксическом поведении единиц, представление лексем в виде схем предложений облегчает применение соответствующих правил порождения высказываний. Синтаксические различия ясно видны также в таких случаях, как, например, исчисляемые существительные vs. исчисляемые существительные vs. прилагательные: *A is sugar* 'А есть сахар', *A is a substance* 'А есть вид вещества', *A is sweet* 'А есть сладкий'. Таким образом, мы можем уточнить наш подход к описанию слова, сказав, что единицей, которая получает дефиницию, является лексема, представляемая в виде функции.

В дефинициях лексических единиц их семантические компоненты тоже имеют форму схем предложений, или форму функций. Следовательно, в теории языка дефиниция, или значение, единицы рассматривается как набор предложений, которые в своей совокупности являются переводом, или перифразой, того предложения, которое подлежит определению (P e i r s e 1933, pp. 427, 569). Таким образом, дефиниция — это утверждение об эквивалентности между определяемым предложением и определяющими предложениями. Она примерно соответствует аналогичному утверждению (или схеме утверждений) на языке-объекте, при-

чем истинность такого утверждения может быть оценена носителями языка (Weigelt 1962, 42 и сл.). Последнее обстоятельство является важнейшей скрытой предпосылкой любых логических рассуждений, проводимых на языке-объекте (Reigse 1933, pp. 176, 179). Поэтому для эмпирической проверки предполагаемых дефиниций мы можем привлекать информантов, что и служит предметом обсуждения в нижеследующих параграфах, посвященных описанию проведенных нами тестов.

7. ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ КОМПОНЕНТОВ

В работе (Vendix 1966, 61—79) из семантической системы английского языка было выделено и подвергнуто анализу одно подмножество глаголов, а именно: A gets B 'А получает В', A finds B 'А находит В', C gives AB 'С дает (кому?) А (что?) В', C gets AB 'С доставляет (кому?) А (что?) В', C lends AB 'С одалживает (кому?) А (что?) В', A borrows B from C 'А занимает В у С', A takes B from C 'А берет В у С', A gets rid of B 'А избавляется от В' A loses B 'А теряет В' и A keeps B 'А хранит (держит) В'. Была предпринята попытка построить дефиниции с использованием семантических компонентов, так чтобы с их помощью можно было различить глаголы данного подмножества. Ввиду их предварительного характера, мы не будем здесь повторять эти дефиниции. Мы опишем компоненты, а некоторые дефиниции будут даны при пояснении нашей методики извлечения языковых фактов и тестирования дефиниций.

При формулировании компонентов используются определенные базисные элементы (primitives). Так, элемент at в выражении at time T 'в [момент] времени T' указывает на период времени, который в данной ситуации рассматривается как неделимый (это не означает, что он является неделимым в принципе); элементы time, или T, а также before 'перед' тоже являются базисными и используются, например, при определении выражения immediately before 'непосредственно перед':

- (1) T_1 is immediately before $T_2 =$
 (I) " T_1 is before T_2 "
 (II) "not-([T_1 is before a- T_3] and [T_3 is before T_2])"
 [T_1 непосредственно перед $T_2 =$
 (I) " T_1 перед T_2 "
 (II) "не-([T_1 перед некоторым T_3] и [T_3 перед T_2])".

Immediately before используется при определении компонента, связанного с изменением состояния или деятельности:

- (2) P comes to be, at T =
(I) "not-P at a-T₁ and at T"
(II) "P at a-T₂"
(III) "T₁ is immediately before T"
(IV) "T is immediately before T₂"
['P начинает иметь место в T =
(I) "не-P в некоторый T₁ и в T"
(II) "P в некоторый T₂"
(III) "T₁ непосредственно перед T"
(IV) "T непосредственно перед T₂"].

Другие типы компонентов таковы (после каждого из них мы даем примерное толкование на естественном языке): A an- F 'А делает нечто или является чем-то', B is an- R_hA 'между B и A имеет место отношение «иметь» (have)' или просто 'А имеет B'; B is A's 'B принадлежит А'. Последние два компонента обсуждаются более подробно ниже в разделах 9.2—9.3. В записи этих компонентов противопоставление глаголов is и does отражает противопоставление состояния и деятельности.

Другим базисным элементом является P causes Q 'P каузирует Q', который используется, например, в дефиниции C gives B to A = (C an- F) causes (B is an- R_h A) 'С дает (что?) В (кому?) А = (С делает F) каузирует (А имеет В)'. Этот компонент используется тогда, когда тесты указывают на наличие информации о том, что 'С' (или 'А' и т. д.) совершает нечто или является чем-то и затем это действие или состояние приводит к некоторому другому действию или состоянию либо по крайней мере оказывается с ним связанным таким образом, что говорящий квалифицирует эту связь как причинную.

В итоге мы, конечно, хотели бы определить такие термины метаязыка, как cause 'каузировать', referent 'денотат' или квантор существования there is a... 'существует некоторый...', более точным образом в рамках общей лингвистической теории, а также, видимо, и в любой конкретной теории, специфической для данного языка. Сказанное не следует понимать как стремление определить каузацию или существование вообще; сказанное нельзя трактовать как приверженность к какой-либо философской школе, трактующей тем или иным образом природу и допустимые способы определения того, что может, а что не может

быть денотатом; сказанное также нельзя рассматривать как попытку вывести все следствия из употреблений данного квантора в его логическом понимании. Наша задача — попытаться описать, как говорящие пользуются языком, и установить то содержание, которое, по нашему мнению, говорящий вкладывает в высказывание, имеющее в своем составе выражение, значение которого мы определяем через компонент «cause».

8. МЕТОДИКА ИЗВЛЕЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ И ТЕСТИРОВАНИЯ ДЕФИНИЦИЙ

Существует несколько типов методик извлечения языковых фактов и типов тестов, которые могут использоваться для порождения данных, являющихся основой семантического описания⁴. Эти тесты основаны на допущении, что в распоряжении исследователя уже имеются грубые толкования, переводы и т. п. для форм исследуемого языка, и теперь он ставит своей целью более точно определить место семантически близких форм в рамках некоторой парадигмы оппозиций. Считается также, что в качестве эмпирического материала используются данные о возможной сочетаемости данной формы с другими формами, а также сведения о возможных денотативных ситуациях. Главная задача тестирования состоит в том, чтобы выделить и проверить семантические компоненты, описывающие оппозиции в изучаемой парадигме.

8.1. Простейший тип методики, тестирование на свободную (open-ended) интерпретацию, фактически повторяет оппозиции, уже имеющиеся в парадигме, и сводится к тому, чтобы информант противопоставил P и Q; для этого задается вопрос типа: «В чем разница в значении между He gave it to me 'Он дал это мне' и He lent it to me 'Он одолжил это мне'?» Применительно к A has B 'A имеет B' и A gets B 'A получает B' такой тест может дать первое приближение к дефиниции A gets B = 'A начинает иметь B', или, используя принятый выше способ записи компонентов, можно переписать дефиницию в виде (B is an- R_n A) comes to be. Такие тестовые предложения строятся как минимальные пары, различающиеся только отдельными лексемами, которые подвергаются экспериментальному изучению (их отдельность в незнакомом языке является, естественно, гипотетической). Различия в значении предложений могут возникать

исключительно за счет этих лексем. Теоретически допустимо, что информант может вообразить для данных двух предложений разные фоновые ситуации, и в таком случае эти предложения перестают быть чистой минимальной парой. Чтобы контролировать этот фактор, можно совместить в одном и том же предложении *не-Р* и *Q*; тогда парадигматическая оппозиция окажется подкрепленной синтагматическим противопоставлением. Информанту могут быть заданы вопросы: «Что это значит?» или «Если бы вы услышали, как кто-то сказал это, то что, по вашему мнению, он имел бы в виду?» Такой тест на интерпретацию применяется к предложению типа *He didn't give it to me, he lent it to me* 'Он не дал это мне, он одолжил это мне' или *He didn't take it, he got it* 'Он не взял это, он получил это'.

Допустим, что для последнего предложения информант дал интерпретацию «Он не делал ничего для того, чтобы получить это; он просто получил это»; мы можем объяснить этот ответ, введя компонент 'каузировать' в составе следующей модели процесса интерпретации предложения информантом:

- (3) (I) $P = Q + R$ [*A takes B = A gets B + A делает нечто для каузирования этого; или: (A an-F) causes (A gets B)*]
 (II) *not-P, Q* [*He didn't take it, he got it; или not-(A takes B), A gets B*]
 $= \text{not}-(Q + R), Q$ [*not-(A gets B + [A an-F] causes...), A gets B*]
 $= (\text{not-Q} + \text{not-R})$ или $(\text{not-Q} + R)$ или $(Q + \text{not-R}), Q$
 $= Q + \text{not-R}, Q$
 $= \text{not-R}, Q$
 [Он не делал ничего для того, чтобы получить это, он просто получил это].

Принцип такого моделирования заключается в том, чтобы установить внутреннюю непротиворечивость первого и второго простых предложений, входящих в состав рассматриваемого сложного предложения. Простое предложение *He didn't take it* ('*не-Р*') является неоднозначным: отрицаться могут компоненты 'Q' или 'R' либо оба сразу, но из трех возможностей лишь смысл '*Q + не-R*' согласуется с простым предложением *he got it* ('Q'). В результате этого рассуждения в значении глагола *take* выделяется компонент 'каузировать' ('R'). В целях экономии (а также по

некоторым другим причинам) соответствующая дефиниция может быть записана в следующем редуцированном виде: $A \text{ takes } B = '(A \text{ an-}F) \text{ causes } (B \text{ is an-}R_n A)'$, но в дальнейшем может возникнуть необходимость рассматривать $A \text{ takes } B$ как усеченную форму выражения $A \text{ takes } B \text{ from } C$ 'А берет В у С', и тогда дефиниция будет снова пересмотрена.

Тест типа *не-Р*, *Q* поддается, по-видимому, интерпретации информантом лишь в том случае, если из двух смыслов 'Р' и 'Q' один входит в другой или если различающие их компоненты представляют собой значения одного и того же параметра. В противном случае (например, *He didn't keep it, he got it* 'Он не хранил это, он получил это') тест *не-Р*, *Q* чрезвычайно трудно интерпретировать иначе, чем просто как отрицание первого утверждения Р, что, кстати, всегда является возможной интерпретацией в этом типе теста. О других возможностях интерпретации, отличающихся от строгого рассуждения, приведенного выше, говорится в разделах 8.4.2—8.4.3.

Такие тесты на интерпретацию носят в значительной степени свободный, творческий характер и дают в руки исследователя широкий спектр ответов, на основании которых можно путем индуктивного обобщения сформировать набор потенциальных компонентов. Далее исследователь может приступить к экспериментальной проверке гипотетических компонентов с помощью более жестких тестов с несколькими альтернативными ответами (типы таких тестов описываются ниже).

8.2. Существует тип теста, который можно назвать тестом на проверку соответствия посылки и заключения. Здесь два предложения Р и Q, обладающие высокой степенью семантической близости и составляющие минимальную пару, противопоставляются третьему предложению R, которое выражает предполагаемый компонент значения предложения Р. Одна из разновидностей этого типа представляет собой силлогистическое рассуждение. Например, для проверки компонента 'B is not A's' ('R') в составе значения леммы *C lends B to A (P)* 'С одалживает В лицу А (P)':

(4)	(P) He's only lent it to me	} and so (R) it isn't really mine
	'Он только одолжил это мне	
	(Q) He's only given it to me	} и поэтому эта вещь в действительности не моя'
	'Он только дал это мне	

Этот тест мог бы быть также оформлен в виде «Поскольку P/Поскольку Q : R». В силлогизме R выступает как его заключение, если P — это меньшая посылка. Бóльшая посылка в данном случае является скрытой и сводится к утверждению эквивалентности, которое определяет $P = \dots + R$ ⁶.

Этот тип теста может также принимать вид теста на упорядочение, в котором информанта спрашивают, которое из двух предложений является более осмысленным или легче поддается интерпретации. Например,

(5) (I) Since (P) he's only lent it to me, (R) it isn't really mine.

‘Поскольку (P) он только одолжил мне эту вещь, (R) она в действительности не моя’.

Since (Q) he's only given it to me, (R) it isn't really mine.

‘Поскольку (Q) он только дал мне эту вещь, (R) она в действительности не моя’.

(II) Since (P) he's only lent it to me, (R) it isn't really mine.

‘Поскольку (P) он только одолжил мне эту вещь, (R) она в действительности не моя’.

Since (P) he's only lent it to me, (not-R) it's really mine.

‘Поскольку (P) он только одолжил мне эту вещь, (не-R) она в действительности моя’.

или для проверки компонента ‘A has B, (immediately) before T’ в составе значения леммы A keeps B, at T ‘A хранит B (A является обладателем B), в момент времени T’:

(6) If he has it, he'll keep it.

‘Если он имеет эту вещь, он будет хранить ее’.

If he doesn't have it, he'll keep it.

‘Если он не имеет этой вещи, то он будет хранить ее’.

8.3. Информанты, таким образом, не должны высказывать суждения абсолютного характера, которые характеризовали бы определенные предложения как лишённые значения, бессмысленные, противоречивые, не поддающиеся интерпретации и т. д., а должны просто упорядочить предложения с точки зрения большей или меньшей осмысленности, легкости интерпретации и т. д. Что касается интерпретируемости «бессмысленных» предложений, то об этом писалось очень много. Предложение If he doesn't have it, he'll keep it имеет смысл, например, в рамках следующего фонового

контекста: «он — коллекционер марок; и сейчас ему должны дать марку, экземпляр которой у него, может быть, уже есть, а может быть, и нет»; тогда возможно следующее высказывание: If he has it, he'll trade it for a stamp he doesn't have; if he doesn't have it, he'll keep it 'Если он имеет ее, он обменяет ее на марку, которой он не имеет; если он не имеет ее, он будет хранить ее'. Чем большее число операций требуется для интерпретации предложения, тем более низкий ранг оно получит в результате операции упорядочения.

8.4. Важный тип теста на упорядочение нацелен на отделение критериальных (criterial) семантических компонентов некоторой единицы (Weinreich 1962, 33) — то есть тех, которые необходимо подразумеваются ею, — от элементов значения, не играющих для нее критериальной роли. Подчеркнем еще раз, что тестированию подвергаются только такие семантические элементы, которые уже стали вероятными кандидатами на вхождение в число компонентов в результате тестов на интерпретацию и других эмпирических наблюдений. Предположим, что проведение тестов с использованием предложения *She didn't give it to him, she lent it to him* 'Она не дала это ему, она одолжила это ему' привело к выявлению в значении выражения *she lent it to him* следующих кандидатов в компоненты 'она сказала, что он не может держать это сколь угодно долго' и 'она сказала, что это не будет принадлежать ему'. Сравним следующие пары предложений:

- (7) (I) a) *She lent it to him but said he could keep it as long as he wished.*
'Она одолжила ему эту вещь, но сказала, что он может держать ее сколь угодно долго'.
b) *She lent it to him but said he couldn't keep it as long as he wished.*
'Она одолжила ему эту вещь, но сказала, что он не может держать ее сколь угодно долго'.
(II) a) *She lent it to him but said it would be his.*
'Она одолжила ему эту вещь, но сказала, что она будет принадлежать ему'.
b) *She lent it to him but said it wouldn't be his.*
'Она одолжила ему эту вещь, но сказала, что она не будет принадлежать ему'.

Ясно, что предложение (Ia) получит более высокий ранг, чем (Ib); для пары предложений (IIa) и (IIb) вопрос об упорядочении решается не столь просто. Другая разновид-

ность этого типа теста использует предложения без союза *but* 'но':

- (8) a) They lent him a book that wasn't his.
 'Они одолжили ему книгу, которая не принадлежала ему'.
 b) They lent him a book that was his.
 'Они одолжили ему книгу, которая принадлежала ему'.

Однако мы ограничимся рассмотрением тестов с использованием союза 'но' (Weir & Giesh 1963, 154, сн. 4).

8.4.1. Обычно при употреблении сложного предложения типа «*P*, но *R*» простое предложение, вводимое союзом 'но', отрицает некоторый семантический элемент, не являющийся критериальным для *P*. Это может быть семантический признак, который в узком смысле может трактоваться как коннотация для *P*, а в более широком смысле — как предшествующее ему ожидание, суждение и т. п.:

- (9) (I) Дано: a) *P*, но *R* [напр., He's lost his watch but knows where it is
 'Он потерял свои часы, но знает, где они'].
 b) *P*, но не-*R* [напр., He's lost his watch but doesn't know where it is
 'Он потерял свои часы, но не знает, где они'].
- (II) Если некоторый элемент, не являющийся критериальным для *P*, отрицается предложением *R*, то информанты должны приписать более высокий ранг предложению (a); если такой элемент отрицается суждением не-*R*, то они должны будут выбрать (b).
- (III) Если из двух суждений, *R* и не-*R*, одно является критериальным компонентом для *P*, а другое, следовательно, отрицает этот компонент, то информанты должны, очевидно, считать как (a), так и (b) странными предложениями, трудными для интерпретации, нуждающимися в переформулировании и т. д.

В случае (9 III) решение вопроса о том, которое из двух суждений (*R* или не-*R*) является компонентом *P*, будет осуществлено с помощью других средств, например, тестов на интерпретацию. При построении предложений для тестов с союзом *but* 'но' достаточная простота их восприятия обес-

печивается тем, что мы не ставим в качестве первой части сложного предложения суждение *не-Р*; иначе широкая сфера действия этого отрицания мешала бы установлению того, который компонент суждения *Р* отрицается информантом. Этот факт станет яснее, если мы опишем тест с союзом *but* 'но' в следующем виде:

- (10) (I) Пусть: $P = \text{Тип}_p$, $R = \text{Тип}_r$ и т. д. $P_i = \text{Представитель}_i$ типа P , $P_j = \text{Представитель}_j$ типа P и т. д., где каждый тип — тип_p , тип_r и т. д. — имеет структуру предложения
 (II) P , но $R = 'P' + \text{'ождается } (P + \text{не-}R)' + 'R'$

Обычно при употреблении предложения типа «*Р, но R*» некритериальным элементом является *не-R*. Например: *He's lost his watch but knows where it is*, где компонентом *не-R* будет *He doesn't know where it is* 'Он не знает, где они'. Критериальные компоненты будем обозначать через *Q*. Когда у *P* имеется коннотация *не-R*, можно применить репрезентацию $P = Q (\text{не-}R)$, определив ее следующим образом:

- (11) $[P = Q (\text{не-}R)] = [(P_i = Q + \text{не-}R) \text{ и } (P_j = Q)]$.

$P = Q (\text{не-}R)$ должно, следовательно, пониматься так: «Если некто утверждает 'P', то он либо утверждает $Q + \text{не-}R$, либо он утверждает 'Q'», но не должно пониматься так: «Если некто утверждает *P*, то он утверждает $Q + \text{не-}R$ или *Q*»⁶. В этом случае, следовательно,

- (12) P , но $R = Q (\text{не-}R) + [\text{ождается } (Q + \text{не-}R)] + R$,

так что предложение типа «*Р, но R*» может использоваться говорящим для выражения суждения $Q + R$.

8.4.2. Далее идет тест, при котором критериальными являются как *Q*, так и *не-R*: $P = Q + \text{не-}R$. В этом случае мы имеем:

- (13) P , но $R = [P + \dots + R] = [Q + \text{не-}R + \dots + R]$,

что содержит в себе противоречие, как во фразе *He's lost his watch but did so intentionally* 'Он потерял свои часы, но сделал это намеренно', где компонент 'не намеренно' (*не-R*) является критериальным для глагола *lose* 'терять' (*P*)⁷. Когда человек слышит такое высказывание в изолированном виде, его первой реакцией будет оценка данной фразы как внутренне противоречивой, например в следующих аспектах:

а) Он может отвергнуть это высказывание на том основании, что говорящий нарушил языковой код или что он произносит бессмыслицу; реакцией здесь могут быть, например, такие оценки: «Оно не имеет смысла» или «Бессмысленно говорить, что некто теряет что-то намеренно».

б) Он может интерпретировать это высказывание в том смысле, что оно отрицает какое-то предшествующее утверждение типа 'не-R' или 'P+не-R': «Кто-то, наверное, сказал, что эта потеря была не намеренной».

с) Он может подозревать, что в данном случае мы имеем дело с некоторым индивидуальным отклонением от общепринятого языкового кода, то есть подозревать, что для говорящего иногда 'P=Q+R': «Говорящий, наверное, думает, что слово "терять" может относиться и к намеренному действию».

д) Он может рассматривать это противоречие как выражение иронии и предложит разрешить это противоречие путем замены 'P' на 'Q', что дает 'Q+...+R [и, следовательно, не-P]'⁸. В этом случае он может интерпретировать иронию в том смысле, что «Некто вводит кого-то в заблуждение или сам введен в заблуждение относительно истинности P» и перифразировать предложение P, но R следующим образом: «Он потерял свои часы, так он говорит (или так Вы думаете), но в действительности он нарочно избавился от них» или «Он потерял свои часы, так он думает, но на самом деле, он, не сознавая этого, избавился от них» и т. д.

е) Он может подозревать, что говорящий ошибся и на этом основании отвергать 'не-R' и тем самым само 'P': «Раз он сделал это намеренно, он на самом деле их не потерял или, во всяком случае, это не был случай действительной потери».

8.4.3. Наконец, есть еще одна разновидность теста, где, так же как и в предыдущей разновидности, $P=Q+не-R$, но на этот раз тестовое высказывание имеет форму P, но не-R, как в случае He's lost his watch but didn't do so intentionally 'Он потерял свои часы, но сделал это ненамеренно:'

$$(14) \quad P, \text{ но не-R} = P + (\text{ожидается } [P + R]) + не-R = \\ (Q + не-R) + (\text{ожидается } [Q + не-R + R]) + не-R.$$

Услышав такое высказывание в изолированном виде, информант может реагировать на него так: «Если P, то кто же будет ожидать R?», ибо P уже подразумевает не-R. И здесь информант может пытаться разрешить этот конфликт таким же образом, как и в случаях (а) — (е) выше.

а) Он может отвергнуть данное высказывание: «Мы должны считать, что можно сказать ‘человек иногда теряет что-то намеренно’, но ведь это не так (такого не бывает)»; б) отрицание предшествующего утверждения: «Кто-то, наверное, сказал, что это было сделано намеренно»; в) индивидуальная версия языкового кода; г) интерпретация в плане иронии: ‘не-R’ заменяется на ‘R’, например: «Он потерял свои часы, так он говорит, но это было сделано намеренно»; е) интерпретация на основе предложения об ошибке: Р, но не-R переформулируется в виде Р и не-R и тем самым устраняется компонент ‘ождается (Р+R)’, как в случае «Да, конечно, он потерял свои часы и сделал это ненамеренно».

8.4.4. Итак, оба тестовых предложения в паре

(15) а) He lost it but didn't do so intentionally.

б) He lost it but did so intentionally.

первоначально приводят информанта в замешательство, ибо они затрагивают критериальный компонент, но, если мы все же будем настаивать на возможной интерпретации, информант может признать предложение (15 б) и считать, что оно описывает ситуацию, когда субъект этого предложения ведет себя так, чтобы обмануть кого-то. Интерпретацию в плане обмана легче осуществить тогда, когда мы имеем дело с такой ненаблюдаемой сущностью, как намерение. Подобную интерпретацию труднее осуществлять в тех случаях, когда предметом размышлений являются не намерения, а более материальные вещи, как в следующей паре предложений, тоже приводящих к первоначальному замешательству:

(16) а) He got himself one but didn't do anything to get it.

‘Он достал себе одну (вещь), но не сделал ничего для того, чтобы достать ее’.

б) He got himself one but did something to get it.

‘Он достал себе одну (вещь), но сделал нечто, чтобы достать ее’.

Здесь для выражения A gets self B ‘А достает себе В’ критериальным является компонент ‘А делает нечто, чтобы достать В’ ([A an-F] causes [B is an-R_n A]). Как выяснилось в экспериментах по многим языкам, в случае предъявления информанту тестовой пары типа (16) он, испытывая затруднения в выборе одного из двух неясных предложений, выбирает все-таки то, в котором суждение, вводимое союзом but ‘но’, по крайней мере отрицает предыдущий элемент, хотя этот последний является критериальным компонентом

первого суждения. Однако, когда его просят разъяснить возможную интерпретацию или описать ситуацию употребления выбранного предложения, информант часто приходит к выводу, что на самом деле оно является противоречивым и тем самым подтверждает критериальный характер рассматриваемого гипотетического компонента.

8.4.5. Обратимся теперь к еще одному способу использования теста с союзом *but* 'но':

- (17) a) He lost it but it was his.
'Он потерял эту вещь, но она принадлежала ему'.
b) He lost it but it wasn't his.
'Он потерял эту вещь, но она не принадлежала ему'.

В значении выражения *A loses B at T* 'А теряет В в момент времени Т' наличествует, по-видимому, компонент 'А имеет В перед Т', но данная пара предложений проверяет наличие более узкого по содержанию элемента 'В принадлежит А перед Т', который вызывает у нас, конечно, больше сомнений, но все же является возможным кандидатом. Реакция на эти два предложения не такая, с какой мы сталкиваемся в случае критериального компонента (см. выше разделы 8.4.2—8.4.3), но и в этом случае приведенные два предложения не обеспечивают уверенного выбора одного из них как более осмысленного. Каждое из них требует, чтобы информант вообразил некоторый фоновый контекст, и только тогда предложение будет поддаваться интерпретации. Например, для предложения (17a) таким контекстом могла бы быть ситуация, в которой «эта вещь» принадлежит кому-то другому, а терять чужие вещи нежелательно. Для (17b) фоновая информация могла бы быть противоположной. Если все равно, какой из этих контекстов добавляется, то соответствующее предложение получает более высокий ранг: если бы элемент 'она принадлежала ему' уже являлся коннотацией фразы 'он потерял эту вещь', то никакого фонового контекста добавлять не требовалось бы, и (17 b) чаще всего получало бы более высокий ранг. Таким образом, тест с союзом *but* 'но' может быть также полезен для опознания семантических элементов, не являющихся коннотациями, а также, возможно, для опознания дизъюнктивных коннотаций, которые взаимно исключают друг друга⁹.

8.4.6. Предложение типа *The pickpocket lent the judge a gold watch, but it was the judge's (watch)* 'Вор-карманник одолжил судье золотые часы, но эти часы принадлежали

судье' показывает случай (быть может, крайний) того, как сильно меняется оценка высказываний у информанта, если другие составляющие предложения, отличные от исследуемой единицы (в данном случае *lend*), не являются семантически нейтральными, что особенно сказывается при экспериментальном изучении такого свойства компонентов, как их критериальность. В таких тестах желательны слова с достаточно общим значением; эта общность значения особенно необходима при использовании предложений типа «*P*, но *R*», она достигается при исследовании глаголов, например, путем использования в предложениях не существительных, а местоимений или их эквивалентов.

9. ГЛАГОЛ HAVE 'ИМЕТЬ'

Изложим теперь более детально результаты исследований семантических элементов *B is R_n A* и *B is A's*¹⁰.

9.1. Сравним следующие предложения с главным глаголом *have* 'иметь' и соответствующие им предложения без глагола *have*:

- (18) (I) This line has had three of its ships run aground this year.
букв. 'Эта линия имела три своих корабля севшими на мель в этом году'.
 Three of the ships of this line have run aground this year.
 'Три корабля этой линии сели на мель в этом году'.
- (II) With the new precautions, we will have no more thefts occur in our building.
 'Если будут приняты дополнительные меры, мы не будем иметь больше краж в нашем здании'.
 With the new precautions, no more thefts will occur in our building.
 'Если будут приняты дополнительные меры, в нашем здании больше не будет краж'.
- (III) He has had it said about him that...
букв. 'Он имел говоримое о нем, что...'.
 It has been said about him that...
 'О нем говорили, что...'
- (IV) The trees on our street are having their lower branches removed.

букв. 'Деревья на нашей улице имеют сейчас свои нижние ветки срезаемыми'.

The lower branches of the trees on our street are being removed.

'Нижние ветки деревьев на нашей улице сейчас срезаются'.

Тема (topic) пассивного предложения соответствует объекту глагола в эквивалентном активном предложении. (Тема в английском языке обычно получает роль субъекта.) Приведенные выше примеры показывают, что тема конструкции с *have*, однако, может соответствовать гораздо более широкому кругу типов именных групп в предложениях без глагола *have*. Эти типы могут включать такие именные группы в пассивных предложениях, которые отличны от агентивной группы типа *by*+NP. Представляется возможным утверждать, следовательно, что выдвигание в качестве темы (topicalizing) любой именной группы в определенных глубинных структурах требует подъема ее в позицию субъекта в поверхностных структурах с введением глагола *have*, в то время как эти именные группы, не будучи темой, занимают в поверхностной структуре разнообразные другие позиции ¹¹.

9.2. Существует особый подкласс предложений с *have*, для которых соответствующие предложения без *have* содержат в качестве главного глагол *be* 'быть', например:

- (19) (I) The safe had no money in it.
букв. 'Сейф не имел в себе денег'.
There was no money in the safe.
'В сейфе не было денег'.
- (II) John has the boy with him.
букв. 'Джон имеет мальчика с собой'.
The boy is with John.
'Мальчик с Джоном'.
- (III) The neighbors' son will have a sitter to watch him.
букв. 'Сын соседей будет иметь няню, чтобы присматривать за ним'.
The neighbors will have a sitter to watch their son.
букв. 'Соседи будут иметь няню, чтобы присматривать за их сыном'.
There will be a sitter to watch the neighbors' son.

букв. 'Будет няня, чтобы присматривать за сыном соседей'.

(IV) The top drawer of John's bureau has the socks in it.

букв. 'Верхний ящик письменного стола Джона имеет в себе носки'.

John's bureau has the socks in its top drawer.

букв. 'Письменный стол Джона имеет носки в своем верхнем ящике'.

John has the socks in the top drawer of his bureau.

букв. 'Джон имеет носки в верхнем ящике своего письменного стола'.

The socks are in the top drawer of John's bureau.

'Носки находятся в верхнем ящике письменного стола Джона'.

(Существуют и другие подклассы соответствий между предложениями с *have* и предложениями с *be*.) Для предложения (19.1), например, глубинные составляющие можно огрубленно представить в линейной записи следующим образом (мы опускаем символ вспомогательного глагола *Aux* и показатели темы):

(20) (not-[there is a B]) + (B is in A) + (B is money) + + (A = the safe).

(не-[существует некоторое B]) + (B находится в A) + + (B есть деньги) + (A = сейф)]¹².

'B находится в A' представляет собой пример структуры, которая задает этот подкласс предложений с *have*, а именно:

(21) B is XAY, где:

X = to + Verb + Z

или Локативный предлог + Z,

или with 'с',

или for 'для'.

Y может быть пустым.

Z может быть пустым.

Этот подкласс, следовательно, имеет поверхностные структуры общего вида A has BXAУ.

Более того, он связан с классом поверхностных структур, представляющих для нас более непосредственный интерес, общего вида A has B, который является результатом опущения XAY. Этот класс будем называть 'акциденталь-

ным $A \text{ has } B$, мотивировка этого названия дана ниже в разделе 9.4. Семантический элемент ' $B \text{ is } R_n A$ ', который дополнительно был введен в разделе 7, является компонентом выражения ' $B \text{ is } XAY$ ', так что усеченная функция ' $\text{is } X...Y$ ' является разновидностью функции ' $\text{is } R_n$ '. Примеры акцидентального $A \text{ has } B$ мы можем извлечь из предложений (19 I)—(19 IV):

- (22) (I) The safe has no money.
букв. 'Сейф не имеет денег'.
 (II) John has the boy.
букв. 'Джон имеет мальчика'.
 (III) The neighbors' son will have a sitter.
 'Сын соседей будет иметь няню'.
 (IV) The neighbors will have a sitter.
 'Соседи будут иметь няню'.
 (V) The top drawer of John's bureau has the socks.
букв. 'Верхний ящик письменного стола Джона имеет носки'.
 (VI) John's bureau has the socks.
букв. 'Письменный стол Джона имеет носки'.
 (VII) John has the socks.
 'Джон имеет носки'.

Можно видеть, далее, что любое такое предложение вида $A \text{ has } B$ может выражать неопределенно большое число отношений между 'А' и 'В', каждое из которых эксплицируется каким-то конкретным (опущенным нами) элементом 'ХАУ'.

9.3. Существует класс предложений вида $A \text{ has } B$ (мы называем их «ингерентными»), которые выражают только одно или ограниченное число отношений между 'А' и 'В', в зависимости от конкретного существительного В (или в зависимости от существительных А и В). Эти существительные В часто обозначают различные отношения, например: son 'сын', neighbor 'сосед', assistant 'ассистент', queen 'королева', counterpart 'соответствие, аналог', end 'конец', leg 'ножка (чего-либо)', texture 'строение (структура)', size 'размер'; их можно рассматривать в плане следующей базисной формы: $C \text{ is } A's B$ 'С — это В, которое принадлежит А', например $C \text{ is } A's \text{ son}$ 'С — сын А'¹³. Таким образом, ингерентное предложение вида $A \text{ has } B$ оказывается связанным с суждением ' $C \text{ is } A's B$ ', как это показано ниже. Если существительное В более конкретно по своей семантике и не обозначает отношения (например, $\text{This is John's book}$ 'Это книга Джона'),

то выражение *C is A's B* соответствует другим типам предложений, выражающих природу ингерентного (внутренне присущего) отношения между 'А' и 'В/С' (например, *John owns/wrote this book* 'Джон владеет этой книгой /написал эту книгу').

Именная группа *B* при акцидентальном отношении может свободно употребляться как с определенными, так и с неопределенными артиклями или определителями: *This box has the diamond* букв. 'Эта коробка имеет бриллиант (определенный)', *This box has a diamond* букв. 'Эта коробка имеет бриллиант (неопределенный)', *The diamond is in this box* '(Определенный) бриллиант в этой коробке', *There is a diamond in this box* 'В этой коробке есть бриллиант', *A diamond is in this box* '(Какой-то) бриллиант находится в коробке'. Ингерентное отношение не характеризуется такой свободой. Например: *John has a son* 'Джон имеет сына', *This is John's son* 'Это сын Джона'; но следующие фразы выглядят неестественно: *There is a son of John* 'Имеется сын Джона', *There is a son of John's/that is John's son* 'Имеется сын, который является сыном Джона' (или *A son is of John/John's [son]* '(Некоторый) сын является сыном Джона'), *John has this son* 'Джон имеет этого сына' (Это предложение будет естественным в ситуации, когда речь идет не о конкретном индивидууме, а о типовом объекте, напр., *John has the son we would all like to have* 'Джон имеет такого сына, какого мы все с удовольствием имели бы'). Если даны составляющие 'there is a C' + 'C is A's B', то потребуется только одно правило выдвижения *A* в качестве темы, а именно построение предложения вида *A has a B* 'А имеет (некоторое) В'. Из-за омонимии некоторые из предложений вида *A has B* могут трактоваться и как ингерентные, и как акцидентальные, например: *John has one arm* 'Джон имеет одну руку (один подлокотник кресла)' может трактоваться в смысле *He lost the other in the war* 'Он потерял другую на войне', а может и в смысле *And he needs another one for the armchair that he's making* 'И ему нужен еще один подлокотник для кресла, которое он делает'.

9.4. Выражение *C is A's B* (или *B is A's*) маркировано в плане того, что оно несет в себе особый тип отношения, названного ингерентным, в то время как выражение *A's B* (или *A's*) в изолированном виде может соответствовать широкому кругу языковых выражений, связанных как с акцидентальными, так и с ингерентными отношениями,

например, the shovel that John has 'лопата, которую имеет Джон': John's (shovel) 'лопата Джона'; the weeds in John's garden 'сорняки в саду Джона': John's (weeds) 'сорняки Джона'; а также the man that is John's son 'человек, который является сыном Джона': John's (son) 'сын Джона'. Отношения, названные акцидентальными и ингерентными, разграничиваются потому, что они логически независимы; это можно проиллюстрировать на следующем примере. Пусть дана ситуация, когда одна книга принадлежит ему, а другая нет: He has the book that is his 'Он имеет книгу, которая принадлежит ему', He has the book that is not his 'Он имеет книгу, которая не принадлежит ему', He doesn't have the book that is his 'Он не имеет книгу, которая принадлежит ему'.

Другими словами, не представляет особого труда интерпретировать предложения, в которых говорится о том, что вещь, которую некто имеет или не имеет в данный момент, принадлежит или не принадлежит ему. Компонент C is A 's B (или B is A 's) выражает тот факт, что между 'A' и 'B/C' существует некоторое особое отношение в противоположность тем случайным (акцидентальным) отношениям, которые могут выражаться предложением вида A has B , связанным с компонентом 'B is XAY'. При обсуждении некоторых других проблем акцидентальные и ингерентные отношения называют также терминами «отчуждаемое» и «неотчуждаемое» отношение. Мы не хотим сказать, конечно, что разграничение акцидентальных и ингерентных отношений существует отдельно от человеческого взгляда на вещи; мы хотим сказать лишь, что, когда говорящий делает утверждение вида C is A 's B , которое мы определили как выражающее ингерентность, он фактически делает утверждение о том, что между 'A' и 'B/C' существует некоторое отношение и что это отношение мы характеризуем в том плане, что человек понимает его как эксклюзивное и в некотором смысле особое. Некоторое отношение является ингерентным только в том случае, если кто-то говорит, что оно таково или если его эксклюзивность нельзя наблюдать объективно, разве что в случае, когда нам говорят, с помощью каких объективных критериев какой-то говорящий определяет его как эксклюзивное в данном контексте (или все говорящие в более широком контексте культуры).

Обратимся снова к акцидентальному A has B , которое не маркировано по ингерентности, то есть по тому, имеется ли в виду подобное особое отношение между 'A' и 'B'.

Представим себе ситуацию, когда два человека, Джон и Мери, видят экземпляр книги, лежащий на столе около Мери, и Джон спрашивает: *Do you have that copy?* 'Ты имеешь этот экземпляр?'. По определению выражения *A has B*, мы могли бы перифразировать этот вопрос как «Имеется ли какое-либо отношение между тобой и этим экземпляром?» и ожидать, что Мери удивится этому вопросу, так как она видит, что Джон видит, что такого рода отношение имеет место. Подобный вопрос имел бы больше смысла, если бы он имел форму *Is that copy yours?* 'Этот экземпляр твой?', так как тогда его смысл будет таков: «Существует ли ингерентное отношение, некоторое особое отношение, которого я не вижу, между тобой и этим экземпляром?»; таким особым отношением в случае людей и книг обычно является отношение обладания. Конечно, если бы в первоначальном вопросе вместо *that copy* 'этот экземпляр' стояло *that book* 'эта книга', то вопрос уже было бы интерпретировать легко, так как с некоторыми существительными такие выражения могут иметь также смысл 'любой другой член того же класса'.

9.5. Существует еще третий большой класс предложений типа *A has B* (наряду с несколькими другими более мелкими классами), который носит скорее производный и полупродуктивный, чем истинно базисный характер. Эти предложения можно назвать характеризующими, но не следует определять их в том плане, что они выражают некоторое отношение, зависящее от принятого определения референции. Примеры таких предложений и соответствующих им предложений с *be* таковы: *A has strength* 'А имеет силу': *A is strong* 'А — сильный'; *A has (much) happiness* 'А имеет (много) счастья': *A is (very) happy* 'А (очень) счастлив'; *A has courage* 'А имеет храбрость': *A is courageous* 'А — храбрый'.

9.6. Существуют языки, которые проводят формальное различие между аналогами этих трех классов предложений типа *A has B* и, далее, не вводят отдельный глагол *have* при выдвижении в статус темы. В хинди, например, мы имеем акцидентальное *A-ke-paas B hai* 'А-около В есть (В — около А)', ингерентное *A-kaa B hai* 'А-род. над. В есть (В принадлежит А)', характеризующее *A-ko B hai* 'А-к В есть (В принадлежит к А)'. Японский язык проводит аналогичное разграничение. В хинди выдвижение в статус темы в таких конструкциях осуществляется путем изменения порядка слов; последний выполняет также функции, эквивалентные функциям определенного артикля в англий-

ском языке (такой артикль в хинди отсутствует). Например: A-ke-paas pustak hai 'Имеется (некоторая) книга около А'/'А имеет (некоторую) книгу', pustak-ke-paas hai '(Определенная) книга находится около А'/'А имеет(определенную) книгу'. Выбор перевода 'находится около' или 'имеет' зависит отчасти от того, является ли 'А' человеком (одушевленным предметом). Сравним в русском языке *У меня книга (неопределенная)* и *Книга у меня (определенная)*. Как говорилось выше, в случае определенного В предложение А has В не передает ингерентное отношение: А-kaa В hai 'А имеет (некоторое) В (ингерентное)', В А-kaa hai 'В принадлежит А' (С А-kaa В hai 'С — это В, принадлежащее А').

Существует много языков, которые, подобно хинди, выражают английское отношение типа have с помощью конструкций с глаголом 'быть' или, когда язык имеет несколько аналогов глагола 'быть', — с тем из них, который имеет значение 'существовать'. Более того, элемент 'have/be' выделяется как компонент в инхоативном глаголе А gets В 'А получает В' и в каузативном выражении А gets self В 'А достает себе В'. Однако в тибето-бирманском языке невари все три разновидности выражаются одним глаголом dot-, а инхоативные и каузативные значения передаются отдельными морфемами: несовершенный вид — du 'быть (существовать)/иметь'; совершенный вид — dot-o 'начал быть/получил'; каузатив (в совершенном виде) — doe-kol-o 'каузировал быть/каузировал получить'. Идея о том, что 'иметь' и 'быть' представляют собой манифестации одной и той же сущности, находит подтверждение в еще одной межъязыковой параллели, а именно в том, как в разных языках выражается понятие существования (ср. английские there is 'имеется', there exists 'существует'). В этом отношении языки различаются в зависимости от того, выражают ли они понятие существования с помощью эквивалентов глаголов 'иметь' или 'быть' или какого-то другого глагола, который мы можем рассматривать как содержащий компонент 'иметь/быть', например:

- (23) 'иметь': китайск. уй, франц. il y a, русск. *имеется*, исп. hay, англ. one has;
 'быть': нем. es ist, хинд. hai, яп. aru, русск. *есть*, итал. c'è англ. there is;
 'давать': нем. es gibt;
 'находить': русск. *находится*, швед. det finns, англ. one finds.

В польском языке 'иметь' и 'быть' находятся в дополнительном распределении по отношению к отрицанию: английское *there is* переводится *jest* 'есть', но английское *there is no* переводится безличным *nie ma* 'нет, не имеется'.

10. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Семантические тесты являются одним из источников данных о языковом поведении, для объяснения которых еще предстоит построить соответствующую семантическую теорию. С более узкой точки зрения такая теория должна предсказывать определенные ответы носителя языка на предложенные тесты. С более широкой точки зрения мы предполагаем, что ответы отражают соответствующие части языкового кода, которым пользуются говорящие, и что эта теория будет объяснять также языковое поведение в целом.

Важно подчеркнуть то допущение, что слушающий будет стараться проинтерпретировать или хоть как-то объяснить высказывания, производимые говорящим. Часто он будет считать приемлемыми и осмысленными даже такие предложения, которые первоначально представляются странными или противоречивыми (когда он сталкивается с ними в семантических тестах или в реальном общении); он может сначала отвергнуть их, а потом попытаться интерпретировать их с какой-то иной точки зрения. При использовании тестов описанных нами типов ответы информантов обнаружили более высокую степень согласованности (при установлении интерпретаций, при определении соответствия посылки и заключения, при упорядочении предложений), чем обнаруживается в суждениях с использованием таких более грубых категорий, как неприемлемость, бессмысленность, аномальность и т. д. Такого рода категории часто зависят от контекста, и сами критерии, которые используются для их разграничения, могут быть недоступны наблюдению и могут, в принципе, оказаться нерелевантными для исследуемых лингвистических проблем. Суждения в терминах таких категорий имеют эвристическую ценность при анализе, но центральная часть семантического описания строится на основе дефиниций лексем и других элементов синтаксической структуры. Именно из них могут правильно выводиться значения составных выражений любой степени сложности. Однако вопрос о том, являются ли конкретные сочетания «недопустимыми» или «аномальными», относится к

компетенции отдельных говорящих, включая логиков. Семантическое описание не обязано стремиться к такого рода суждениям, в крайнем случае оно может объяснять, как такие суждения формируются.

Следовательно, можно утверждать, что более надежным показателем семантического содержания являются тесты, которые связаны с выполнением информантами таких заданий, которые непосредственно выводятся из их обычной повседневной деятельности, включающей понимание предложений (это такие задания, как установление интерпретаций, упорядочение по степени интерпретируемости, определение соответствия по сходству значения), но теория, которая использует ответы на такие тесты основательно и глубоко, должна также объяснять их на уровне моделирования операций, которые осуществляет слушающий с языковым кодом в процессе интерпретации высказывания. Кроме того, что человек может осмысливать высказывание, очень часто содержащее ошибки, он может оперировать языковым кодом творчески и строить предложения, далеко выходящие за рамки повседневной прозы. Например, такая строка из объявления в газете «Нью-Йорк таймс»: *If you were a banker, would you lend you money?* ‘Если бы Вы были банкиром, одолжили бы Вы Вам деньги?’ прекрасно передает тот смысл, который нельзя передать с помощью более «правильной» фразы: *...would you lend yourself money?...* ‘одолжили бы Вы себе деньги?’. Вейнрейх (Weinreich 1966) построил семантическую теорию, которая эксплицитно учитывает высказывания, являющиеся отклонениями от нормы. Примеры такого использования языкового кода, которое связано с попытками повторной интерпретации предложений, были даны в разделах 8.1 и 8.4.1—8.4.3. Ниже мы даем еще два примера.

Выше приводилось предложение *He has the book that is his* ‘Он имеет книгу, которая принадлежит ему’; оно иллюстрировало независимость акцидентального и ингерентного отношений. Возьмем теперь предложение *He has the book that he has* ‘Он имеет книгу, которую он имеет’; оно иллюстрирует другой случай. Будем говорить, что синтаксическая структура предложения *He has the book* передает семантический элемент ‘это новая информация’. С другой стороны, конструкция с определенным артиклем и последующим относительным придаточным предложением, реализуемая в *the book that he has*, характеризует, видимо, соответствующий денотат как такой, о котором уже была

ранее дана новая информация he has a book 'Он имеет (некоторую) книгу'. Таким образом, получается, что суждение 'А имеет В' является и одновременно не является новой информацией. При рассмотрении тестов с союзом 'но' в качестве одного из путей разрешения противоречий при повторной интерпретации предлагалось ироническое осмысление; этот подход может быть применен и здесь: «одно из этих взаимоисключающих суждений является ложным (а именно то, что это есть новая информация), оно нацелено на то, чтобы дать вам понять, что я не хочу сообщать вам новую информацию по этому вопросу». Представленные здесь два появления структуры 'А имеет В' могут иметь две теоретические интерпретации: при одной будет считаться, что они суть реализации одного и того же типа, а не двух различных (омонимичных) типов; при другой — второе из появлений этой структуры будет трактоваться как реализация ингерентного 'А имеет В'.

Рассмотрим каузативную конструкцию с have, в которой имеется вставленное пассивное предложение: John had the walls whitewashed by the painter *букв.* 'Джон имел стены побеленными маляром', то есть A has B $V_{tr} + en$ by C.

Для вставленных пассивных предложений каузативная конструкция с have связана с ограничением $A \neq C$. Чтобы эксплицировать семантическую подоплеку этого ограничения, соответствующая теория должна включать следующие правила:

- (24) (I) Пусть: а) Группа — это член класса структурных символов типа S или NP [у нас A, B, C репрезентируют разные NP].
 б) Тип — это элемент класса формальных типов символов, например символ какой-то морфемы или цепочки морфем.
 с) Представитель — это член класса представителей (реализаций) символов, класс которых указывается посредством некоторого Типа.

Тогда: для каждого конкретного высказывания денотат Группы_{*i*} = денотату Представителя, Тип которого в структурном описании данного высказывания помечен с помощью символа Группы_{*i*}.

(II) Правило «Группы_{*i*} = Группы_{*j*}» следует читать как «денотат Группы_{*i*} = денотату Группы_{*j*}».

(III) Денотат_{*i*} Группы_{*i*} = Денотату_{*j*} Группы_{*i*}.

Правило (24 III) говорит о том, что каждый представитель имеет только один денотат (и не содержит намека на разграничение единственности-множественности). Таким образом, ограничение $A \neq C$ следует читать как «Денотат именной группы A не равен денотату именной группы C », то есть 'Джон не является маляром'. Теперь предположим, что мы слышим предложение, которое как будто бы имеет в первой своей части структуру $A \text{ has } B \text{ V}_{tr} + \text{en by } C$: The painter had the walls whitewashed by himself and not by his assistant *букв.* 'Маляр имел стены побеленными им самим, а не его помощником'. Это высказывание кажется странным, и мы могли бы интерпретировать его по крайней мере двумя возможными способами.

С одной стороны, мы могли принять его за ошибку, думая, что говорящий имел в виду «Сам маляр, а не его помощник побелил стены». Объяснение этой интерпретации будет выглядеть следующим образом: а) употребление здесь возвратного местоимения указывает, по-видимому, на то, что именные группы *the painter* и *himself* выводятся из таких глубинных конструкций, в которых они приравнены ($A=C$) и имеют один и тот же денотат; б) данное высказывание представляет, видимо, каузативную конструкцию с *have*, имеющую ограничение $A \neq C$, и указывает, напротив, что эти две именные группы не обладают одним и тем же денотатом; в) мы разрешаем это противоречие, игнорируя каузативную конструкцию с *have* и устранив, таким образом, правило $A \neq C$.

С другой стороны, мы можем отнестись к говорящему более серьезно и оставить в силе каузативную конструкцию с *have*, допуская, что с ее помощью он хотел нечто выразить. Тогда мы можем приостановить действие правила (24 III) и приписать каждой из двух именных групп по два денотата: ' A_1 ', ' A_2 ' и ' C_1 ', ' C_2 '. Мы приравниваем ' A_1 ' и ' C_1 ', удовлетворяя таким образом требованию возвратного местоимения ($A=C$), а ограничение каузативной конструкции мы применяем в виде ' $A_2 \neq C_2$ '. Тогда у нас получается, что этот маляр является одним индивидуумом, но представляет в себе две персоны, и, считая, что в употреблении слова 'помощник' содержится соответствующий намек, мы можем предположить, что говорящий хотел передать примерно следующее сообщение: «Маляр в качестве мастера мог бы побелить стены, используя своего помощника, но он сам выступил в роли рабочего».

11. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели вопросы разработки такого типа семантического описания, который ориентирован на порождение поведенческих данных, а также предложений. Так, были описаны методики и тестовые предложения, нацеленные на выделение семантических компонентов, из которых складываются парадигматические значения единиц языка. Семантический компонент рассматривается как некоторое схематическое предложение или функция, представляемая в форме, заимствованной из математической логики. Единицы, определяемые таким образом с помощью компонентов, также имеют форму схематических предложений или функций и включают не только лексические единицы, но и синтаксические конструкции и такие обязательные элементы, как глагольные времена. Дефиниции — это суждения, утверждающие эквивалентность между определяемым и определяющим предложениями. Результаты, получаемые с помощью методик извлечения семантических фактов и с помощью тестов, могут, таким образом, быть включены в состав трансформационной семантической грамматики, которая порождает поверхностные структуры языка из этих глубинных предложений или функций. Метатеория, основанная на взаимной переводимости языков, будет включать набор семантических компонентов, которые в свою очередь могут сочетаться друг с другом, определяя и порождая тем самым многие из глубинных функций при описании конкретного языка. Один из таких универсальных компонентов, рассмотренный нами более подробно, это компонент 'быть/иметь', который выражает состояние или отношение между состояниями.

Мы старались показать также, что семантическая теория должна содержать «правила нарушения правил», объясняющие такие случаи оперирования языковым кодом, когда имеет место творческое использование языка, например при иронии и раздвоении денотата, а также при интерпретации высказывания слушающим, повторной интерпретации и установлении логической непротиворечивости предложений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта статья была сначала задумана как концентрированное изложение результатов, описанных в книге В e n d i x 1966. Однако в дальнейшем в нее были внесены редакционные и содержательные уточнения

и были отчасти учтены новые исследования, проведенные после февраля 1965 года. Поэтому в нынешней форме данная статья могла бы, вероятно, быть включена в какой-то другой раздел настоящего сборника [см. отсылочную сноску на стр. 75]. После сдачи статьи в набор появилась рецензия Ч. Филлмора (Fillmore 1969) с обстоятельной критикой книги Вepdix 1966, но учесть его замечания здесь уже не представлялось возможности.

² Эта мысль расходится с точкой зрения, представленной в монографии Вepdix 1966 (с. 12, последний абзац), и дополнительно разъясняется ниже, в разделе 4. Против введения в модель ненужной полисемии выступают также авторы работ Weingreich 1966 и McCawley 1968, 125—127.

³ Представители знаков — суть отдельные наблюдаемые употребления типов в речи. Абстрактный тип символа — это класс его представителей. Денотат — это тот или иной (реальный или гипотетический) предмет, событие и т. д., которые обозначаются некоторым представителем по воле говорящего или слушающего.

⁴ Анализируя тесты, описанные во 2-й главе в монографии Вepdix 1966, Ариель (Ariel 1967) предостерегает от некритического использования семантических тестов, а также от прямолинейного использования их в качестве операционных процедур. Ценность его в целом полезных замечаний снижает предвзятое отношение к эмпирической ориентации описательной семантики.

⁵ Для глагола *lend* этот и другие тесты, противопоставляющие его другим глаголам, другим его возможным сочетаниям, денотатам и т. д., могут дать дефиницию $C \text{ lends } B \text{ to } A \equiv 'B \text{ is an-}R_h C' + 'B \text{ not-is } A's' + '(C \text{ an-F}) \text{ causes } [(B \text{ is an-}R_h A)] + [(B \text{ is } A's) \text{ not-comes to be}]'$, или округленно: 'С имеет В' и 'В не принадлежит А' и 'С каузирует А иметь В, причем В не становится принадлежащим А'. Не повторяя квантор существования во втором вхождении выражения ' $B \text{ is an-}R_h A$ ', то есть записывая его как ' $B \text{ is } R_h A$ ', мы получим, что ложная импликация будет состоять в том, что 'В' должно находиться в том же отношении к 'А', что и к 'С'. Далее, при нашей формулировке из любого суждения $C \text{ lends } B \text{ to } A$ следует, что 'В' таково, что его можно иметь двумя способами, то есть что, А может иметь 'В' и при этом 'В' не будет принадлежать 'А' либо 'В' будет принадлежать 'А'; таким образом будет объясняться исходная аномалия высказываний $C \text{ lends } A \text{ a cold}$ 'С одалживает А простуду', $C \text{ lends } A \text{ a black eye}$ 'С одалживает А черный глаз' и т. д.

⁶ По аналогии дефиницию ' $P=Q$ или R ' следует читать «Если некто утверждает 'Р', то он утверждает ' $Q+R$ ' или 'Q или R'», а не «Если некто утверждает 'Р', то он утверждает 'Q или R'». Символы в дефиниции обозначают типы, а не представителей; утверждения же передаются именно представителями. Таким образом, для ' $P=Q$ или R ' мы имеем: ' $\text{не-}P=\text{не-}(Q \text{ или } R)=\text{не-}Q \text{ или } \text{не-}R'$ '. В случае такой дизъюнкции отрицание является дистрибутивным по отношению к типам и не понимается в смысле ' $\text{не-}(Q \text{ или } R)=\text{не-}Q + \text{не-}R'$ '. Последний смысл относится к уровню представителей и отражает эквивалентность суждений. Иначе говоря, для ' $P=Q$ или R ' будем иметь: ' $(\text{не-}P)_i = \text{не-}Q + \text{не-}R'$ и ' $(\text{не-}P)_j = \text{не-}Q$ ' и ' $(\text{не-}P)_k = \text{не-}R'$ '.

⁷ 'Не намеренно' (not intentionally), а не 'ненамеренно' (unintentionally), так как 'А' в предложении 'А теряет В' может быть неодушевленным: *Her hair has lost its silken sheen* 'Ее волосы потеряли свой шелковый блеск'. Широкая vs. узкая сфера действия отрицания указывает на противопоставление случая, когда отсутствует необходимая его применимость к 'А', и случая, когда такая применимость соотносится с па-

раметром «намерение», как в случаях 'не- (А намеревается...)' vs. 'А намеревается...', ср. Z i m m e r 1964, 21—26.

⁸ Мы описываем эту замену как следующее изменение смыслов: от смысла 'Денотат предложения P_i является членом класса событий, определяемых типом P' ' к смыслу 'Денотат предложения P_i , который является членом класса событий, определяемого составным типом $Q+R$, похож на члена класса событий, определяемого типом P' '.

⁹ Ариель (A g i e l 1967, 544) высказал опасение, к которому следует отнестись серьезно, когда речь идет о применении теста с союзом *but* 'но': этот тест может привести к квалификации дизъюнктивных критериальных компонентов в качестве коннотаций. Возьмем его пример: *John is a postman* 'Джон почтальон'. (a) *but he delivers packages* 'но он доставляет посылки'; (b) *but he does not deliver packages* 'но он не доставляет посылки', где слово *postman* может быть определено как 'человек, работа которого состоит в том, чтобы доставлять письма и/или посылки'. Таким образом, компонент 'доставлять посылки' может быть ошибочно принят за коннотацию, в то время как по Ариелю он является существенной частью критериального компонента, являющегося инклюзивной дизъюнкцией. Этот пример между тем может служить иллюстрацией и другого положения, а именно: дизъюнкция может быть плодом изобретательности исследователя. Если мы заменим компонент 'письма и/или посылки' на компонент 'почта', получив таким образом целостную дефиницию, то *postman* станет 'человеком, работа которого состоит в том, чтобы доставлять почту' уже без всякой дизъюнкции. Тогда, чтобы получить в дефиниции посылки, к критериальным компонентам значения 'почта' надо будет добавить коннотативные элементы значения 'почта'. Основная проблема описательной семантики в контексте прескриптивного философского рассуждения заключается в том, что описательная теория может оказаться в ситуации, когда ее справедливость будет измеряться относительно представлений о мире, в то время как в действительности мы имеем дело с построением теорий, охватывающих некоторый корпус данных, и справедливость ее измеряется с помощью оценочной метатеории описаний.

¹⁰ Более полное рассмотрение глагола *have* см. в V e n d i x 1966, 37—59, 123—134; В а с h 1967; ср. также L y o n s 1967.

¹¹ Этот подход занимает теперь центральное место в нашем анализе, но в монографии V e n d i x 1966 (с. 102, п. 11) он лишь упоминался как один из альтернативных путей в связи с работой С h o m s k y 1965.

¹² Для похожего предл. *The safe didn't have money in it* применяется отрицание с широкой сферой действия ко всему множеству составляющих: *not- ((there is a B)+[B is in A]+[B is money]+[A=the safe])*. Бах (В а с h 1967) считает, что *is*, то есть *be* 'быть', следует исключить из глубинных составляющих и вводить с помощью трансформации, как и 'иметь', после выдвижения некоторых именных групп в статус темы. В результате останутся 'В в А', 'В деньги', и наши записи будут еще ближе к формулам математической логики, где уже давно принято опускать связи типа 'быть' и 'иметь'. Глагол *is* используется, однако, потому, что он служит метаязыковым средством для обозначения 'состояния' в противоположность *does*, которое обозначает 'деятельность'.

¹³ Генитивная конструкция *A's B* будет нами использоваться также для представления той конструкции *B of A*, которая при прономинализации переходит в выражения *its B*, *his B* 'его B', *their B* 'их B' и т. д.; при этом исключаются такие случаи, как *book of poetry* 'книга стихов', *coat of paint* 'слой краски', *crowd of people* 'толпа людей'.

К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Непосредственная задача данной статьи заключается в том, чтобы уточнить основные положения теории семантических тестов (с участием информантов) и изложить некоторые результаты моих пробных исследований в этой области¹. Задача более общего порядка — показать (несмотря на довольно слабую разработанность этой темы в современной лингвистике), что проведение семантических тестов и желательно, и практически осуществимо. Я, естественно, буду учитывать работы других ученых, экспериментировавших с такими тестами, особенно Зиммера (Z i m m e r 1964), Бендикса (B e n d i x 1966), Гарвина (G a r v i n e t al. 1967), но при этом я попытаюсь исправить неверную, на мой взгляд, расстановку акцентов в их подходе, а именно: тенденцию рассматривать тест как средство обнаружения или анализа фактов, а не как средство проверки гипотез.

I. ТРИ ТИПА СЕМАНТИЧЕСКИХ ТЕСТОВ

Говоря о значении в различных языках, лингвисты часто стремятся подкрепить свои утверждения ссылкой на реакции носителей исследуемого языка, зафиксированные в ходе экспериментов. Приведем простой пример из статьи Гуденафа о терминологии родства (G o o d e n o u g h 1965, 265). Гуденаф ставит вопрос: являются ли термины brother 'брат' и half-brother 'единоутробный, или единокровный, брат' представителями взаимоисключающих категорий, или же одна из них включает в себя другую. Говоря не-

Geoffrey N. Leech. On the theory and practice of semantic testing.— In: «Lingua», vol. 24, North Holland Publishing Co., Amsterdam, 1970, p. 343—364.

формально, предстоит решить вопрос, является ли единокровный (единоутробный) брат одним из видов брата или нет. Тот же вопрос может быть задан более формально: «Является ли half-brother гипонимом по отношению к brother?» (см. L у о p s 1968, 453—454); и еще более формально, в терминах компонентного анализа: «Содержит ли толкование слова half-brother все те семантические признаки, или компоненты, которые имеют место в толковании слова brother?» В качестве средства получения ответа на этот вопрос Гуденаф фактически предлагает следующий вопросно-ответный тест:

Is he your brother? ... he's my half-brother.
'Он ваш брат?... , он мой единокровный (единоутробный) брат'.

Инструкция для информанта: Вставьте вместо многоточия *Да* или *Нет* в зависимости от того, что Вам кажется более подходящим.

Не вдаваясь в тонкости, мы можем сказать, что преобладание ответов *Да* покажет, что half-brother есть гипоним по отношению к brother, а преобладание ответов *Нет* укажет на отношение несовместимости между этими двумя словами или на то, что они обозначают логически взаимоисключающие понятия. Однако в таком виде данный тест не применим к многозначным словам. Многие носители английского языка, по-видимому, чувствуют, что слово brother можно понимать в широком смысле, включающем значение 'брат по одному из родителей', и в узком смысле — 'брат по отцу и по матери'. Следовательно, выше указанный тест заставляет их выбрать только одну из двух возможностей там, где в действительности приемлемы обе. В этой связи усовершенствуем данный тест:

Тест «вопрос — ответ» (тест В — О):
Is he your brother? ... he's my half-brother.

Инструкции:

Если подходит *Да*, пишите ДА.

Если подходит *Нет*, пишите НЕТ.

Если подходят и *Да* и *Нет*, пишите ДА/НЕТ.

Если ни *Да* ни *Нет* не подходят, пишите Х.

Третий вариант обслуживает случаи полисемии, четвертый вариант обслуживает примеры, в которых между исследуемыми значениями не существует сколько-нибудь правдоподобного отношения противопоставления или включения:

Is he an atheist? ... he's a tax-inspector.

‘Он атеист? ..., он фининспектор’.

Хотя четвертый тип обычно не возникает в ходе проверки семантических гипотез, он необходим, чтобы учесть все возможные случаи.

Тест, предложенный Гуденафом, — не единственный способ проверки подобных семантических отношений. Я в своих экспериментах использовал его в сочетании с двумя другими альтернативными типами тестов:

Тест «тавтология — конрадикция» (тест Т — К):

My half-brother is my brother.

‘Мой единокровный брат является моим братом’.

Инструкции:

Если это высказывание истинно в любой ситуации, пишите ДА.

Если это высказывание ложно в любой ситуации, пишите НЕТ.

Если это высказывание может быть и истинным и ложным, пишите ДА/НЕТ.

Если вы не знаете, какой ответ выбрать, пишите «?».

В том случае, если для информанта слово *half-brother* является гипонимом *brother*, он должен считать данное высказывание тавтологией и, следовательно, отвечать ДА. Если же для него эти два слова несовместимы по значению, он должен считать высказывание конрадикцией и, следовательно, отвечать НЕТ. Вариант ДА/НЕТ служит здесь двойной цели: он может указывать на то, что предложение неоднозначно (например, тавтологично при одной интерпретации и конрадикторно при другой), или просто на то, что оно синтетично (то есть его истинность или ложность не зависит от значения слов, как в случае *Моя кошка любит рыбу*). Четвертый ответ просто дает возможность воздержаться от ответа тем, кто либо не понимает теста, либо по какой-то другой причине не знает, как ответить. Такой вариант рекомендуется, по возможности, предусматривать всегда, чтобы результаты эксперимента не искажались случайными или произвольными ответами.

Третий тип теста предлагает информанту поразмыслить над семантическими отношениями между двумя высказываниями X и Y:

Тест «импликация — противоречие» (тест И — П):

{ X: George is my half-brother.
‘Джордж — мой единокровный (единоутробный) брат’.
Y: George is my brother.
‘Джордж — мой брат’.

Инструкции:

Предположив, что X истинно, подумайте, является ли истинным Y.

Если вы думаете, что Y должно быть истинным, пишите ДА.

Если вы думаете, что Y не может быть истинным, пишите НЕТ.

Если вы думаете, что Y может быть, а может и не быть истинным, пишите ДА/НЕТ.

Если вы не знаете, что отвечать, пишите «?».

Если half-brother является гипонимом для brother, Y будет следовать из X, и информант ответит ДА. Если half-brother и brother несовместимы, X и Y будут логически противоречить друг другу, то есть истинностные значения этих высказываний обязательно будут различными, и ответом будет НЕТ ². Как и в предыдущем тесте, ответ ДА/НЕТ здесь может быть реакцией либо на неоднозначность, либо на отношение, зависящее от реальных обстоятельств (логически неопределенное), как в случае:

{	X: George is my half-brother.
	‘Джордж — мой единокровный (единоутробный) брат’.
	Y: I like George.
	‘Я люблю Джорджа’.

Четвертый ответ опять-таки служит для отказа от принятия определенного решения.

2. ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ТЕСТЫ?

В ходе применения только что описанных тестов возникают различные трудности. Однако отложим их рассмотрение и попытаемся разобраться в вопросе гораздо более важном: стоит ли вообще утруждать себя такими тестами?

Необходимость семантических тестов особенно нуждается в обосновании в том случае, когда исследователь анализирует свой родной язык, поскольку иногда считают, что он как носитель языка может убедиться в правильности своего анализа, обратившись к данным интроспективных наблюдений. Так как мои исследования посвящены английскому языку, именно этот случай касается меня непосредственно. В связи с этим я могу указать на три причины, по которым чистая интроспекция не может служить адекватной базой авторитетного лингвистического описания.

(а) *Распространение описания собственного идиолекта на язык народа в целом.* Пока лингвист довольствуется по-

казаниями собственной интуиции, он как бы находится в плену своего идиолекта, он не может знать, в какой мере его нормы употребления соответствуют нормам языкового сообщества в целом. Конечно, он может время от времени обращаться к интуиции своих коллег, однако это не заменит систематического опроса групп информантов, которые в большей или меньшей степени представляют языковое сообщество в целом. Не прибегая к объективным методам, нельзя также очертить область распространения тех или иных социальных или территориальных диалектов³.

(b) *Ошибки при интроспекции.* Интроспекция сама по себе, лишенная более объективной поддержки, подвержена ошибкам. При многократном обращении к ней быстро утрачивается спонтанность и естественность. Информанты часто бывают непоследовательны в своих интуитивных суждениях: если какому-либо информанту задать один и тот же вопрос в разное время, то можно получить два разных ответа. Если такое случается с информантами, высказывающими свои суждения вслух, то имеет ли исследователь право считать, что его собственные суждения свободны от непоследовательности?⁴

(c) *Исследователь — не всегда беспристрастный информант.* Это естественно, поскольку он обычно заинтересован в том, чтобы данные укладывались в рамки заранее принятой модели, справедливость которой он хочет подтвердить. Так или иначе, лингвист, у которого определенный взгляд на факты языка не затрагивал бы сферу его эмоций, — это скорее исключение, чем правило. И поэтому невинный самообман легко вклинивается в интроспективный процесс.

Эти доводы имеет смысл приводить только в лингвистике, где исследователь может легко обходиться одной «интуицией», правда, до определенного предела. Вряд ли нужно доказывать особо, что в других научных дисциплинах преимущества объективных данных принадлежат к числу основных принципов эмпирического исследования.

3. ПРОБЛЕМА МНОГОЗНАЧНОСТИ

Как показано выше, для двух значений слова *brother* в тесте необходимо предусмотреть — в виде варианта ответа ДА/НЕТ — возможность зарегистрировать двойственную реакцию на одно и то же языковое выражение. Однако в тестах Т — К и И — П ответ ДА/НЕТ не обяза-

тельно указывает на многозначность. Помочь ее выявлению должна просьба к информанту пояснить свой ответ. В текст теста Т — К, данный в разделе I, вводится следующая рубрика, предлагающая сделать пояснения:

Если вы даете ответ ДА/НЕТ, назовите любые конкретные обстоятельства, при которых данное высказывание будет истинным или ложным...

Аналогично формулируется соответствующая рубрика в тесте И—П:

Если вы даете ответ ДА/НЕТ, назовите любые конкретные обстоятельства, при которых У может или не может быть истинным...

Пояснения, получаемые в ответ на эти предложения, могут оказаться полезными во многих отношениях. Они помогают различить многозначность и зависимость истинностного значения от фактов действительности; в случае многозначности они указывают, какая из интерпретаций является «маркированной», а какая «немаркированной» (поскольку информанты, естественно, поясняют «маркированную» интерпретацию). Кроме того, совпадение ответов, полученных от разных информантов, свидетельствует о бесспорном и центральном случае полисемии, в то время как разброс разнообразных ответов выявляет ряд нерегулярных или периферийных интерпретаций, которые не могут серьезно претендовать на роль самостоятельных вариантов исследуемого значения. Но так как информация, содержащаяся в пояснениях, не может быть сведена к множеству дискретных альтернатив, она не может играть в тесте определяющую роль. Она служит, скорее, эвристической подсказкой, дающей приблизительные ответы на вопросы исследователя, и путеводной нитью в очередных экспериментах.

То самое воображение, которое позволяет читателю осмыслить кажущуюся бессмыслицу в поэтическом произведении, часто заставляет информанта осуществить особый перенос значения и считать осмысленным то, что иначе было бы признано им тавтологичным или противоречивым. Так, в ходе одного из моих тестов Т—К информанты, которые стойко противились искушению рассматривать *Tigers belong to the cat family* 'Тигры принадлежат к семейству кошачьих' как тавтологию, мотивировали свои ответы ДА/НЕТ разнообразными причинами, как то: *tigers* может обозначать бумажных тигров или метафорических

тигров с реклам бензина, что the cat family может означать определенную семью по фамилии Cat и т. д. Если требование пояснений наталкивает на подобные экстравагантные ответы, то это является недостатком теста. Но с другой стороны, открыто апеллируя таким образом к воображению информанта, лингвист избегает противоположной опасности: предрешить исход теста в пользу однозначных ответов ДА и НЕТ, которые для него предпочтительнее, поскольку упрощают анализ. Кроме того, приглашение к пояснению способствует улучшению микроклимата эксперимента и повышает заинтересованность информанта: когда его просят поразмыслить и дать объяснение, он чувствует, что участвует в эксперименте как активное лицо.

4. ПРОБЛЕМА ФАКТИЧЕСКОЙ И ЛОГИЧЕСКОЙ ИСТИННОСТИ

Тесты, в которых проверяются суждения информантов об истинности и ложности, не делают различия между истинностными значениями, зависящими от смысла, и истинностными значениями, зависящими от денотативной соотнесенности. То есть, в других терминах, эти тесты не делают различия между положениями логики и действительным положением вещей. Так, используя тест Т—К, мы не вправе ожидать, что реакция на логически неопровержимое высказывание (тавтологию) типа I like what I like 'Мне нравится то, что мне нравится' будет хоть как-то отличаться от реакции на фактически неопровержимое высказывание типа Nobody has yet lived a thousand years 'Никто еще не дожил до тысячи лет'. То же самое можно сказать о парах высказываний, иллюстрирующих отношения логической и фактической импликации:

{	X: Richard has just learned Russian.
	'Ричард только что выучил русский язык'.
{	Y: Richard knows Russian.
	'Ричард знает русский язык'.
{	X: Sam has just eaten a seven-course meal.
	'Сэм только что съел обед из семи блюд'.
{	Y: Sam is not hungry.
	'Сэм не голоден'.

В данном случае не следует беспокоиться о том, что нам точно не известно, где провести границу между логическим и фак-

тическим, или о том, насколько хороши приведенные примеры. Как я попытаюсь показать, ни от лингвиста, ни от информанта не нужно требовать умения проводить указанное разграничение в ходе семантического теста.

Противопоставление логической и фактической истинности связано с противопоставлением компетенции (абстрактного владения языком) и употребления (реального использования языка), которое стало общим местом в работах по теории языка (С h o m s k y 1965, 4). Тесты предназначены для объяснения семантической компетенции, но поставляемые ими данные касаются исключительно употребления и свидетельствуют о том, как носители языка в действительности выполняют практические задания по интерпретации. Хотя Хомский справедливо подчеркивал отсутствие систематического соответствия между компетенцией и употреблением (С h o m s k y 1965, 10—15), следовало бы также отметить, что этот вид разграничения присущ любой научной теории. Разграничение компетенции/употребления является частным случаем общеизвестного в философии науки разграничения теоретического /наблюдаемого⁵, и лингвист не должен приходить в отчаяние, сталкиваясь с факторами, нарушающими соответствие между компетенцией и употреблением, точно так же, как не должен отчаиваться биолог или химик, обнаруживающий в своих данных вариативность (например, вызванную погрешностью средств измерения), которая необъяснима с позиций его теории.

Если мы рассматриваем семантический тест в строго научном смысле, как процедуру, целью которой является проверка некоторой гипотезы, мы имеем право игнорировать такие факторы в наших данных («факторы употребления»), которые нерелевантны для проверяемой гипотезы. Этот принцип может быть следующим образом применен к проблеме логического/фактического. Аналитик занимается проверкой всех случаев логической импликации, контрадикции и т. п., поскольку только они существенны для семантического описания. Хотя в плане употребления логические и фактические категории могут быть неразличимы, фактическими (по определению) являются попросту те, проверкой которых лингвист не занимается.

Следовательно, разграничение логического/фактического можно в крайнем случае считать нерелевантным. Есть, однако, надежда, что критерии для их разграничения в плане употребления в конце концов будут установлены (см. ниже, раздел 7.4).

5. ПОЧЕМУ ТЕСТЫ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ПРОЦЕДУРАМИ ОТКРЫТИЯ

Путаница в вопросе о функции семантических тестов в прошлом проистекала из-за неумения четко отграничить тесты как процедуры открытия от тестов как процедур проверки гипотез. Несколько слов по поводу каждого из двух типов тестов помогут прояснить суть проблемы.

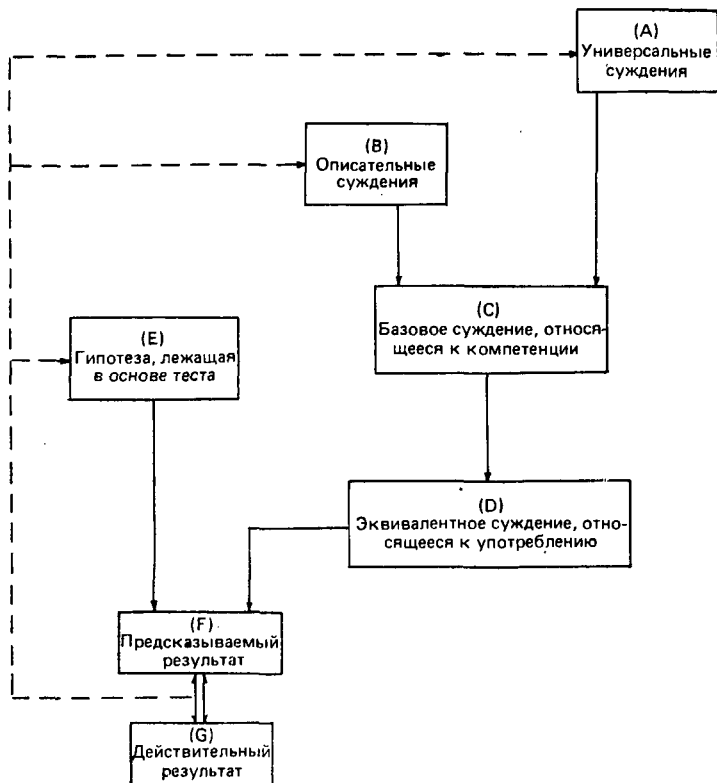
(а) *Проверка гипотезы.* В обычном понимании (если не вдаваться в тонкости) процесс научного исследования включает в себя выдвижение (в контексте общей теории) гипотезы (каким путем к ней пришли — не важно), которая сопоставляется с данными наблюдений. Если наблюдения оказываются такими, как предсказывает гипотеза, то она подтверждается, в противном случае она отвергается, и следует искать новую гипотезу.

(б) *Процедуры открытия.* Процедура открытия, строго говоря, есть процедура получения определенного варианта лингвистического анализа непосредственно из данных. По замечанию Хомского (С h o m s k y 1957, 61—63 и др.); общепризнанным является вывод, что формулировать эмпирическую базу лингвистики в терминах процедур открытия — ставить заведомо недостижимую цель. При таком подходе было бы невозможно обосновать такие теоретические понятия, как «компетенция» и логическая «импликация», более того, любой фактор, влияющий на суждения информантов, каким бы странным он ни был, должен был бы учитываться в семантическом описании⁶.

В качестве примера того, как из-за недостаточной четкости в вопросах теории семантических тестов возникает путаница, можно привести эксперименты Бендикса (B e n d i x 1966, 17—34), ценность которых во многих отношениях не подлежит сомнению. Неосторожная манера Бендикса говорить о «тестах, которые использовались ... для обнаружения значения форм» (курсив мой.— Дж. Лич) (р. 18), может навести на мысль о том, что эти тесты являются процедурами открытия в строгом смысле. И такую их интерпретацию мы действительно находим у Ариеля (A r i e l 1967, 538—541), который совершенно справедливо критиковал тесты Бендикса на том основании, что они не дают безошибочных поведенческих критериев для установления семантических категорий, чего, по-видимому, ждал от них Бендикс⁷. Если бы Бендикс, с другой стороны, ясно сказал, что его тесты являются процедурами проверки, подобные возражения можно было бы отвести.

6. ПРИНЦИПЫ ТЕСТИРОВАНИЯ

Считая семантические тесты тестами в строго научном смысле (см. выше тип (а)), рассмотрим теперь в деталях весь процесс эмпирической проверки, частью которого они являются. На теоретическом уровне мы имеем (А) — *общие, или универсальные, категории и суждения*, которые мы считаем применимыми ко всем языкам (на этом уровне постулируются такие семантические отношения, как гипонимия и синонимия), и (В) — *описательные категории и суждения*, или интерпретации универсальных категорий и суждений применительно к конкретным единицам конкретного языка, например английского. На основе (А) и (В) формируется (С) — *базовое суждение*, или гипотеза, относящаяся к уровню компетенции, откуда далее выводится соответствующее суждение, относящееся к уровню употребления (D). Послед-

нее с помощью гипотезы (Е), лежащей в основе теста, интерпретируется как предсказываемый результат (F). Наконец, предсказываемый результат сопоставляется с действительным результатом (G). Отношение между этими различными компонентами показано на схеме (с. 117).

Ниже приводится один условный пример, показывающий, что может стоять за блоками (А) — (G):

(А) **Универсальное суждение:** Если x — гипоним для y , а X и Y — два утверждения, совпадающие во всем, за исключением того, что X содержит x там, где Y содержит y , то из X логически следует Y .

(В) **Описательное суждение:** half-brother 'единокровный (единоутробный) брат' — гипоним для brother 'брат'.

(С) Из John is my half-brother 'Джон мой единокровный (единоутробный) брат' логически следует John is my brother 'Джон — мой брат'.

(D) Если John is my half-brother истинно, то John is my brother должно быть истинно.

(Е) Если в тесте И—П ответ ДА дают менее 90% информантов, высказывание, гласящее, что из X следует Y , ложно⁸.

(F) Не менее 90% информантов согласятся с высказыванием (D).

(G) С высказыванием (D) согласились 55% информантов. **Вывод:** предсказание (F) не подтвердилось; следовательно, (А), или (В), или (Е) должно быть ложным.

Сплошные стрелки, направленные вниз, отображают шаги логического вывода; пунктирные стрелки, ведущие вверх, отображают процесс обратной связи, с помощью которого, при опровержении предсказания, требуется модифицировать (А) универсальные категории и суждения, или (В) описательные категории и суждения, или (Е) гипотезу, лежащую в основе теста. Из этих трех компонентов наиболее уязвимым (то есть таким, который чаще всего будет требовать пересмотра) является описательный уровень; менять (А) потребуется лишь в случае более серьезных неудач с предсказательной способностью теории. С другой стороны, на начальных стадиях разработки тестов гипотеза, положенная в их основу, может показаться более уязвимой, чем описательная гипотеза. Прежде чем довериться тем или иным методам проведения тестов, нужно подвергнуть тестированию сами эти методы; то есть их надо испытать на сравнительно ясных случаях в «контрольных тестах», чтобы убедиться, действительно ли они дают ожидаемый результат.

Чтобы объяснить, что я понимаю под «контрольным тестом», я должен вернуться к обсуждению (раздел 2) вопроса об объективных и субъективных данных. Сознвая недостаточность интроспекции, исследователь в то же время может ощущать с самого начала, что его «интуитивное» суждение о родном языке вызывает меньше сомнений, чем не испытанная еще процедура проведения теста. Поэтому он руководствуется принципом *ad hoc*, в соответствии с которым результаты теста должны согласовываться с интроспективными суждениями в тех случаях, по поводу которых он чувствует относительную уверенность⁹. Цель, однако, состоит в том, чтобы достичь той стадии, на которой гипотеза, положенная в основу теста, внушает достаточное доверие и может противостоять даже самым сильным интуитивным убеждениям аналитика. (Даже на начальном этапе тестирования в неясных случаях предпочтение может отдаваться экспериментальному результату, а не интуиции.)

7. ВЫВОДЫ ИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ТЕСТА

Теперь обратимся к описанию проведенных мною тестов и тех выводов, которые могут быть из них сделаны. Эксперименты проводились с двумя группами студентов (одной — из Редингского университета, другой — из Лондонского Королевского колледжа) общей численностью в 100 человек¹⁰. Подробное описание дано в приложении (см. ниже). Здесь необходимо сказать только, что тесты носили предварительный характер и были несложными, в соответствии с тем стандартом, который установлен, например, в работе *Quirk—Svartvik 1966*, а также в работе *Davy—Quirk 1969*¹¹, и что они имели вид тестов В — О, Т — К и И — П (см. раздел 1).

Ставилась задача, во-первых, проверить сами тесты, а во-вторых (при подтверждении удовлетворительности тестов), использовать их для проверки некоторых гипотез о значении в английском языке. Как указывалось в разделе 6, две эти цели не противоречат друг другу.

Выводы распределены по 5-ти разделам 7.1—7.5.

7.1. Гипотезы, лежащие в основе тестов

Гипотезы, лежащие в основе тестов, были приблизительно такими, как можно было ожидать, исходя из характера этих тестов. Так, предполагалось, что преобладание ответа

ДА в тесте В — О должно подтвердить отношение логического следования между ответом и утверждением, соответствующим вопросу (в котором производится замена притяжательного местоимения второго лица на местоимение первого лица). Так, в примере, приведенном в разделе I, ответ ДА подтвердил бы предложение, что из *He's my half-brother* следует *He's my brother*. Преобладание ответа НЕТ подтвердило бы логическое противоречие между этими двумя утверждениями. Соответствующие гипотезы были приняты и в двух других типах теста. (Преобладание ответа ДА/НЕТ является в большинстве случаев ожидаемым «немаркированным» результатом и, следовательно, не имеет подтверждающей силы.)

Вопрос, однако, в том, как определить «преобладание» ответа ДА или ответа НЕТ. В тестах с привлечением большого количества информантов единодушие — практически недостижимый идеал, так как из-за ошибок или чудачеств информанта среди ответов обязательно будет некоторое количество таких, которые отклоняются от нормы. Кроме того, как мы видели в разделе 3, в рассматриваемых тестах информанта активно призывают проявить фантазию, направленную на обнаружение или изобретение непредвиденных интерпретаций для предъявляемых ему предложений. Судя по результатам, требовать «преобладания», оцениваемого более чем в 80%, было бы нереально. Более высокий доверительный уровень (скажем, 90%) сделал бы тест слишком «сильным», так как многие предсказания, используемые в контрольных тестах, были бы опровергнуты. Существует, конечно, опасность установления слишком низкой пороговой величины, которая может быть достигнута благодаря факторам, не связанным с гипотезой, лежащей в основе теста. Однако в проведенных нами тестах эта опасность была далеко не очевидна.

Результаты тестов 1, 5, 9, 10, 13 и 16, приведенные в приложении, показывают, что контрольные тесты зарегистрировали преобладание ожидаемого ответа на уровне 80% — 90%. Тесты В — 0 1 и 5 зарегистрировали 81% ответов НЕТ в последовательности *Is Fred your stepson? ... he's my son* 'Фред — ваш пасынок? ..., он мой сын' и 80% ответов ДА в последовательности *Is Fred your stepchild? ... he's my stepson* 'Фред — ваш неродной ребенок? ..., он мой пасынок'. Тесты Т — К 9 и 10 дали 90% ответов ДА для *Tigers belong to the cat family* 'Тигры принадлежат к семейству кошачьих' и 83% ответов НЕТ для *I like every-*

body I don't like 'Мне нравятся все, кто мне не нравится', подтвердив тем самым, что первое из них тавтологично, а второе — контрдикторно. В тесте И — П 13 сказали ДА 90% информантов, проголосовав тем самым за подтверждение отношения импликации между He cast a stone at the policeman 'Он бросил в полицейских камнем' и He chucked a stone at the cops 'Он запустил в полицейских (разг.-груб.) камнем', а в тесте И — П 16 90% ответили НЕТ, подтвердив противоречие между I am passionately fond of bananas 'Я обожаю бананы' и I dislike bananas 'Мне не нравятся бананы'. Эти результаты показывают, что при допущении порога доверия в 80% контрольные тесты успешно удостоверяют надежность гипотез, лежащих в основе тестов.

Заметим, что в разделе 6 гипотеза, лежащая в основе теста, была сформулирована отрицательно, чтобы вменить в обязанность исследователю скорее ее опровержение, нежели подтверждение: «Если меньше чем $x\%$ информантов дают ответ y , то гипотеза z опровергается»¹². Такая формулировка, принятая во всех рассматриваемых тестах, означает, что меньшее доверие со стороны исследователя не лишает тест эффективности, но делает его более «слабым» в том смысле, что опровержение гипотезы становится более трудным.

7.2. Сравнительная оценка трех типов тестов

Хотя цифры, приведенные в предшествующем разделе, ни в коей мере не являются окончательными, они все же наводят на мысль о том, что тест В — О менее удовлетворителен, чем два других типа тестов. Этот вывод подтверждается и другими экспериментальными данными.

Недостаток теста В — О состоит в том, что в нем несколько сужен круг условий, при которых ответ ДА является естественным. Это связано с тем, что ответное высказывание должно удовлетворять двум требованиям: а) добавлять новую информацию к той, которая содержалась в вопросе; б) не противоречить какой бы то ни было информации, содержащейся в вопросе. Следовательно, тот случай, когда ответное высказывание в точности повторяет информацию, содержащуюся в вопросе, является аномальным в том отношении, что оба ответа — и ДА, и НЕТ — кажутся неприемлемыми:

Is she your favourite film-star? . . . she's the film-star I like best.

‘Она ваша любимая кинозвезда? . . ., она — кинозвезда, которая мне нравится больше всех’.

Did you throw the ball at him? . . . I chucked it at him.
‘Вы бросили в него мячом? . . ., я запустил в него мячом’.

Эти два диалога были использованы в тестах 3 и 4 соответственно. Первый из них дал ответы ДА в 79% случаев, то есть чуть ниже минимума в 80%, предложенного в разделе 7.1. Причиной этого довольно низкого показателя было, по-видимому, то, что отсутствие дополнительной информации буквально заставляло информанта искать противопоставление между вопросом и ответом, которое оправдало бы ответ НЕТ. Какие только сверхтонкие «различия» в значении не были найдены! Второй диалог, использованный в тесте 4, дал гораздо более низкий показатель для ДА — 53%, и это при том, что почти параллельный пример дал 90% ответов ДА в тесте И — П 13. Очевидно, те, кто счел возможным ответить отрицательно, увидели здесь возможность «металингвистического» ответа, в котором обращается внимание не на содержание вопроса, а на выбранную спрашивающим форму выражения. Смысл НЕТ в данном случае таков: ‘Нет, *бросил* — не то слово: *запустил* — лучше’.

Искажающий общую картину крен в сторону отрицательного ответа в тестах В — О ясно виден также в тесте 3 (Did you like the dance? . . . I loved it ‘Вам понравился танец? . . ., мне он очень понравился’), где 33% информантов сочли возможным ответ НЕТ. Поскольку в loved к значению liked добавляется значение интенсивности, то можно было бы ожидать решительного перевеса на стороне ДА, однако опять-таки был стимулирован «металингвистический» ответ.

Вспомним гипотезу, лежащую в основе теста В — О, ассоциируемую с ответом ДА: существует отношение следования между ответом и утвердительным высказыванием, соответствующим вопросу. Теперь мы видим, что она не дает удовлетворительного результата в тех случаях, когда эти два высказывания синонимичны, и, возможно, в некоторых других. Например, можно считать, что высказывания She's my favourite film-star ‘Она моя любимая кинозвезда’ и She's the film-star I like best ‘Она — кинозвезда, которая мне нравится больше всех’ имеют одно и то же когнитивное

(cognitive) значение и, следовательно, каждое из них имплицитно другое. Но это не находит убедительного подтверждения в результате теста 3. Следовательно, сделанное в разделе 7.1 заявление, что «контрольные тесты успешно удостоверяют надежность гипотезы, лежащей в основе теста», нуждается в определенных оговорках в случае тестов В — О.

При проведении тестов И — П и Т — К подобных осложнений не возникает.

7.3. Когнитивное и ассоциативное значение

Тесты описанного типа основаны на предположении, что когнитивное значение может изучаться вне связи с ассоциативным (или стилистическим, или коннотативным) значением. Поэтому желательно добиться того, чтобы изменения в ассоциативном значении не оказывали существенного влияния на реакции информантов. В то время как тест В — О 4 (как явствует из сказанного в предыдущем разделе) не оправдал возлагавшихся на него ожиданий с этой точки зрения, тест И — П 13 оказался вполне удовлетворительным, показав, что, независимо от того, существуют ли между двумя высказываниями заметные стилистические различия, при этом типе тестов всегда собирается стабильное большинство голосов. Мы предположили, что два высказывания:

X: He cast a stone at the policemen

Y: He chucked a stone at the cops

являются синонимичными в своих когнитивных значениях несмотря на то, что первое из них принадлежит официальному, а второе — сугубо разговорному стилю. Ответ ДА в 90% случаев подтвердил гипотезу «X влечет Y». Для полного подтверждения синонимичности пришлось бы повторить эксперимент в порядке, обратном исходному, чтобы убедиться, что Y также влечет X. Так или иначе, это был первый сигнал того, что по крайней мере в тестах И — П стилистические факторы не искажают или почти не искажают результат.

7.4. Противопоставление логического и фактического

Проблема логической и фактической истинности рассматривалась выше, в разделе 4, где было высказано мнение, что, если понимать тесты как процедуры подтверждения

гипотез, специалист по семантике может отвлекаться от сложностей философского порядка, стоящих за этим разграничением. С другой стороны, результаты тестов Т — К и И — П говорят о том, что можно занять и более позитивную позицию в этом вопросе, предложив поведенческие критерии для противопоставления логического/фактического¹³.

87% ответов НЕТ в тесте Т — К 6 (They played a duet for piano, violin and 'cello 'Они исполнили дуэт для фортепиано, скрипки и виолончели'), где невозможность описываемого действия вызвана семантической несовместимостью, разительно контрастируют с низкими 13% ответов НЕТ в тесте Т — К 8 (Mr. Smith was sitting on his own head 'Мистер Смит сидел на своей собственной голове', где эта невозможность имеет фактическую, анатомическую природу). Несомненно, поляризации этих ответов способствовала та рубрика тестов Т — К, в которой испытуемого просят решить, будет ли высказывание истинным или ложным «в любой мыслимой ситуации». Как и следовало ожидать, в комментариях к тексту 8 информанты проявили богатую фантазию, придумывая ситуации, в которых кто-то мог бы сидеть на своей собственной голове (фокус с зеркалами, акробат «человек-змея», изображение головы, обезглавливание и т. п.). Аналогичный, хотя и не столь яркий контраст наблюдается между результатами тестов Т — К 9 (Tigers belong to the cat family 'Тигры принадлежат семейству кошачьих') и 7 (Paris is the capital of France 'Париж — столица Франции'), демонстрируя поляризацию логической тавтологии и фактической неопровержимости.

В соответствующей рубрике тестов И — П отсутствуют слова, целью которых являлась бы активизация в сознании информанта противопоставления логического/фактического. Но и здесь реакции на логическую импликацию и противоречие оказались гораздо более категоричными, чем реакции на их корреляты фактической природы. Например, 90% ответов НЕТ на тест 16 (I am passionately fond of bananas/I dislike bananas 'Я обожаю бананы/Мне не нравятся бананы') противостоят 56% отрицательных ответов на тест 12 (Janice is my friend/I dislike Janice 'Джейнис — моя подруга/Мне не нравится Джейнис'). Следовательно, тесты Т — К и И — П сами по себе, при выборе 80% в качестве доверительного уровня, уже успешно отделяют логические категории от соответствующих им фактических.

7.5. Выводы о семантике английского языка

Для того чтобы убедиться в ценности данных тестов, естественно необходимо показать, что они дают такие сведения о семантике английского языка, которые ни я, ни кто-либо другой не могли бы получить в результате интроспекции или спорадического обращения к носителю языка. Мне кажется, что благодаря этим тестам я определенно узнал нечто новое об английском языке, но тем не менее следует констатировать, что информация, полученная в неочевидных случаях, носила в основном негативный характер, а именно — предварительные описательные гипотезы были опровергнуты, и английский язык оказался сложнее, чем поначалу предполагалось. Тем не менее, чтобы показать, что эти эксперименты уже имеют некоторую, пусть скромную, эмпирическую ценность, ниже обсуждаются три теста И—П, представляющих интерес для описательной семантики.

Тест 11 сконструирован для определения того, является ли на самом деле симметричность отношения дружбы частью значения слова *friend* 'друг' или же это просто ожидание, основанное на знании фактов, независимое от значения слова. Моя интуиция склонялась в пользу первого решения, но результат теста привел к противоположному выводу: только 29% информантов сочли, что если *Kenneth is my friend* 'Кеннет — мой друг' истинно, то *I am Kenneth's friend* 'Я — друг Кеннета' также должно быть истинно. На основе этого теста я пришел к заключению, что семантическое описание слова *friend* 'друг' не должно включать в себя элемента симметричности.

Тест 14 рассчитан на проверку гипотезы, что высказыванию *Guinea pigs have brown eyes* 'У морских свинок карие глаза' логически противоречит высказывание *Some guinea pigs have blue eyes* 'У некоторых морских свинок голубые глаза'. В сущности, вопрос был в том, действительно ли обобщенное суждение типа *Men are mortal* 'Люди смертны' воспринимается как содержащее в качестве обязательного элемента квантор общности, выражаемый с помощью *all* 'все' или *every* 'каждый', так что одного-двух контрпримеров достаточно, чтобы опровергнуть его¹⁴. На деле гипотеза не подтвердилась: ответ НЕТ был получен лишь в 53% случаев, а из пояснений, которые дали 44% ответивших ДА/НЕТ (в основном сводящихся к тому, что «из всякого правила имеются исключения», стало ясно,

что значительная часть студентов считает предложение *Guinea pigs have brown eyes* 'У морских свинок карие глаза' эквивалентным предложению *Guinea pigs (generally speaking) have brown eyes* 'У морских свинок (вообще говоря) карие глаза', а не предложению *All guinea pigs have brown eyes* 'У всех морских свинок карие глаза'. Отсюда был сделан вывод, что этим двум предложениям следует сопоставлять разные семантические представления (по крайней мере для части носителей английского языка).

Тест 15 подвергал проверке предложение о том, что *Betty has three sons* 'У Бетти три сына' влечет *Betty has three children* 'У Бетти трое детей', и шире — имел целью установить, действительно ли количественные числительные имеют два значения: 'по меньшей мере x ' и 'ровно x '. Гипотеза не подтвердилась, дав всего 27% ответов ДА. Тем самым выяснилось, что *three* 'три' в этом предложении может иметь значение, отличное от 'по меньшей мере три'. Для уточнения характера и сферы распространения данной неоднозначности потребуются дальнейшие эксперименты, но комментарии информантов показали, что интерпретация 'ровно три' является весьма распространенной.

8. РЕЗЮМЕ

Касательно вопросов теории, имеющих принципиальный характер, мои выводы сводятся к следующему. Если считать, что цель лингвистики — дать авторитетные описания языков, а не только идиолектов, тогда эксперимент с информантами должен быть неотъемлемой частью всякого лингвистического исследования. В прошлом наметилась тенденция относиться к тестам как к процедурам открытия, и потому на них возлагались неоправданные надежды. Однако если понимать тесты как процедуры проверки гипотез, то выдвигавшиеся против них возражения принципиального характера, например то, что они не дают возможности отграничивать логическое от фактического, можно отвести.

Что касается практики, я изложил результаты предварительных экспериментов с тремя типами тестов: «Вопрос — Ответ», «Тавтология — Контрадикция» и «Импликация — Противоречие». Первый из них дал не столь обнадеживающие результаты, как два других. При допущении 80-процентного доверительного уровня тесты Т—К и И—П доказали свою надежность на «контрольном» материале, и, сле-

довательно, их можно с определенной долей уверенности использовать при проверке правильности семантического анализа, направленного на выявление отношений гипонимии, несовместимости, синонимии, импликации и противоречия. Трудность, с которой наши тесты справляются лишь частично, — это явление многозначности: пояснения, сопровождающие ответы ДА/НЕТ, дают по этому поводу неформальные сведения, но строгие тесты для исследования многозначности еще предстоит разработать. Предложенные нами тесты имеют два положительных качества: (а) они, как кажется, дают операционный критерий для разграничения логического/фактического; (б) они безразличны, по-видимому, к оттенкам ассоциативного значения. Мы надеемся, что этот скромный успех повлечет за собой дальнейшее усовершенствование методики тестирования и продвижение вперед на пути создания прочной базы объективного семантического анализа.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ДЕТАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ТЕСТОВ

Тестирование проводилось с двумя группами студентов первого курса: группой А, состоявшей из 70 студентов Реддингского университета, и группой В, состоявшей из 30 студентов Королевского колледжа Лондонского университета, специализирующихся по английскому языку. Экспериментирование с двумя отдельными группами было вызвано практической необходимостью: так как эксперименты, начатые с группой А, пришлось прекратить из-за недостатка времени, их пришлось продолжить с группой В, чтобы набрать достаточное количество «контрольных тестов» для установления надежности гипотез, лежащих в основе тестов. Кроме того, повторение эксперимента дало возможность заменить те из первоначальных тестов, которые были недостаточно внятными, на новые. Итак, часть тестов была испытана на всех 100 информантах, часть (помеченная ниже знаком +) — только на группе А и часть (помеченная звездочкой *) — только на группе В. В таблицах приведена только выборка из проведенных тестов, а именно тех, которые обсуждались в разделе 7 данной статьи.

Существенной разницы в поведении обеих групп в ходе общих для них тестов замечено не было, если не считать того, что представители группы В были менее склонны к тому, чтобы воспринимать предложение в черно-белых тонах ответов ДА и НЕТ (возможно, потому, что их занятия в

области анализа художественного текста сделали их особенно чувствительными к тонкостям языка). Результаты в обеих группах были достаточно похожими для того, чтобы их можно было объединить в таблицах на с. 128—130.

Для всех информантов английский являлся родным языком. Группа А имела некоторую лингвистическую подготовку, а группа В — нет. Никаких разъяснений по поводу цели тестов не давалось.

Ответы писались в специальных брошюрах, причем машинописные экземпляры отдельных тестов предъявлялись информантам по очереди, а время для ответа на один тест строго ограничивалось 15—40 секундами.

Таблица 1

Тесты «вопрос — ответ»

№ теста		Подходит ДА	Подходит НЕТ	Подходят оба	Не подходит ни тот, ни другой
+1	Is Fred your stepson? ...he's my son. 'Фред—ваш пасынок? ..., он мой сын'.	ДА 1	НЕТ 81	ДА/НЕТ 14	X (3)
2	Did you like the dance? ...I loved it. 'Вам понравился этот танец? ..., очень понравился'.	67	1	32	(0)
3	Is she your favorite film-star? ...she's the film-star I like best. 'Она—ваша любимая кино- звезда? ..., она кинозвезда, которая мне нравится больше всех'.	79	3	16	(2)
4	Did you throw the ball at him? ...I chucked it at him. 'Ты бросил в него мячом? ..., я запустил в него мячом'.	53	9	33	(5)
*5	Is Fred your stepchild? ...he's my stepson. 'Фред—ваш приёмный ребе- нок? ..., он мой приемный сын'.	80	0	10	(10)

Тесты «тавтология — конрадикция»

№ теста		Всегда истинно	Всегда ложно	Бывает истинно, и ложно	Не знаю
		ДА	НЕТ	ДА/НЕТ	?
*6	They played a duet for piano, violin and 'cello. 'Они исполнили дуэт для фортепиано, скрипки и виолончели'.	0	87	10	(3)
*7	Paris is the capital of France. 'Париж — столица Франции'.	37	0	63	(0)
*8	Mr. Smith was sitting on his own head. 'Мистер Смит сидел на своей собственной голове'.	3	13	73	(10)
9	Tigers belong to the cat family 'Тигры принадлежат к семейству кошачьих'.	90	0	10	(0)
*10	I like everybody I don't like 'Мне нравятся все, кто мне не нравится'.	0	83	13	(3)

Таблица 3

Тесты «импликация — противоречие»

№ теста		У должно быть истинным	У не может быть истинным	У может быть, а может и не быть истинным	Не знаю
		ДА	НЕТ	ДА/НЕТ	?
11	{ X: Kenneth is my friend 'Кеннет — мой друг'. Y: I am Kenneth's friend 'Я — друг Кеннета'.	22	0	76	(2)
12	{ X: Janice is my friend 'Джейнис — моя подруга'. Y: I dislike Janice 'Мне не нравится Джейнис'.	1	56	41	(2)

№ teste		У должен быть истинным	У не может быть истинным	У может быть, а может и не быть истинным	Не знаю
13	{ X: He cast a stone at the policeman 'Он бросил в полицейских камнем'. Y: He chucked a stone at the cops 'Он запустил в полицейских (груб.-разг.) камнем'.	90	0	10	(0)
14	{ X: Guinea pigs have brown eyes 'У морских свинок карие глаза'. Y: Some guinea pigs have blue eyes 'У некоторых морских свинок голубые глаза'.	2	53	44	(1)
*15	{ X: Betty has three sons 'У Бетти—три сына'. Y: Betty has three children 'У Бетти—трое детей'.	27	0	73	(0)
*16	{ X: I am passionately fond of bananas 'Я обожаю бананы'. Y: I dislike bananas 'Мне не нравятся бананы'.	0	90	10	(0)

Цифры в таблицах отражают процент от общего числа информантов, участвовавших в тесте. Полная формулировка каждого типа теста дана выше, в разделе I данной статьи. (Процент четвертого вида ответов заключен в скобки в знак того, что он не влияет или почти не влияет на интерпретацию результатов.) Тесты пронумерованы в том порядке, в котором они проводились.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я приношу благодарность Рендольфу Куирку и Сиднею Гринбауму за ценные замечания в процессе подготовки данной статьи.

² См. (L e e s c h 1969, 34—40) о систематической связи семантических отношений между высказываниями (такими, как импликация и противоречие) и семантических отношений между словами гипонимия, несоместимость и т. д.; о противоречии и несоместимости см. также (L y o n s 1968, 458 [русский перевод: 1978, 483]).

³ О ценности тестов как средства описания «расхождений в употреблении» (divided usage см. (Q u i r k — S v a r t v i k 1966, 14, 84—96).

⁴ Я выступил (L e e s c h 1968) против взгляда Хомского (напр., S h o m s k y 1965, 19), что показания «интуиции» (это слово, кстати, многозначно) являются высшим мериллом, с помощью которого оцениваются более объективные показания. Подобное утверждение, как мне кажется, в корне расходится с общепринятыми воззрениями на природу эмпирического исследования. То, что лингвист может спокойно обходиться теми знаниями о родном языке, которые он получил путем интроспекции, — верно; однако достоверность таких свидетельств зависит в конечном счете от возможности дать им более объективное подтверждение. Доверять субъективным данным так же опасно, как доверять бумажным деньгам: пока надежность этих денег не подвергается сомнению, у нас нет причины обращаться к иным видам валюты. Точно так же и лингвист, если потребуется, должен представить доказательства справедливости сделанных выводов; в противном случае нет никакой гарантии того, что факты, которыми, по его заявлению, он якобы располагает, действительно имеют место.

⁵ Начиная с работы «Testibility and meaning» (C a r n a p 1936) природа и значимость противопоставления теоретического /наблюдаемого постоянно обсуждается в философии науки (см., напр., S c h e f f l e r 1964, 162—79). Для нас здесь важно то, что, хотя эта дихотомия является, возможно, слишком упрощенной (как и противопоставление компетенции и употребления), все науки, объясняя значение теоретических терминов, сталкиваются с проблемами, подобными тем, которые стоят перед лингвистикой.

⁶ В менее строгом смысле термин «процедура открытия» может быть применен к набору неформальных эвристических стратегий, обычно называемых «полевыми методами», с помощью которых исследователь приходит к выявлению структуры языка, ранее не известного ему, используя информантов. Такой набор методик больше похож на многократное применение (неформальным способом) тестов в смысле «проверки гипотезы». В ходе сбора данных лингвист выдвигает (в виде догадки, основанной на имеющихся данных) гипотезу или обобщение, которые он затем начинает проверять, обследуя новые данные. Этот тест в свою очередь ведет к формулированию новых гипотез, которые в свою очередь проверяются на новых данных и т. д. Такая методика принята, например, Самариным (S a m a g i n 1967, 23). Неформальные полевые методики отличаются от строгой проверки гипотез тем, что здесь аналитик не отчитывается публично за все логические шаги предсказания и проверки; нет гарантии, что другой полевой исследователь, используя те же процедуры, получит тот же самый результат.

⁷ Ариель (A g i e l 1967, 538) действительно называет тесты Бендикса «тестами для обнаружения компонентов». С другой стороны, Бендикс кое-где, как кажется, отводит им роль полевых методов (см. сноску 6).

Например, он говорит: «Исследователь речи даже одного информанта склонен исправлять многие неизбежные непоследовательности, чтобы прийти к формулированию связного описания» (В e n d i x 1966, 31).

⁸ О статистическом предсказании см. F e i g l 1958, 384—385: «Ученые в целом приспособились к ограничениям, связанным со *статистическим* предсказанием и *вероятностным* объяснением».

⁹ Такое требование является семантической версией требования (которое, безусловно, должно соблюдаться в любом научном исследовании), чтобы теория соответствовала избранному предмету исследования. См. L y o n s 1963, 5: о «материальной адекватности», см. также C h o t s k y 1965, 19. Можно вспомнить также афоризм Лайонза: «Не все то значение, что поддается измерению» (там же).

¹⁰ Я благодарен за помощь Дэвиду Кристалу из Редингского университета и студентам (как в Рединге, так и в Лондоне), которые участвовали в экспериментах. Я также очень обязан Рендольфу Куирку, благодаря которому я смог воспользоваться помощью группы «Обследование английской речи» («The Survey of English Usage») в Королевском колледже в Лондоне, а также Сиднею Гринбауму, делившемуся со мной своим опытом в области разработки и проведения тестов.

¹¹ Мы не пытались дать строгую статистическую оценку результатов: такая попытка требует предварительного изучения многочисленных переменных «употребления», влияющих на реакцию информанта. Что касается грамматических тестов, то проведена большая работа по изучению таких факторов, как зависимость поведения от типа теста (Q u i r k — S v a r t v i k 1966, 56—66), отличия, вызываемые устной формой ответа в противоположность письменной (D a v y — Q u i r k 1969); варьирование порядка следования предложений в тесте (G r e e n b a u m — Q u i r k 1970).

¹² Это согласуется с философией науки, развиваемой Поппером (P o p p e r 1959, 40—42, 78—92).

¹³ Ариель (A r i e l 1967, 549, п. 14) сообщает о более ранних экспериментах в этой области Апостеля и др. (A p o s t e l e t a l 1957).

¹⁴ О разнице между конструкциями с эксплицитной и имплицитной квантификацией см. L e e s h 1969, 35—38, 51—57.

СТРУКТУРА ДЕНОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В самом общем плане исследование языка можно определить как исследование категорий, выражаемых в языке¹. Главные усилия лингвистов направлены на выявление подобных категорий, их определение и построение правил, устанавливающих принадлежность языковых единиц к тем или иным категориям. С этой точки зрения, осмысленность всей деятельности лингвиста нередко зависит от того, существуют ли границы между категориями. В самом деле, если между какими-то двумя категориями нельзя установить достаточно убедительную границу, то и установление принадлежности языковых единиц к той или иной категории оказывается занятием произвольным и малоэффективным.

Вопросы о существовании дискретных или даже вообще различимых границ между единицами не раз возникали в самых разных областях лингвистики. В качестве примера можно назвать вопрос о границе между конкретными единицами языка, обсуждавшийся, скажем, в ходе известной дискуссии о том, являются ли напряженный и слабый звук [a] в английском языке двумя разными фонемами или аллофонами одной фонемы (T r a g e r 1934); или вопрос о границе между двумя языками (например, обсуждение того, составляют ли французский, итальянский и испанский языки лингвистический континуум — B l o o m f i e l d 1933); или вопрос о том, составляют ли два диалекта отдельные языковые системы, как в случае противопоставле-

William L a b o v. Denotational structure.— In: «Papers from the parasession on the lexicon», Chicago, 1978, p. 221—259. При переводе статья подверглась сокращению; опущены разделы: «The earliest stage: the semantics of *cat* and *tama*», «The dissolution of denotational structure» (p. 232—237); «Fitting the data with a formal model» (p. 252—255).

ния диалекта американских негров другим диалектам английского языка (L a b o v 1972, гл. 2); или вопрос о границах между грамматическими категориями (например, существует ли четкая граница между существительными и глаголами — R o s s 1972). Однако несмотря на широкий спектр обсуждаемых в данной связи проблем, общий характер границ между категориями в рамках лингвистики остается неисследованным, и лингвистический анализ, как правило, опирается на предположение или прямое утверждение² о том, что языковые категории дискретны, что границы между соответствующими множествами всегда ясны: либо они есть, либо их нет³.

Подобная «категориальная точка зрения» восходит к концепции Аристотеля, согласно которой каждый объект должен распознаваться через множество его существенных свойств (различительных признаков), а случайные свойства объекта (избыточные признаки), вносящие незначительный вклад в наше знание об объекте или не вносящие ничего, могут без всякого ущерба игнорироваться. Удивительно, что весьма и весьма часто подобный подход оказывается эффективным. Люди, несомненно, склонны к членению окружающего мира на дискретные категории, и это представление поддерживается скорее даже интроспекцией, нежели практической деятельностью. Однако мы не поймем, каким образом конструируются границы между категориями или как дискретные категории накладываются на непрерывную действительность, до тех пор, пока мы не научимся исследовать эти границы с аналитических позиций. А это означает преимущественное внимание к пограничным случаям, которые не могут быть с уверенностью помещены по ту или иную сторону рассматриваемой границы.

Преобразование количественных различий в качественные, связанные со слуховыми образами, получило наибольшее развитие в фонетике, где разработаны точные методы для измерения параметров категориального восприятия (L i b e r t a n et al. 1957; P i s o n i 1957). В области исследования звуковых изменений мы близки к решению вопроса о том, когда звуковое изменение регулярным и непрерывным образом пересекает границы между категориями, а когда оно осуществляется путем дискретного, «лексически» нерегулярного перехода преобразуемой единицы в другую категорию (C h e n — H s i e h 1971; L a b o v et al. to appear). В области синтаксиса основное внимание при анализе синтаксической вариативности уделя-

лось реализации дискретных категорий, хотя и здесь ряд обуславливающих факторов носит градуальный характер (Sankoff—Thibault 1977; Labov W.—Labov T. 1977; Wiener—Labov 1978). Более доступными непосредственному наблюдению оказались границы между категориями при исследовании денотативных значений, а именно тех условий, при которых слова употребляются для наименования объектов. Здесь исследование языковых категорий смыкается с исследованием формирования категорий, проводившимся с других (внелингвистических) точек зрения. В работах Posner 1969 и Reed 1973 изучались некоторые модели установления подобия образов; они обнаружили, что меры отклонения образов от некоторого прототипа обычно лучше объясняют суждения испытуемых, чем координатная (city-block) метрика, основанная на различительных признаках. Свидетельством в пользу присутствия подобных прототипов в естественных категориях служит высокая степень согласованности составленных разными людьми списков подчиняющихся категорий (Battig—Montague 1969); подобные списки близки спискам прототипов (Rosch 1975), а эти последние в свою очередь согласуются с суждениями относительно уместности добавления разного рода «ограничителей» (hedges), то есть слов типа technically «в специальном смысле» (Lakoff 1972). В работе Rosch 1977 дан обзор результатов, полученных в исследованиях по формированию категорий; объединены факты, касающиеся сравнительного изучения «естественных» категорий в разных культурах и экспериментального изучения процесса усвоения категорий человеком; указывается, что, хотя эмпирические факты свидетельствуют в пользу концепции формирования прототипов, а не концепции, основанной на системе признаков, само понятие прототипа пока не является специфической принадлежностью какой-либо из предложенных теорий хранения и поиска информации в сознании человека. В работе Rosch 1977 особо подчеркивается существование сходств языкового воплощения основных понятийных категорий в разных культурах, что может рассматриваться как отражение случаев дискретного членения действительности в непосредственном опыте человека. Исследования, о которых пойдет речь в настоящей статье, касаются таких денотатов языковых выражений, которые образуют непрерывные серии, когда говорящий должен уметь использовать дискретные единицы словаря

для различения элементов из неограниченной серии новых объектов, распределенных в различных континуумах реального мира.

ПЕРВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ГРАНИЦ МЕЖДУ СЛОВАМИ ОДНОЙ СМЫСЛОВОЙ ГРУППЫ

Первоначально мой интерес к проблеме обозначения был связан с таким подходом к описательной семантике, при котором в центре внимания оказывались вариации употребления в спонтанной речи языковых выражений, важных с точки зрения нашей культуры, например выражений типа *common sense* 'здравый смысл'. По совету Уриэля Вейнрейха я обратился к сфере более конкретной лексики, допускающей проведение контролируемого эксперимента, и начал серию исследований (продолжавшихся десять лет, с 1964 по 1974 г.), относящихся к условиям употребления слов *cup*, *bowl*, *glass* и других обозначений разного рода сосудов*. На рисунке 1 даны изображения сосудов, использованные в этой первой серии исследований. В левом верхнем углу рисунка изображена типичная вогнутая чашка — *cup* — с отношением высоты к ширине 0,68 [высота обозначается через *H* (*height*), а ширина — через *W* (*width*)]. Сосуды в верхнем ряду становятся шире при движении слева направо (для самого широкого сосуда, не изображенного на рисунке, отношение *H/W* равнялось 0,25). При движении по рисунку от сосуда 4 сверху вниз сосуды постепенно становятся все «глубже», причем максимальное отношение *H/W* равняется 2,4. Сосуды 10—12 представляют собой более короткий ряд цилиндрических емкостей, расположенных по возрастанию глубины, а сосуды 13—15 — парал-

* В статье речь идет об английских названиях, имеющих свои идиосинкратичные значения, поэтому, как правило, в переводе эти названия не сопровождаются русскими эквивалентами. Как и во многих случаях словарных соотношений между двумя произвольными языками, в данной предметной области у английских и русских лексем нет полного соответствия. Можно указать лишь некие усредненные русские переводные эквиваленты для встречающихся в данной статье названий сосудов: *cup* 'чашка'; *bowl* 'чаша, таз, чан'; *glass* 'стакан'; *bottle* 'бутылка'; *mug* 'кружка'; *vase* 'ваза'; *pitcher* 'кувшин'; *goblet* 'бокал'. Эти переводы носят сугубо условный характер, что можно проиллюстрировать, скажем, на таком примере: русская кружка вовсе не является разновидностью чашки, а для соответствующих английских слов *mug* и *cup* такое соотношение имеет место, как утверждается в данной статье (см. с. 164).— *Прим. перев.*

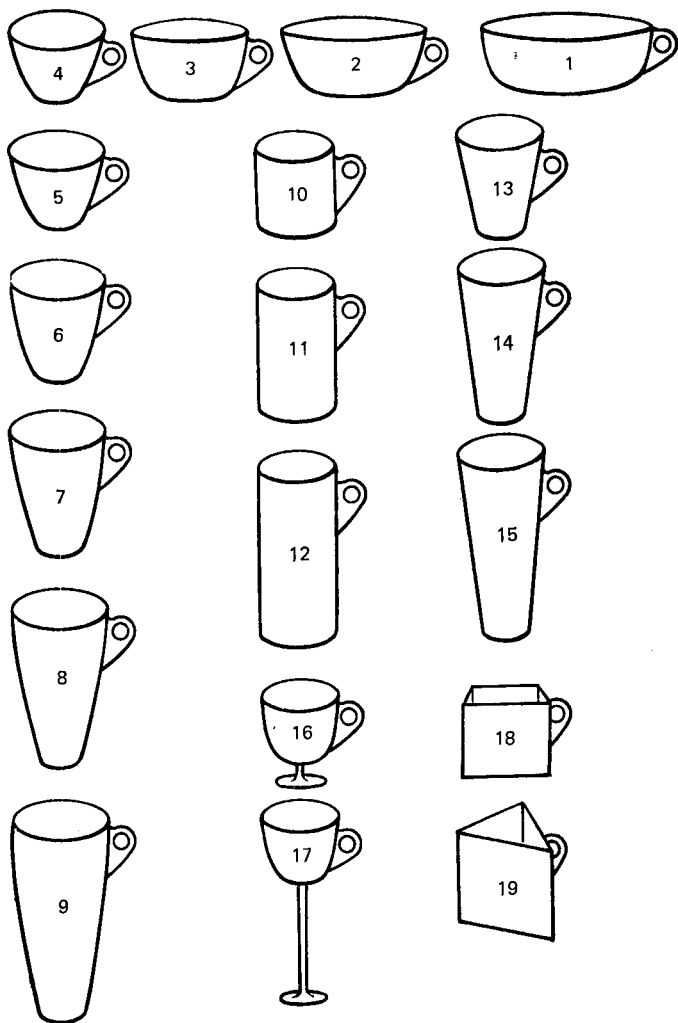

Рис. 1

Изображения сосудов, использованные в экспериментах

лельный ряд сосудов, имеющих форму усеченного конуса. Сосуды 16 и 17 отличаются длиной ножки, а в сосудах 18 и 19 основания имеют форму прямоугольника и треугольника соответственно. Другой ряд сосудов, использованных в

эксперименте, отличается от изображений рис. 1 лишь отсутствием ручек.

Изображения сосудов по одному предъявлялись испытуемым в случайном порядке, который в разных экспериментах несколько раз менялся. Сначала испытуемым предлагалось назвать очередной сосуд, предъявляемый в «нейтральном» ситуационном контексте (т. е. вне какой-либо конкретной ситуации). Во втором типе контекста (ситуация «кофе») им предлагалось назвать сосуд в такой ситуации, когда некий человек помешивает ложечкой сахар и пьет кофе из этого сосуда. В третьем типе контекста (ситуация «пища») испытуемым предлагалось назвать сосуд в ситуации, когда он стоит на обеденном столе, и при этом он наполнен картофельным пюре; в четвертой ситуации («суп») — наполнен супом. В пятом типе контекста (ситуация «цветы») сосуды с цветами изображались стоявшими на полке. В других сериях экспериментов испытуемым явно сообщалось о том, что сосуды изготовлены из фарфора или стекла. Подлежащие обобщению языковые данные состояли из существительных, встречавшихся в роли главного члена именной группы, которая использовалась для обозначения тех или иных сосудов, например слово *cup* в выражении *a funny-looking cup* 'забавно выглядящая чашка' или *bowl* в выражении *a kind of a bowl* 'что-то вроде миски или таза'.

Границы между словами *cup* и *bowl*, а также между словами *cup* и *glass* весьма «размыты» («vague») в смысле, описанном Максом Блэком (Black 1949). Подобного рода размытость может отличаться от языковой неоднозначности и обобщенности (Boertien 1975) и может измеряться посредством графиков согласованности (*consistency profiles*) типа тех, что показаны на рисунке 2. На вертикальной оси показан постепенно увеличивающийся процент испытуемых, использовавших слово *cup* (или *bowl*) для обозначения предъявленных сосудов; на горизонтальной оси отмечено постепенно убывающее отношение высоты сосуда к его ширине. Сплошные линии соответствуют ответам испытуемых в нейтральной ситуации, а пунктирные — в ситуации «пища».

Рис. 2 позволяет увидеть ряд признаков, устойчиво повторявшихся во многих аналогичных диаграммах для этой и других экспериментальных серий (см. Labov 1973); эти признаки таковы:

(а) наиболее предпочтительная зона употребления данного слова, расширяющаяся или сокращающаяся в зависи-

мости от ситуационного контекста, материала, соотношения размеров и т. п.;

(b) переменная область, обнаруживающая монотонную функцию убывающей употребительности одного слова и возрастающей употребительности конкурирующего слова. Хотя объекты были представлены в случайном порядке, для любого испытуемого в этом и параллельных экспериментах обнаруживается довольно четкая закономерность: если некоторый сосуд назван испытуемым словом *cup*, то все сосуды, в большей степени близкие к наиболее предпочтительному типу *cup*, также называются словом *cup*;

(c) точка пересечения, в которой данное слово становится менее предпочтительным, а конкурирующее слово — более предпочтительным, причем соответствующие функции продолжают монотонно возрастать;

(d) регулярный сдвиг общей схемы в результате изменения функциональной ситуации. Для ситуации «пища» на рис. 2 как инвариантная область, так и точка пересечения сдвинуты влево, так что условия обозначения сосуда словом *bowl* расширяются за счет условий обозначения сосуда словом *cup*.

На рис. 3 показано влияние четырех ситуационных контекстов на употребление слова *cup* для обозначения сосудов с возрастающей шириной: наиболее предпочтительная функция — это употребление в ситуации «кофе», затем в порядке убывания предпочтительности идут функции, связанные с нейтральной ситуацией, с ситуациями «пища» и «цветы». Аналогичные сдвиги в предпочтительности обнаруживаются, когда меняется материал (от фарфора к стеклу) или когда осуществляется переход от сосудов с ручками к сосудам без ручек.

Перечисленные признаки графиков указывают на два общих свойства денотативных границ: (1) размытость и (2) их взаимозависимость. Под «взаимозависимостью» я имею в виду тот факт, что условия, допускающие то или иное обозначение по одному параметру, вовсе не являются независимыми от значений функции, полученных по другому параметру. Если фиксировано предпочтительное для слова *cup* отношение высоты к ширине, то употребление данного слова допускается весьма широким кругом других функций. Обычное представление языковых единиц посредством дифференциальных признаков не отражает подобного рода взаимозависимости критериев употребления языковых единиц: значения критериев фиксируются для

каждого данного признака независимо от реализации других признаков, в результате чего получается своего рода координатная метрика, определяемая независимыми, ортогональными параметрами предмета. Подобное представление слова посредством дифференциальных признаков может быть задано, например, в таком виде:

cup: +N, +конкретное, +исчисляемое, —одушевленное,
+вогнутое...

Свойство размытости границ отражено в обычных словарных толкованиях:

cup, n. A small, open, bowl-shaped vessel used chiefly to drink from, with or without a handle or handles, a stem, a foot, or a lid... 'небольшой открытый сосуд, имеющий вогнутую чашеобразную форму, используемый главным образом для питья налитой в него жидкости, имеющий или не имеющий ручку или ручки, ножку, подставку или крышку...'

Здесь свойство размытости проявляется в трех особенностях толкования: в прилагательных, не имеющих четких денотатов, типа *small* 'небольшой'; в оценочно-кванторном наречии *chiefly* 'главным образом'; наконец, в указаниях на факультативность типа *with or without* 'с или без'. Однако свойство взаимозависимости в словарных толкованиях отражается не в большей мере, чем в представлениях языковых единиц посредством дифференциальных признаков или посредством выражений булевой логики.

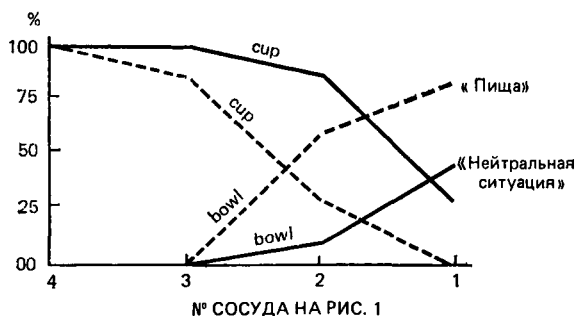

Рис. 2

Графики согласованности для обозначения сосудов словами *cup* и *bowl* в нейтральной ситуации и в ситуации «пища» [экспериментальная серия I]

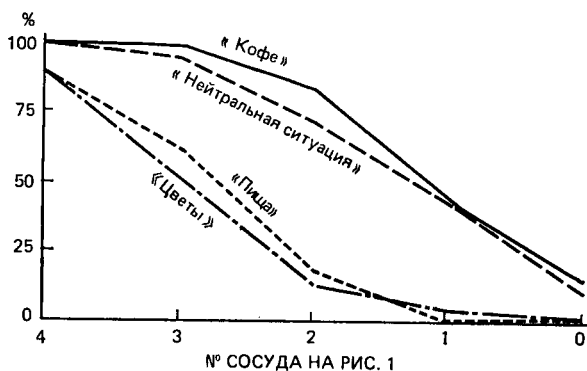

Рис. 3

Графики согласованности для обозначения сосуда словом сир в зависимости от его ширины в четырех ситуациях [экспериментальная серия I; N=24 (где N — число испытуемых)]

Свойство взаимозависимости могло бы быть отражено в сравнительно простой вероятностной модели, которая связывает воедино значения ряда независимых факторов. Вместо жесткого критерия такая модель будет устанавливать для каждого из рассматриваемых признаков весовое значение, а окончательное решение о том, правильно ли называет данное слово тот или иной предмет, в такой модели может быть достигнуто в результате вычисления, которое учитывало бы весовое значение, приписанное таким признакам, как форма, отношение ортогональных измерений, материал, назначение, наличие/отсутствие ручки и т. п. Трудность, связанная с моделью такого типа, состоит в том, что она по своей природе характеризуется вариативностью во всей сфере ее возможного применения, и поэтому не вполне ясно, каким образом она охватит инвариантные области рисунков 2 и 3, в которых все испытуемые использовали слово сир. Даже объединив вместе три этапа исследований, проведенных в течение восьми лет, мы все же обнаруживаем пять случаев, когда все наши испытуемые — 53 человека — единогласно назвали некоторый сосуд словом сир. Допустим, что для описания этого факта мы обратимся к мультипликативной модели «применения», предложенной в работе Cedergren — Sankoff 1974:

$$P = P_0 \cdot P_1 \cdot P_2 \cdot \dots \cdot P_n,$$

где P_0 — входная (изначальная) вероятность, а разные P_i обозначают веса, приносимые значениями, реализованными в каждой группе факторов. В каждой из этих групп наиболее предпочтительный фактор получает значение 1 и, таким образом, не влияет на значение приведенной выше формулы; менее предпочтительные признаки получают значения, меньшие единицы. Эта модель могла бы предсказывать стопроцентное употребление слова *cup* для обозначения соответствующего сосуда-прототипа в его прототипической функции, — но только в том случае, если бы изначальная вероятность также имела значение 1, что бывает весьма редко. Далее при обычном отождествлении бытовых сосудов и обозначении их словом *cup* требуется учет гораздо более обширной совокупности перцептивных и когнитивных признаков, чем те, которые изучались в наших экспериментах, и по мере того как число различных признаков или групп признаков возрастает, вероятность стопроцентного однозначного наименования сосуда становится весьма малой.

Первоначальная модель, предложенная нами для представления разнообразных вариативных данных, полученных в указанных экспериментальных сериях, была довольно сложной. В ней были отражены два типа варьирования. Инвариантная область расширялась или сокращалась в соответствии с влиянием ряда вариативных факторов, а область варьирования денотативной способности изображалась как простая линейная функция, связывавшая две инвариантные области, в одной из которых всегда использовалось слово *cup*, а в другой оно никогда не использовалось (L a b o v 1973). Эта модель денотативной структуры не предусматривала проведения детального мультивариативного (многофакторного) анализа и заводила дальнейшее исследование в тупик.

Нельзя, разумеется, отрицать, что по характеру экспериментальные данные весьма разнородны. В проведенных сериях экспериментов обнаружилось два типа семантических суждений. «Категоричное» суждение соответствует булевой модели установления необходимых и достаточных условий обозначения: если не имеет места некоторый X, соответствующий сосуд никогда не обозначается словом *cup*; или же, если имеет место X (наряду с Y и Z), соответствующий сосуд всегда обозначается словом *cup*. Другой вид имеют «взвешенные» (вероятностные) суждения: если имеет место X, соответствующий сосуд с большей (или с меньшей) вероятностью может быть обозначен словом *cup*. В прото-

колах наших экспериментов встречались оба типа суждений.

Необходимым условием для обозначения сосуда словом goblet 'бокал' является наличие ножки; слово goblet никогда не используется, если соответствующий сосуд не имеет ножки. Испытуемые — носители немецкого языка последовательно настаивали на том, что немецкое слово Glas 'стакан' применяется только к сосудам, сделанным из стекла. В сфере терминов родства обнаруживается преобладание такого рода категоричных суждений: признак «женский пол» является категоричным необходимым условием для употребления слов mother 'мать', sister 'сестра', aunt 'тетя' и др. С другой стороны, для признаков, учитываемых в наших экспериментальных сериях, и для большинства других исследованных мною лексических групп обнаруживается преобладание «взвешенных» суждений, которые представляются более характерными для семантических операций, осуществляемых взрослыми носителями языка, чем категоричные суждения.

Было бы весьма желательно построить семантическую теорию более высокого уровня, с помощью которой можно было бы предсказывать, в каких случаях следует ожидать наличия категорично действующих признаков, а в каких — вероятностных, или «взвешенных», признаков. Например, в случае обозначения социальных отношений, как в группе терминов родства, можно ожидать категоричных суждений, поскольку обозначаемый ими статус человека не претерпевает изменений с течением времени; а статус, постепенно приобретаемый человеком в процессе его развития, как в случае, обозначаемом словом adult 'взрослый, зрелый', предполагает использование «взвешенных» суждений. Подобная теория получит наилучшее развитие, если нам удастся создать единую модель семантической структуры как для категоричных, так и для вероятностных суждений. Это позволит строить прогнозы относительно сдвигов суждений в сторону категоричности и демонстрировать преобразования количественных суждений в качественные.

Что могло бы быть основой подобной единой модели семантических представлений? Уже отмечалось, что весовые суждения не могут быть естественным образом приспособлены к концепции дифференциальных признаков или к булевой логике. Однако категоричные суждения можно трактовать как предельный случай вероятностных суждений, и любая модель, охватывающая данные рис. 2 и 3,

могла бы лечь в основу учета необходимых условий, а также тех «безошибочно действующих» признаков, которые обеспечивают стопроцентный однозначный ответ у всех испытуемых.

Основная цель настоящей работы состоит в том, чтобы предложить более адекватное представление денотативной структуры, чем первоначальная гетерогенная модель,— такое представление, которое охватывало бы как категоричные, так и вероятностные суждения. Однако прежде чем приступить к выполнению этой задачи, представляется полезным изложить результаты недавних исследований, обнаруживающие удивительную устойчивость и повторяемость поведения испытуемых, что отображено на рис. 2 и 3, а также рассмотреть результаты других работ, в которых прослеживается развитие денотативных механизмов у детей по мере развития их языковой способности и утрата этих механизмов в случае распада этой способности. Представляется, что способность структурировать словарный состав языка, позволяющая адекватно отражать размытость границ между объектами реального мира и взаимозависимость их признаков, составляет фундаментальное свойство языка человека.

РЕГУЛЯРНОСТЬ ИМПЛИКАТИВНЫХ РЯДОВ: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ОТВЕТОВ ВИДА «ДА — НЕТ» И СВОБОДНЫХ ОТВЕТОВ

В семантических исследованиях нередко предполагалось, что экспериментальную работу в этой области можно существенно упростить, если вместо вопроса: «Что это такое?» предлагать испытуемому другой вопрос: «Является ли это X?»; и в данном русле уже проводились некоторые исследования (см. ниже). После завершения в 1974 г. третьей серии экспериментов, предполагавшей свободные ответы испытуемых, мы провели аналогичные экспериментальные серии, предполагавшие ответы вида «да — нет» на вопрос: «Назвали бы Вы данный предмет словом сир?»⁴

Результаты этих экспериментов вполне сопоставимы друг с другом. На рис. 4а показаны средние значения для свободных ответов (14 испытуемых) применительно к сосудам с последовательно возрастающей шириной, предъявлявшимся в сочетании с четырьмя комбинациями признаков (т. е. в четырех контекстах — см. графики). Наиболее предпоч-

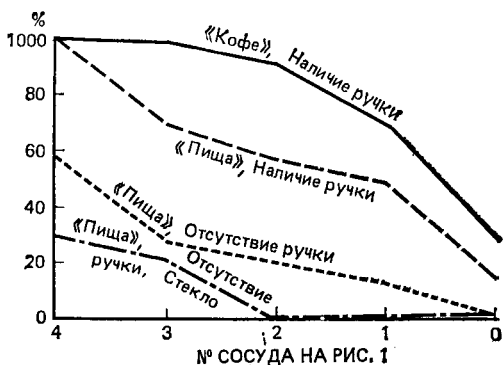

Рис. 4а

Графики согласованности, отражающие употребление слова сир для обозначения сосудов с последовательно возрастающей шириной в четырех ситуационных контекстах; ответы давались в свободной форме [экспериментальная серия III]

тительный ситуационный контекст отражен в верхней функции, совмещающей ситуацию «кофе» и наличие ручки и не конкретизированной по материалу. Непосредственно ниже изображена функция для ситуации «пища», явно убывающая при движении вправо от наиболее предпочтительной точки — сосуда под номером 4. Третья функция обнаруживает следствие предъявления испытуемым изображений сосудов без ручек, в результате чего доля употреблений слова сир становится значительно ниже, а четвертая функция обнаруживает дальнейшее уменьшение употреблений слова сир, когда появляется указание на то, что предъявляемые сосуды сделаны из стекла.

На рис. 4б показаны аналогичные графики согласованности для ответов 15 испытуемых на вопрос: «Назвали бы Вы этот предмет словом сир?» Единственной нерегулярной особенностью этой схемы является тот факт, что кривая, отражающая ситуацию «пища» и наличие ручки, не является строго монотонной функцией и для первых (слева) трех номеров сосудов проходит несколько выше, чем можно было бы ожидать на основе рисунка 4а. В остальном графики обнаруживают регулярное убывание по мере увеличения ширины сосудов, при предъявлении сосудов без ручек и при изменении материала сосудов (т. е. при указании, что материалом является стекло).

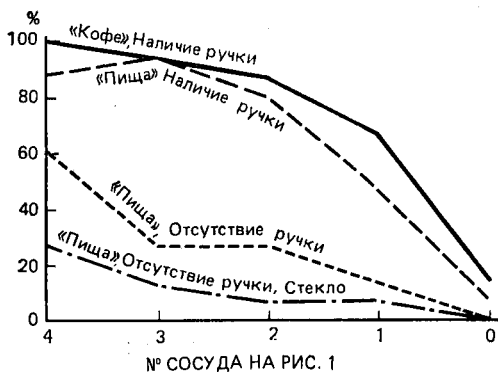

Рис. 4б

Графики согласованности, отражающие употребление слова сир для обозначения сосудов с последовательно возрастающей шириной в четырех ситуационных контекстах; ответы давались в форме «да — нет» [экспериментальная серия IV]

Если мы перейдем от рассмотрения этих средних значений функций к конкретным суждениям испытуемых, обнаружатся разительные расхождения между свободными ответами и ответами вида «да — нет». Несмотря на случайный порядок предъявления изображений сосудов, испытуемые, давая свободные ответы на вопрос «Как бы Вы назвали данный предмет?», выстраивали свои ответы в своего рода имплицативные ряды. Если некоторый сосуд, находящийся на определенном расстоянии от прототипического сосуда 4, именовался словом сир, то все сосуды, стоящие ближе к сосуду 4, также именовались словом сир. И наоборот, если слово сир не использовалось для обозначения данного сосуда, то оно не использовалось и для обозначения сосудов, отстоящих дальше от прототипа 4. Эта закономерность выполнялась без исключения относительно всего ряда однородных чашеобразных сосудов с номерами от 0 до 9⁵.

Однако при ответах вида «да — нет» не было подобной закономерности. Наоборот, здесь обнаруживалось 18 нарушений имплицативных рядов. Возникает вопрос: как можно объяснить обнаруженное отсутствие единообразия в ответах типа «да — нет»?

Думается, что в данном случае испытуемые в силу са-

мих условий проведения эксперимента настроены на то, что единственно значимой категорией является категория сир, и, естественно, они испытывают предъявляемые новые предметы на соответствие предварительно сформированному определению этой категории. Если дело обстоит именно так, то получается, что такое предварительно формируемое определение не является столь же системным, как то глубинное определение, которое используют испытуемые при выборе конкретного наименования из полной области всех близких по смыслу названий. Подобный вывод согласуется с многими другими доводами в пользу того, что языковая компетенция вовсе не открыта во всей полноте для самонаблюдения и что системность языка в наибольшей степени проявляется в его спонтанном функционировании, то есть в свободном от рефлексии производстве и восприятии речи. К сожалению (для лингвистов), чем больше люди размышляют о языке, тем в большей степени они запутываются.

Естественно было бы ожидать, что при ответах типа «да — нет» обнаружится больше категоричных ответов, чем свободных суждений. Если рассмотреть каждый факт наименования 20 предметов изолированно, то общее число случаев, когда некоторый испытуемый высказывался категорично по поводу всей совокупности предметов, либо называя все эти предметы словом сир, либо не называя ни один из них словом сир, было одним и тем же для обеих экспериментальных методик и равнялось 14⁶. Для ответов типа «да — нет» это число составили отказы именовать сосуды словом сир. Что касается свободных ответов, то в пяти ситуациях для обозначения каждого предъявленного сосуда испытуемые использовали слово сир, а в девяти ситуациях — какое-либо другое слово. Поскольку спектр конкурирующих слов значительно шире при свободных ответах, можно было бы ожидать даже большее число отрицательных результатов для свободных ответов, чем при ответах типа «да — нет». Таким образом, при свободных ответах обнаруживается более широкий диапазон употреблений слова сир в обоих направлениях: в более предпочтительных ситуациях, выделяющих сир среди всей совокупности сосудов, и в менее предпочтительных ситуациях, наименее часто исключаяющих употребление слова сир. Определение *ad hoc*, вероятно формируемое испытуемыми в условиях ответов типа «да — нет», ограничивает употребление слова сир гораздо более жестко, чем свободно форми-

руемые определения. Следовательно, можно ожидать, что при наименовании новых объектов используются более регулярно вероятностные суждения, нежели категоричные.

ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ БУТЫЛКООБРАЗНЫХ СОСУДОВ В РАБОТАХ БУРТИНА

Принципы изучения размытости и взаимозависимости в словарном составе были использованы при анализе других лексических групп. Например, следует отметить исследование обозначений способов приготовления пищи и кухонной утвари (Lehner 1968), хотя здесь обнаруживается другой подход к трактовке данных. Были также предприняты предварительные исследования в области наименований предметов мебели: chair 'стул', sofa 'диван', stool 'табурет', bench 'скамья' и т. п.; эти исследования подтверждают давнее наблюдение М. Блэка о непрерывности шкалы перехода от предметов, именуемых словом chair 'стул', к предметам, представляющим собой простые деревянные чурбаны или колоды². Были исследованы функциональные и формальные ограничения употребления слов, называющих возрастную статус человека, — типа child 'ребенок', adult 'взрослый', youth 'юноша' и т. п. Однако наиболее существенные результаты получены в еще не законченных исследованиях наименований сосудов, обладающих признаками указанных выше типов.

В работе Voertien 1975 излагаются результаты ряда хорошо организованных экспериментов, касающихся близкой к выбранной нами области лексики — а именно лексической группы, организованной вокруг слова bottle 'бутылка'. Автор пользовался 21 изображением предметов, показанных на рис. 5 и варьируемых по трем физическим параметрам: отношение диаметра отверстия горлышка к ширине сосуда W , отношение общей высоты сосуда к его ширине O и отношение высоты горлышка сосуда к его общей высоте H . Испытуемым предлагался вопрос: «Назвали бы Вы этот предмет словом bottle?». Однако вместо определенного ответа «да» или «нет» их просили давать одну из пяти оценок уверенности для получения более тонких показателей потенциальных употреблений слова bottle: «твердое да», «да», «сомнительно», «чрезвычайно сомнительно», «твердое нет».

Сплошные линии на рис. 6 представляют результаты для отношений W и O . Наиболее узкое отверстие горлышка

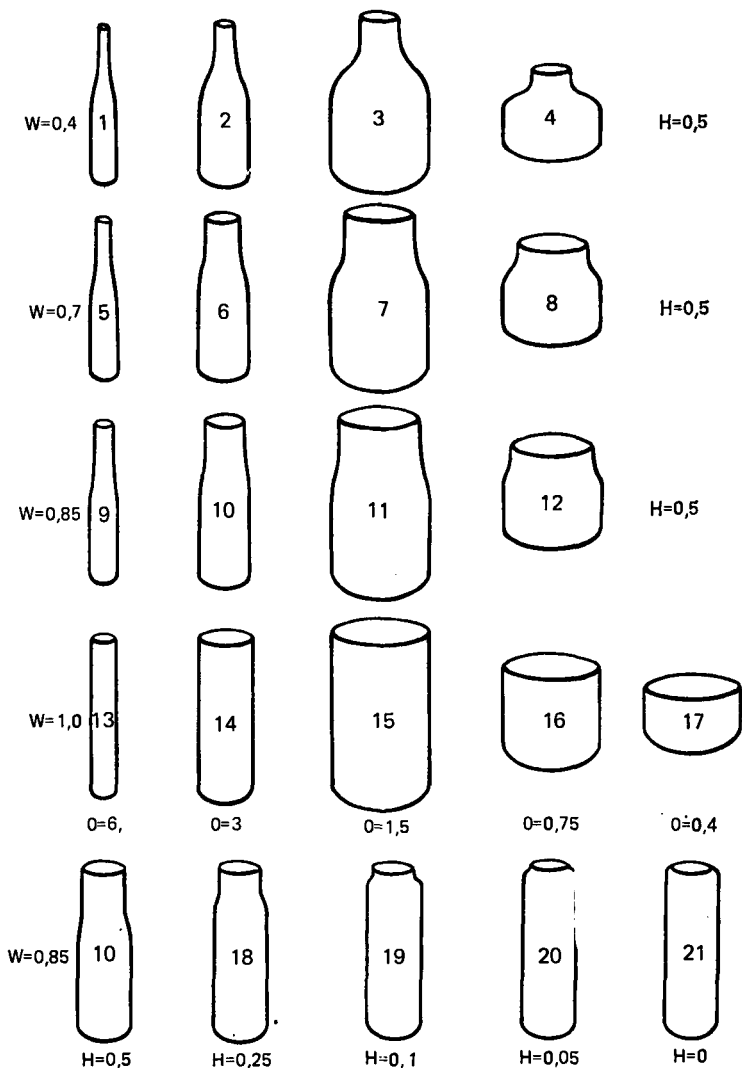

Рис. 5

Совокупность бутылкообразных сосудов (из работы Voertien 1975)

благоприятствует употреблению слова bottle, и, таким образом, обнаруживается обратно пропорциональная линейная зависимость между частотой употребления слова

bottle и размером отверстия горлышка сосуда. Что касается ширины, то для употребления bottle наиболее благоприятно не самое малое значение ширины, а ее среднее значение, при этом высота должна быть в три раза больше ширины. Отношение H не является столь решающим для употребления слова bottle, как отношения W и O : наблюдается слабая тенденция, благоприятствующая наименованию сосуда словом bottle, если высота горлышка составляет десятую часть высоты сосуда; однако единственно существенное различие в реакции испытуемых появляется тогда, когда у сосуда вообще нет горлышка.

Пунктирные линии на рис. 6 отражают уместность употребления глагола to bottle в условиях, близких к исходному назначению сосудов, называемых существительным a bottle. Испытуемых просили вообразить себе, что они только что наполнили все сосуды вином, каждый из них

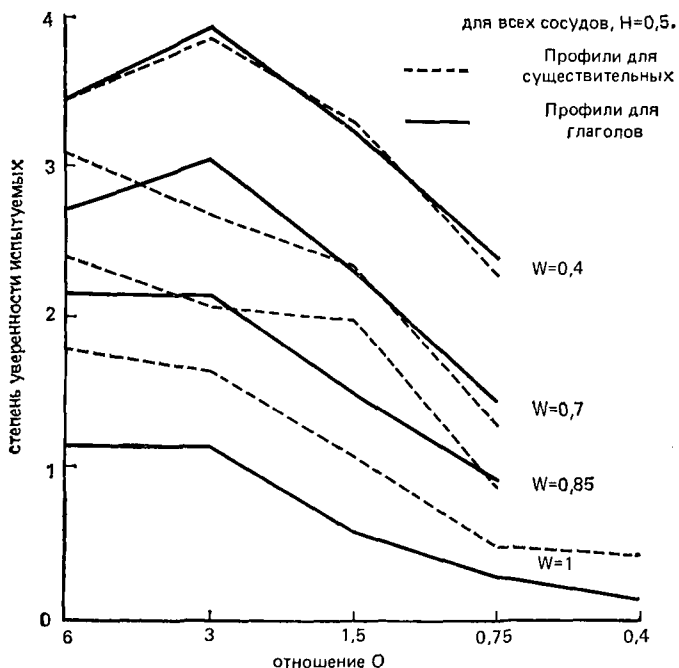

Рис. 6

Графики согласованности для отношения диаметра отверстия горлышка к ширине сосуда (W) и отношения общей высоты к ширине (O) для сосудов 1—17 (по работе Voertien 1975)

запечатали, а затем им был задан вопрос: *Would you say you had bottled in this container?* букв. 'Сочли бы Вы возможным сказать, что Вы закупорили вино в этом сосуде?'. Их просили отреагировать на этот вопрос посредством одного из пяти суждений, отражающих степень их уверенности, то есть посредством одной из пяти оценок.

Ожидание Буртина, что глагол *to bottle* допускает более широкий диапазон ситуаций при описанных условиях, последовательно оправдывается даже в тех случаях, когда по относительному размеру горлышка сосуда менее предпочтительно наименовать его существительным *a bottle*; и вообще применительно ко всей совокупности сосудов, когда наблюдается различие в употреблении глагола *to bottle* и существительного *a bottle*, глагол оказывается более предпочтительным.

Те же самые отношения для глагола и существительного повторились (только на более низком уровне уверенности), когда испытуемых попросили представить себе, что сосуды сделаны из алюминия. Следовательно, можно заключить, что прототипический сосуд *bottle* представляет собой стеклянный предмет с довольно узким отверстием и горлышком, длина которого составляет треть высоты сосуда. Для нас здесь более важен вывод о том, что характер границ между бутылкообразными сосудами обнаруживает ту же размытость и взаимозависимость разных признаков, что наблюдалось в похожих исследованиях чашеобразных сосудов; условия обозначения включают вероятностные суждения, учитывающие ряд независимых параметров, например форму и назначение соответствующих предметов.

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕНОТАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ПРИ УСВОЕНИИ ЯЗЫКА ДЕТЬМИ

Становится все более очевидным, что критерии, основанные на пространстве дифференциальных признаков, недостаточны для адекватной характеристики денотативной структуры лексики, которой владеют взрослые носители английского языка. Здесь возникает вопрос, усваивают ли дети вероятностные суждения и условия взаимозависимости признаков сразу, при усвоении первых слов языка, или же эта способность развивается у них более медленно и постепенно. В работе *Андерсен 1975* описывается эксперимент, в котором детям от 3 до 12 лет предъявлялись раз-

личные сосуды, и им предлагалось разделить эти сосуды на чашки — *cups* и стаканы — *glasses*. Автор выявила три стадии развития у детей способности выполнять указанное задание.

Стадия I — это стадия «излишнего лексического расширения», характерная для самых маленьких детей, владеющих еще очень ограниченным словарем. Слово *cup* охватывало для них все предметы, обладающие определенным набором простых признаков типа «вогнутый» и «предназначенный для того, чтобы из него пить»; некоторые из этих сосудов двенадцатилетние подростки и взрослые носители языка отказывались называть *cup*. На стадии II внимание детей сосредоточивается на характерных внешних признаках предметов типа размера и формы, затем — материала, причем эти признаки подразделяются на категории, которые с точки зрения взрослых представляются слишком дискретными. Некоторые шестилетние дети упорно называли все сделанные из пластмассы сосуды чашками — *cups*; и для них высокий цилиндрический стаканобразный сосуд был чашкой, потому что он был сделан из матовой желтой пластмассы.

Для нас представляет особый интерес описание стадии III в работе Андерсен. Она описывает эту стадию, характерную для самых старших детей, участвовавших в эксперименте, как «усвоение взаимозависимости разных функциональных и внешних свойств предметов, а также усвоение размытости границ между семантическими областями». Андерсен указывает, что эта стадия, по-видимому, вполне сопоставима со способностями взрослых носителей языка, зарегистрированными посредством описанных выше экспериментов.

ПРОБЛЕМА ФОРМАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Теперь, располагая некоторыми новыми мотивировками, мы можем заняться проблемой более точного определения лексической структуры, лежащей в основе указанных выше явлений. Совершенно очевидно, что определение значения посредством выражений булевой логики несовместимо с фактами размытости границ между лексическими группами, описанными в работе *Hersh — Sagatazza 1976*, и с другими отмеченными выше экспериментальными результатами, не говоря уже о фактах взаимозависимости признаков. Давняя формулировка факта обозначения зна-

ком некоторого объекта, предложенная в работе Weiprecht 1962, имеет вид:

$L(x)$, если C_1 и C_2 и C_3 ... и C_n ,

то есть знак L обозначает объект x , если все условия (критерии) C_1 , C_2 и т. п. выполняются. Каким образом можно было бы модифицировать данную формулировку в свете тех факторов, с которыми мы имеем дело? Можно было бы попытаться внести в нее такую коррекцию: знак L , вероятно, обозначает x , но в приведенной выше формуле нет никаких количественных показателей, позволяющих придать смысл понятию «вероятно».

Далее, предположим, что критерий C_3 — это наличие у сосуда ручки. Все равно мы не получим аналитического определения, даже если преобразуем этот критерий в вероятность наличия у сосуда ручки. Наличие или отсутствие ручки является независимой переменной в анализе подобного рода, и ее дистрибуция интереса не представляет. Вопрос состоит в следующем: если нам известен один лишь факт наличия ручки, как этот факт воздействует на вероятность $L(x)$? Нам требуется формулировка вида

$$p(L(x)) = f(C_1, C_2, \dots, C_n),$$

но что собой представляет функция f ?

Здесь уместно обратиться к логике нечетных множеств (Zadeh 1965), в которой вместо дискретного понятия принадлежности элемента к некоторой категории вводится понятие непрерывной функции принадлежности со значениями на отрезке от 0 до 1. Эта логика допускает адаптацию булевой алгебры к фактам размытости семантических границ. С принципами логики нечетких множеств впервые лингвистов познакомил Дж. Лакофф в работе о семантике ограничителей — Lakoff 1973; многие упоминания нечетких множеств касались именно комбинаторной семантики таких оценочных (приблизительных) кванторов. В работе Hersh — Sagataza 1976 было показано, что теория нечетких множеств позволяет дать гораздо более адекватное описание воздействия таких слов-операторов, как *not* 'не' и *very* 'очень', на значения прилагательных типа *small* 'малый' и *large* 'большой', чем «естественная логика» или теория значения, основанная на жестком приписывании признаков. Аксиомы логики нечетких множеств не подтвердились во всем их объеме; например, оказалось, что слово *very* более естественно описывать в виде особого

преобразующего оператора, чем в виде функции мощности, как предполагал Л. Заде. Тем не менее теория нечетких множеств представляется многообещающей основой для описания комбинаторной семантики лексических единиц с размытым значением.

В качестве составной части аксиоматической системы теории нечетких множеств Заде постулировал тождество вероятности события и ожидаемого значения его функции принадлежности (Z a d e h 1968). Некоторые аксиомы теории нечетких множеств сыграли известную роль в эмпирических исследованиях по проблеме обозначения (см. ниже), и думается, что эта теория может быть распространена на те типы многофакторных ситуаций, которые интересуют нас в настоящем исследовании.

Формальные средства задания размытости в языке вначале сводились к графикам согласованности по одному параметру, как это предложено в работе М. Блэка (1937 г.). Шкала, использованная в L a b o v 1973, соответствует предложенному в Н е ш р е l 1939 определению уместности применения слова T к объекту s:

$$C(T, s) = \lim_{\substack{M \rightarrow \infty \\ N \rightarrow \infty}} \frac{M}{M+N},$$

где M — число суждений, в которых утверждалась применимость T к s, а N — число суждений, в которых отрицается применимость T к s. Здесь сомнительные случаи составляют величину 0,5. Поскольку значения величин пробегают здесь отрезок от 0 до 1, это определение исследуемой величины очевидным образом поддается представлению в терминах теории вероятностей, если могли бы быть решены проблемы представления инвариантного ядра (см. графики выше).

Какую бы модель мы ни избрали, в ней должны быть средства объединения ряда независимых уравнений для предсказания общей вероятности обозначения. На первый взгляд, аналогия с многофакторными ситуациями, с которыми мы сталкиваемся в изучении морфонологического и синтаксического варьирования, кажется весьма привлекательной. Как и в случае опущения фонем -t, -d, глубинные факторы должны быть извлечены из всего разнообразия поверхностных форм. Все внешние проявления словообразовательных границ, словоизменительных границ, ударения, признаков окружающих сегментов должны быть извлечены из разнообразных окружений, в которых встречаются эти фонемы.

Обратим внимание на то, что на рис. 1 значения отношений высоты к ширине сосудов не могут быть оценены и интерпретированы только на основе сосудов 1—9, так как эти отношения проявляются также и для сосудов 10—19.

Из обзора данных рис. 1 и 2 следует, что нам нужна такая программа обработки экспериментальных результатов, которая сможет иметь дело с набором независимых параметров при сильной асимметричности ячеек (характеризуемых точек). Сосуды цилиндрической и конусообразной формы представлены на рис. 1 лишь в трех разновидностях по параметру отношения высоты к ширине, а прямоугольные сосуды — лишь в одной разновидности. Хотя ряд сосудов, использованный в экспериментах Бортина, носит более регулярный характер, чем в наших экспериментах, в них также обнаруживаются несколько асимметричных и пустых ячеек (пятое значение W встречается только в сочетании с наибольшим значением параметра O ; различия в длине горлышка сосудов встречаются только при $W=0,85$). Хотя вполне возможно построить абсолютно регулярные ряды сосудов, это все же не является эффективным способом получения нужных сведений относительно ситуаций с большим числом параметров.

В работе *C e d e r g r e n — S a n k o f f 1974* была разработана программа с переменными правилами — программа *Varbrule II* — для обработки данных указанного типа, которые являются неизбежным продуктом применения языковой структуры. Но, как уже указывалось выше, ни одна из первоначально предложенных моделей, по-видимому, не охватывает типы инвариантности, наблюдаемые на верхнем и нижнем концах шкалы. Модель, использованная в программе *Varbrule II*, — так называемая «логистическая» модель — представляется более адекватной в этом отношении. Она объединяет свойства моделей, ориентированных на единогодушные однозначные ответы относительно применимости или неприменимости данного обозначения; в этой модели основная формула учитывает отношения случаев применимости к случаям неприменимости обозначения:

$$\frac{P}{1-P} = \frac{p_0}{1-p_0} \cdot \frac{p_1}{1-p_1} \cdot \dots \cdot \frac{p_n}{1-p_n} = \prod_{i=0}^n \left(\frac{p_i}{1-p_i} \right),$$

где P — общая вероятность данного обозначения, p_0 — исходная вероятность, а различные p_1 — это веса, приписанные вероятностным суждениям о конкретных признаках, исчерпывающих некоторую заданную область параметров

предмета, — типа материала, формы, назначения и т. п.; i пробегает значения целых чисел от 0 до n .

Логистическая модель легко учитывает наличие категоричных признаков, предполагающих однозначный ответ типа «да — нет». Если некоторое p_i равно 0, то значение правой части приведенного выше равенства тоже становится нулем. Если мы полагаем правую часть равенства равной X и хотим вычислить P , то искомая вероятность обозначения P вычисляется по формуле

$$P = \frac{X}{1+X},$$

причем, если $X=0$, то $P=0$. С другой стороны, если некоторое p_i равно 0,5, то соответствующий сомножитель в правой части равен 0,5/1—0,5, то есть равен единице и, следовательно, никак не влияет на общее значение произведения X , то есть на общую вероятность P . Любое p_i , превышающее 0,5, увеличивает значение X и значение вероятности P , а любое p_i , меньшее 0,5, уменьшает соответствующие значения.

Логистическая модель не учитывает тех случаев, когда некоторое $p_i=1$, поскольку тогда значение знаменателя дроби становится нулем. Однако высокие значения вероятностей p_i порождают высокие вероятности обозначения, как станет ясно из последующих примеров применения рассматриваемой модели.

Логистическая модель задает меру оценки вероятностей, устанавливаемую не на основе процентов, а на основе «сырых» данных. Зависимая переменная выражается в ней через число случаев употребления/неупотребления данного слова для обозначения предметов, а независимые переменные соответствуют множествам взаимно исключающих альтернатив, причем каждая переменная отражает наличие/отсутствие некоторого признака по данному параметру. На первом этапе анализа наблюдаемых данных необходимо сформировать область таких взаимно исключающих признаков, которые, вместе взятые, должны исчерпывать весь спектр возможных значений данного параметра, рассматриваемого в рамках проводимого эксперимента. Параметр «форма» на рис. 1 принимает пять значений: чашеобразная, цилиндрическая, конусообразная, треугольная и прямоугольная. Что касается отношения высоты к ширине, то, вместо задания его в виде единой количественной меры, мы выражаем его посредством десяти значений, характерных для сосудов 0—9. Параметр «ножка» имеет три значения: отсутствует, короткая или длин-

ная; параметр «ситуация» («назначение») имеет значения «кофе», нейтральная, «пища», «суп» или «цветы»; параметр «материал» — фарфор или стекло; параметр «ручка» — наличие или отсутствие таковой. В наиболее детальной экспериментальной серии (серия III, 1974 г.) учитывались все шесть перечисленных параметров.

Выше я использовал термин «взаимозависимость» для противопоставления вероятностных суждений и жестких критериев, основанных на простом приписывании признаков. Вероятностные суждения взаимозависимы в том смысле, что наиболее предпочтительные значения по одному параметру могут допускать появление менее предпочтительных значений по другому параметру, при этом не препятствуя употреблению данного слова для значительной части предъявляемых предметов. В противоположность этому значение критерия простого приписывания признаков, допускающее употребление слова, жестко фиксированно — независимо от значений, полученных по другим параметрам. «Взаимозависимость» вероятностных суждений не следует смешивать с другой их характеристикой — «независимостью», которая проявляется на более высоком уровне абстракции. Программа с переменными правилами предполагает независимость различных весов p_i : значение каждого из них устанавливается независимо от значений, полученных по другим параметрам или факторным группам. Так, если p_1 для наличия ручки равняется 0,74, это значение остается неизменным независимо от того, есть ли у сосуда ножка, каковы пропорции данного сосуда и т. д. В модели логистического типа значения весов для фиксированных признаков совместно определяют вероятность употребления данного слова, но во всех разнообразных сочетаниях эти значения остаются неизменными.

Из допущения независимости весов признаков вовсе не следует, что такая независимость имеет место в каждом конкретном случае. Анализ с переменными правилами можно рассматривать как способ обнаружения взаимодействия признаков или отсутствия их независимости, поскольку он четко выявляет случаи адекватной работы модели и случаи ее неадекватности. В фонологии или грамматике отсутствие независимости признаков приводит к расчленению общих схем правил на частные правила. В семантике подобная ситуация приводит к полисемии, когда одно общее толкование распадается на ряд частных толкований. Незначительные отклонения от принципа независимости отнюдь не во всех

случаях требуют подобного рода радикальных мер: в качестве одного из решений можно принять выделение взаимодействующих признаков в качестве отдельной группы факторов. Если окажется, что параметр «наличие/отсутствие ручки» имеет особую значимость для сосудов с ножкой, то можно ввести в рассмотрение новую субкатегорию с двумя значениями: 1) совместное наличие ручки и ножки; 2) отсутствие ручки и/или ножки. Это было бы эквивалентно утверждениям типа «если — то» в словарных толкованиях, например: «если у сосуда имеется ножка, то наличие ручки маловероятно».

УСЛОВИЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ: АНАЛИЗ С ПЕРЕМЕННЫМИ ПРАВИЛАМИ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СЕРИИ III

На основе изложенной выше общей концепции можно продолжить анализ результатов работы программы *Varb-gule II* и попытаться выяснить, подтверждают ли результаты применения логистической модели предположение о том, что при всем разнообразии ситуационных контекстов испытуемые располагают все же неким единым определением слова *сир*, лежащим в основе их ответов. В таблице 2 представлены данные для наиболее полного множества групп факторов в экспериментальной серии III 1974 г. ($N=14$). В этой серии испытуемые называли двадцать сосудов при шести условиях, которые варьировались по функциональной ситуации, наличию или отсутствию ручки и материалу — см. табл. 2 на с. 159.

Упомянутые шесть контекстов складываются из следующих комбинаций трех указанных параметров:

Таблица 1

	Функциональная ситуация	Ручка	Материал
1	нейтральная	есть	неопределенный
2	«кофе»	есть	неопределенный
3	«кофе»	нет	неопределенный
4	«пища»	есть	неопределенный
5	«пища»	нет	неопределенный
6	«пьяца»	нет	стекло

В таблице 2 общие процентные доли каждого употребления слова *сир* могут быть сопоставлены с весами p_1 , получен-

Условия употребления слова *cup*: анализ серии III
программой Varbrule II

	%	P_1
Группа 1: форма		
вогнутая	50	0,76
цилиндрическая	31	0,41
конусообразная	40	0,74
прямоугольная	38	0,26
треугольная	43	0,32
Группа 2: H/W		
0 [0,25]	12	0,07
1 [0,32]	35	0,28
2 [0,42]	46	0,42
3 [0,58]	60	0,59
4 [0,68]	79	0,84
5 [0,75]	56	0,90
6 [1,10]	52	0,80
7 [1,40]	47	0,56
8 [1,85]	29	0,31
9 [2,40]	29	0,22
Группа 3: функциональная ситуация		
«Кофе»	56	0,61
«Нейтральная»	59	0,46
«Пища»	32	0,43
Группа 4: ножка		
Нет ножки	45	0,87
Короткая	58	0,35
Длинная	32	0,26
Группа 5: ручка		
Есть	62	0,67
Нет	27	0,33
Группа 6: материал		
Неопределенный	52	0,72
Стекло	09	0,28

ными программой. Наибольшей согласованности можно ожидать от тех признаков, которые распределены наиболее равномерно, например от признака «наличие/отсутствие ручки»; в случае явно неравномерного распределения признаков (например, признак «ножка») процентные доли употребления сир обнаружат крайне асимметричное распределение других признаков, и тогда можно ожидать, что полученные вероятности будут значительно отличаться от процентных отношений.

Подобный случай наблюдается в группе 1 — форма. Процентные доли употребления сир показывают, что здесь наиболее предпочтительна вогнутая форма; далее идет треугольная, затем — конусообразная, затем — форма прямоугольной коробки и, наконец, цилиндрическая. Неожиданность этих результатов (за исключением последней формы) объясняется исходной асимметричностью сочетаний признаков формы со значениями отношения высоты к ширине. Более абстрактные показатели p_i говорят о том, что вогнутая форма наиболее предпочтительна на уровне 0,76, который лишь немного превосходит вес, полученный для конусообразной формы — 0,74; прямоугольная и треугольная формы оцениваются соответственно как 0,32 и 0,26. Таким образом, значения весов для данных признаков мало соответствуют числу употреблений слова сир применительно к конкретным сосудам. Единственный результат, который было трудно ожидать, состоит в том, что цилиндрическая форма оценивается в некотором смысле как малоподходящая при весе 0,41; к этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Значения отношения высоты к ширине образуют регулярную последовательность с точки зрения как процентных долей, так и весов, достигая максимума для прототипического значения, а затем убывая. Однако рис. 7 свидетельствует о том, что процентные доли употребления сир образуют кривую, существенно отличающуюся от кривой значений p_i . На этой схеме на вертикальных осях откладываются значения процентных долей от 0 до 100 или значения p_i от 0 до 1. На горизонтальной оси откладываются значения десятичных логарифмов отношений высоты к ширине, которые, как оказывается, лучше соответствуют воспринимаемым различиям, чем линейная функция. Над значениями отношений H/W даны числа от 0 до 9, указывающие те точки, которые соответствуют размерам вогнутых сосудов 0—9^а.

Две кривые на рис. 7 сначала одинаково возрастают, но затем кривая процентных долей достигает максимума в точ-

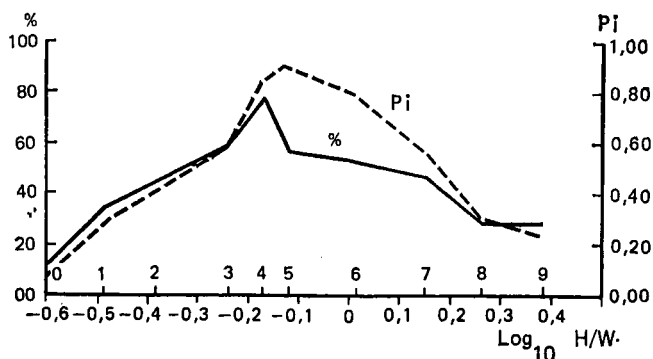

Рис. 7

Кривая процентных долей употребления сир vs. кривая весов для значений отношения высоты к ширине, серия III

ке 4, а кривая вероятностных весов достигает максимума в точке 5 и сохраняет более высокий уровень по сравнению с первой кривой для точек 6 и 7 и только после этого убывает. Для значений трех самых глубоких сосудов различие между этими двумя кривыми почти стирается, однако кривая весов различает точки 8 и 9, а кривая процентных долей их не различает.

Таким образом, программа Varbule несколько меняет наше представление о пропорциях прототипического сосуда сир, однако она при этом отвлекается также от некоторого поверхностного факта, который приводит к понижению значений H/W от 0,68 до 1,10, и этот факт еще должен быть обнаружен.

В таблице 2 процентные отношения и вероятности согласуются в том, что наличие ручки явно благоприятствует называнию сосуда словом сир, и в еще большей степени предпочтительность отмечается в обоих столбцах в случае перехода к стеклянным сосудам. Ожидаемая асимметричность проявляется в группе 4 («ножка»), где процентные доли указывают, что маленькая ножка сосуда благоприятствует употреблению слова сир в большей степени, чем отсутствие ножки. Это является следствием того, что в сосудах на рис. 1 наличие ножки сочетается только с предпочтительными формой и пропорциями предмета. Показатели p_i корректируют эти оценки: из них явствует, что употребление сир явно предпочитается при отсутствии ножки с вероятно-

стью 0,87, считается малоподходящим (вероятность 0,35) при короткой ножке и еще менее подходящим (вероятность 0,26) при длинной ножке.

Нет никакой очевидной асимметричности данных, которая могла бы объяснить, почему эффект функциональной ситуации, проявляющийся на рисунках 2 и 3, не проявляется в процентных показателях. Вероятностные веса p_i обнаруживают умеренный ситуационный эффект: предпочтительность контекста «кофе» оценивается вероятностью 0,61, нейтрального контекста — вероятностью 0,46 (незначительно отличающейся от 0,50) и контекста «пища» — вероятностью 0,43.

Следовательно, модель Varbrule позволяет учитывать всю информацию одновременно и получать результаты, которые согласуются с наиболее интерпретируемыми подмножествами данных и не искажаются эффектом асимметричности распределения признаков относительно объектов, использованных в единичном эксперименте. Однако если мы посмотрим, в какой мере логистическая модель соответствует исходным данным, мы столкнемся с новой информацией.

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И ВОПРОС ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВА *MUG*

Выше уже отмечалось, что модель с переменными правилами предполагает независимость выделенных признаков и что эти признаки не вступают во взаимодействие с другими признаками. Мера истинности данного утверждения может быть оценена, если в логистической формуле вероятностям будут приданы значения p_i . Производное значение P оценивает предсказание, делаемое программой, относительно ожидаемого значения при данной комбинации признаков. В том случае, когда предсказание расходится с наблюдаемыми значениями вероятностей для соответствующих ячеек, можно подозревать определенное взаимодействие признаков, например, тот факт, что ситуация «пища» имеет неодинаковую значимость для широких и для глубоких сосудов. Функция χ^2 показывает степень такого рода расхождения для каждой ячейки сосудов. Поскольку мы имеем дело со случайными событиями, полная адекватность модели была бы крайне маловероятной: вопрос состоит в том, каково суммарное значение функций χ^2 для всех ячеек — меньше ли оно, чем то значение, которое можно было ожидать на основе случайных флук-

туаций, и если нет, то имеются ли какие-либо конкретные комбинации признаков, вызвавшие наблюдавшееся отклонение значения функции. Учитывая 19 степеней свободы, отраженных в таблице 2, получаем, что суммарное значение функции χ^2 , меньшее 30, должно указывать на то, что соответствие наблюдаемых и предсказываемых значений находится в пределах нормы.

Однако для большинства случаев анализа с переменными правилами следует ожидать некоторых (пусть незначительных) взаимодействий признаков, и вполне допустимы значения функции χ^2 , меньшие 0,75 относительно каждой ячейки. Лишь значения функции χ^2 , превышающие 3 или 4 для тех или иных конкретных ячеек, свидетельствуют о серьезных неполадках в описываемой общей схеме⁹.

В таблице 2 суммарное значение функции χ^2 , равное 103,2, предполагает наличие некоторого источника интерференции значений; зону, ответственную за интерференцию, локализовать совсем нетрудно. Имеется три случая значительных расхождений между наблюдаемыми и предсказываемыми значениями:

Сосуд	Ситуация	Ручка	Материал	Наблюдавшееся значение	Предсказанное значение	Значение χ^2
11	«кофе»	есть	неопред.	5,5 ¹⁰	11,2	14,5
12	«кофе»	есть	неопред.	3	7,8	6,7
12	«пища»	нет	неопред.	5	1,8	6,8

Сосуд 11 представляет собой цилиндрический предмет средней высоты, то есть предмет с параметрами, наиболее предпочтительными для употребления слова *tug*, как показано на рис. 8. Данные здесь процентные доли свидетельствуют о том, что слово *tug* наиболее предпочитается для обозначения сосуда 11 в ситуации «кофе» (впрочем, и в нейтральной ситуации тоже). Предпочтение слова *tug* слову *cup* для обозначения сосуда 11 проявляется в еще большей мере в менее предпочтительной ситуации «цветы». В отношении предпочтительности слова *tug* вслед за сосудом 11 идет сосуд 12, а затем — сосуд 10. Случаи употребления слова *tug* для обозначения сосуда другой формы составляют совсем малую долю, однако, когда такое все же случается, мы имеем указанные здесь отношения высоты к ширине.

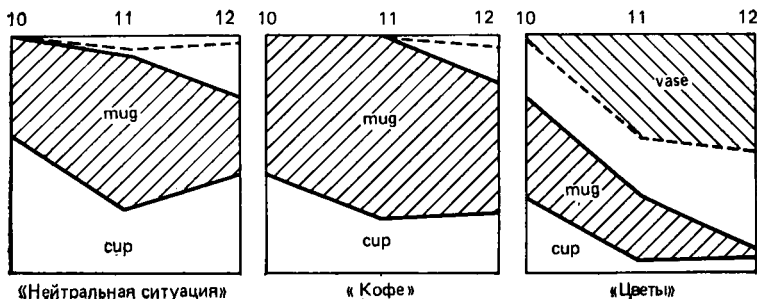

Рис. 8

Процентные доли употребления слов *mug*, *cup* и *vase* для трех цилиндрических сосудов в трех ситуациях (серия 1, без ручки, $N=24$, по работе Labov 1973)

Первые две, плохо соответствующие предсказаниям ячеек, показывают, что программа предсказывает гораздо большую долю употреблений слова *cup*, чем реально полученные данные в наиболее предпочтительной ситуации для употребления слова *mug*. В третьем случае наблюдается противоположный эффект: программа явно зависила степень влияния на испытуемых неблагоприятного контекста. Нарушения обоих указанных типов отражают тот факт, что слово *mug* довольно часто используется и тогда, когда вполне уместно слово *cup*.

Что может произойти, если мы примем в качестве зависимой переменной употребление слова *mug* и/или *cup*? Такой подход вполне допустим, так как носители языка соглашаются в том, что сосуд, называемый *mug*, есть разновидность *cup* *. Обычные словарные определения трактуют *mug* как видовой термин по отношению к *cup*:

mug, n. A kind of earthenware or metal drinking cup, with a handle — usually cylindrical, with no lip. 'Вид керамической или металлической чашки (*cup*) для питья, с ручкой, обычно цилиндрической формы, без носика'.

Когда испытуемые употребляют при ответе слово *mug*, можно считать, что они имеют в виду также слово *cup*. Если бы испытуемый отреагировал на предъявление сосуда 11 по-

* Для соответствующих русских «усредненных» переводных эквивалентов — *кружка* и *чашка* — данное соотношение не имеет места — см. примечание переводчика на с. 136.— *Прим. перев.*

Условия употребления сиг и/или тиг: анализ серии III
программой Varbrule II

	%	p_i
Группа 1: форма		
вогнутая	51	0,70
цилиндрическая	64	0,76
конусообразная	43	0,67
прямоугольная	42	0,19
треугольная	46	0,23
Группа 2: H/W		
0 [0,25]	12	0,05
1 [0,32]	34	0,23
2 [0,42]	48	0,40
3 [0,58]	61	0,61
4 [0,68]	79	0,86
5 [0,75]	56	0,92
6 [1,10]	61	0,81
7 [1,40]	63	0,62
8 [1,85]	42	0,30
9 [2,40]	31	0,21
Группа 3: функциональная ситуация		
«кофе»	65	0,66
«нейтральная»	70	0,44
«пища»	35	0,40
Группа 4: ножка		
нет	52	0,89
короткая	49	0,34
длинная	32	0,20
Группа 5: ручка		
есть	73	0,74
нет	29	0,26
Группа 6: материал		
неопределенный	59	0,71
стекло	09	0,29

 $p_0 = 0,66$ $\chi^2 = 85,1$

[120 ячеек]

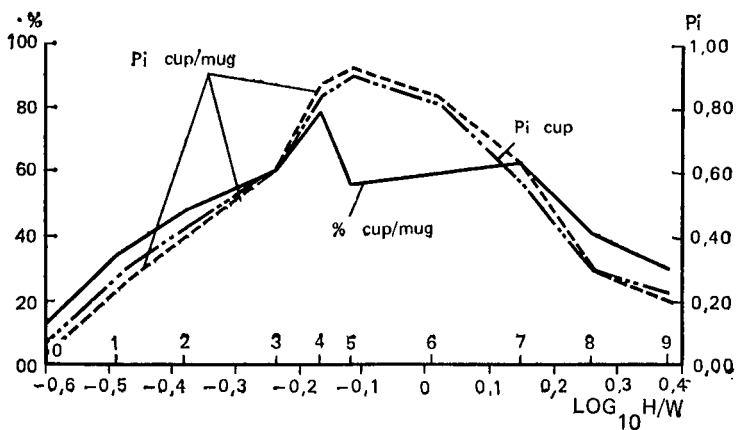

Рис. 9

Процентные доли употреблений cup и mug vs. веса p_i для значений отношения высоты к ширине, серия III

средством выражения a cylindrical kind of earthenware cup, мы оценили бы этот ответ как случай употребления cup, но это же очевидный эквивалент понятия mug. В таблице 3 представлены процентные данные и значения вероятностей p_i для модели ответов, при которой данные по слову mug объединены с данными по слову cup, а на рис. 9 сопоставлены процентные данные и вероятности для значений отношения высоты к ширине, взятые по таблице 3, с соответствующими данными рис. 7 для употребления одного слова cup.

На рис. 9 можно отметить явное возрастание функции для процентов на отрезке 1,00—1,50 H/W — в противоположность убыванию функций на рис. 7. Подобное двухвершинное распределение значений не проявляется в области весов p_i . На рис. 9 фактически накладываются веса p_i рисунка 7, где не учтено слово mug, на веса таблицы 3, где употребления mug учтены: различия оказываются совсем незначительными. При наиболее предпочтительном для mug отношении высоты к ширине, равном 1,40, программа дает вероятность 0,62 для cup и mug — против вероятности 0,56 для одного слова cup¹¹. В то же время наблюдается значительное падение суммарного значения функции χ^2 — от 103,2 до 85,1, что указывает на явное улучшение соответствия между наблюдаемыми и предсказываемыми данными.

Мы не можем сделать вывод о том, что слово *mug* или другие видовые термины при обработке экспериментальных данных могут быть включены в условия обозначения, формируемые для родового термина без искажения конечного результата. Воздействие такого объединения на значения отношения высоты к ширине не велико. Изменения вероятностей в группе признаков функциональной ситуации обнаруживают особое воздействие на испытуемых ситуации «кофе», основные же соотношения остаются без изменения. Нет никаких изменений и в условиях употребления, касающихся материала или наличия/отсутствия ножки. Однако влияние такого объединения на условия обозначения, связанные с формой сосуда, весьма велико.

Уже в таблице 2 мы столкнулись с фактом, что значения функций для цилиндрических сосудов неожиданно занижены. На рис. 10 представлена противоположная ситуация, возникающая при объединении данных по *mug* и *cup*. Цилиндрическая форма становится в этом случае основным благоприятствующим фактором в этой группе, вогнутая форма имеет весьма незначительное значение, а конусообразная форма вообще не оказывается предпочтительной. Которое из этих двух множеств условий обозначения наиболее

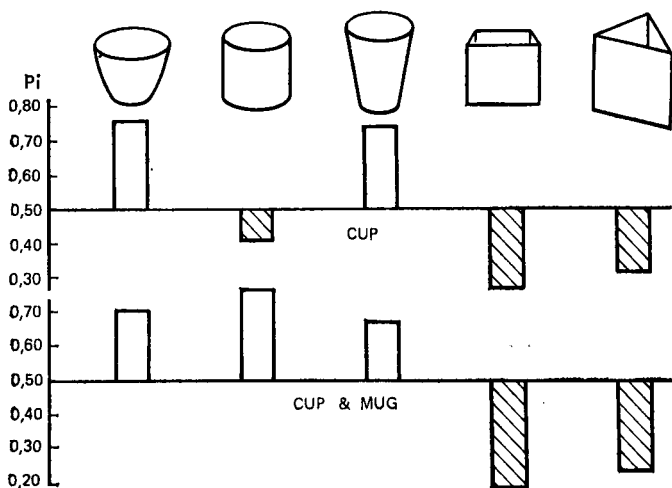

Рис. 10

*Изменения значений p_i для формы сосудов в тех случаях, когда данные по *mug* включены в число ответов испытуемых для *cup*, серия III ($N=24$)*

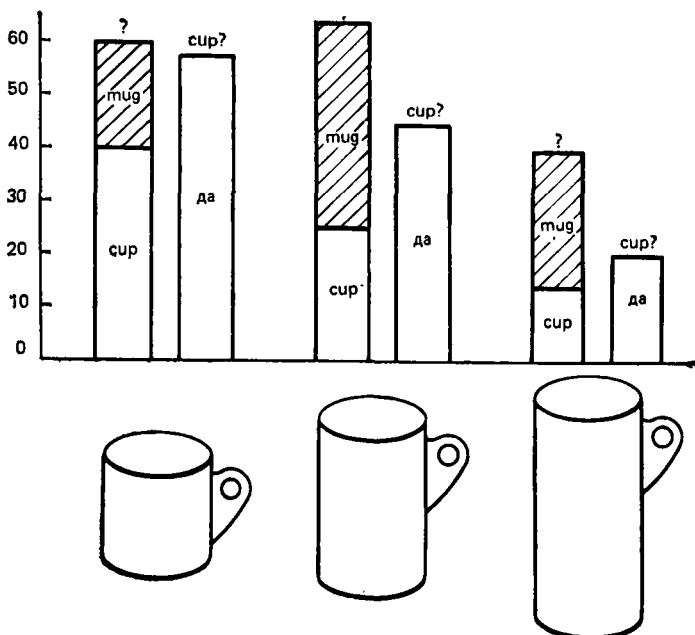

Рис. 11

Процентные показатели для свободных ответов и ответов типа «да — нет» для цилиндрических сосудов

адекватно для характеристики употребления слова *cup*? В любом случае мы здесь имеем дело с крупным искажением действительного положения вещей: цилиндрическая форма имеет заниженные значения, когда данные по *mug* исключены, и завышенные значения, когда данные по *mug* включены.

Мы можем несколько продвинуться в направлении решения этого вопроса, если вернемся к серии IV, в которой испытуемых спрашивали *Is this a cup?* 'Является ли это чашкой?'. Здесь мы можем воспользоваться тем, что испытуемые обладают изначальным знанием того, что *mug* является разновидностью *cup*, и надеяться, что в их ответах будет отражен более абстрактный уровень понятия *cupness* 'быть чашкой'. На рис. 11 сопоставлены процентные показатели для ответов в сериях III и IV, объединяющих все шесть контекстов, относительно цилиндрических сосудов 10, 11 и 12. В каждом случае процент ответов «да» в серии IV выше, чем процент ответов *cup* в серии III, но ниже процента для объ-

единенных ответов *cup* и *mug*. По мере увеличения высоты сосудов процент ответов «да» убывает и приближается к процентным показателям ответов *cup*.

Теперь мы попытаемся применить программу Varbrule II к ответам типа «да — нет» серии IV, чтобы выяснить, можем ли мы получить «истинные» значения для слова *cup* (см. табл. 4). В этом случае мы получаем почти тождественную предыдущим схему для серии отношений H/W; она отличается от предыдущих лишь тем, что здесь в большей мере предпочитают неглубокие сосуды. Значимости материала, наличия/отсутствия ножки и ручки остаются неизменными. Решающим фактором является, разумеется, группа «форма», где можно надеяться обнаружить промежуточные значения.

	Серия III только <i>cup</i>	Серия IV «да — нет»	Серия III <i>cup</i> и <i>mug</i>
Вогнутая	0,76	0,68	0,70
Цилиндрическая	0,42	0,59	0,76
Конусообразная	0,74	0,72	0,67
Прямоугольная	0,26	0,32	0,19
Треугольная	0,32	0,21	0,23

Верно, что значения показателей для цилиндрических сосудов в ответах «да — нет» четко занимают промежуточное положение между показателями серий, включающих и не включающих данные по *mug*. Однако довольно странно выглядит то обстоятельство, что в ответах «да — нет» наиболее предпочтительной становится конусообразная форма, что резко расходится со всеми предшествующими данными. Более того, из таблицы 4 видно, что функциональная ситуация здесь уже не имеет никакой значимости: нейтральная ситуация имеет вероятность 0,55, а ситуация «кофе» — 0,52. Случайный характер ответов «да — нет», как они и были представлены вначале, проявляется здесь снова, и поэтому не следует слишком доверять этим данным, считать их окончательным решением вопроса об употреблении слова *mug*.

АНАЛИЗ КЕМПТОНА НА ОСНОВЕ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ И РЕЗКОЕ ВОЗРАСТАНИЕ УПОТРЕБЛЕНИЙ MUG

Любопытно, что аналогичный статус слова *mug* обнаруживается в работе Kempston 1977, где исследуется проблема принадлежности к категориям в рамках модели не-

Условия употребления сыр: анализ Varbrule II ответов
типа «да — нет»

	%	P_i
Группа 1: форма		
вогнутая	47	0,68
цилиндрическая	47	0,59
конусообразная	40	0,72
прямоугольная	48	0,32
треугольная	36	0,21
Группа 2: Н/В		
0 [0,25]	03	0,03
1 [0,32]	34	0,35
2 [0,42]	51	0,56
3 [0,58]	66	0,69
4 [0,68]	73	0,83
5 [0,75]	51	0,83
6 [1,10]	56	0,83
7 [1,40]	58	0,68
8 [1,85]	26	0,26
9 [2,40]	26	0,23
Группа 3: функциональная ситуация		
«кофе»	51	0,52
«нейтральная»	68	0,55
«пища»	34	0,44
Группа 4: ножка		
нет	46	0,78
короткая	49	0,47
длинная	31	0,24
Группа 5: ручка		
есть	55	0,70
нет	25	0,30
Группа 6: материал		
неопределенный	52	0,66
стекло	12	0,34

 $p_0 = 0,659$ $\chi^2 = 80,8$

[120 ячеек]

четких множеств. 11 испытуемым было предложено произвести классификацию 51 керамического предмета посредством выбора одного из следующих словосочетаний, содержащих ограничители и различающихся по степени уверенности обозначения: 1) *absolutely not a* — (‘явно не —’), 2) *not really a* —, *but a* — *in some ways* (‘не совсем —, а — в некотором отношении’), 3) *sort of a* — (‘нечто вроде —’), 4) *primarily a* —, *but not completely* (‘в общем-то —, но не совсем’), 5) *the most typical* — (‘самый типичный —’). На основе подобных ответов Кемптон вычислял значения функции принадлежности на отрезке от 0 до 1. Для каждого сосуда он получил наиболее подходящие ответы, включающие название родовых категорий типа *drinking vessel* ‘сосуд, предназначенный для питья’, и ответы с названиями подчиненных видовых категорий — типа *mug* или *coffee cup* ‘кофейная чашка’, а также *cup*, *pitcher* ‘кувшин’, *glass* и т. п.

На основе теории нечетких множеств можно предсказать, что оценка вхождения некоторого предмета в определенный класс (значение его принадлежности) не должна превышать соответствующей оценки его принадлежности к подчиняющему (родовому) классу. В двумерном графе функции принадлежности, где значения относительно подчиненного класса откладываются на оси Y, а значения относительно подчиняющего класса — на оси X, функция должна на всех участках проходить ниже диагонали, проведенной из левого нижнего угла в верхний правый. Именно так обстоит дело с классами *drinking vessel* и *cup*. Однако в случае классов *cup* и *mug* дело обстоит по-другому. На рис. 12 представлены результаты Кемптона, относящиеся к средним значениям принадлежности предметов к категориям *mug* и *cup*.

Если объект расположен над диагональю на рис. 12, это свидетельствует о большем значении принадлежности к классу *mug*, чем к классу *cup*. Конечно, можно было бы постулировать два значения *cup*, одно из которых было бы родовым по отношению к *mug*, а другое находилось бы на одном иерархическом уровне с *mug*. Однако и в этом случае следовало бы ожидать, что значения принадлежности, вычисленные на основе ответов упомянутых типов, будут выше для *cup*, чем для *mug*, поскольку при обычной интерпретации значений слов более естественно было бы предпочесть в данном случае слово, омонимичное названию категории более высокого уровня. Если исходить из общего представления о том,

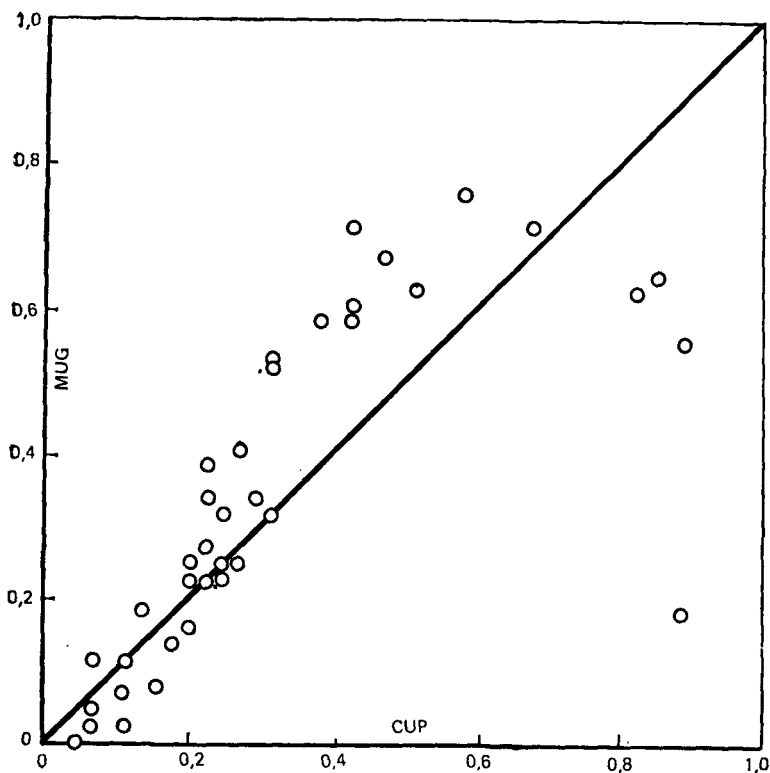

Рис. 12

Средние значения принадлежности к классам сир и тиг для 39 предметов (Кемптон 1977)

что тиг есть разновидность сир, то в результатах Кемптона обнаруживается та же нерегулярность, которую мы отмечали при анализе свободных ответов.

Кемптон предлагает сделать менее строгими критерии подчинения одного класса другому — аналогично тому, как в теории нечетких множеств ослаблены критерии принадлежности к классу; это обеспечило бы непрерывность перехода по шкале подчинения на отрезке от 0 до 1. Это соответствовало бы обычному выражению типа: нечто наполовину входит, а наполовину не входит в данную категорию (half in and half out).

Однако из этого вытекало бы, что объединение данных по тиг и сир даст менее адекватные результаты в анализе с пе-

ременными правилами, чем анализ ответов, включающих только сир. Реально же полученные до сих пор результаты обнаруживают значительное повышение адекватности при объединении тиг и сир, как если бы это были ответы с одним сир. Нет сомнения в том, что тиг дает значительный подъем функции, отражающей ответы с сир; здесь, естественно, возникает вопрос, действительно ли этот подъем является составной частью того понятия сир, которым владеют и которое употребляют носители английского языка.

Кемптон не дает анализа признаков используемых предметов. Было бы полезно выяснить, обладают ли сосуды, характеризующиеся более высоким значением принадлежности к классу тиг, чем к классу сир, такими признаками, значения которых выше для тиг и сир в таблице 3, чем для одного сир в таблице 2. На основе сходимости данных, полученных из нескольких разных источников, было бы возможно построение серьезной теории прототипов и способов их использования в толкованиях. Полное толкование слова сир будет оптимальным образом отражать свойства прототипического сосуда сир. Однако это толкование будет неполным описанием условий употребления слова сир, если в нем не будет учтено то обстоятельство, что некоторые сосуды, называемые сирс, а именно тигс, имеют другие прототипы. Наличие такого рода подчиненных прототипов порождает зоны локальных искажений в толковании сир. Таксономическая структура обозначений сосудов, содержащая понятия container, сир, тиг и т. п., не представляет собой дерева с четкими разветвлениями, в которых каждая ветвь уже стержневого сука. Вместо такой идеальной картины мы наблюдаем в этом дереве разного рода локальные выпуклости (bulges) или вздутия в тех местах, где узлы дерева развивают свои собственные прототипы. Теория словарных дефиниций не должна быть основана исключительно на теории деревьев: она должна включать также и теорию выпуклостей.

К ПОСТРОЕНИЮ БОЛЕЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫХ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ: ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Хотя предложенная в настоящей работе формальная модель довольно хорошо соответствует наблюдаемым данным, было бы весьма рискованным утверждать, что мы дали дефиниции словам сир или bottle, отражающие действительное знание носителя языка. Необходимо решить целый ряд

проблем, поставленных в этой работе. Требуется выработать общее представление о том, каким образом значения подчиненных слов входят в дефиниции подчиняющих слов, а это, разумеется, вряд ли можно сделать на базе только одного случая — слова *jug*. Нужно выявить новые источники взаимодействия признаков: например, взаимодействие ситуации «пища» с увеличением значения параметров ширины и высоты сосудов. Очевидно, что наша трактовка функциональной ситуации носит характер *ad hoc* и весьма ограничена: исходные параметры этих ситуаций должны быть рассмотрены и исследованы отдельно.

Более того, мы не можем дать дефиницию слова *cup* без учета всего семантического поля слов, обозначающих сосуды и прочую посуду, используемую для питья. Исследование лексической системы, в которую входит слово *cup*, — это всего лишь общая стратегия; более последовательное изучение условий употребления близких по смыслу слов должно охватывать множество всевозможных смысловых отношений между словами *cup*, *bowl*, *glass*, *pitcher*, *vase* и т. п. Для построения удовлетворительного описания общих признаков типа «сосуд» необходимо будет рассмотреть во всей полноте лексическое поле, содержащее названия сосудов, в его противопоставлении другим полям.

Следует особо подчеркнуть, что настоящая работа очевидным образом является лексикографическим исследованием: отправным пунктом для нас служат лексические единицы, которые могут быть в той или иной форме упорядочены (например, в алфавитном порядке). Однако никакое лексикографическое исследование не может быть полным без соответствующего исследования тезауруса, то есть исследования организации понятий, позволяющей двигаться в направлении от вещи к наименованию. Если мы преуспеем в создании традиционного словаря, но будем игнорировать тезаурус, мы будем, таким образом, описывать языковую компетенцию человека, который умеет интерпретировать речь других, но сам не способен сказать что-либо осмысленное. Кажется маловероятным, что эти два типа организации нашего понятийного и языкового знания — тезаурусное и традиционно-словарное — хранятся в нашем сознании отдельно и независимо друг от друга. Думается, что они представляют разные способы обращения к одному и тому же корпусу знаний.

Таким образом, становится ясно, что в настоящей работе была исследована лишь небольшая зона описательной

семантики в плане повышения адекватности интерпретации наименований сосудов — cups, bowls и glasses. Мне все же думается, что и в целом мы приближаемся к правильному пониманию процесса категоризации, преобразующего количественную непрерывность реального мира в качественные категории языковой системы. Как только мы разработаем действующую модель анализа этого процесса, возникнут предпосылки к построению теорий более высокого уровня, определяющих порядок организации признаков в языковой системе, характер хранения и использования информации, а также источники взаимодействия признаков, усложняющие оперирование признаками как независимыми единицами и, в конечном итоге, ведущие к полисемии в лексике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При работе над данной статьей я был чрезвычайно обязан моим коллегам: Давиду Санкоффу, которому принадлежит заслуга разработки аналитических моделей, выявивших в структуре языка различные уровни значимости; Альфонсо Караматце, углубившему мое понимание тех явлений, которые я начал исследовать еще 15 лет назад, а также Анджани Синхе, чей постоянный интерес к лексической семантике побудил меня предпринять данное исследование.

² См., например, начальные строки работы Harris 1968, где лингвистика провозглашается наукой, изучающей исключительно дискретные сущности.

³ Среди тех, кто думает иначе, наиболее известен Д. Болинджер. В 1961 г. он дал чрезвычайно плодотворный анализ понятия непрерывности в лингвистике, наметив новые перспективы в данной области. Достижения Р. Куирка в изучении серийных отношений (Quirk 1965) предвосхитили ряд последующих исследований непрерывности в языке.

⁴ Я чрезвычайно обязан Марку Балтину, Клаудии Кавас, Нобуо Огаве и Эдит Вайнстайн, которые участвовали в опросе испытуемых в третьей серии и в обработке полученных результатов.

⁵ Порядок сосудов 10—19 не соответствует никакому имплицативному ряду относительно сир и поэтому не значим для нашего исследования.

⁶ В серии IV с ответами «да — нет» участвовало 15 испытуемых, а в серии III — 14 испытуемых; таким образом, в этом отношении сравнение этих серий не вполне точно.

⁷ Эти исследования проводились студентами Лингвистического института в Анн Арбор в 1973 г. и охватывали материал нескольких языков. Исследование Анджани Синхой названий мебели в хинди было особенно полезно для обобщения некоторых результатов предшествующих экспериментов.

⁸ Эти числа были получены на основе учета очевидных максимальных расхождений между вертикальными размерами сосудов, изображенных на рис. 1. Для получения более общих значений требуется обращение к размерам реальных сосудов.

⁹ Во многих случаях анализа с переменными правилами трудно интерпретировать значения функции χ^2 , так как ожидаемые значения для разных ячеек падают ниже 5, а во многих случаях — ниже 1. С учетом экспериментальных данных такого рода смещение распределений не выглядит столь уж радикальным, и лишь немногие из более высоких значений функции χ^2 внушают сомнение.

¹⁰ Значение 0,5 относится к ячейке, где сталкиваются два альтернативных наименования, и только одна ячейка возглавляется словом сир.

¹¹ В этих сериях обнаруживается иногда большее несоответствие между употреблением сир и употреблением сир/mug в данной области. Общее воздействие функциональной ситуации здесь минимально, поскольку многие из шести ситуаций не благоприятствуют употреблению mug, но оно стало бы явно большим, если бы мы учитывали только первые три ситуации.

ЛОГИКА И СЛОВАРЬ

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

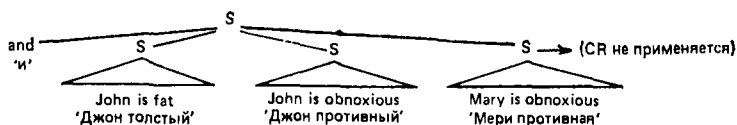
Настоящая статья содержит некоторые советы лексикографу относительно того, как с пользой для себя читать работы по логике и/или проводить логический анализ в ряде случаев самому¹. Потребительский характер статьи состоит в том, что меня прежде всего интересует вопрос, как лексикограф может наиболее эффективно использовать достижения логики и логиков, полностью игнорируя при этом заботы логиков о проблематике и границах науки. Чтобы извлечь практическую пользу из логических работ, нет нужды слишком серьезно подходить к обычно излагаемым в них принципам организации концептуального аппарата. Дело в том, что существует много вариантов логических построений, и исследователь-лексикограф, обращающийся к логике, должен научиться распознавать, в каких случаях элементы логических систем, логического языка и логического анализа отражают в основном произвольные решения логиков, а в каких имеют место такие решения, в которых логическое содержание играет второстепенную роль и которые могут оказаться для него полезны.

Хорошо известным примером проблемы, не вызывающей особой сложности с точки зрения стандартной формальной логики, тогда как у лингвистов имеются веские основания для неудовлетворенности логическим анализом, является синтаксис союзов. Логики обычно считают, что союзы *and* 'и' и *or* 'или' связывают суждения попарно, и трактуют очевидные примеры многочленной конъюнкции как повторяющиеся двучленные конъюнкции, то есть высказывание 'р и q и г' имеет две равносильные интерпретации: $p \wedge (q \wedge g)$

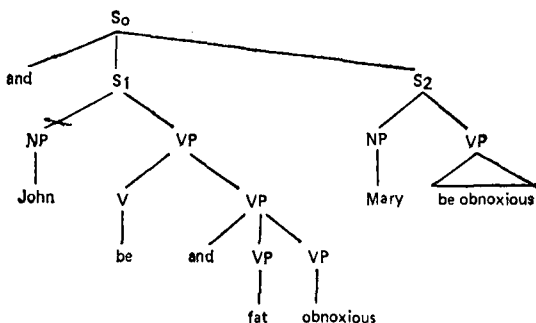
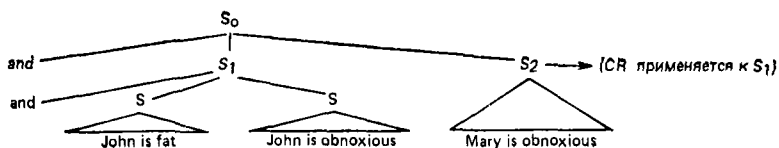
James D. McCawley. Logic and the lexicon.— In: «Papers from the Parasession on the lexicon», Chicago Linguistic Society, Chicago, 1978, p. 261—277.

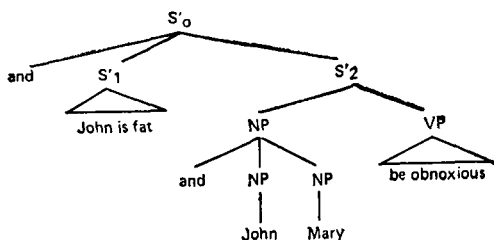
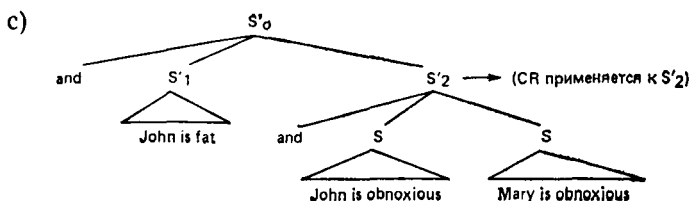
и $(p \wedge q) \wedge r$. Так как способ группировки членов конъюнкции несуществен с логической точки зрения (то есть различные группировки ведут себя одинаково в отношении их роли в логическом выводе и в отношении условий их истинности), логики вполне довольны таким решением. Для лингвистов, однако, такое решение неприемлемо, так как ряд лингвистических соображений (Ross 1967; McCawley 1972) требует рассмотрения сочинительных структур с произвольным числом членов. Например, трансформация сокращения конъюнкции (Conjunction-Reduction: CR) может применяться к сочинительным структурам, в которых сочиненные суждения различаются только одной составляющей, и в зависимости от того, как сгруппированы данные сочиненные суждения, CR применяется по-разному:

(1) a)

b)

(2) a. John is fat, John is obnoxious, and Mary is obnoxious.

‘Джон толстый, Джон противный и Мэри противная’.

b. John is fat and obnoxious, and Mary is obnoxious.

‘Джон толстый и противный и Мэри противная’.

c. John is fat, and John and Mary are obnoxious.

‘Джон толстый, и Джон и Мэри противные’.

Логический анализ в терминах многочленных конъюнкций ничего не меняет в проблематике, которая обычно интересует логиков: существует тривиальный и очевидный способ обобщения обычных условий истинности и правил вывода стандартной логики, который обеспечивает их применимость к сочинительным структурам с произвольным числом членов.

Другой пример из практики стандартного логического анализа, когда мы не должны слепо следовать рецептам логиков, связан с кванторами; правда, здесь возникает ряд серьезных спорных вопросов. С того времени, как Фреге в 1879 году ввел в формальную логику связанные переменные, большинство логиков придерживается концепции «неограниченной квантификации»: все переменные имеют одну и ту же область значений, квантор применяется к отдельной пропозициональной функции, истинность которой рассматривается в данной области, а очевидные ограничения на область значений переменной (типа тех, которые выражаются в естественном языке существительным в сочетании с кван-

тором) проявляются путем применения квантора к сложной пропозициональной функции. Напротив, при «ограниченной квантификации» каждая связанная переменная снабжается выражением, определяющим конкретную область значений, которую охватывает эта переменная, и только в случае метафизических суждений, таких, как *Everything is identical to itself* 'Каждая вещь тождественна самой себе', областью значений переменной оказываются все вещи.

(3)	Неограниченная квантификация	Ограниченная квантификация
All linguists are insane 'Все лингвисты ненормальные'.	$(\forall x)$ $(Ling\ x \supset Ins\ x)$	$(\forall x: Ling\ x) Ins\ x$
Some linguists are insane 'Некоторые лингвисты ненормальные'.	$(\exists x)$ $(Ling\ x \wedge Ins\ x)$	$(\exists x: Ling\ x) Ins\ x$
Most linguists are insane 'Большинство лингвистов ненормальные'.	$???$	$(Most\ x: Ling\ x)$ $Ins\ x$

Хотя вопрос об ограниченной vs. неограниченной квантификации связан с рядом спорных собственно логических моментов (обычно при использовании неограниченной квантификации), эти моменты никак не учитывались. Например, если строго придерживаться концепции неограниченной квантификации, признание «несуществующих объектов» в качестве значений переменной является важным решением, так как их тогда придется признать значениями всех переменных, а не только переменных в тех контекстах, где введение определенного несуществующего объекта действительно необходимо. Для сторонника неограниченной квантификации вопрос Куайна «Сколько несуществующих толстых мужчин стоит в дверях?» — это сокрушительный удар по несуществующим объектам; для сторонника ограниченной квантификации это глупый вопрос, основанный на ошибке: несуществующие объекты — это не особый вид объектов, а просто объекты, которые не существуют в реальном мире, и областью значений связанной переменной являются объекты того мира, на который указывает содержащее ее предложение, независимо от того, существуют ли эти объекты в реальном или любом другом мире; если окажется, что этот мир есть реальный мир, тогда область значений переменных не будет включать несуществующих объектов, и ответ на вопрос

Куайна окажется тривиальным: «Ни одного». Два мира, в которых существуют одни и те же объекты, могут различаться в зависимости от того, какими свойствами обладают именно эти объекты, но не объекты, которые в этих мирах не существуют. Таким образом, концепция ограниченной квантификации позволяет избежать серьезных осложнений, которые могли бы возникнуть на пути развития семантики возможных миров, в которой миры могут различаться в зависимости от того, какие объекты существуют.

Нет ни одной важной проблемы, для решения которой неограниченная квантификация имела бы какие-то преимущества перед ограниченной квантификацией. В случае ограниченной квантификации очень просто представить аналоги стандартных правил вывода и истинностных условий². Крупным недостатком неограниченной квантификации является невозможность проведения унифицированного анализа, который покрывал бы все кванторные значения; это связано с хорошо известным фактом, что анализ в терминах неограниченной квантификации может быть практически полезным лишь в том случае, если мы будем считать, что квантор общности и квантор существования по-разному соотносятся с поверхностно-синтаксической структурой (в отношении существительных «матричная» пропозициональная функция должна быть конъюнктивной при кванторах существования, но имплицативной при кванторах общности, как в (3)); это связано также с менее известным фактом, что при кванторах, не являющихся ни кванторами существования, ни кванторами общности (например, *most* 'большинство'), и при кванторах, выражающих относительные объемы множеств (например, *many* 'многие'), неограниченная квантификация совершенно неприменима. Таким образом, я утверждаю, что для успешного логического анализа необходимо использовать ограниченную квантификацию. Но даже если бы неограниченная квантификация годилась для решения задач логики, у лингвистов оставались бы свои веские причины для принятия ограниченной квантификации, так как неограниченная квантификация излишне усложняет проблематику и ведет к серьезным ошибкам, которые можно легко избежать при ограниченной квантификации. Я имею в виду, в частности, неверное определение места существительного, как в примере (4b), который ошибочно приводится в качестве результата анализа предложения (4a) в одной из самых лучших современных книг по лингвистике. (4b) истинно в гораздо более широком классе ситуаций, чем (4a):

оно истинно во всех случаях, когда девочки отсутствуют. Такая ошибка (в сравнении с правильным анализом (4с)) является следствием использования неограниченной квантификации, придающей чрезмерное значение так называемой «пренексной форме», в которой все кванторы выносятся в начало формулы, и (что можно понять, но что в данном случае является неверным) отделяющей главное предложение от *всех* существительных.

(4) a. Each boy kissed a girl	‘Каждый мальчик поцеловал девочку’.
b. $(\forall x)(\exists y)((\text{Boy } x \wedge \text{Girl } y) \supset \supset \text{Kiss } x \text{ } y)$	Неверная формула
c. $(\forall x)(\text{Boy } x \supset (\exists y)(\text{Girl } y \wedge \wedge \text{Kiss } xy))$	Исправленная по сравнению с (4b) формула
d. $(\forall x)(\exists y)(\text{Boy } x \supset (\text{Girl } y \wedge \wedge \text{Kiss } xy))$	Правильная пренексная формула
e. $(\forall x: \text{Boy } x)(\exists y: \text{Girl } y)(\text{Kiss } xy)$	Формула с ограниченной квантификацией

Такая ошибка была бы исключена в рамках ограниченной квантификации, при которой существительное и квантор должны стоять рядом. Кроме того, когда определение правильного места существительных оказывается таким сложным делом, как это мы наблюдаем при неограниченной квантификации, лингвист (а также, в данном случае, и логик) впадает в соблазн вообще убрать существительное из формулы, что ведет к неверному представлению содержания анализируемых предложений. Таким образом, использование неограниченной квантификации лингвистом явно препятствует достижению цели, даже если логическая сторона анализа оказывается вполне удовлетворительной.

Прежде чем перейти к моему обзору полезных советов лексикографу относительно использования логики, я хотел бы остановиться на значении самого слова «логика». В то время как философы любят проводить различие между словарем логики и словарем не-логики, благодаря чему фактически определяется несколько хорошо известных дихотомий (например, дихотомия между логической истинностью и аналитическими предложениями), существуют значительные расхождения относительно того, что должна включать в себя «логика», и соответствующие расхождения относительно состава «словаря логики»³. В каком бы широком или узком смысле ни рассматривалась «логика», все логики все

же единодушны в том, что их дисциплина имеет дело с условиями истинности различных элементов значения, которые они рассматривают, и с правилами вывода, определяющими, какую роль эти элементы значения играют в процессах рассуждения и доказательства. При дальнейшем изложении я хотел бы считать, что общепринятая относительно узкая концепция «словаря логики» в значительной степени является исторической случайностью: то, что единицы типа *и*, *или*, *не*, *если*, *все*, *некоторые* выступают в качестве «словаря логики», происходит главным образом потому, что именно они были взяты в качестве основы при разработке логики, и если бы история развития логики была несколько другой, то, по-видимому, рассматривался бы в качестве «словаря логики» гораздо более широкий класс единиц. Я полагаю, что на самом деле существует принципиальное различие, которое можно провести между словарем логики и словарем не-логики, различие, в соответствии с которым слово *person* 'лицо, личность' входило бы в словарь логики, а слово *man* 'человек' (ввиду его соотносительности с видом *homo sapiens*) не входило бы в него; однако я считаю, что это различие имеет вообще небольшое значение и еще меньшее отношение к заботам лексикографа, и поэтому не буду принимать его во внимание.

II. ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С РЕФЕРЕНЦИЕЙ

Хотя я и критиковал метод неограниченной квантификации, распространение которой произошло в конечном счете благодаря влиянию Фреге, у самого Фреге введение неограниченной квантификации соединилось с другим принципом, который более чем искупает его грехи, а именно отделением референциальных индексов (как констант, так и переменных) от других элементов логической структуры (предикатов и «операторов», хотя различие предикат/оператор неясно и противоречиво). Фреге первый четко отделил те вещи, которые обозначаются, от элементов значения, с помощью которых мы их обозначаем; это разграничение непосредственно соотносится, хотя и не совпадает, с тем разграничением, которое он позже, в 1892 г. (Frege 1892), провел между «смыслом» и «денотатом» (*Referenz*). Понимание логической роли референциальных индексов необходимо для лексикографа, если он хочет правильно описывать значения слов, предусматривающих соотносительность с конкретными вещами, само выделение которых из внешнего мира

носит во многом условный характер. Тривиальным примером являются слова *Spaniard* 'испанец' и *Turk* 'турок', разные значения которых обусловлены различием слов *Spain* 'Испания' и *Turkey* 'Турция'. Оба слова могут быть определены как «лицо, являющееся коренным жителем X» с различным X в каждом из этих случаев:

- (5) *Spaniard*. Person who is native to Spain.
'Испанец. Лицо, являющееся коренным жителем Испании'.
Turk. Person who is native to Turkey.
'Турок. Лицо, являющееся коренным жителем Турции'.

Эти определения подходящи при условии, если мы будем считать *Spain* и *Turkey* просто обозначениями референциальных индексов, вносящих свою лепту в значения этих двух слов, то есть они указывают на страну, о которой идет речь, точно так же, как карта, которой может быть снабжен пользователь словаря (представим себе, что страны на карте пронумерованы, и Испании присвоен номер 37, а Турции — 19):

- (6) *Spaniard*. Person who is native to 37.
'Испанец. Лицо, являющееся коренным жителем 37'.
Turk. Person who is native to 19.
'Турок. Лицо, являющееся коренным жителем 19'.

В тех случаях, когда отсутствует имя собственное или оно употребляется только в рамках специальной терминологии, словари обычно используют «энциклопедическую информацию»:

- (7) **right** 'правый'.
Принадлежащий, имеющий отношение или направленный к той стороне человеческого тела, где обычно размещается печень.
horse 'лошадь'.
Крупное копытное млекопитающее, *Equus caballus*, имеющее короткую шерсть, длинную гриву и длинный хвост и прирученное с древних времен для верховой езды и как тягловая сила.

Энциклопедическая информация, содержащаяся в этих определениях, не является частью значения рассматриваемых слов: чтобы знать, что означает слово *лошадь*, не обяза-

тельно знать, что лошади используются в качестве вьючных животных с древних времен, и чтобы понимать, что означает слово *правый*, не обязательно знать, с какой стороны расположена печень. Утверждая это, я принимаю сторону Крипке (K r i p k e 1972) и Патнэма (P u t n a m 1975) в их споре с теми (например, Рассел и в модифицированной форме Серль), кто считает, что значениями собственных имен являются определенные дескрипции, которые описывают их денотаты как уникальные (то есть придерживается того положения, что Аристотель означает «философ, который был учеником Платона и учителем Александра»). В словарной статье, надлежащим образом составленной для слова *лошадь*, об этом биологическом виде говорится, что его члены называются лошадьми, и содержится информация, на основе которой этот вид можно идентифицировать, но эта информация, какова бы она ни была, не может считаться значением слова *лошадь* ввиду того, что только благодаря исторической случайности данная информация выделяет лишь один вид: в принципе ничто не мешает двум разным видам разделять эти качества. Такая словарная статья может поэтому рассматриваться как состоящая из двух частей: одна, значение как таковое, включающая (постоянный) референциальный индекс, и другая, на самом деле не имеющая отношения к значению, дающая информацию, на основе которой идентифицируются денотаты.

Несколько иную роль референциальные индексы играют в значениях лексических единиц, которые Есперсен (J e s p e r s e n 1905, 123; см. также J a k o b s o n 1957) назвал «шифтерами». Слово *here* 'здесь' обозначает место, где происходит речевой акт или куда (с помощью соответствующих жестов, таких, как прикосновение говорящего к карте) этот речевой акт помещается условно. Этим местом должно быть место осуществления данного речевого акта в целом, а не того акта, который упоминается в косвенной речи. Например, в (8a) *here* относится к месту, где произносится высказывание (8a) ⁴, а не к месту, где было произнесено высказывание Билла; напротив, *there* 'там' может относиться к любому месту, отличному от того, которое требует употребления слова *here*, например *there* в (8b) может относиться к дому Билла, но не к месту, где произносится само (8b):

(8) а. Bill told me at his home that a dinosaur skeleton was once found here.

'Билл сказал мне у себя дома, что однажды здесь был найден скелет динозавра'.

- b. Bill told me at his home that a dinosaur skeleton was once found there.

‘Билл сказал мне у себя дома, что однажды там был найден скелет динозавра’.

Пара *current/present* ‘текущий/настоящий’ отличается от *there/here* одной интересной особенностью. Так же как *here*, слово *present* ‘настоящий’ может использоваться только для обозначения индекса, связанного с данным высказыванием, а *current*, так же как *there*, может использоваться для обозначения индекса, связанного с событием, упоминаемым в косвенной речи, например, (9a) должно относиться к Жискар д’Эстену, в то время как (9b) может быть употреблено по отношению к Шарлю де Голлю:

- (9) a. When I was in Paris in 1960, I saw the present French President.

‘Когда я был в Париже в 1960 году, я видел нынешнего [букв. настоящего] президента Франции’.

- b. When I was in Paris in 1960, I saw the current French President.

‘Когда я был в Париже в 1960 году, я видел тогдашнего [букв. текущего] президента Франции’.

Однако в отличие от *there* значение слова *current* покрывает не только случаи указания на время, отличное от времени высказывания: если *there* в (8b) не может указывать на место высказывания, то *current* в (9h) может использоваться как указание на время высказывания, то есть *the current French President* букв. ‘текущий * президент Франции’ может относиться как к де Голлю, так и к Жискар д’Эстену.

Лексикограф поэтому должен быть готов не только отождествить индексы в значениях лексических единиц, но и точно определить, как эти индексы могут соотноситься с лингвистическим или ситуационным контекстом, так как именно по этому параметру лингвистические единицы могут отличаться одна от другой.

III. ИМПЛИКАТУРА

Я перехожу теперь к понятию, которое играет важную роль в определении того, действительно ли различные кандидаты на включение в словарную статью должны в нее

* В русском языке нет точного эквивалента слову *current* в таком контексте. Наиболее близким по смыслу выражением было бы ‘находящийся у власти президент’. — Прим. перев.

входить. Речь идет о понятии импликатуры дискурса, введенном Грайсом. То, что передается высказыванием, зависит не только от значения этого высказывания, но и от того факта, что говорящий выбрал именно это конкретное предложение, а не какое-либо другое. Хорошо известным примером слова, употребление которого обычно передает такую информацию, которую не стоит (на самом деле, и не следует) включать в его словарную статью, является слово *or* 'или', выражающее обычно неуверенность говорящего в выборе альтернативы, например, если вы говорите *The meeting is at either 3.00 or 4.00* 'Собрание состоится либо в 3, либо в 4 часа', вы выражаете этим свое незнание точного времени начала собрания⁵. Грайс (G r i s e 1975) утверждает, что это высказывание передает данную информацию просто потому, что в противном случае принцип кооперации заставил бы говорящего высказаться по-другому: если вы знаете, какая альтернатива верна, например знаете, что собрание состоится в 4 часа, то будет неестественно, если вы скажете *The meeting is at either 3.00 or 4.00* вместо более короткого и информативного *The meeting is at 4.00* 'Собрание состоится в 4 часа'. То, что из суждения «р или q» не с л е д у е т (в логическом смысле) незнание говорящим (или кем-либо другим) точных фактов относительно того, имеет ли место р или q, вытекает из безупречности умозаключения (10):

(10) If the meeting is at either 3.00 or 4.00, Roy can't come.

‘Если собрание состоится либо в 3, либо в 4 часа, Рой не сможет прийти’.

The meeting is at 3.00.

‘Собрание состоится в 3 часа’.

Therefore, Roy can't come.

‘Поэтому Рой не сможет прийти’.

Если бы знание говорящим того факта, что собрание состоится в 3 часа, приводило к ложности высказывания о том, что собрание состоится либо в 3 часа, либо в 4 часа, тогда меньшая посылка умозаключения (10) не могла бы сочетаться с большей посылкой и порождать какое бы то ни было заключение. Полезный тест для проверки того, является ли некоторая информация логически выводимой (*implied*) или только предполагается (*is implicated*) контекстом общения (то есть передается благодаря использованию принципов кооперации), — это анализ употребления слов *Yes* ‘да’ и *No* ‘нет’ при ответах на соответствующие вопросы. Истинность

одного члена дизъюнкции требует ответа Yes 'да' независимо от того, знает ли говорящий, какой из членов дизъюнкции истинен ⁶:

- (11) Is the meeting at either 3.00 or 4.00?
'Собрание состоится в 3 или в 4 часа?'
Yes/*No, the meeting is at 3.00.
'Да/*Нет, собрание состоится в 3 часа'.

Анализ с использованием понятия коммуникативной имплицатуры (*conversational implicature*) позволяет приписывать одинаковые значения определенным выражениям, которые в реальном общении передают разные вещи. Именно такую ситуацию мы наблюдаем в случае слова *pink* 'розовый' и выражения *pale red* 'светло-красный' (пример Хаусхолдера — *Householder* 1971). *Pink* и *pale red* не являются взаимозаменяемыми: светло-красное платье не такое светлое, как платье, которое считается розовым (и не такое светлое, как те, которые мы называем светло-зеленым, светло-голубым или светло-желтым). Это различие может быть объяснено как различие, вытекающее из постулата способа выражения (по Грайсу), гласящего, что для успешной коммуникации (принцип кооперации) не следует употреблять более сложные языковые средства, чем это необходимо. В работе *McCawley* 1978b я уточняю неясное и неполное описание постулата способа выражения Грайса и указываю ряд параметров «языкового усилия» или «языковой цены», которые имеют прямое отношение к постулату способа выражения, один из этих параметров — сложность поверхностной синтаксической структуры. Если нет веских факторов, требующих употребления *pale red*, синтаксически простая форма *pink* будет предпочтительнее синтаксически сложной формы *pale red*. Выражение *pale red* относится к цвету, красному по тону и не достигающему полной насыщенности (так как именно это означают слова *red* и *pale*), но оно не может относиться к цвету, который является просто светлым, так как тогда этот цвет пришлось бы назвать *pink* 'розовый'. Таким образом *pale red* передает оттенок, который является не настолько светлым, чтобы быть розовым, но все же в какой-то степени является светлым. Тот факт, что *pale blue* 'светло-голубой', *pale green* 'светло-зеленый' и *pale yellow* 'светло-желтый' передают гораздо более светлые оттенки соответствующих тонов, является следствием отсутствия в языке простых лексем, обозначающих эти оттенки.

С помощью постулата способа выражения могут быть объяснены многие расхождения, которые отмечались между семантически сложными, но по форме простыми лексическими единицами, например каузативными глаголами, и их перифразами.

Если каузативный глагол существует, его употребление ограничивается немаркированными каузативными ситуациями: то есть теми ситуациями, в которых наличествует непосредственная каузация с помощью стандартных средств, если они существуют, и ради стандартной цели, если она имеется, а перифрастический каузатив оставляется для каузативных ситуаций, которые маркированы в отношении средств или цели. Например, (12 а) является предпочтительной формой, если некто останавливает мотор обычным способом, скажем нажимая кнопку «стоп», в то время как (12 b—b') предпочтительны для нестандартных типов каузации, например остановки мотора путем создания помех в работе механизмов или путем произнесения слов, обладающих магическим действием:

- (12) a. He stopped the motor.
'Он остановил мотор'
b. He made the motor stop.
'Он сделал так, чтобы мотор остановился'
b'. He caused the motor to stop.
'Он заставил мотор остановиться'.

Херинджер (Heringer 1976) указывает, что приведенное выше обобщение относительно употребления перифрастических каузативов сохраняет силу только в тех случаях, когда имеется лексический каузатив, с которым они могут поделить область употребления, например, предложение He made her laugh 'Он рассмешил ее (букв. сделал так, что она рассмеялась)' приемлемо для всех типов каузации*. Именно такое предсказание следует из анализа коммуникативных импликатур: если нет лексического каузатива, ничто с точки зрения принципа кооперации не мешает использовать для выражения прямой каузации перифрастический каузатив.

* У английского laugh в отличие от русского смеяться отсутствует соответствующий лексический каузатив, подобный русскому рассмешить.— Прим. ред.

IV. ПРЕСУППОЗИЦИЯ

Слово «пресуппозиция» используется в нескольких смыслах, но все они связаны с определенным суждением, которое говорящий считает истинным в случае искреннего употребления данного предложения, даже если он этим и не утверждает упомянутого суждения. В данном разделе я просто перечислю различные явления, подводимые под рубрику «пресуппозиции», и сделаю некоторые замечания относительно их связи со словарем, то есть я остановлюсь на вопросе о том, создаются ли пресуппозиции данного типа конкретными лексическими единицами и, если это так, является ли такая пресуппозиция просто идиосинкразическим компонентом рассматриваемой лексической единицы или она может быть предсказана на основе, скажем, какого-то аспекта значения этой единицы.

Первое понимание пресуппозиции, на котором я остановлюсь, это «семантическая пресуппозиция» — понятие, связанное с условиями истинности суждений. Одно суждение семантически предполагает (*presupposes*) другое, если истинность последнего является необходимым условием наличия вообще какого-либо истинностного значения у первого. Например, часто считают, что суждение, содержащее фактивный предикат, семантически предполагает суждение, играющее роль дополнения. Так, суждение о том, что королева Елизавета сожалеет о связи с Джорджем Джесселом, может быть истинным или ложным лишь в том случае, если у нее действительно была с ним связь; если же такой связи не было, суждение о том, что она сожалеет, что имела с ним связь, не является ни истинным, ни ложным.

На самом деле полностью определить семантические пресуппозиции сложно, если принять во внимание трудность разграничения между ложностью, бессмысленностью и отсутствием истинностного значения. Так, в ряде хорошо известных недавних работ (К e m p s o n 1975; W i l s o n 1975) оспаривается существование таких вещей, как семантические пресуппозиции, и все предложения, связанные с предполагаемой иллюстрацией нарушения семантической пресуппозиции, считаются ложными, а не лишенными истинностного значения. Лингвистические данные, обеспечивающие наиболее надежный источник информации об истинностных значениях, — это ответы на общие вопросы, где выбор между *yes* 'да', *no* 'нет' и некоторыми другими альтернативами типа *well* 'ну', по-видимому, отражает истинностное значение:

(13) Has Queen Elizabeth ever regretted that she had an affair with George Jessel?

‘Сожалела ли когда-нибудь королева Елизавета, что у нее была связь с Джорджем Джесселом?’

*Yes, **Да, } she didn't have an affair
?No, *Нет, } with him.
Don't be silly, } у нее не было с ним свя-
'Не говори глупостей, } зи'.

(14) Has Queen Elizabeth ever realized that she was in love with George Jessel? No, she was never in love with him.

‘Осознавала ли когда-нибудь королева Елизавета, что она была влюблена в Джорджа Джессела? Нет, она никогда не была в него влюблена’.

(15) Are John's children smart?

‘У Джона остроумные дети?’

*Yes, **Да, } John doesn't have any children.
*No, **Нет, } у Джона нет никаких детей'.
Come on, 'Что ты, }

(16) Is Judy dating the present king of France?

‘Ходит ли Джуди на свидания с нынешним королем Франции?’

No, and incidentally, there isn't any king of France at present.

‘Нет, и, между прочим, во Франции в настоящее время нет короля’.

Из приведенного теста следует, что одни глаголы, которые обычно относят к фактивным, действительно имеют семантическую пресуппозицию, выражаемую дополнением (например, regret ‘сожалеть’), а другие (например, realize ‘осознавать’) ее не имеют. Это различие неудивительно, если учесть тот факт (отмеченный в работе Karttunen 1971), что во многих случаях «полуфактивы», такие, как realize и discover ‘обнаруживать’, не обязывают говорящего предполагать истинность суждений, выраженных соответствующими дополнениями, в то время как глагол regret этого всегда требует:

(17) a. If I regret that people don't trust me, I'll resign.

‘Если я буду сожалеть о том, что люди мне не доверяют, я уйду в отставку’.

b. If I realize that people don't trust me, I'll resign.

‘Если я пойму, что люди мне не доверяют, я уйду в отставку’.

Факты, отраженные в примерах (15) — (16), подтверждают положение Стросона (St r a w s o n 1964), что определенная дескрипция имеет семантическую пресуппозицию существования только тогда, когда данная определенная именная составляющая является темой (topic).

Семантическую пресуппозицию следует отличать от ряда других явлений, к которым применяется термин «прагматическая пресуппозиция». Прагматическую пресуппозицию не следует связывать с какой-либо семантической пресуппозицией. Нарушение прагматической пресуппозиции заключается в неправильном (с точки зрения данного контекста) поведении говорящего, которое не обязательно должно быть связано с утверждением суждения, не имеющего истинностного значения. Понятие прагматической пресуппозиции подробно рассмотрено Карттуненом (K a r t t u n e n 1974); это понятие определяется в терминах множества пресуппозиций, составляющих общие значения разных участников дискурса: имеются в виду суждения, которые уже «установлены» в дискурсе, плюс фоновые знания, разделяемые участниками коммуникации. Карттунен называет это множество суждений контекстом. Прагматическая пресуппозиция — это требование, предъявляемое языковой единицей к контексту: суждение, которое должно следовать из контекста, если употребление данной языковой единицы уместно в данном контексте.

Термин «прагматическая пресуппозиция» применяется также ко многим явлениям, которые не согласуются с определением Карттунена. Например, информация, на которой основывается выбор местоимений, «предполагается» в том смысле, что говорящий принимает ее как само собой разумеющуюся, но она не обязательно должна быть известна всем участникам коммуникации заранее, до того, как мы употребим местоимение: если вы хотите сказать *My neighbor hurt herself* ‘Моя соседка ушиблась’, вы не обязаны считать, что остальные участники коммуникации знают, что в данном случае *neighbor* ‘сосед’ — это женщина*; действительно,

* В английском языке слово *neighbor* не содержит указания на пол обозначаемого лица; местоимение *herself* ‘себя’, наоборот, содержит указание на женский пол. — *Прим. ред.*

было бы странно, если бы вы прежде всего сообщили им, что она женщина. Точно так же информация, связанная с идиосинкразическими сочетаемостными ограничениями, в некотором смысле «предполагается», но она не обязательно должна быть явно выражена в дискурсе еще до того, как смогут быть употреблены соответствующие лексические единицы. Например, немцы могут сказать (18a) и (18b), даже если информация о том, что Изольда — это женщина или животное (соответственно), еще не известна участникам дискурса:

(18) a. *Isolde ist schwanger*. 'Изольда [женщина] беременна'.

b. *Isolde ist trächtig*. 'Изольда [свинья] супоросая'.

«Пресуппозиции», связанные с лексической единицей, не обязаны соотноситься с такими простыми явлениями, как «сочетаемостные ограничения». Взять, к примеру, пресуппозиции слова *even* 'даже': *Even Carter wants to cut taxes* 'Даже Картер хочет снизить налоги' предполагает, что другие люди хотят снизить налоги и что желание Картера снизить налоги более удивительно, чем желание других людей. Термин Грайса «условная (*conventional*) импликатура» покрывает, по-видимому, прагматические пресуппозиции всех типов, связанные с конкретными лексическими единицами. Карттунен и Петерс (*Karttunen — Peters 1975*) заполнили многие пробелы, оставленные Грайсом в его довольно фрагментарном изложении. Они предложили считать, что логическая форма некоторого выражения состоит из трех отдельных формул: одной, представляющей его значение в узком смысле, другой, представляющей его условную импликатуру, и третьей, указывающей его действие на условные импликатуры единиц, с которыми оно сочетается.

Наиболее ясным примером пресуппозиций, которые должны включаться в словарную статью, являются условные импликатуры, которые либо составляют все значение лексической единицы (например, *even* 'даже'), либо формируют половину ее значения в случае наличия минимальной пары (например, *schwanger* vs. *trächtig*).

В работе *McCawley 1975* приводятся аргументы в пользу того, что многие пресуппозиции, которые обычно считались идиосинкразическими компонентами лексических единиц (например, пресуппозиции, которые Филлмор (*Fillmore 1971*) приписывает глаголам *accuse* 'обви-

нять' и criticize 'критиковать'), либо вообще не являются пресуппозициями, либо являются предсказуемым дополнением частей их значений (например, « S_1 , потому что S_2 » семантически предполагает S_2 , а суждение вида « S_1 , потому что S_2 » как раз является частью значения выражения « X критикует Y за S_2 »).

V. МНОГОЗНАЧНЫЕ ЛОГИКИ

Существуют три основные области, где логики используют более чем двузначную логику. Об одной из них мы уже говорили: при рассмотрении семантических пресуппозиций допускается не два, а три истинностных значения, которые может иметь суждение: истина, ложь или «истинностный ноль». Второй класс явлений, требующий применения более чем двузначной логики, связан со степенью истинности; это средство используется при описании неточных понятий, таких, как «толстый» и «многолюдный», без проведения точных границ. При таком подходе истинностными значениями могут быть числа в интервале от 0 до 1, и суждение о том, что Нельсон в некотором роде толстый, по-видимому, может рассматриваться как эквивалентное суждению о том, что высказывание «Нельсон толстый» имеет истинностное значение, равное по меньшей мере 0,7. Третий класс явлений, при котором в логике фигурируют множественные истинностные значения, связан с выделением различных измерений истинности, например, при анализе слов типа *regular* 'регулярный, настоящий', которые Лакофф (L a k o f f 1972) называет «ограничителями» (*hedges* — букв. 'ограды'); в предложении *Peoria is a regular disaster area* 'Пеория является настоящим местом катастроф' *regular* выделяет коннотативные измерения истинности и подавляет измерения, относящиеся к буквальной применимости. Таким образом, многозначная логика потенциально применима при лексикографическом описании двух типов «ограничителей»: тех, которые относятся к степени истинности, и тех, которые выделяют или подавляют различные измерения истинности. Заключительная часть данного раздела будет в значительной степени отрицательным комментарием по поводу предложений Заде (Z a d e h 1972) и Лакоффа (L a k o f f 1972).

Заде считает, что семантика «степенных» ограничителей может быть описана в терминах алгебраических функций

от истинностного значения простых суждений. Например, он рассматривает истинностное значение высказывания «*x* очень *f*» как квадрат истинностного значения высказывания «*x* есть *f*». Этот подход обладает двумя основными недостатками. Во-первых, при таком подходе «*x* очень высокий» принимает крайние значения 0 и 1 точно при тех же условиях, что и «*x* высокий» — в точности одни и те же люди будут считаться очень высокими и просто высокими. Этого противоречащего интуиции решения можно легко избежать с помощью достаточно тривиальной модификации (Lakoff 1972) предложения Заде: можно было бы считать истинностным значением высказывания «*x* очень высокий» квадрат истинностного значения высказывания «*x* высокий», а высказывания « x^1 высокий», где x^1 ниже *x*-а, скажем, на 10 см⁷. Второй, более серьезный, недостаток этого подхода состоит в том, что он неверно предсказывает, что *very* ‘очень’ и другие ограничители могут повторяться и сочетаться друг с другом. Действительно, можно было бы предположить, что *very* может повторяться, принимая во внимание такие выражения, как *very very tall* ‘очень-очень высокий’. Однако ‘очень-очень высокий’ относится к ‘очень высокий’ не так, как ‘очень высокий’ относится к ‘высокий’. Например, не существует пар «вопрос-ответ» типа (19b), которые соответствовали бы парам типа (19a):

- (19) a. How tall is Wilt? Very tall.
 ‘Какого роста (насколько высок) Уилт? Очень высокий’.
- b. *How very tall is Wilt? Very very tall.
 ‘*Насколько очень высок Уилт? Очень-очень высокий’.

(Однако ‘очень-очень высокий’ вполне может быть ответом на вопрос «Какого роста Уилт?».) Также невозможны предложения в (20):

- (20) a. *Tom is more very tall than Larry is.
 ‘*Том более очень высокий, чем Ларри’.
- (Ср. с конструкцией, не являющейся сравнительной:
 Tom is more very tall than extremely thin.
 ‘Том скорее очень высокий, чем чрезвычайно худой’.)
- b. *Tom is rather/quite very tall.
 ‘*Том довольно/вполне очень высокий’.

*Tom is very rather/quite tall.

*Том очень довольно/вполне высокий'.

Я убежден, что эти примеры являются странными из-за семантической несогласованности (но отнюдь не по синтаксическим причинам), а анализ Заде не способен вскрыть источники семантических аномалий.

Анализ на основе «нечеткой логики» не отделяет адекватным образом коммуникативные импликатуры от условий истинности выражений с нечеткой семантикой.

Заде приписывает такие условия истинности слову pretty 'довольно', которые придают высказыванию *x is pretty tall* 'x довольно высокий' большое истинностное значение только тогда, когда рост *x*-а выше роста среднего человека, но ниже роста очень высокого человека. Я утверждаю другое. Тот факт, что предложение *Wilt is pretty tall* 'Уилт довольно высокий' означает, что Уилт высокий, но не чрезвычайно высокий, должен трактоваться в следующем смысле: если он чрезвычайно высокий, слово pretty менее информативно, чем альтернативы, требующие тех же самых или меньших языковых усилий, например, *Wilt is very tall* 'Уилт очень высокий' или даже *Wilt is tall* 'Уилт высокий'. Этот вывод подтверждается ответом Yes 'да' в (21):

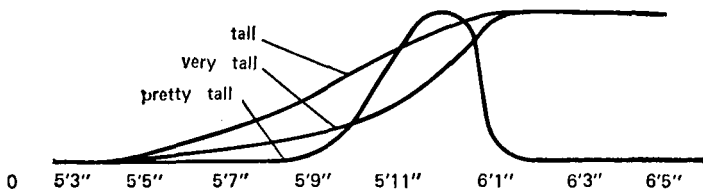
(21) Is Wilt pretty tall?

'Уилт довольно высокий?'

Yes/*No, he's over 7' tall.

'Да/Нет, его рост более 7 футов'.

Таким образом, отношение между ростом *x*-а и истинностным значением предложения «*x* довольно высокий» должно соответствовать графу, который сохраняет свое максимальное значение при увеличении роста, а не графу, который после достижения своего максимального значения резко стремится к 0 (как у Заде):

Выражение a little 'немного, слегка, несколько', напротив, не просто передает, но на самом деле п р е д п о л а г а е т,

что истинностное значение предиката больше 0 и меньше 1 (в действительности намного меньше 1). Например, если Джейн весит 180 кг, то утверждение, что она немного толстая, не только вводит в заблуждение, но является просто ложным:

(22) Is Jane a little fat?

‘Джейн немного толстая?’

?? Yes/? No, she weights over 400 pounds.

‘?? Да/? Нет, она весит свыше 400 фунтов’.

Теперь я перехожу к ограничителям, которые могут анализироваться с точки зрения измерений истинности. Одна группа таких ограничителей, для которых удовлетворительный анализ довольно очевиден, это выражения типа *in many respects* ‘во многих отношениях’, *in a number of respects* ‘в ряде отношений’ и *in a way* ‘в некотором отношении’; анализ в терминах измерений истинности позволяет рассматривать эти выражения как означающие буквально то, что они выражают: квантор выполняет свою собственную роль, а связанная переменная пробегает по «отношениям», то есть измерениям, истинности. Я предполагаю, что, когда предложение, связанное с многими измерениями истинности, используется без ограничителя, оно интерпретируется как родовая конструкция, то есть все суждение имеет истинностное значение, которое относится к истинностным значениям различных измерений так же, как истинностное значение предложения *Beavers build dams* ‘Бобры строят плотины’ относится к истинностным значениям различных суждений типа *x builds dams* ‘x строит плотины’, где *x* — бобр⁸. Лакофф (*L a k o f f* 1972) указывает классы измерений, которые выделяются или подавляются различными ограничителями. Этот анализ достаточен для объяснения определенных комбинаторных условий, накладываемых на ограничители. Например, (23 а) аномально, так как выражение *regular fish* ‘настоящая рыба’ не имеет коннотативных измерений для выбора еще одного употребления *regular* (коннотативными измерениями слова *fish* ‘рыба’ являются буквальные измерения выражения *regular fish*), а (23 б) аномально, поскольку сочетания с *regular* не являются формально-юридическими:

(23) а. **Esther Williams is a regular regular fish.*

*Эстер Уильямс — настоящая-настоящая рыба’.

**Technically, Esther Williams is a regular fish.*

‘*Формально Эстер Уильямс — настоящая рыба’⁹.

Однако анализ Лакоффа не дает очевидного объяснения таких комбинаторных различий между ограничителями, как нижеследующие:

- (24) a. Sam is a regular (*stingy) bastard.
'Сэм настоящий (скупой) негодяй'.
Sam is a regular tightwad.
'Сэм настоящий скряга'.
Sam really is a stingy bastard.
'Сэм действительно скупой негодяй'.
- b. Nixon is virtually a criminal.
'Никсон фактически преступник'.
Technically/*Virtually, Nixon was a criminal.
'В формальном смысле/ Фактически Никсон был преступником'.
Technically/Nominally, Asimov is a professor.
'В формальном смысле/Номинально Азимов профессор'.
Technically/*Nominally, Nixon isn't a crook.
'В формальном смысле/*Номинально Никсон не является мошенником'.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы, поднятые мной в данной статье, дают далеко не полное представление о тех областях логики, которые вызывают (или могут вызвать) интерес лексикографа. Я ничего не сказал ни о различных системах модальной логики, ни о различных не-декларативных логиках (например, о деонтической и эротетической логике), ни о грамматике Монтегю. Но полнота не столь уж важна в статье, в которой основной упор делается на неполноту самой логики и на наличие в ней многих нерешенных и спорных вопросов.

Логика страдает из-за самоизоляции логиков. Многие важные вопросы логики и их взаимосвязи с естественным языком остаются вне поля зрения логиков главным образом потому, что последние общаются преимущественно друг с другом. Предмет лингвистики в значительной степени пересекается с предметом логики и прежде всего в области выявления элементов содержания предложений, что имеет огромное значение для обеих дисциплин. Представители лингвистики, равно как и представители логики, могут

сделать многое, чтобы заставить своих коллег из смежной науки со всей ответственностью отнестись к сложным проблемам, встающим сегодня с особой остротой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я благодарен Дэвиду Даути, Ларри Хорну, Валери Рейн, Джерольду Сейдоку и Питеру Сёрену за ценные замечания по первоначальному варианту данной статьи.

² Однако правила вывода и истинностные условия в системах с ограниченной квантификацией не обязаны быть непосредственным аналогом известного механизма неограниченной квантификации. Например, в системе с ограниченной квантификацией можно наложить ограничение на форму суждений с кванторами, которое сузит применимость определенных правил вывода, а именно ограничение, что в формуле (Квантор: Fx) Gx выражение Fx должно быть вида Kx или $Kx \wedge Nx$, где K является предикатом «класса». Такое ограничение приводит к тому, что область значения кванторов записывается выражением такого семантического типа, который обычно передается именами. Заметим, что в то время, как в стандартной логике из $(\forall x) (Fx \supset Gx)$ вытекает $(\forall x) (\sim Gx \supset \sim Fx)$, предлагаемое ограничение не позволяет произвести аналогичный вывод $(\forall x: \sim Gx) \sim Fx$ из $(\forall x: Fx) Gx$, так как выражение области значения в выводе не имеет требуемой формы.

³ Различие между аналитическими предложениями и логической истинностью еще больше затемняется двойственностью критериев, касающихся лексического разложения: при определении того, является ли некоторое предложение «логически истинным», в общем случае разрешается разложение лексических единиц на «логические константы» (например, *unless* 'если...не' = *if not* 'если...не'), но не разрешается разложение на не-логические константы (например, *bachelor* 'холостяк' = *unmarried and male* 'неженатый и мужчина'). Если упразднить эту двойственность критериев, то не будет никаких оснований называть предложение *All grammars leak unless some grammars do not leak* 'Все грамматики имеют пробелы, если только какие-то грамматики не имеют пробелов' логически истинным, а *All bachelors are unmarried* 'Все холостяки неженатые' — только аналитически истинным.

⁴ В строгом смысле говорящий не обязательно должен находиться в том месте и даже не обязан был быть там в момент высказывания: в записке, прикрепленной к двери, употребляется *here* 'здесь' для указания места, где находится записка, несмотря на то, что говорящий может быть в другом месте и, возможно, он даже не сам прикрепил записку к двери.

⁵ О союзе *or* 'или' см. также *Pelletier* 1977. Пеллетье выдвигает некоторые аргументы против общепринятого разграничения «исключающего» и «неисключающего» значения *or*, считая, что *or* всегда является неисключающим и что примеры исключающего *or*, на которые обычно ссылаются, просто содержат дополнительные факторы (включая соображения, связанные с принципом кооперации), которые исключают тот случай, когда оба члена дизъюнкции истинны.

⁶ Этому не противоречат диалоги типа:

Can I wear either a suit or jeans?

'Можно я надену либо костюм, либо джинсы?'

No/*Yes, you have to wear a suit
'Нет/ Да, тебе придется надеть костюм'.

Вопрос здесь соотносится не с выражением «(Можно р) или (Можно q)», а с выражением «Можно (р или q)». Имеются, однако, другие случаи, к которым привлек мое внимание Ларри Хорн, вызывающие сомнения в эффективности данного теста. Например, обычно считают (см. Н о г п 1972), что к предложениям, содержащим числа, неприменимы числа, бóльшие употребленного в предложении числа, но не по соображениям, связанным с логическим выводом, а в силу коммуникативной импликатуры: из предложения *Mary has 3 children* 'У Мэри трое детей', строго говоря, лишь логически следует, что у нее по меньшей мере трое детей, а информация, что у нее их ровно 3, вытекает из принципа кооперации, который потребовал бы использования большего числа (или выражения типа *more than 3* 'более 3'), если бы говорящий знал, что у нее на самом деле больше чем трое детей. Тем не менее, как замечает Хорн, по 'нет' уместно в следующем диалоге:

Does Mary have 3 children? No, she has 4
'У Мэри трое детей? Нет, у нее четверо'.

Выбор Yes или No в данном случае зависит от интерпретации говорящим той информации, которую желает получить спрашивающий: No уместно, если вопрос задан с целью узнать точное число, а предложение Yes, indeed she has 4 'Да, в действительности у нее их четверо' будет уместно, если спрашивающего интересует, есть ли у нее по меньшей мере трое детей (скажем, если ему это нужно знать для покупки билетов на самолет для лиц, имеющих по меньшей мере троих детей). Я не исключаю возможности, что предложения, содержащие числа, неоднозначны с точки зрения «точной» интерпретации и интерпретации в смысле «поменьшей мере», в этом случае одна из интерпретаций будет на основе коммуникативных импликаций предполагать другую. Альтернативой, заслуживающей внимания, было бы разграничение понятий «значение» и «интерпретация», как это делает Шмерлинг (S c h m e r l i n g 1978), где «интерпретация» включает приписывание семантически значимых ролей, которые остаются неуточненными в «значении», и выбор Yes или No должен основываться на «интерпретациях», а не на «значениях».

⁷ Сейдок (S a d o c k 1977) утверждает, что тот тип алгебраической функции, которую Заде и Лакофф предложили в качестве условий истинности для предикатов-ограничителей, неверно представляет факты, связанные с интерпретацией ограничителей в зависимости от контекста. Сейдок детально анализирует важный класс ограничителей (approximately 'приблизительно', roughly 'грубо', about 'около...') и утверждает, что их условия истинности фактически пусты (например, предложение *Tom is approximately 6 feet tall* 'Рост Тома приблизительно 180 см' истинно во всех случаях, когда рост Тома превышает 0), но что их вклад в понимание предложений основывается на принципах кооперации.

⁸ В отношении логической структуры родовых предложений см. S a r l s o n 1977, который рассеивает многие широко распространенные недоразумения, касающиеся значений таких предложений.

СЛОВАРЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ВАЛЕНТНОСТЕЙ НА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

0. ВВЕДЕНИЕ

В отличие от других словарных работ с достаточно давней традицией, обсуждавшихся на настоящем коллоквиуме*, мы хотим представить здесь некоторые практические аспекты сравнительно оригинального лексикографического проекта, который разрабатывается в Институте немецкого языка в Мангейме¹. Задачей проекта является составление словаря валентностей немецких глаголов, который мог бы быть использован в первую очередь в сфере преподавания немецкого языка иностранным студентам².

Осознание того, что грамматика валентностей может служить хорошей основой для лексикографического описания, постепенно приобретает уже характер традиции. Не ново также и то, что такие синтагматические словари, в которых эксплицирована структура окружения лексемы, особенно удобны для преподавания иностранных языков³. К настоящему времени для немецкого языка изданы словари валентностей глаголов (Helbig — Schenkel 1969 и Engel — Schumacher 1976), прилагательных (Sommerfeldt — Schreiber 1974) и существительных (Sommerfeldt — Schreiber 1977).

Можно считать бесспорным, что морфо-синтаксическое описание, используемое в перечисленных словарях-справочниках, составляет их базис, вслед за которым может действовать интерпретирующий семантический компонент (как в словаре Helbig — Schenkel 1969). При этом значение глагола в принципе предполагается известным;

Angelika Ballweg-Schramm, Helmut Schumacher. Verbalenz-Wörterbuch auf semantischer Basis.— In: «Praxis der Lexikographie. Berichte aus der Werkstatt», H. Henne (Hg.), Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1979, S. 94—118.

* Имеется в виду коллоквиум, материалы которого опубликованы в сборнике, указанном в отсылочной сноске.— *Прим. перев.*

более или менее точные семантические указания приводят-ся только в случае наиболее явной неоднозначности, одна-ко эти указания никак не связаны с грамматическим опи-санием. Аналогичным образом обстоит дело и с упорядо-чением глаголов в словаре, часто осуществляемым на осно-ве таких критериев, следовать которым довольно трудно ⁴.

В семантическом компоненте словаря Хельбига и Шен-келя (ступень III) «обязательные и факультативные актан-ты глагола фиксируются как семантические окружения этого глагола» ⁵, т. е. для отдельных позиций-распростра-нителей приводятся сочетаемостные («селекционные») пра-вила в смысле Хомского (Chomsky 1965). Полезность этой информации для изучающих немецкий язык не стоит переоценивать, поскольку во многих случаях приводимые семантические признаки оказываются недостаточно точ-ными для того, чтобы предотвратить построение предложе-ний, отклоняющихся от нормы. С другой стороны, если че-ловек, пользующийся словарем, уже знает значения глаго-лов, то многое из того, что ему сообщается, оказывается для него тривиальным ⁶. Решающий недостаток этого спо-соба описания состоит, впрочем, в том, что не может быть выявлена и показана взаимосвязь значения глагола и семан-тико-синтаксической структуры окружения глаголов.

Эти теоретические сложности побудили нас при созда-нии словаря валентностей отказаться от семантического компонента описанного типа. За прошедшие годы нами была развита концепция нового словаря валентностей, которая основывается на модели грамматики с семантическим бази-сом и тем самым позволяет эксплицитно и систематически включать в описание план содержания ⁷. С начала этого года мы приступили к работе по составлению словаря, рас-считанной на четыре года. Планируемый словарь должен содержать как можно более точные описания значений глаго-лов и сведения о возможном морфологическом и семантико-синтаксическом заполнении позиций, характерных для ок-ружения каждого данного глагола. Предполагаемая форма словарной статьи, построенной с учетом этих требований, будет описана в разделе 3.

От своего предшественника, «Малого словаря валент-ностей»*, разрабатываемый словарь отличается еще двумя важными аспектами. Во-первых, он не столько должен быть

* Имеется в виду словарь Engel — Schumacher 1976.—Прим. перев.

пригодным для занятий немецким языком с начинающими, сколько служить полезным пособием на занятиях с продолжающей изучать язык целевой группой*, которую еще предстоит определить точнее. Во-вторых, он должен создаваться не как справочник для опознания незнакомых структур, а скорее как подспорье, необходимое при синтезе текста (Textproduktion), чем и обусловлено внутреннее членение словаря с опорой на ономаσιологические критерии; последнее мотивировано также выбором модели грамматики с семантическим базисом. К этим аспектам мы еще вернемся в дальнейшем.

1. ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА И ОТБОР ГЛАГОЛОВ

Выбор целевой группы имеет чрезвычайно важное значение для построения словаря; в частности, он необходим как для отбора глаголов, так и для метода и объема описания⁸. Мы решили составлять такой словарь, который должен быть применимым прежде всего на занятиях по специальности «Немецкий язык как иностранный», и в связи с этим мы ориентировались на среднюю целевую группу. Говоря точнее, мы попытались с самого начала разработки словаря выяснить интересы иностранных студентов, желающих обучаться по какой-либо специальности в высших учебных заведениях ФРГ. Абитуриенты должны, как правило, выдержать вступительный экзамен, на котором они должны проявить не только владение основами литературного языка вообще, но и знание языка своей специальности⁹, иными словами, должны быть подтверждены не только навыки правильного языкового поведения этих иностранцев в повседневных ситуациях, но и необходимые языковые знания для прохождения курса обучения в вузе.

Проблема отбора глаголов для словаря состоит для нас в том, чтобы, ориентируясь на тех, кому адресуется наш словарь, выявить такой минимальный запас глаголов, который мог бы употребляться в релевантных коммуникативных ситуациях как можно более разнообразными способами. До сих пор лексические минимумы строились почти исключительно в расчете на занятия иностранным языком на начальной ступени. При отборе глаголов, отвечающих этой

* «Целевая группа» — часто употребляемый в данной статье термин для обозначения совокупности лиц, которым в первую очередь адресован описываемый словарь.— *Прим. перев.*

целестановке, мы можем опираться на лексические минимумы, знание которых необходимо для сдачи экзамена по специальности «Немецкий язык как иностранный»¹⁰. Соответствующие исследования о том, какие специфические глаголы необходимы в научном языке, отсутствуют. Чтобы выявить эти глаголы, мы взяли за основу результаты нашей собственной массовой обработки целого ряда учебников, текстов экзаменационных вопросников и специальных словарей¹¹.

Вопрос об объеме словаря мы должны, конечно, рассматривать и в практическом аспекте с учетом имеющихся в нашем распоряжении кадров и времени. Мы рассчитываем закончить разработку словаря к концу 1981 года. Готовый словарь должен покрывать важнейшие сферы лексики, релевантные для целевой группы. Мы планируем описать в словаре около 700 глаголов из следующих пока еще очень грубо очерченных областей:

1. Глаголы, описывающие существование и осуществление событий вообще (например, *sein* 'быть', *existieren* 'существовать', *vorgkommen* 'происходить', *stattfinden* 'иметь место')¹².

2. Глаголы мыслительной деятельности (например, *denken* 'думать', *überlegen* 'обдумывать', *planen* 'планировать').

3. Глаголы научной деятельности (например, *analysieren* 'анализировать', *definieren* 'определять', *ableiten* 'выводить', *zuordnen* 'относить, причислять').

4. Глаголы коммуникации. Сюда относятся как глаголы, обозначающие коммуникативную деятельность, у которой есть результат (как, например, *sagen* 'сказать', *lehren* 'учить', *informieren* 'информировать'), так и «глаголы восприятия» (такие, как *hören* 'слышать', *verstehen* 'понимать', *lesen* 'читать').

5. Глаголы, которыми выражаются отношения между людьми и отношения между людьми и вещами (например, *ablehnen* 'отвергать, отказываться', *hoffen* 'надеяться', *begrüßen* 'приветствовать, одобрять', *beurteilen* 'судить, расценивать').

6. Глаголы, связанные с процессом обучения (например, *immatrikulieren*, 'зачислять (в высшее учебное заведение)', *belegen* 'определять свой учебный план', *promovieren* 'присуждать или получать ученую степень').

Разрабатываемый словарь должен в первую очередь служить вспомогательным средством для преподавателей

или составителя учебных пособий, которое он может использовать при подготовке к уроку. Помимо того, должно быть обеспечено использование его для консультаций студентами, совершенствующимися в языке, когда они обращаются к словарю за тем, чтобы найти наилучший способ выражения своей мысли. Из этого следует, что необходимо как можно подробнее формулировать различия между глаголами с близкими значениями, а семантические сочетаемостные ограничения на допустимое окружение глагола указывать точнее, чем это делалось прежде в других словарях валентностей.

Одна из проблем, решаемых составителями словаря, связана с необходимостью подавать грамматическую информацию на таком метаязыке, который позволял бы проводить тонкую семантическую дифференциацию и в то же время был бы хорошо понятен человеку, пользующемуся словарем. Поскольку в наших целевых группах в качестве родного выступают самые разные языки, а сближает членов этих групп только более или менее совершенное знание немецкого языка, в качестве языка описания может приниматься в расчет только немецкий язык.

2. УСТРОЙСТВО СЛОВАРЯ

С точки зрения теории знаков имеются две основные возможности расположения материала словаря: 1) семасиологическое (алфавитное) и 2) ономазиологическое (понятийно-семантическое) построения. При выборе первой возможности в словаре систематически отражается многозначность языковых знаков, а при выборе второй — близость их значений¹³. Как в теории грамматики, так и в построении словаря решающим принципом для нас является семантика. Нам не хотелось ради алфавитного порядка отрывать друг от друга вариативные или семантически близкие наименования. Поэтому было решено составлять словарь по ономазиологическому принципу. Как уже говорилось, словарь отвечает прежде всего потребностям, возникающим при синтезе текста, поскольку он облегчает выбор наиболее подходящего из множества семантически родственных наименований, т. е. помогает найти самое меткое слово¹⁴. Прибегнув к помощи алфавитного указателя, можно извлечь пользу из ономазиологического словаря также и при восприятии текста; значение слова при этом не только про-

ясняется изолированно, но и дополнительно отграничивается от семантически близких слов за счет разъяснения их точных значений. Уже в силу того, что про рассматриваемое слово становится известно, что именно — в отличие от других слов — оно не обозначает, можно кое-что узнать и о самом значении этого слова.

Распределение понятий в ономаσιологическом словаре подчиняется в идеальном случае принципу «ближайшее родовое понятие — различные виды данного рода». Мы понимаем этот принцип так, что распределение понятий не задано заранее, а зависит от того, что конкретно лексиколог выберет как родовое понятие, а что — как специфическое разграничение в рамках этого понятия¹⁵. Так, например, глаголы *hören* 'слышать', *lesen* 'читать', *schreiben* 'писать' и *sprechen* 'говорить' могут быть объединены на том основании, что в их значениях есть общий компонент «языковая коммуникация», но с равным основанием могут быть объединены в одну группу глаголы *erfassen* 'понимать, схватывать', *hören* 'слышать', *lesen* 'читать' и *entziffern* 'расшифровывать, разбирать', поскольку они обозначают специфические виды восприятия. Подобные проблемы могут быть решены только в том случае, если при выборе членения стремиться получить согласованное разбиение возможно более крупных подмножеств описываемой лексики. Во всяком случае, несомненно, что все элементы одного ономаσιологического класса разделяют между собой хотя бы одно единое для всех них понятие. Чем более общим будет выбранное понятие, тем, естественно, обширнее получатся классы¹⁶.

Вероятны и такие словарные области, которые вообще не могут (или могут, но с очень большим трудом) подразделяться на классы по описанному принципу. По-видимому, такое случается особенно часто в «прагматически интересных» лексических классах, например в случае «экзистимативных частиц» (*existimatorische Partikeln*) — с известным приближением их можно назвать в другой терминологии сентенциональными наречиями — таких, как *vermutlich* 'по всей вероятности', *bedauerlich* 'к сожалению', *immerhin* 'все же', или в случае этикетных выражений (*Anredeformen*), когда общее родовое понятие можно установить разве только на метаязыковом уровне — или, в другой терминологии, на уровне языковой рефлексии, — а именно как «слово, которое выражает тот факт, что по отношению к содержанию сообщения или к слушающему говорящий имеет точку зрения *x/y/z...* и т. д.».

Для тех глаголов, с которыми мы должны иметь дело, в нашем словаре эта ситуация, по всей вероятности, довольно редка; проблем здесь и без того более чем достаточно. Однако вернемся к вопросу об устройстве нашего словаря. Тот словник, который нам предстоит описать (а именно множество глаголов, релевантных для нашей целевой группы), должен быть обработан на трех уровнях: макроструктурном, медиоструктурном и микроструктурном.

Микроструктура — это структура словарной статьи; о ней речь будет идти ниже.

В медиоструктуре имеются различные ступени. На самой нижней ступени выделяются медиоклассы, в которые входят отдельные глаголы. Медиоклассы следующей ступени состоят в свою очередь из медиоклассов нижней ступени, медиоклассы третьей ступени — из медиоклассов второй ступени и т. д.

Понять это поможет следующий пример. Глаголы *mitteilen* 'сообщать', *informieren* 'информировать', *melden* 'извещать, докладывать', *diskutieren* 'дискутировать', *besprechen* 'обсуждать', *korrespondieren* 'переписываться' допускают, грубо говоря, разбиение на два класса, отнесение к которым может быть установлено на основе синтаксических тестов: 1) *mitteilen*, *informieren* и *melden* (глаголы, обозначающие порождение языковых знаков для некоторого конкретного реципиента, — «искусство для искусства» при этом исключено) и 2) *diskutieren*, *besprechen* и *korrespondieren* (глаголы, которые могут обозначать производство и восприятие языковых знаков двумя лицами по очереди и с поочередной сменой ролей). Оба эти класса, вполне допускающие более дробное членение, на следующей ступени описания можно объединить в один медиокласс, который характеризуется тем, что в семантической структуре всех его элементов содержится понятие «производство языковых знаков», к этому же классу относятся такие глаголы, как *formulieren* 'формулировать', *sprechen* 'говорить', *schreiben* 'писать'. Этому медиоклассу противопоставлен другой класс, глаголы которого обозначают «производство неязыковых знаков», например *gestikulieren* 'жестикулировать', *lächeln* 'улыбаться', *weinen* 'плакать'. (Чтобы избежать спора о том, следует ли рассматривать улыбку или слезы как знак или как признак, можно говорить о «производстве неязыковых семиотических единиц».) Оба эти класса (сокращенно: «языковой» и «неязыковой») могут на следующей ступени образовывать медиокласс, к ко-

тому следует относить все глаголы, обозначающие производство семиотических единиц. В качестве родового для этого класса может рассматриваться глагол *sich äußern* '(само)выражаться'¹⁷.

Графически эта иерархия может быть представлена в следующей таблице, где сверху в кавычках записаны понятия, а ниже — собственно глаголы.

«производство семиотических единиц»
sich äußern '(само)выражаться'

«производство языковых семиотических единиц»
formulieren 'формулировать', *sprechen*
'говорить', *schreiben* 'писать'...

«одностороннее производство языковых семиотических единиц»

mitteilen
'сообщать'
informieren
'информировать'
melden
'извещать,
докладывать'

«неодностороннее, направленное партнерами друг на друга производство языковых семиотических единиц»

diskutieren
'дискутировать'
besprechen
'обсуждать'
korrespondieren
'переписываться'

«производство неязыковых семиотических единиц»

gestikulieren
'жестикулировать'
lächeln
'улыбаться'
weinen
'плакать'

Эти деления и подразделения не заданы заранее, а зависят от решений, принимаемых лексикографом. Однако они тесно связаны с теми решениями, которые должен принимать говорящий в процессе выбора нужного глагола. Прежде чем говорящий произведет выбор между глаголами *mitteilen* 'сообщать' и *informieren* 'информировать', он должен исключить глаголы *diskutieren* 'дискутировать' и *besprechen* 'обсуждать'; аналогично, прежде чем он решится употребить *formulieren* '(с)формулировать', *sprechen* 'говорить, сказать' или *schreiben* '(на)писать', отпадут такие глаголы, как *gestikulieren* 'жестикулировать' или *lächeln* 'улыбаться'. Таким образом, медиоклассы низшей ступени содержат семантически близкородственные глаголы и основываются на сравнительно конкретных понятиях. Медиоклассы более высоких ступеней характеризуются все более общими понятиями, а соответствующие глаголы

обнаруживают все меньшую семантическую близость.

Эта лексикологическая концепция должна найти свое отражение в построении словаря. Глаголы одного медиокласса должны описываться в словаре в непосредственно следующих друг за другом словарных статьях. Те части грамматического описания, которые верны для всех глаголов данного класса, получают место в так называемой медиоструктурной «шапке». Можно представить себе, что медиоклассы разных ступеней иерархии будут предваряться текстами таких «шапок» различной степени общности.

В вершине этой иерархии стоят весьма обширные классы, для членов которых общими являются лишь довольно обобщенные понятия. Эти классы мы называем макроклассами. Они являются результатом самого грубого подразделения всего множества глаголов. Мыслимые категории макроструктуры уже были названы выше. Пока мы знаем о них довольно мало, однако надеемся, что именно медиоструктура после того, как она будет установлена, даст нам отправную точку для определения макроклассов. С другой стороны, медиоструктурное упорядочение глаголов находит свое отражение также и в семантических экспликациях на уровне микроструктуры. В силу всего этого медиоструктуре принадлежит центральное место в устройстве нашего словаря.

3. МЕДИОСТРУКТУРНАЯ «ШАПКА»

В нашем словаре предполагается по мере надобности предварять словарные статьи глаголов одного семантического поля текстом, содержащим общие для них все пояснения и пометы. В настоящий момент структура этой «шапки» еще не установлена окончательно; однако здесь должны содержаться либо сведения, которые выносятся за рамки конкретных статей в целях наглядности, либо сведения, которые относятся сразу ко всем глаголам данного поля.

В «шапке» могли бы быть освещены, например, следующие вопросы:

- а) критерии, на основании которых выделяется данное поле;
- б) отграничение его от других полей (гипероним, параллельные поля);
- в) внутреннее членение поля;
- г) указание других глаголов данного поля, не рассматриваемых в данном словаре;

д) предположения, из которых должен исходить говорящий при употреблении данных глаголов;

е) указание ситуаций, в которых оказывается предпочтительным употребление определенных глаголов;

ж) прочие сведения об употреблении глаголов.

Мы обдумываем также вопрос о том, не давать ли в словаре аналогичные пояснения для более крупных групп глаголов, включая в них только пункты а), б) и в). Во многих случаях для пояснения семантических связей могут быть введены также графические представления.

Для приводимых здесь в качестве примера глаголов со значением сообщения «шапка» могла бы иметь следующий вид: MITTEILEN 'СООБЩАТЬ'.

а) Глаголами СООБЩЕНИЯ выражается тот факт, что сообщающий посредством намеренной актуализации означающего какого-либо знака делает так, чтобы воспринимающий получил некоторую информацию и тем самым узнал нечто такое, что ему раньше было неизвестно. При этом от него не обязательно ожидается какая-либо реакция.

б) Данные глаголы отличаются от глаголов ДОКЛАДЫВАНИЯ (BERICHTEN), в частности, тем, что для воспринимающего является новым тот факт, что имеет место определенное положение дел, а также тем, что информация представлена относительно кратко. В противоположность глаголам ГОВОРЕНИЯ (SAGEN) и ПИСАНИЯ (SCHREIBEN) средство передачи информации не должно уточняться. По тому, что в намерение сообщающего входит именно передача сообщения, данные глаголы отличаются от глаголов ОБЪЯСНЕНИЯ (ERKLÄREN), а по степени гласности — от глаголов ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ (VERKÜNDEN).

в) Глаголы СООБЩЕНИЯ — это каузативные глаголы действия по отношению к процессуальным глаголам семантического поля УЗНАВАНИЯ (ERFAHREN). При употреблении глагола mitteilen 'сообщать' некто узнает, что имеет место определенное положение дел, в то время как при употреблении глагола informieren 'информировать' некто ставится в известность о свойствах предмета.

г) Не получают более подробного описания ближайший к глаголу mitteilen 'сообщать' глагол melden 'извещать' и близкий к глаголу informieren 'информировать' глагол unterrichten über 'осведомлять', для которых также не требуется уточнять средство передачи информации.

д) Данными глаголами описываются, как правило, формальные, отчасти даже официальные коммуникативные

ситуации. Лицо, употребляющее эти глаголы, предполагает, что

1. воспринимающий еще не знаком с сообщаемой информацией;

2. эта информация является достаточно важной для воспринимающего;

3. воспринимающий способен понять содержание этой информации и место ее в кругу ей подобных.

е) Данные глаголы употребляются для того, чтобы сообщить о некоторых конкретных коммуникативных ситуациях, или перформативно употребляются в самих этих ситуациях.

Если информация касается каких-либо лиц, предпочтительнее выбрать глагол *mitteilen* 'сообщать'. Это же верно в тех случаях, когда сообщающий сильнее заинтересован в передаче информации или занимает более высокое социальное положение, чем воспринимающий. Если же информация касается в основном вещей, то, напротив, предпочитается глагол *informieren* 'информировать'. Это верно и для тех случаев, когда сообщающий занимает более низкое социальное положение, чем воспринимающий, или когда ему было прямо поручено передать эту информацию.

4. МИКРОСТРУКТУРА

4.1. Под микроструктурой мы понимаем устройство и инвентарь сведений, используемых в конкретных словарных статьях. Трудность здесь состоит в том, чтобы расположить как можно больше сведений о глаголе таким образом, чтобы при пользовании словарем можно было быстро найти то, что нужно. Всякому, кто достаточно часто обращается к словарю, известна проблема: как найти в обширной статье интересующие вас сведения, не читая при этом всей статьи целиком. Имеющиеся словари валентностей и некоторые другие справочные пособия показывают, впрочем, что могут существовать более совершенные формы упорядочения сведений.

Вопросам построения словарной статьи мы уделяем особое внимание. Схема статьи уже неоднократно подвергалась переработке с тем, чтобы достичь максимального удобства в пользовании словарем. При этом были приняты во внимание те предложения по улучшению структуры словарной статьи, которые высказывались представителями

целевой группы и другими словарными экспертами. Можно надеяться, что в результате различных модификаций теперь уже достигнута относительно высокая удобочитаемость статей, хотя окончательная форма, может быть, еще и не найдена.

4.2. Как принято обычно в лексикографической практике, наша словарная статья содержит заглавное слово (Lemma), его экспликацию, примеры и отсылочную часть¹⁸.

Семантико-синтаксические сведения располагаются в правой колонке параллельно морфо-синтаксическим сведениям, приводимым в левой колонке. На одном уровне помещаются структурный образец и толкование (Paraphrase), а также сведения о морфо-синтаксической реализации дополнений и сведения о соответствующих семантических вариантах, конкретизирующих аргументы.

Предусмотрено указание следующих сведений:

1. **Заглавное слово.** В соответствии с обычной словарной практикой заглавное слово дается в инфинитиве и выделяется жирным шрифтом. В случае омографичных глаголов, таких, как *übersetzen* 'переводить (с одного языка на другой)' и *übersetzen* 'переправлять (через что-либо)', а также в случае глаголов, акцентуация которых может представлять трудности для иностранцев (например, *mitteilen* 'сообщать' vs. *unterteilen* 'подразделять'), в заглавном слове проставляется главное ударение.

2. **Морфологические сведения.** Под заглавным словом приводятся основные формы глагола. Одновременно проясняется, является ли глагольная приставка в данном случае отделяемой и строятся ли формы перфекта с глаголом *haben* 'иметь' или с глаголом *sein* 'быть'.

3. **Глагол или глагольный комплекс.** В третьей строке слева опять стоит глагольная лексема, в данном случае распространенная элементами устойчивых глагольных комплексов, такими, как возвратное местоимение или не меняющиеся местами с глаголом местоимение *es* и т. д. Если словарная статья расщепляется на несколько подзначений (Subeinträge), то глагол получает текущий номер-индекс.

4. **План построения предложения.** Вслед за глаголом идет план построения предложения. Конкретные классы дополнений перечисляются с помощью самоочевидных сокращений, причем факультативные дополнения приводятся в круглых скобках. Состав категорий дополнений соответствует схеме, предложенной в работе Engel — Schmitt 1976.

5. Структурный образец, соответствующий плану построения предложения. План построения предложения эксплицируется слева структурным образцом, обведенным рамкой. Он представляет следующие сведения:

1) морфологические падежные характеристики, выраженные определенным артиклем мужского рода, по которому падеж опознается лучше всего;

2) референты дополнений, символизируемые переменными x , y , z и k ;

3) тип класса дополнения — соответствующее сокращение в виде подстрочного индекса при переменной.

6. Возможности заполнения валентностей. С левой стороны показывается, каким образом могут реализоваться конкретные классы дополнений. Если за символом класса дополнения больше ничего не стоит, то по общему правилу позицию соответствующего дополнения может занимать именная группа, местоименная группа или обобщающее придаточное дополнительное предложение. Дополнения в форме предложения (*satzförmige Ergänzungen = SE*) приводятся под заголовком-пометой о форме придаточного предложения (*INF, DASS, OB-FRAG, HPTS*) * и правилами для коррелята. Особые указания об условиях опущения факультативных дополнений даются в виде вспомогательных примечаний, иногда с учетом разницы между устной и письменной речью.

7. Пассив. После перечисления классов дополнений приводятся сведения о возможностях образования пассива от данного глагола. Мы различаем пассивы со вспомогательными глаголами *werden*, *sein* и *bekommen*.

Различные возможности иллюстрируются соответствующими структурными образцами, построенными аналогично образцу для плана построения предложения.

8. Толкование и стилистическая информация. Толкуется структурный образец к плану построения предложения, толкование приводится в правой колонке и обведено рамкой. Толкование дается в форме «открытого» предложения с использованием стандартизованного словника описательных средств, единицы которого определяются нами в предисловии к планируемому словарю. Относительно построения толкований у нас пока нет окончательной ясности, поскольку еще предстоит решить, как широко может и должна применяться рекурсия в построении толкований с опо-

* Расшифровку условных обозначений см. ниже.— *Прим. перев.*

рой на другие глаголы¹⁹. После толкования в квадратных скобках стоят стилистические пометы. Отсутствие таких помет означает, что данный глагол относится к стандартному языку.

9. Семантико-синтаксическое заполнение валентностей. Для всех дополнений, совместимых с данным глаголом, в этом разделе указываются типы денотатов. Дополнительные сведения, т. е. какие-либо замечания помимо обычного заполнения валентностей, приводятся в квадратных скобках.

10. Примеры. Примеры должны быть по возможности подлинными и должны наглядно пояснять значение и возможности употребления данного глагола. При каждом примере указывается, какие дополнения в нем актуализованы, причем последовательность обозначений соответствует порядку дополнений в примере. Кроме того, отмечается также и наличие пассивной формы.

11. Обороты. Продолжением иллюстративной части служат примеры оборотов, которые в большей или меньшей степени лексикализованы.

12. Словообразование. В этой рубрике приводятся адъективные, именные и глагольные образования, в которых обнаруживается тот же корень, что и в рассматриваемом глаголе, и значение которых соотносится со значением этого глагола.

13. Другие значения. В заключительном разделе словарной статьи указываются прочие (по отношению к данному) значения заглавного слова, принадлежащие другим ономаσιологическим классам и потому описываемые в других частях словаря.

4.3. Особого внимания заслуживают язык описания и инвентарь единиц, участвующих в построении толкований. С одной стороны, значение слова и сведения об ограничениях на заполнение валентностей должны быть приведены как можно более точно, с другой стороны, при пользовании данным словарем они должны пониматься по возможности без обращения к другому словарю. Соблюдение обоих этих принципов часто приводит к значительным трудностям.

Мы стараемся применять в семантических экспликациях сильно стандартизованный язык описания, который ориентирован на пользующихся словарем; выражения языка должны быть объяснены в предисловии. Этот инвентарь единиц, которые могут быть использованы во многих словарных статьях, по своему объему должен быть как можно меньше. В настоящее время у нас, правда, пока нет еще

точных представлений о том, какое число выражений в него войдет.

В приводимых ниже образцах словарных статей используются следующие единицы описания, получившие пока что предварительные определения ²⁰:

Действие (Handlung):

событие или процесс, которые направлены на некоторую цель, сознательно и по собственной воле инициированы участвующим в них индивидом и протекают под контролем сознания и воли этого индивида. Сознательный и умышленный отказ от совершения действия или от определенного поведения, имеющий целью сохранить существующее состояние действительности, должен расцениваться как действие.

Событие (Vorgang):

развертывающаяся во времени последовательность различных состояний действительности с тематически определенным конечным состоянием.

Процесс (Prozeß):

развертывающаяся во времени последовательность различных состояний действительности без тематически определенного конечного состояния.

Состояние (действительности) (Zustand):

важный в коммуникативном аспекте срез какой-либо ситуации. В определенных случаях может иметься в виду и целая ситуация.

Ситуация (Situation):

положение дел для некоторого множества индивидов и предметов, остающееся неизменным в течение известного промежутка времени.

Инструмент (Instrument):

предмет, который используется активно действующим индивидом при совершении действия или поддействия, являющегося частью другого действия, и при этом изменяет свое состояние или местоположение в соответствии с намерением этого индивида. Вместо предмета может иметься в виду лицо, которое участвует в данном действии бессознательно и помимо своей воли.

Средство (Mittel):

инструмент, либо процесс, либо событие, либо действие, при условии, что они по воле и под контролем сознания некоторого индивида приводят к тому, что осуществляется некое желаемое этим индивидом явление.

Перейти от А к В (übergehen von A zu B):

переход во времени от некоторого предшествующего состояния (А) к некоторому последующему состоянию (В). При этом часто остается открытым вопрос о том, происходит ли смена предшествующего состояния последующим мгновенно или постепенно. Для случая постепенного перехода неважно, протекает ли он равномерно или с колебаниями.

А каузирует В (A bewirkt daß B):

соединение двух следующих друг за другом по времени явлений (событий, процессов, действий), при котором осуществление предшествующего по времени явления (А) в данной ситуации делает *необходимым* осуществление второго явления (В), в то время как неосуществление явления А в такой же или в аналогичной исходной ситуации оставляет открытой возможность осуществления или неосуществления В.

а каузирует В (a bewirkt daß B):

отношение между индивидом а и явлением В, при котором имеет место следующее: индивид а участвует в явлении А, которое и каузирует явление В. Это отношение может развертываться двумя способами:

1. а каузирует В посредством А

2. а каузирует В с помощью m (m = средство)

Эти две развертки могут быть сведены к следующей:

3. а каузирует В посредством А с помощью m.

Дееспособный (способный действовать) (agierfähig (fähig zu handeln)):

состояние живого существа, при котором оно способно перерабатывать стимулы (в среднем темпе) и предпринимать действия.

С определенным намерением (намеренно) (mit Absicht (absichtlich)):

указывает на то, что сознательное поведение индивида повлекло за собой определенное состояние, событие или действие, в котором он принимает прямое участие, или же что данный индивид сознательно не помешал наступлению такового, и при этом производил и продолжает производить выбор из нескольких возможных в данное время альтернатив.

В приводимых ниже образцах статей выбрана лишь одна из ранее указанных альтернатив построения толкований. К сведению читателя мы представляем здесь для примера обе эти возможности.

Посредством того, что x
 актуализирует k , x намеренно каузирует то, что y
узнает z [...]

Посредством того, что x актуализирует k (\rightarrow *aussagen 'выражать(ся)'*), x намеренно каузирует то, что y переходит от состояния, в котором он *не знает* z , к состоянию, в котором он *знает* z (\rightarrow *erfahren 'узнавать'*)

Перечень сокращений и условных обозначений:

Adj	прилагательное
Adv	наречное дополнение
Akk	1. дополнение в форме аккузатива 2. в качестве индекса при предлогах — показатель управления (управление аккузативом)
Примеч.	примечание
DASS	придаточное предложение с союзом <i>daß</i> 'что'
Dat	1. дополнение в форме датива 2. в качестве индекса при предлогах — показатель управления (управление дативом)
E	дополнение
fak. Korr	факультативное коррелятивное местоимение *
HPTS	дополнение в форме независимого предложения
N	существительное
Nom	дополнение в форме номинатива
OB-FRAG	косвенный вопрос, вводимый союзом <i>ob</i> 'ли'
obl. Korr	обязательное коррелятивное местоимение
Präp	дополнение в форме именной группы с предлогом
SE	дополнение в форме придаточного предложения
W-FRAG	косвенный вопрос, вводимый относительным местоимением
x, y, z, k	переменные в толкованиях и образцах структур
1, 2, ...,	индекс подзначения
(...)	обозначение факультативного дополнения
[...]	1. обозначение стилистической пометы 2. при указании типов денотатов — обозначение типичных способов заполнения валентности
/	варианты
\rightarrow	«Сравни.../Смотри ниже...!»

* Для немецкого языка, как и для русского, наличие факультативного или обязательного коррелятивного местоимения перед придаточным дополнительным предложением является идиосинкратическим свойством управляющего глагола.

Сравните такие пары предложений, как

- (1) а) Я считал, что он приехал.
б) * Я считал то, что он приехал.
- (2) а) Я верю, что он придет.
б) Я верю в то, что он придет.
- (3) а) * Он надоел нам, что всегда опаздывает.
б) Он надоел нам тем, что всегда опаздывает. — Прим. перев.

Образец словарной статьи

MITTEILEN 'сообщать, уведомлять, доводить до сведения'
 teilt mit — teilte mit — hat mitgeteilt mitteilen₁ 'доводить до сведения' Nom Akk (Dat) (Adv)

структурный образец + толкование

Der x_{Nom} teilt (dem y_{Dat}) den z_{Akk} (in dem k_{Adv}) mit.

Посредством того, что
x актуализирует k,
 x намеренно каузирует то,
 что y *узнает* z
 [торжественно]

заполнение валентностей

Nom
Akk

x: Mensch 'человек'
 z: Sachverhalt/Resultat eines Vorgangs/Resultat einer Handlung
 'положение дел/результат события/ результат действия'
 Zustand/Vorgang/Handlung/Sachverhalt
 'состояние /событие/ действие/положение дел'
 [информация о z считается истинной]

SE + fak. Korr. es
 DASS/OB-FRAG/W-FRAG/HPTS

(Dat)

y: Mensch/Institution 'человек/организация'

Прим.: Дативное дополнение может опускаться, только если можно определить y по тексту или по ситуации.

(Adv): *in/mit*_{Dat/}
*durch*_{Akk}
 Adj
 SE + obl. korr.
dadurch

k: Mittel 'средство'
 [материальная сторона знака, обычно — языкового]
 Kommunikative Handlung von x 'коммуникативное действие x-a'

пассивные конструкции

пассив с *werden*
Der z_{Nom} wird (dem y_{Dat}) (von dem/durch den x_{Präp}) (in dem k_{Adv}) mitgeteilt.

пассив с *bekommen*
Der y_{Nom} bekommt (den z_{Akk}) (von dem/durch den x_{Präp}) (in dem k_{Adv}) mitgeteilt.

примеры

Nom Dat Akk Adv
Norbert hatte ihnen längst den wahren Sachverhalt persönlich mitgeteilt. 'Норберт давно уже лично довел до их сведения истинное положение дел' (К. Цукмайер. «Властитель над жизнью и смертью»).

<p>словообразование</p>	<p>Adv Nom Dat Akk_{DASS}</p> <p>Adj: <i>mitteilsam</i></p>	<p>[...] und sie schrieb ihm Briefe, worin sie ihn ihrer Treue versicherte und ihm aufrichtig mitteilte, daß sie von Meingast noch einmal durch den Strumpf aufs Knie geküßt worden sei. '[...] и она писала ему письма, в которых уверяла его в своей верности и откровенно доводила до его сведения, что Майнгаст вновь целовал через чулок ее колено' (Р. Музиль. «Человек без свойств»).</p> <p>'общительный', <i>mitteilungsbedürftig</i> 'имеющий потребность высказываться'</p>
<p>структурный образец + толкование</p>	<p>mitteilen₂</p> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; margin: 10px 0;"> <p><i>Der x_{Nom} teilt (dem y_{Dat}) den z_{Akk} (in dem k_{Adv}) mit.</i></p> </div>	<p>'сообщить, известить' Nom Akk (Dat) (Adv)</p> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; margin: 10px 0;"> <p>Посредством того, что [x] актуализирует [k], x намеренно каузирует то, что [y] <i>узнает</i> [z] [формально]</p> </div>
<p>заполнение валентностей</p>	<p>Nom</p> <p>Akk</p> <p>SE + fak. Korr <i>es</i> DASS/OB-FRAG/W-FRAG/HRTS (Dat)</p> <p>Примеч.: дативное дополнение реализуется редко. (Adv): <i>in/mit</i>_{Dat}/ <i>durch</i>_{Akk} Adj SE + obl. Korr <i>dadurch</i> DASS</p>	<p>x: Institution/autorisierter Vertreter der Institution 'организация/уполномоченный представитель организации'</p> <p>z: Sachverhalt/Resultat eines Vorgangs/Resultat einer Handlung 'положение дел/результат события/результат действия'</p> <p>Zustand/Vorgang/Handlung/Sachverhalt 'состояние/событие/действие/положение дел'</p> <p>y: Öffentlichkeit/Institution/Mensch 'общественность/организация/человек'</p> <p>k: Mittel 'средство' [материальная сторона знака, обычно — языкового]</p> <p>Kommunikative Handlung von x 'коммуникативное действие x-a'</p>

пассив-
ные кон-
струкции

пассив с *werden*
*Der z_{Nom} wird (dem y_{Dat}) (von dem/durch
den x_{Präp}) (in dem k_{Adv}) mitgeteilt.*

примеры

пассив с *bekommen*
*Der y_{Nom} bekommt den z_{Akk} (von dem/durch
den x_{Präp}) (in dem k_{Adv}) mitgeteilt.*

Nom Akk_{DASS}

Worauf ein Sprecher des Auswärtigen Amtes noch am gleichen Tage mitteilte, daß an die Aufnahme solcher Gespräche gar nicht zu denken wäre.

‘После чего представитель министерства иностранных дел в тот же самый день сообщил, что о возобновлении подобных бесед нечего даже и думать’ (Дёнхоф. «Эра Аденауэра»). *Bischof Ambrosius teilte ihm brieflich mit, daß er dafür Kirchenbuße tun müsse* ‘Епископ Амброзий письменно уведомил его, что в этом он должен каяться в церкви’ (Ф. Тис. «Царство демонов»).

Nom Dat Adv
Akk_{DASS}

словооб-
разование

N: die *Mitteilung* ‘сообщение’...

другие
значения

→ weitergeben ‘передавать’

структур-
ный обра-
зец + тол-
кование

INFORMIEREN ‘информировать, уведомлять’
informiert—informierte—hat informiert
informieren₁ ‘информировать, поставить в известность’
Nom (Akk) (Präp_{über}) (Adv)

*Der x_{Nom} informiert
(den y_{Akk}) (in dem
k_{Adv}) (über den z_{Präp}).*

Посредством того, что x̃
актуализирует k, x
намеренно каузирует то,
что y узнает свойства
z [формально]

заполне-
ние ва-
лентно-
стей

Nom

x: Mensch/Institution/autorisierter Vertreter der Institution ‘человек/организация/уполномоченный представитель организации’

(Акк)	y: Mensch/Öffentlichkeit/Institution 'человек/общественность/организация'
(Präp): über _{Akk} SE+ <i>fak.</i> Korr. darüber DASS/ OB-FRAG/ W-FRAG	z: [нет ограничений]
(Adv): in/mit/ anhand von _{Dat} durch _{Akk} Adj SE+ <i>obl.</i> Korr. dadurch DASS	k: Mittel 'средство' [материальная сторона знака, обычно — языкового, например, <i>Buch</i> 'книга', <i>Brief</i> 'письмо'] Kommunikative Handlung von x 'коммуникативное действие x-а'

Примеч.: Должно быть реализовано хотя бы одно из факультативных дополнений.

пассив-
ные кон-
струкции

пассив с *werden*
Der *y*_{Nom} wird (von dem/durch den *x*_{Präp})
(über den *z*_{Präp}) (in dem *k*_{Adv}) informiert.

пассив с *sein*
Der *y*_{Nom} ist (von dem/durch den *x*_{Präp})
(über den *z*_{Präp}) (in dem *k*_{Adv}) informiert.

примеры

Nom Präp über *Minister informiert über die Entwicklung der polnischen Landwirtschaft.* 'Министр информировал [собравшихся] о развитии польского сельского хозяйства' (Из газеты «Нойес Дойчланд»).

пассив с *werden*
Nom [...] ein Minister also, der so unentbehrlich ist, daß er schon aus diesem Grunde gelegentlich nicht informiert wird, — er bleibt, während ein bewährter Staatssekretär gehen muß! [...] 'таким образом, министр, который настолько незаменим, что уже по одной этой причине случайно бывает недостаточно информирован, — этот министр остается, в то время как испытанный и надежный государственный секретарь должен уйти!' (Дёноф. «Эра Аденауэра»).

пассив с *sein*
Nom Präp über [...] und er wußte auch, daß die Mannschaft genau darüber informiert war. ' [...] но он также знал, что как раз об этом

<p>пассив с <i>sein</i> Nom</p>	<p>личный состав был информирован (Г. Г. Кирст. «08/15»).</p> <p><i>Soweit ich informiert bin, gehören derartige Bemühungen sogar zu ihrem Beruf.</i> 'Насколько я информирован, подобные усилия входят даже в ваши служебные обязанности' (Г. Г. Кирст. «08/15»).</p>
<p>Nom Akk Präp_{W-FRAG}</p>	<p><i>Würden Sie die außerordentliche Güte haben, mich in aller Kürze darüber zu informieren, welche Transportmittel mir für den kleinen Ausflug dorthinauf zur Verfügung stehen?</i> 'Не будете ли Вы столь любезны проинформировать меня вкратце о том, какие средства передвижения есть в моем распоряжении для небольшой поездки туда?' (Т. Манн. «Признания авантюриста Феликса Круля»).</p>
<p>Nom Akk Präp_{DASS}</p>	<p><i>Agenten informieren ihn, daß Barras schon heimlich mit Ludwig XVIII verhandelt.</i> 'Агенты доносят ему, что Барра уже ведет тайные переговоры с Людовиком XVIII' (С. Цвейг. «Жозеф Фуше»).</p>
<p>Примеч.: Примеры, в которых не реализовано дополнение с предлогом <i>über</i>, могут служить также для иллюстрации второго значения данного глагола — <i>informieren</i>₂ (см. ниже).</p>	
<p>обороты</p> <p><i>informierte Kreise</i> 'информированные круги'</p>	<p><i>Angesichts der Gefahr... wird die Entscheidung nach Ansicht informierter Kreise positiv sein.</i> 'Перед лицом опасности... как полагают в информированных кругах, решение будет положительным' (Из газеты «Ди Вельт»).</p>
<p>словообразование</p>	<p>Adj: <i>informativ</i> 'информативный', <i>informiert</i> 'информированный...'; N: <i>die Informierung</i> 'информирование', <i>die Information</i> 'информация'...</p>

*informieren*₂ 'информировать, извещать'
Nom (Akk) (Präp_{VON}) (Adv)

структур-
ный обра-
зен + тол-
кование

*Der x_{Nom} informiert
(den y_{Akk}) (in dem
k_{Adv}) (von dem z_{Präp})*

Посредством того, что x
актуализирует k, x на-
меренно каузирует то, что
y *узнает факт* z
[формально]

заполне-
ние ва-
лентно-
стей

Nom

x: Mensch/Institution/autorisierter Vertreter der Institution 'человек/организация/уполномоченный представитель организации'

(Akk)

y: Mensch/Öffentlichkeit/Institution 'человек/общественность/организация'

(Präp): von_{Dat}

z: Sachverhalt/Resultat eines Vorgangs/Resultat einer Handlung 'положение дел/результат события/результат действия'

SE + fak. Korр.
davon DASS/HPTS

Zustand/Vorgang/Handlung/Sachverhalt 'состояние/событие/действие/положение дел'

Примеч.: Дополнение в форме независимого предложения (HPTS) не может быть в письменной речи.

(Adv): in/mit_{Dat}/
durch_{Akk}

k: Mittel 'средство'[материальная сторона знака, обычно языкового]

SE + obl. Korр.
dadurch DASS

Kommunikative Handlung
'коммуникативное действие'

Примеч.: Должно быть реализовано хотя бы одно из факкультативных дополнений.

пассив-
ные кон-
струкции

пассив с werden

*Der y_{Nom} wird (von dem/durch den x_{Präp})
(von dem z_{Präp}) (in den_{Akk}) informiert.*

пассив с sein

*Der y_{Nom} ist (von dem/durch den x_{Präp})
(von dem z_{Präp}) (in den_{Akk}) informiert.*

примеры

Adv Nom Akk Präp_{von}

In einem kurzen Schreiben informierte der Vorsitzende seine Kollegen von seinem Rücktritt.

'В кратком послании председатель информировал коллег о своей отставке'.

пассив с werden
Nom Präp_{von}

Der Bundeskanzler wurde umgehend vom Scheitern der Verhandlungen informiert.

‘Федеральный канцлер был срочно информирован о провале переговоров’.

пассив с *sein*
Nom

Wollen Sie die volle Verantwortung für die Operation und ihren Ausgang und die Tatsache übernehmen, daß der Patient nicht informiert ist und keine Zustimmung gegeben hat?

‘Разве Вы хотите взять на себя всю ответственность за операцию и ее исход, и за то, что пациент не осведомлен и не дал своего согласия?’ (Э. М. Ремарк. «Триумфальная арка»).
Durch einen Rundbrief informierte der Abgeordnete die Parteimitglieder seines Wahlkreises davon, daß er gedachte gegen das vorgelegte Gesetz zu stimmen.

Adv Nom Akk
Präp DASS

‘В циркулярном письме депутат информировал членов партии своего избирательного округа о том, что он намерен голосовать против предлагаемого закона’.

Примеч.: Примеры, в которых не реализовано дополнение с предлогом *über*, могут служить также для иллюстрации употребления данного глагола в первом значении — *informieren*₁ (см. выше).

обороты
словооб-
разова-
ние

informierte Kreise...? ‘информированные круги...?’
Adj: *informiert...* ‘информированный...’; N: *die Informierung* ‘информирование’, *die Information* ‘информация’...

*informieren*₃ ‘дать понять, дать представление’
Nom (Akk) (Präp *über*)

структур-
ный обра-
зец + тол-
кование

*Der x_{Nom} informiert
(den y_{Akk}) (über
den z_{Präp})*

x делает возможным
то, что y узнает z

заполне-
ние ва-
лентно-
стей

Nom

x: Zeichen/Zeichenträger
знак/материальная сторона
‘знака’ [например, *Text/Buch*
‘текст/книга’]
Zustand/Vorgang/Handlung
Sachverhalt

SE + fak. Korr. *es*
(обусловленный пози-
цией в предложении)

	DASS	'состояние/событие/действие/ положение дел'
	(Akk)	y: Mensch 'человек'
	(Präp): über _{Akk}	z: [нет ограничений]
	SE+obl. Korr. <i>darüber</i>	
	DASS	
	SE+obl. Korr. <i>darüber</i>	
	OB-FRAG/W-FRAG	
пассив- ные кон- струкции	пассив с <i>werden</i> <i>Der y_{Nom} wird (von dem/durch den x_{Präp}) (über den z_{Präp}) informiert.</i>	
	пассив с <i>sein</i> <i>Der y_{Nom} ist (von dem/durch den x_{Präp}) (über den z_{Präp}) informiert.</i>	
примеры	Nom Akk Präp _{über}	<i>Die nachstehende Übersicht mag den Leser über in diesem Band verein- igten Sachartikel informieren.</i> 'Приводимый далее обзор может дать читателю представление о собранных в этом томе специ- альных статьях' (Из лекси- кона Фишера: «Изобрази- тельное искусство»).
	Nom Akk Präp _{DASS}	<i>Die taktischen Zeichen auf dem Horch hatten ihn darüber infor- miert, daß er ein Fahrzeug der Nachrichtenabteilung des braven Licht vor sich hatte.</i> 'Тактические знаки на «Хорхе» дали ему понять, что перед ним была машина батальона связи бравого Лихта' (Е. Куби. «Победа! Победа!»).
	пассив с <i>sein</i> Präp Nom Präp _{über}	<i>Durch die Ausgrabungen sind wir recht gut über die Kultur der Etrusker informiert.</i> 'Благо- даря раскопкам мы достаточно хорошо осведомлены о культуре этрусков'.
словооб- разова- ние	Adj: <i>informativ</i> 'информативный', <i>informiert</i> 'информи- рованный, осведомленный'; N: <i>die Information</i> 'инфор- мация, сведения'... → ?	
другие значения		

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Над проектом работает, помимо авторов статьи, группа ученых: И. Бальвег, Р. Бурстин, Г. Фрош, Г. А. Гамель, Ж. Кубчак, Н. Траутц. В настоящей статье разделы 0,1 и 3 написаны Г. Шумахером, раздел 2 — А. Бальвег-Шрамм. Раздел 4 отражает работу всей группы.

² О проекте в целом см. отпечатанные множительным аппаратом отчеты группы Projektgruppe Verbvalenz (1975—1978) (см. библиографию).

³ См., например, такие работы, как Helbig 1965, 1967, 1969, Götzе 1973, 1979, 101—202; Engel 1971, 388; Schumacher 1975, 56—57; Schumacher 1976 a, 125.

⁴ Ср. критические замечания в работе Schumacher 1976b, 290.

⁵ См. Helbig — Schenkel 1969, 93.

⁶ Ср. критические замечания в работе Tarvainen 1973, 45—47.

⁷ Подробное описание этой модели грамматики можно найти в работе Ballweg 1977.

⁸ См. Kubczak 1976.

⁹ Ср. Kubczak 1977.

¹⁰ См. Steger — Keil, 1972.

¹¹ О словарном запасе языка науки см. также Ergk 1972 и Schade 1970.

¹² Примеры взяты из Kubczak 1976.

¹³ Ср. Baldinger 1960, особ. 535, и Henne 1976, особ. 101.

¹⁴ Ср. Baldinger 1964, 270; Wiegand 1970, 254.

¹⁵ Ср. Heger 1964. Относительно последующих замечаний ср. также Ballweg-Schramm 1978, особ. 6—10.

¹⁶ Мы сознательно отказываемся здесь от употребления термина «парадигма» в том его смысле, в котором он употреблялся последователями Л. Ельмслева — см., например, Henne — Wiegand 1969, Wiegand 1970, Henne 1972. Причиной этому является наша заинтересованность в том, чтобы объединить в один класс не только такие глаголы, которые взаимозаменяемы друг с другом в строго неизменном контексте (именно это и является условием, налагаемым на «парадигму» в указанном выше смысле), но также и такие глаголы, которые различаются своими морфо-синтаксическими валентностями и потому не являются в строгом смысле слова взаимозаменяемыми, как, например, mitteilen 'сообщать' и informieren 'информировать'.

¹⁷ Некоторые предложения по описанию «элементарных метакоммуникативных лексем» можно найти в работе Henne 1975, 50 и след. Однако под этим термином там понимаются только такие глаголы, которые «употребляются в функции обозначения типов актов языковой коммуникации» (с. 50. — *Разрядка наша*). Еще одна трудность сопоставления высказанных в упомянутой работе взглядов с изложенными здесь состоит в том, что указанные глаголы рассматриваются там как лингвистические термины. Хенне упоминает также некоторые дополнительные критерии различения значений глаголов, которые, впрочем, не подвергаются общей иерархизации. В качестве «решающего дихотомического разбиения» (рис. 51) он предлагает подразделение понятия «участвовать в языковой коммуникации» на два подпонятия, относящихся к устной и письменной формам языка. К вопросу о иерархизации см. также обсуждение доклада Виганда в сб. «Praxis der Lexikographie. Berichte aus der Werkstatt», H. Henne (Hg.), Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1979.

¹⁸ Объяснения к схеме словарной статьи основываются на более ранней редакции, представленной в работе Projektgruppe Verbvalenz 1976, 72—80.

¹⁹ Примеры таких альтернативных толкований приводятся ниже, в приложении к перечню единиц, используемых в описаниях.

²⁰ Приводимые ниже определения взяты из работы Projektgruppe Verbvalenz 1977.

РУССКИЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ. ВВЕДЕНИЕ

0.0. Трудно найти аспект, который занимал бы более важное место в описании русского языка, чем русская деривационная, или словообразовательная, морфология. Так, тип словоизменения суффиксального производного, как правило, однозначно определяется суффиксом: если известен суффикс, с помощью которого образовано данное слово, то мы почти во всех случаях можем предсказать полную парадигму словоизменения (случаи, когда эта парадигма частично определяется производящей основой, сравнительно редки. Ср., однако, производные с уменьшительным {-к}, которые имеют мужской или женский тип склонения в зависимости от рода исходной лексемы, например *ручка*, *ручки* от *рука*, но *городок*, *городка* от *город*). Порождающий синтаксис в значительной степени опирается на данные деривационной морфологии, поскольку в таких трансформациях, как номинализация и пассивизация, участвуют лексемы, связанные словообразовательными отношениями, например, *студенты читают книги* → *чтение книг студентами*; *солдат убил студента* → *студент был убит солдатом*. Наконец, в процессе системного описания лексики необходимо учитывать как сочетаемостные характеристики, так и значение морфем, формирующих словообразовательные гнезда русского языка. И все же, несмотря на исключительную важность деривационной морфологии для описания словоизменения, синтаксиса и лексики, она остается одной из наименее исследованных областей русского языка.

0.1. Недостаток внимания к русскому словообразованию и сравнительно низкое качество полученных в этой области результатов обусловлены причинами как теорети-

Dean S. W o r t h. Introduction.— «Russian Derivational Dictionary», by D. S. W o r t h, A. S. K o z a k, D. B. J o h n s o n, American Elsevier Publishing Company, Inc., New York, 1970.

ческого, так и практического характера¹. С точки зрения теории недооценка роли, которую играет в словообразовании глубинная структура основ (т. е. структура непосредственных составляющих), в итоге привела к упрощенному «бинаризму», неспособному объяснить морфонологические закономерности (см. W o r t h 1968). Господствующая точка зрения на словообразование как на однонаправленный процесс, при котором каждое слово соотносится лишь с тем (единственным) словом, от которого образовано, и с тем словом или теми словами, которые образованы непосредственно от него, не отражает реальной картины сложных отношений в структуре словообразовательного гнезда. Обычно принятое представление об основах и аффиксах как о цельных фоносемантических сущностях, а не пучках фонологических, грамматических и семантических различительных признаков породило описания, которые часто бывают скорее импрессионистичны, нежели точны. Наконец, едва ли опрометчиво утверждение, что в существующих описаниях возможны и другие, быть может, более значительные упущения, которые мы пока не осознаем.

0.2. Неадекватность теории словообразования до некоторой степени объясняется и чисто практическими причинами, вызванными сложностью обработки языкового материала. При исследовании морфологии словоизменения проблемы обработки данных сравнительно легко разрешимы, так как число флексий невелико, а количество и сложность словоизменяемых типов ограничены. Поэтому, в частности, разделение всех русских существительных на классы, согласно типам их словоизменения,— задача, в общем-то, несложная, хотя и требующая много времени. Выполнив такую работу, исследователь может заняться более интересными проблемами — проблемами значения и соотношения грамматических категорий, установления корреляций между формальными и семантическими чередованиями и т. д. (ср., например, J a k o b s o n 1958, З а л и з н я к 1967, S t a n k i e w i c z 1968). Точно так же не составит особого труда и классификация русских глаголов по наборам окончаний при спряжении, и после решения этой технической задачи можно обратиться к таким фундаментальным проблемам, как, скажем, морфонологическая предсказуемость (J a k o b s o n 1948, H a l l e 1963). Что же касается словообразовательной морфологии, то тут ситуация иная, несравненно более сложная. Здесь и число морфем

больше, и их сочетаемость задается менее строгими правилами. Кроме того, при построении словообразовательной парадигмы ведущую роль, очевидно, играют семантические признаки, о которых мы практически ничего не знаем. Из-за расплывчатой семантико-грамматической природы словообразовательных морфем русские словообразовательные парадигмы менее жестко разграничены, чем парадигмы склонения или спряжения: легко разбить русские существительные на несколько основных типов склонения (и составить список гетероклитик), но, насколько мне известно, никто никогда не пытался построить полную классификацию словообразовательных гнезд русского языка. Кажущаяся неструктурированность, «рыхлость» словообразовательных отношений очевидным образом проявляется в чисто практических трудностях оперирования материалом. Ясно, что нельзя начать серьезное изучение словообразования до тех пор, пока нет достаточно исчерпывающей информации о распределении каждого корня и аффикса. Но и такого элементарного инструмента описания у нас до сих пор нет. Обычные словари дают обширный, но отнюдь не исчерпывающий материал для изучения начальных аффиксов². Обратные словари дают нам сходный материал о терминальных аффиксах (ср. Bielfeld 1958, Vasmér 1958). Однако нет источника, который содержал бы приставки, отсутствующие в начале слова, или суффиксы, которые не встречаются в конце основы, не существует также ни одной работы, к которой можно было бы обратиться для выяснения хотя бы приблизительного списка русских корней вместе с их словообразовательными гнездами³. Отсутствие таких основных инструментов исследования побудило нас к созданию настоящего варианта Русского словообразовательного словаря (РСС) и проведению связанных с ним исследований. Важно подчеркнуть, что такой словарь представляет собой не научное описание морфологии русского словообразования, а один из инструментов исследования, который в будущем позволит осуществить такое научное описание. Прежде чем обсуждать структуру словообразовательного словаря, остановимся вкратце на истории его создания.

1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ

1.0. Словообразовательный словарь русского языка — это результат работы, которая длилась около семи лет.

1.1. Выбор исходного материала. Когда в 1962 г. было решено начать работу над РСС, в первую очередь встала проблема хорошего словника. В то время на машинных носителях RAND хранилась в основном только терминологическая русская лексика (из текстов по физике и астроботанике), мало пригодная для анализа структуры словообразования современного русского литературного языка (СРЛЯ). Поскольку ценность РСС отчасти определяется полнотой и актуальностью составляющего его языкового материала, важно было найти источник, содержащий возможно большее количество лексем СРЛЯ. Лучшим толковым словарем, которым мы располагали, был словарь Ушакова (У ш а к о в 1940) объемом около 85,5 тыс. слов. Такой объем казался нам, однако, не вполне представительным. Но включать дополнительные слова из единственного (помимо словаря Ушакова) доступного нам в то время большого словаря, словаря В. И. Даля (Д а л ь 1956), значило бы расширять словник за счет диалектных слов, не говоря уже о неологизмах, которые в большом количестве содержатся в этом фундаментальном словаре. Только один словарь казался нам достаточно представительным и в то же время современным — одотомный орфографический словарь (ОС) под редакцией Ожегова и Шапиро (1959). Несмотря на некоторые неточности (пропуски и опечатки), считается, что ОС верно и полно отражает языковые факты СРЛЯ ⁴.

1.2. После того как корпус слов был выбран, первоочередной задачей стала, как тогда казалось, сравнительно простая операция записи его на магнитные ленты, с тем чтобы иметь возможность обрабатывать эти слова с помощью компьютера. ОС содержит около 110 тыс. слов; они должны были быть перенесены на перфокарты ИВМ (каждое слово отперфорировано дважды и соответствующие перфокарты выверены друг с другом во избежание ошибок при набивке) и затем переведены на магнитную ленту. Однако прежде, чем начать перфорирование, мы должны были принять важное решение относительно процедуры составления словаря, а именно: необходимо было выбрать ручной или машинный способ деления этих слов на морфемы. Перед нами было две возможности:

(1) разделить 110 тыс. слов на морфемы вручную, отметить границы между морфемами на перфолентах и иметь информацию о морфемных швах на магнитной ленте с самого начала;

(2) отперфорировать 110 тыс. слов такими, какие они есть, с небольшой редакцией или без какой-либо обработки вообще, а затем, перенеся слова на магнитную ленту, сегментировать их с помощью машины по программе, написанной специально для этой цели.

Трудности, возникающие при выборе первой возможности, несколько большие, чем это кажется на первый взгляд. При автоматическом сегментировании процедура приписывания морфемных швов полностью формализована, так как каждый шов определяется специальным набором раз и навсегда установленных правил. Но такая полная формализация этой процедуры дает в результате значительное число неправильных — если не сказать нелепых — морфемных швов. С помощью процедуры автоматической сегментации, которая неизбежно опирается только на орфографическую запись лексем, а не на всю грамматическую информацию, которой обладает ученый, невозможно распознавать морфемы, а поэтому нельзя отличить, скажем, *до-* морфему от *до-* слога, так что *доцент* будет члениться на *до + цент* точно так же, как и *до + прос*, *до + говор* и т. п. Аналогичным образом правила сегментации, которые членят *дозволять* на *до + з + вол + я + ть*, заставляют нас представить *дозировать* как *до + з + ир + ов + а + ть*. Ясно, что после такой автоматической сегментации потребуется существенная доработка. Однако иное решение привело бы к значительно большим трудностям. Деление всех слов на морфемы вручную перед записью их на перфокарты позволит избежать такого рода нелепостей и в итоге даст отвечающие инструкции лингвиста морфемные швы для каждого отдельного слова. Но такие границы между морфемами будут проводиться по большей части *ad hoc*, так как исследователь будет руководствоваться в своих решениях собственными представлениями о грамматике языка, которые он сам не сможет формализовать. Другими словами, сегментация вручную хотя и привлекательна, но непоследовательна, тогда как машинная сегментация последовательна, но не столь привлекательна. Составители РСС потратили много времени, пытаясь остановиться на каком-нибудь из двух альтернативных решений этой проблемы, причем выбор способа сегментации был всего лишь первым этапом. Бесконечные частные дискуссии относительно того или иного морфемного шва, выделения корня в слове, выделения основы, производных корней (*occurrence roots*) заставляли нас балансировать между интуицией и правилом,

здравым смыслом и формализацией. Так как слова «интуиция», «здравый смысл» являются всего лишь ярлыками для неописанных языковых явлений и одна из целей РСС способствовать обнаружению некоторых механизмов, управляющих нашей интуицией, мы старались избегать неформальных решений при анализе материала. Тем самым большинство принятых решений опирается на установленные формальные правила, даже если иногда результат их применения противоречит интуиции. Изучение тех случаев, когда лингвистическая интуиция и применение формальных правил приводят к одним и тем же результатам, даст возможность открыть нечто новое о правилах (до сих пор не формализованных), лежащих в основе наших интуитивных представлений. Приведем простой пример. Если мы считаем возможным членить слово *доцент* на *до+цент*, мы должны доказать, чем «ложная» морфема *цент* отличается от «подлинных» морфем *прос* (в *до+прос*) и *говор* (в *до+говор*), т. е. мы обязаны эксплицировать свое знание русской грамматики достаточно ясно и формально, приводя, например, в качестве доказательств последовательности типа: *рас+с+прос*, *с+прос+ить*, *пере+с+прос+и+ть*⁵.

По вышеуказанной причине решено было перфорировать корпус ОС без предварительной обработки и выполнить первичную сегментацию с помощью ЭВМ после того, как 110 тыс. слов будут записаны на магнитную ленту. Операция перфорирования — набивка около 220 тыс. перфокарт (как уже было сказано, во избежание ошибок каждое слово набивалось дважды) — потребовала около 1000 часов работы операторов (каждый из двух операторов работал ежедневно соответственно в течение двух и полутора месяцев). За это время были подготовлены правила предварительной сегментации.

1.3. Первые правила сегментации. Поскольку было принято решение перфорировать ОС в необработанном виде и провести сегментацию на морфемы с помощью вычислительной программы, то на следующем этапе необходимо было подготовить такую программу, т. е. попытаться частично формализовать те правила, которые позволяют носителям русского языка отличать морфемы от омографичных им последовательностей букв. Ограниченность возможностей исследователя при формализации этой части русской грамматики была ясна с самого начала: так, например, было понятно, что наши знания семантики нельзя использовать

для решения этой задачи. Тем не менее мы приступили к работе по подготовке правил автоматического сегментирования с непоколебимой уверенностью в успехе, уверенностью, которую полученные результаты оправдали лишь частично. Так, например, по предварительным оценкам, «достаточно детальные правила аффиксальной сегментации . . . по крайней мере в 95% случаев должны были приводить к адекватному членению на морфемы» (из материалов рабочего проекта 1962 г.). Но выборочная проверка результатов первого автоматического сегментирования показала, что реальная цифра ближе к 73%, поэтому около 17% слов, подвергнутых машинной обработке, должны были быть вторично обработаны, поскольку они были либо неверно сегментированы, либо вообще не разделены на морфемы. Другой чересчур оптимистичный прогноз состоял в том, что предполагаемые 5% ошибок можно в основном исправить на компьютере простым расширением исходной программы сегментации, которое бы учло более тонкие различия, ускользнувшие при подготовке первоначального списка морфемных швов. Выяснилось, однако, что большинство исправлений должно быть внесено вручную, и притом *ad hoc*. Другими словами, оставшаяся неописанной часть русской грамматики оказалась значительно большей, чем предполагалось вначале. Эта ситуация не раз повторялась и на последующих стадиях проекта РСС: после первоначальной обработки данных на ЭВМ были необходимы значительные исправления, которые делались вручную. Несмотря на то, что у нас нет никаких сомнений в правильности нашего исходного решения производить сегментацию не вручную, а с помощью машины, потенциальная точность такого рода автоматических операций сейчас может быть оценена гораздо более реалистично, нежели в 1962 г.

1.3.1. Деление на отрезки (Division into fields). В ходе работы было решено разделить каждое русское слово на три отрезка: (1) корневой сегмент (не обязательно этимологически корневой, хотя корни, выделяющиеся на синхронном уровне, как правило, соответствуют этимологическим корням); (2) предкорневой сегмент, содержащий все приставки и первые компоненты сложных слов⁶; (3) посткорневой сегмент, содержащий все суффиксы и окончания, если они есть. Предкорневой и посткорневой отрезки могут быть (и часто бывают) нулевыми; то же справедливо (хотя и встречается значительно реже) и для корневых отрезков (в дополне-

ние к вошедшему во все учебники примеру *вы + ø + ну + ть* ср. такие акронимы, как *метизы* <металлические из/дел/ия, *торгпредство* > *торговое пред/ста/вительство*, *неуд* <неудовле/твор/ительно и т. д.). Правила сегментации были построены как для предкорневых, так и для посткорневых отрезков. Для предкорневых сегментов было детально изучено распределение приставок по ОС и на этой основе выработаны правила; для посткорневых сегментов источником материала послужил обратный словарь Фасмера (V a s t e g 1958). В обоих случаях был разработан предварительный вариант правил, степень эффективности которых определялась по материалам словаря. Затем в правила были внесены необходимые изменения с целью достижения большей адекватности описания.

1.3.2. Префиксальная сегментация. Высокочастотные приставки могут быть выделены с помощью простых правил и с достаточно высокой степенью точности; чем ниже частотность приставки, тем вероятнее, что найдется омографичная ей корневая цепочка. Для приставки *на-*, например, было получено около 6200 правильных морфемных швов с помощью простых правил, выделяющих все начальные *на-*, кроме тех, за которыми следует *и*, *рк*, *ту*, *ци* и *д* (ср. группу слов на *наи-* (приставка со значением превосходной степени), а также *наркоз*, *натура*, *нация* и приставка *над-*). Эффективность автоматического сегментирования гораздо менее очевидна для приставок с более низкой частотностью, таких, как только что упомянутая приставка *над-*, поскольку процент омографов (но не их абсолютное число) значительно выше. Так, слова, начинающиеся с *над-*, могут иметь разные морфологические структуры: (1) вся цепочка *над-* может быть частью корня, например, *надо*, *надир* (астрономический термин <араб. *nazīr*), *надфиль* (маленький круглый напильник <герм. *Nadelfeile*); (2) *на-* может быть приставкой, а *д(о)-* — частью корня, ср. *надвог*, *надоить*, *надомница*; (3) *на-*, и *до-* могут быть приставками, *надо-* — сложная приставка *на-* + *до-*, например, *надоедать*, *надоумить*. Из 332 слов по ОС, начинающихся с *над-*, только 209 действительно содержат приставку *над-*, причем исследование этих 332 слов показало, что, если цепочкой *над-* следует одна из букв: *б*, *г*, *д*, *з*, *к*, *л*, *п*, *с*, *т*, *ф*, *х*, *ч*, *ш*, перед нами действительно приставка *над-*, тогда как, если за *над-* следуют *в*, *м* или *р*, сегментация не может

быть произведена автоматически, ср. *над-вивать* — *надвигать*, *над-рывать* — *надрызгать*, *над-могильный* — *надменный*, *над-* перед гласной практически никогда не бывает приставкой, ср., однако, *над-оконый*, *над-ындивидуальный* vs. *надымить*, а также некоторые случаи, когда *о* представляет собой морфонологический вариант {#} (т. е. чередование гласного с нулем), например, *надорвать* vs. *надрывать*. Различие результатов сегментации в случаях *б, г, . . . ш*, с одной стороны, и *в, р* — с другой, нельзя отнести к чисто случайным: в СРЛЯ на стыках некоторых морфем возможны только определенные последовательности букв (благодаря которым эти морфемы могут быть автоматически обнаружены). Исторически это членение отражает тот факт, что последовательности *дв, др* были возможны как начальные цепочки, которые могли сочетаться с приставкой *на-*, тогда как такие последовательности, как *дг, дб*, могли получаться только в результате присоединения приставки, оканчивающейся на *-дʹ*.

Таким образом, ясно, что приставки в подавляющем большинстве слов из ОС могут быть выделены автоматически. Ясно также, что чем менее часто повторяющаяся единица мы рассматриваем (ср. *над-* vs. *на-*), тем более вероятно, что по крайней мере некоторые правила сегментации будут давать вместо нее на выходе случайную цепочку графических символов.

1.3.3. Суффиксальная сегментация. Процедура суффиксальной сегментации в основном совпадала с процедурой выделения приставок, хотя здесь ситуация была несколько более сложной. Основной механизм словообразования во всех славянских языках — суффиксация — оставил в наследство СРЛЯ огромное число суффиксальных элементов и сложных суффиксов, морфологический статус составных частей которых далеко не всегда определен. Существительные среднего рода на *-ие*, например, образуются с помощью *-ие, -ствие, -лие, -ние, -ание, -яние, -вание, -ивание, -ывание, -евание, -ование, -ирование, -изирование, -ствование, -енствование, -ествование, -ение, -ование, -ковение, -новение, -отение, -чение, -тие, -стие, -утье, -нутие*, и нельзя для каждого конкретного случая априорно определить, можно ли считать такую «удлиненную» последовательность последовательностью суффиксов или же она представляет собой один нечленимый суффикс. Разумеется, можно было бы возра-

зять, что такие взаимоисключающие решения (или — или) теоретически недопустимы, что сегменты типа *-изирование* представляют случаи множественной структурной омонимии, *-изирова-ни-е*, *-изир-ова-ни-е*, *-из-ирова-ни-е*, *-из-ирова-ни-е* и т. д. Тем не менее практическая необходимость в таких решениях (либо посткорневые отрезки членимы, либо нет) остается. Во всех подобных случаях цепочки членились до самого конца, т. е. сложные суффиксы разбивались на минимальные теоретически допустимые составляющие, независимо от НС-структуры посткорневого элемента в каждом отдельном случае. Такое решение было принято для того, чтобы в последующих исследованиях можно было определить сочетаемостные характеристики таких минимальных единиц. Мы пришли к выводу, что само описание структурной омонимии в таких случаях осуществимо лишь на основе дистрибутивного анализа ⁸.

1.3.4. Так как программы, обеспечивающие сегментацию предкорневых и посткорневых отрезков, представляют сравнительно небольшой лингвистический интерес, мы не будем здесь останавливаться на их обсуждении. В результате применения этих программ мы получили словник ОС, где каждое из 110 тыс. слов было разбито на морфемы (предположительные), причем обычный прямой алфавитный порядок (слева направо) сохранился. Для удобства назовем этот этап первой ступенью РСС (РСС—I). В корректуре РСС — I представлял собой сегментированные на морфемы слова ОС, при каждом из которых приводится номер слова на странице ОС и номер самой страницы:

	/дух/	86	250
	/духан/	87	250
	/духан/щик	88	250
	/духан/щиц а	89	250
	/дух/ и	90	250
дух	о/бор/	1	251
дух	о/бор/к а	2	251
дух	о/бор/ств о	3	251
дух	о/бор/ ч е ск ий	4	251
дух	о/бор/ ч е ств о	5	251
	/дух/ ов ен ств о	6	251
дух	о/вид/ец	7	251
дух	о/вид/иц а	8	251
	/дух/ ов ик	9	251
	/дух/ ов ит ый	10	251
	/дух/ ов к а	11	251
	/дух/ ов н ик	12	251

РСС — I был, конечно, лишь первым приближением к правильно сегментированному варианту ОС, сегментация была проведена примерно на уровне школьного словообразовательного словаря (Потиха 1964), так как морфемные швы около 27% слов в РСС — I нуждались в пересмотре. Внесение большого числа таких индивидуальных исправлений в текст, представляющий собой результат машинной сегментации, составляло большую часть работы по подготовке следующей стадии РСС.

1.4. Подготовка второй стадии РСС. Следующая стадия подготовки РСС состояла из двух процедур, благодаря которым: (1) результаты первичной сегментации должны были быть откорректированы и исправлены; (2) 110 тыс. слов ОС должны были быть распределены по гнездам таким образом, чтобы все слова, образованные от одного корня, выделяемого на синхронном уровне, были объединены.

1.4.1. Чтение корректуры и правка РСС — I оказались весьма трудоемкой работой, потребовавшей выверки значений по толковым словарям и БСЭ, а также подготовки перфокарт IBM, на которые были перенесены соответствующие исправления. 30 тыс. ошибок были разбиты на несколько типов. Почти все типы ошибок возникали из-за тех или иных случаев омографии. Часто оказывалось, что слова, нерасчлененные на морфемы в процессе первичной сегментации, содержали легко выделяемые аффиксы: /абонент/, например, был сегментирован как /абон/ент, так как существует глагол /абон/ир ов а ть; аналогично /агломерат/ членился как а/гломер/ат при сопоставлении с такими словами, как кон/гломерат/ и а/гломер/ир ов а ть. В других случаях нужно было, напротив, восстанавливать структуру слова, которое было сегментировано, хотя в этом и не было необходимости; например, слово /абисс/ин к а, где сегмент ин был выделен по тем же правилам, что и ин в слове /бисер/-ин к а, следовало восстановить как /абиссин/к а. При таком членении приставки нередко оказывались частью корня (ср. в/неулиц/н ый должно было быть восстановлено как вне/улиц/н ый; точно так же: вод о под/готов/к а→вод о под/готов/к а, в раз/нобо/й→в раз но/бо/й, вы/шеотмеч/е нн ый→выш е от/меч/е нн ый⁹ и т. д.). Еще чаще корень принимается за предкорневой сегмент (например, во/гул/→/вогул/ (название народности), во/ни/ть→/воп/и ть, вс/как/а ть→в/скак/а ть,

вы/с/и ть ся → /выс/и ть ся, де/мон/ → /демон/ и др.). Похожие ситуации нередко возникают и с суффиксами: суффиксальные сегменты не распознавались как таковые, так как не отделялись от корня (например, за/душев/н ость → за/душ/ев н ость, ис/кровав/ить → ис/кров/ав и ть), а части корней ошибочно считались суффиксами (например, в/плыва/ть → в/плыв/ать, вс/кр/ик → вс/крик/, /г/а ть → /гат/ь, /г/ост ь /гост/ь). Довольно часто в результате такого безостановочного механического разрезания на сегменты русские слова оставались вообще без корней — ситуация, которая требовала особого внимания (например, вз/ля ть → вз/я/ть, в//л ива ть (с л эпентетикум!) → в/ли/ва/ть, воз//н иц а → /воз/н иц а, вы//ть → вы/ть; появление «ложных» сложных слов типа благо//ост ь и голов о//о ньк а вызвано тем, что о в -ост- и -оньк- было воспринято как соединительная гласная, тогда как эти слова должны члениться соответственно как /благ/ост ь и /голов/оньк а). Иногда правила сегментации, по сути дела, восстанавливали этимологические связи, утраченные в современном русском языке: по образцу /рв/а ч — /рв/а ть компьютер образовал /вр/а ч по аналогии с /вр/а ть, на существование этимологической связи между которыми указывал Фасмер (V a s t e r 1955). При исправлении РСС не обошлось без курьезов. Уменьшительное *паклёнок* ('вид клена') (от *паклён*), согласно результатам машинного сегментирования, содержало суффикс со значением 'детеныш животного' -ёнок, так что *паклёнок* было проанализировано машиной как 'молодой пакл'. Скандинавское заимствование *нарвал* (< narval) выглядело так, как если бы это было суффиксальное производное на -ал от приставочного глагола *нарвать*: на/рв/ал. Слово *полосушка*, образованное от *полос(атый)*, было представлено как сложное слово, содержащее корень *сух*, -пол о/суш/к а. Слово *демонология* выглядело как *де моно /лог/и я* (т. е. 'демонологизация'), а *дом о/дел/ь ный* ('домашнего производства') превратилось в *до-модель ный* — *до/модель ный*. Те же самые правила сегментации, которые давали абсолютно законные результаты для пар *аккумулятор* — *аккумуляция* и *альтернатор* — *альтернация*, вели к смешению зоологического термина *аллигатор* и коммерческого термина *аллигация*, превращали *противообледенитель* в *против о/блед/ен и тель* (т. е. 'средство от бледности'). Все эти аллигаторы от коммерции и несуществующие средства от бледности — не просто повод для улыбки, они заслуживают более серьезного внимания как машинный аналог народной этимологии.

Неожиданно большого числа исправлений потребовали слова, причины неправильной сегментации которых оставались неясны. В явно идентичных окружениях одна и та же единица подвергалась различной сегментации в сходных словах, например *бес со/зн/а тел ь н ост ь*, но *бес со/зна/тел ь н ый*, *в/д/ев а л ь ный*, но *в/де/ва ни е*, */вульгар/ из ат ор и вульгар/из ат ор ск ий*, но */вульгариз/ ат ор ств о*, *в/шив/ок*, но *в/ш/ив ать*, а также *в/ши/в оч н ый*. Некоторые из этих случаев, без сомнения, обязаны своим появлением неточности или непоследовательности в правилах сегментации, другие же (не всегда поддающиеся обнаружению) возникали в результате различных ограничений, присущих машинному языку и правилам автоматической сегментации. Явные непоследовательности, вроде тех, что содержатся в вышеприведенных примерах, не могут быть случайными (в работе такого рода ничто не бывает случайным), однако обнаружение их причин потребовало бы невероятных усилий, и поэтому в большинстве случаев ошибки были просто исправлены вручную.

1.4.2. Вторая часть задачи по работе над стадией РСС— II заключалась в перегруппировке 110 тыс. слов по словообразовательным гнездам. Это было сравнительно простым делом и для его выполнения потребовалось только, чтобы в исправленном варианте РСС — I корневые отрезки (а не слова целиком) были упорядочены по алфавиту слева направо. Например, слова с корнем */бар/* были собраны вместе таким образом, что они предшествовали группе слов с корнем */барабан/*, которая в свою очередь предшествовала группе слов с корнем *(баран)* и т. д. Отдельные слова внутри каждой из таких групп были упорядочены по алфавиту (слева направо), причем ноль считался первой буквой алфавита. Так, все бесприставочные образования от корня */барабан/* предшествовали приставочным, которые в свою очередь тоже были упорядочены по алфавиту. Наконец, слова с одной и той же приставкой были упорядочены по суффиксальному отрезку. В результате этих процедур были получены словообразовательные гнезда, например гнездо с корнем */барабан/*:

/барабан/
/барабан/ и ть
/барабан/ н ый
/барабан/ чик
/барабан/ щик

/барабан/ щц а
за/барабан/ и ть
от/барабан/ е нн ый
от/барабан/ и ть
по/барабан/ и ть
про/барабан/ е нн ый
про/барабан/ и ть
суш и ль н о/барабан/ н ый

Каждое такое словообразовательное гнездо получило имя корня, на основе которого оно построено. По причинам, которые будут объяснены ниже, эта первая помета была названа производным корнем.

Подготовкой полного корпуса слов, исправленных и упорядоченных по гнездам, завершилась стадия РСС—II. Это не было еще концом работы.

1.5. Подготовка стадии III. Хотя РСС—II уже во многом походил на словообразовательный словарь того типа, который был предусмотрен в проекте, он все же обладал существенными недостатками. Один из них тот, что операции над цепочками букв не позволяли различить корни-омографы. Это привело к тому, что полученные словообразовательные гнезда в действительности представляли собой объединение двух или более различных гнезд. Проблема омографов была решена путем просмотра всего корпуса РСС, в котором различные корни-омографы были снабжены специальными пометами. Так, корень *вод* был расщеплен на *вод 1* ('водить') и *вод 2* ('вода'), что позволило в последующем варианте отдельно сгруппировать слова, образованные от каждого из этих двух корней.

1.5.1. Другой крупный недостаток РСС—II виден на примере группы слов с корнем *вож*. Из-за большого количества сложных морфонологических чередований в СРЛЯ (морфологические чередования в СРЛЯ сложнее в словообразовании, чем в словоизменении) слова, этимологически принадлежащие одному и тому же корню, разбросаны небольшими группами по всему словарю. Например, в словах, образованных от корня со значением 'носить', представлены следующие графические варианты корня: *наш* (*изнашивать*), *нес* (*нести*), *нос* (*броненосец*) и *нош* (*отношение*). Далее, корни *наш* и *нос* имеют омографы: *наш* — местоимение и *нос* — существительное со значением 'часть' тела. Очевидно,

что необходимо было приписать все графические варианты корня к некоторой произвольно выбранной канонической форме, обозначенной как базовая. Так, все варианты корня со значением 'нести' (*наш, нес, нос, нош*) были отнесены к базовому корню *нос 1* ('нести'), что позволило отличить его от омографа *нос 2* ('нос'). Выбор конкретной формы в качестве канонического корня был в каждом случае до некоторой степени произвольным, и решения относительно вида базового корня в основном определялись стремлением избежать омографов среди базовых корней (т. е. устранить необходимость в цифровых пометах при базовых корнях). Поэтому в тех случаях, когда оба корня были равно приемлемы в качестве базовых, выбирался обычно тот из них, который встречается в большем количестве русских слов. Оглядываясь назад, можно сказать, что эта процедура, по-видимому, довольно далека от идеала; критерий морфонологической выводимости дал бы более удовлетворительные результаты. Сказанное означает, что необходимо выбирать в качестве базового корня такой, который обеспечит выводимость всех слов данного гнезда с помощью наиболее простого набора правил; чисто количественный критерий здесь гораздо менее важен. Эта точка зрения на оптимальный выбор базового корня вырабатывалась постепенно, по мере того как исследователи воспринимали генеративные взгляды на словообразовательную морфологию. Некоторые базовые корни были заменены при дальнейшей редакции, но известная непоследовательность все же остается и в окончательном варианте РСС. Как бы то ни было, это не является серьезным недостатком, поскольку нет никаких оснований предполагать, что идеальное с научной точки зрения представление базового корня в каждом случае будет совпадать с графической записью какого-то одного варианта корня в данном гнезде или непосредственно выводиться из него (ср., например, многие русские словообразовательные гнезда, базовый корень которых содержит в своем представлении чередование гласного с нулем; ср. также абстрактный гласный среднего подъема в гнезде *нес/нос*, о котором говорилось выше) ¹⁰.

1.5.2. После того как были устранены все омографы (как среди базовых, так и среди производных корней) и все графические варианты корней были приписаны к соответствующему базовому корню, стадия РСС—III была завершена. РСС—III содержал 110 тыс. слов из ОС, алфавитно упорядо-

ченных по базовым корням. Внутри каждого словообразовательного гнезда все слова сгруппированы по производным корням, также расположенным в алфавитном порядке. Отдельные единицы, образованные от данного производного корня, расположены в алфавитном порядке, как описано в разделе 1.4.2. РСС—III имел примерно следующий вид:

Базовый корень	Производный корень	Сегментированные лексемы
нос 1	наш 1	<i>вы/наш/ива ни е</i>
		<i>вы/наш/ива ть</i>
		<i>вы/наш/ива ть ся</i>
		<i>до /наш/ива ни е</i>
	
	
	нес	<i>с /наш/ ива ть ся</i>
		<i>вз/нес/ е нн ый</i>
		<i>вз /нес/ ти</i>
		<i>вз /нес/ ти сь</i>
.....		
.....		
нос 1	<i>у /нес/ ш ий</i>	
	<i>авиа /нос/ ец</i>	
	<i>бацилл о /нос/ и тел ь</i>	
	<i>бацилл о /нос/ и тел ь ств о</i>	
.....		
.....		
нош	<i>яйц е /нос/ н ы й</i>	
	<i>взаим о от /нош/ е ни е</i>	
	<i>воз /нош/ е ни е</i>	
.....		
.....		
нос 2	нос 2	<i>со от /нош/ е ни е</i>
		<i>без /нос/ ый</i>

В этом варианте—РСС—III — почти не было серьезных систематических ошибок, и, вероятно, его уже можно было опубликовать. Однако появилась возможность улучшить и этот вариант, поэтому было решено пройти еще один этап на пути к словообразовательному словарю в его окончательном виде.

1.6. Подготовка РСС—IV. В качестве инструмента для исследования словообразовательной морфологии РСС—III уже являлся уникальным (по сравнению с обычным и обратным словарями, описанными в разделе 0.2), так как он содержал большой список слов СРЛЯ, разбитых на слово-

образовательные гнезда. Поскольку эта основная задача была выполнена, последующие изменения явились, по сути дела, лишь шлифовкой, цель которой состояла в том, чтобы упорядочить слова внутри каждого гнезда более адекватным в словообразовательном отношении способом, чем во многом неудобный прямой алфавитный порядок РСС—III. Для этого были предприняты следующие шаги: сложные слова были переупорядочены в соответствии со своими словообразовательными основами, а предкорневые сегменты, отличные от компонентов сложного слова, были после этого вновь упорядочены по алфавиту.

1.6.1. Переупорядочение сложных слов. В РСС — III все предкорневые элементы трактовались одинаково. Не учитывалась разница между приставками (*в-*, *из-*, *про-*), префиксоидами (*сверх-*, *анти-*, *полу-*) и первыми компонентами сложных слов (*витамин-* в слове *витамин о/акт/ив н ый*, *нефт-* в *нефт е/баз/а*, *звук-* в *звук о вос про из /вед/ е ни е* и т. д.). Все слова, содержащие такие предкорневые сегменты, были упорядочены в алфавитном порядке. Вот почему сложное слово в печатном тексте словаря часто отстояло далеко от своей производящей основы, а когда базовый корень имел несколько производных сложных слов, они могли быть отделены друг от друга приставочными производными. Это иллюстрирует таблица 1 (а), где сложные слова *грузовладелец*, *дачевладелец*, *домовладелец*, *землевладелец*, *извозовладелец*, *коневладелец*, *рабовладелец*, *садовладелец*, *судовладелец*, *товаровладелец* и *шахтовладелец* не только находятся довольно далеко от своей производящей основы *владелец*, но и к тому же отделены друг от друга сложными словами, образованными от другой основы, *владение*, обычными (простыми) приставочными производными (*завладеть*, *овладеть*...). Представляется очевидным, что, как бы ни были велики трудности передачи многомерных словообразовательных отношений в крупных гнездах на двумерной печатной странице, все же при построении РСС—III было предпринято слишком мало усилий для их преодоления. Поэтому было решено переупорядочить сложные слова так, чтобы каждое сложное слово следовало непосредственно за простым, от которого оно образовано.

На первом этапе переупорядочения сложных слов необходимо было отделить приставки от элементов сложных слов (все префиксоиды рассматривались в данном случае

как элементы сложных слов). Для этого был составлен (закрытый) список приставок, и все единицы, не попавшие в этот список, были отнесены к элементам сложного слова. В таблице I (а)—I (б) показаны исходная ступень и конечный результат такого переупорядочивания: в таблице I (а) воспроизводится фрагмент РСС—III; в таблице I (б) элементы сложного слова перемещены в предкорневой отрезок. В новом варианте РСС сложные слова, образованные от основ *владелец*, *владелица*, *владельческий* и *владение*, стоят в алфавитном порядке непосредственно после каждой из этих основ.

Такое переупорядочение дало некоторые преимущества по сравнению с исходным вариантом — РСС—III. Кроме того, само переупорядочивание помогло нам увидеть проблему, о которой лишь вскользь упоминается в литературе¹¹. На самом же деле эта проблема гораздо глубже и представляет значительно больший теоретический интерес, чем принято считать. Даже из того ограниченного материала, который приведен в I (б), ясно, что многие сложные слова в русском языке являются суффиксальными производными: *домовладелица* и *домовладельческий* — не просто сложные слова, образованные соответственно от *владелица* и *владельческий*, но также и суффиксальные производные от *домовладелец*, так что рассматривать эти слова только как сложные — значит пренебрегать другими существенными для русского языка словообразовательными отношениями. В отдельных случаях можно было бы считать слова с такой омонимичной структурой либо сложными словами от суффиксальных производных, либо суффиксальными производными сложных слов, т. е. представляющими только одну из двух возможных НС-структур: С (RS) или (CR) S, где С — первый корень сложного слова, R — второй корень или префиксальная основа, S — суффикс. Например, *лавровишневый*, очевидно, прилагательное, образованное от *лавровишня*, а не сложное слово, образованное от *вишневый* (которое само является прилагательным от слова *вишня*). Напротив, *малоповоротливый*, несомненно, сложное слово от исходного *позоротливый*, т. к. слова * *малоповорот* в русском языке нет. Однако в большинстве случаев нет никаких оснований приписывать сложному слову, содержащему суффикс, ту или иную НС-структуру, и единственным теоретически последовательным решением было бы считать такие сложные слова образованными одновременно по двум разным моделям. Множественная (точнее, двойственная) деривация чрезвы-

Переупорядочение сложных слов

(а) РСС—III (первые элементы сложных слов и приставок не различаются)

/влад/ а т ь
 /влад/ е л ец
 /влад/е л иц а
 /влад/ е л ь ч е ск ий
 /влад/ е ни е
 /влад/ е тел ь
 /влад/ е тел ь н иц а
 /влад/ е т ь
 /влад/ ык а
 /влад/ ыч е ство
 /влад/ ыч е ств ов а т ь
 /влад/ ыч иц а
 /влад/ ыч н ый
 груз о /влад/ е л ец
 да ч е /влад/ е л ец
 да ч е /влад/ е л иц а
 дом о /влад/ е л ец
 дом о /влад/ е л иц а
 дом о /влад/ е л ь ч е ск ий
 дом о /влад/ е ни е
 за /влад/ е в а т ь
 за /влад/ а т ь
 зем л е /влад/ е л ец
 зем л е /влад/ е л иц а
 зем л е /влад/ е л ь ч е ск ий
 зем л е /влад/ е ни е
 из воз о /влад/ е л ец
 коп е /влад/ е л ец
 о /влад/ е в а т ь
 о /влад/ е в а т ь с я
 о /влад/ е ни е
 о /влад/ е т ь
 раб о /влад/ е л ец
 раб о /влад/ е л ь ч е ск ий
 раб о /влад/ е ни е
 сад о /влад/ е л ец
 сад о /влад/ е л ь ч е ск ий
 со /влад/ а т ь
 со /влад/ е л ец
 со /влад/ е л иц а
 со /влад/ е ни е
 со /влад/ е тел ь
 со /влад/ е т ь
 со /влад/ ыч е ств о
 суд о /влад/ е л ец
 суд о /влад/ е л ь ч е ск ий
 товар о /влад/ е л ец
 частн о /влад/ е л ь ч е ск ий
 шахт о /влад/ е л ец

(б) (первые элементы сложных слов перенесены в предкорневой отрезок)

/влад/ а т ь
 /влад/ е л ец
 груз о /влад/ е л ец
 да ч е /влад/ е л ец
 дом о /влад/ е л ец
 зем л е /влад/ е л ец
 из воз о /влад/ е л ец
 коп е /влад/ е л ец
 раб о /влад/ е л ец
 сад о /влад/ е л ец
 суд о /влад/ е л ец
 товар о /влад/ е л ец
 шахт о /влад/ е л ец
 /влад/ е л иц а
 да ч е /влад/ е л иц а
 дом о /влад/ е л иц а
 зем л е /влад/ е л иц а
 /влад/ е л ь ч е ск ий
 дом о /влад/ е л ь ч е ск ий
 зем л е /влад/ е л ь ч е ск ий
 раб о /влад/ е л ь ч е ск ий
 сад о /влад/ е л ь ч е ск ий
 суд о /влад/ е л ь ч е ск ий
 частн о /влад/ е л ь ч е ск ий
 /влад/ е ни е
 дом о /влад/ е ни е
 зем л е /влад/ е ни е
 раб о /влад/ е ни е
 /влад/ е тел ь
 /влад/ е тел ь н иц а
 /влад/ е тел ь н ый
 /влад/ е т ь
 /влад/ ык а
 /влад/ ыч е ств о
 /влад/ ыч е ств ов а т ь
 /влад/ ыч иц а
 /влад/ ыч н ый
 за /влад/ е в а т ь
 за /влад/ е т ь
 о /влад/ е в а т ь
 о /влад/ е в а т ь с я
 о /влад/ е ни е
 о /влад/ е т ь
 со /влад/ а т ь
 со /влад/ е л ец
 со /влад/ е л иц а
 со /влад/ е ни е
 со /влад/ е тел ь
 со /влад/ е т ь
 со /влад/ а т ь
 со /влад/ е л ец
 со /влад/ е л иц а
 со /влад/ е ни е
 со /влад/ е тел ь
 со /влад/ е т ь
 со /влад/ ыч е ств о

чайно распространена в русском языке, ср. из приведенных примеров:

Рис. 1

где C и S при стрелках — сокращения для операций слово-сложения и суффиксации соответственно (см. рис. 1). Причем это еще сравнительно простой случай двумотивированной деривации, ибо исходная основа часто сама является двумотивированным производным. Очевидно, что в обычном печатном издании невозможно адекватным образом изобразить двумотивированность, и, если мы не хотим принимать решение *ad hoc*, у нас есть только две возможности: либо трактовать все суффиксальные сложные слова как сложные слова, образованные от суффиксальных основ (как в I (б)), либо как суффиксальные производные от сложных основ. Исследование нескольких сот суффиксальных сложных слов показало, что последнее из этих двух решений более приемлемо, т. е. формы типа *домовладелица* в большинстве случаев правильнее считать суффиксальными производными от основ типа *домовладелец*, чем сложными словами от основ типа *владелица*. Таким образом, необходимо было пересмотреть правила перегруппировок сложных слов, чтобы первое по алфавитному порядку суффиксальное сложное слово (например, *домовладелец*) распознавалось как сложное (в данном случае, от *владелец*), а все последующие суффиксальные сложные слова (от *владелица*, *владельческий* и *владение*, несмотря на то, что все эти три слова существуют), как суффиксальные производные от сложного слова (*домовладелец*). Таблица II дает представление о том, как это было сделано: первые элементы сложных слов перенесены в предкорневой отрезок. В таком окончательном варианте сложные слова (*грузовладелец*, *дачевладелец*, *домовладелец*, *землевладелец* и т. д.) следуют в алфавитном порядке после своей деривационной основы *владелец*, но в отличие от таблицы I (б) все сложные слова с одним и тем же первым элементом приводятся непосредственно после первого такого слова. После сложного слова идут все его суффиксальные производные (например, за *домовладелец* идут его суффиксальные произ-

Переупорядочение сложных слов (первые элементы сложных слов перемещены в предкорневой отрезок)

	/влад/ е т ь	/влад/ е л и ц а
	/влад/ е л е ц	/влад/ е л ь ч е с к и й
груз о	/влад/ е л е ц	ча ст н о /влад/ е л ь ч е с к и й
да ч е	/влад/ е л е ц	/влад/ е н и е
да ч е	/влад/ е л и ц а	/влад/ е тел ь
дом о	/влад/ е л е ц	/влад/ е тел ь н и ц а
дом о	/влад/ е л и ц а	/влад/ е тел ь н ы й
дом о	/влад/ е л ь ч е с к и й	/влад/ е т ь
дом о	/влад/ е н и е	/влад/ ы к а
зем л е	/влад/ е л е ц	/влад/ ы ч е ст в о
зем л е	/влад/ е л и ц а	/влад/ ы ч е ст в о в а т ь
зем л е	/влад/ е л ь ч е с к и й	/влад/ ы ч и ц а
зем л е	/влад/ е н и е	/влад/ ы ч н ы й
из воз о	/влад/ е л е ц	за /влад/ е ва т ь
кон е	/влад/ е л е ц	за /влад/ е т ь
раб о	/влад/ е л е ц	о /влад/ е ва т ь
раб о	/влад/ е л ь ч е с к и й	о /влад/ е ва т ь с я
раб о	/влад/ е н и е	о /влад/ е н и е
сад о	/влад/ е л е ц	о /влад/ е т ь
сад о	/влад/ е л ь ч е с к и й	со /влад/ а т ь
суд о	/влад/ е л е ц	со /влад/ е л е ц
суд о	/влад/ е л ь ч е с к и й	со /влад/ е л и ц а
товар о	/влад/ е л е ц	со /влад/ е н и е
шахт о	/влад/ е л е ц	со /влад/ е тел ь
		со /влад/ е т ь
		со /влад/ ы ч е ст в о

водные *домовладелица, домовладельческий, домовладение*), и только потом дается новое сложное слово, следующее по алфавиту. И все-таки в окончательном варианте остаются две неточности (если не считать неадекватности линейного порядка при передаче полимотивированности, о чем мы уже говорили выше). Во-первых, сближение, например, слова *домовладелица* с *домовладелец* достигается ценой отдаления его от *владелица*, однако такое решение выглядит все же менее искусственным, чем предлагаемое в таблице I (б). Во-вторых, машина выбирает первое по алфавиту суффиксальное сложное слово данного производного корня и считает его исходным для некоторого подгнезда, не учитывая реальных отношений производности. Так, например, в результате указанной перегруппировки части гнезда с корнем /вишн/ мы получаем:

	/вишн/ е в к а
	/вишн/ е в оч к а
	/вишн/ е в ы й
гряз н о-	/вишн/ е в ы й
лавр о	/вишн/ е в ы й

лавр о /вишн/ я
 тем н о- /вишн/ ев ый
 /вишн/ я
 /вишн/ як

где *лавровишня* представляется как суффиксальное производное от *лавровишневый* (которое в свою очередь распознается как сложное слово от *вишневый*), а не считается сложным словом от *вишня*.

1.6.2. Описанная процедура перегруппировки сложных слов не затрагивает обычных (т. е. не являющихся первыми элементами сложных слов) предкорневых отрезков, так что порядок их расположения остался тем же, что и в РСС—III, прямым алфавитным. То, что такой порядок на самом деле не отражает словообразовательных отношений, становится ясно при одном взгляде на приведенный ниже фрагмент гнезда с корнем /вод/ I ('вести') — таблица III (а). Базовый корень /вод/ I встречается в 530 словах, начиная с *авиазавод* и кончая *яйцевод*. В приведенный ниже фрагмент вошли только инфинитивы на *-ить* от производного корня /вод/:

Таблица III

(а)	(б)
в /вод/ и ть	/вод/ и ть
вз /вод/ и ть	в /вод/ и ть
вод /вод/ и ть	вз /вод/ и ть
воз /вод/ и ть	воз /вод/ и ть
вос про из /вод/ и ть	вы /вод/ и ть
вы /вод/ и ть	до /вод/ и ть
вы /вод/ и ть	за /вод/ и ть
вы про /вод/ и ть	из /вод/ и ть
до /вод/ и ть	про из /вод/ и ть
за /вод/ и ть	вос про из /вод/ и ть
из /вод/ и ть	пере про из /вод/ и ть
на /вод/ и ть	на /вод/ и ть
низ /вод/ и ть	низ /вод/ и ть
об /вод/ и ть	об /вод/ и ть
от /вод/ и ть	от /вод/ и ть
пере /вод/ и ть	пере /вод/ и ть
пере про из /вод/ и ть	по /вод/ и ть
по /вод/ и ть	под /вод/ и ть
под /вод/ и ть	при /вод/ и ть
пере про /вод/ и ть	про /вод/ и ть
при /вод/ и ть	вы про /вод/ и ть
про /вод/ и ть	пере про /вод/ и ть
про из /вод/ и ть	со про /вод/ и ть
раз /вод/ и ть	раз /вод/ и ть
с /вод/ и ть	с /вод/ и ть
со про /вод/ и ть	у /вод/ и ть
у /вод/ и ть	

Отметим лишь некоторые слабые стороны такого представления *водить*, от которого образованы все эти инфинитивы (непосредственно или опосредованно), должно начинать данный список, а вместо этого оно, согласно алфавитному порядку, следует за *вводить* и *взводить*; *воспроизводить* и *перепроизводить* должны даваться после своей деривационной основы *производить*, а не до нее; *выпроводить* должно идти непосредственно за *проводить*, от которого оно образовано и за которым в свою очередь должны следовать остальные производные *перепроводить*, *сопроводить* и т. д. Неудобства такого представления очевидны. Чтобы найти порядок, который бы более адекватно отражал реальные словообразовательные отношения, необходимо было переупорядочить приставки «изнутри наружу», т. е. сделать так, чтобы *перепроизводить* следовало за *производить*, от которого оно образовано, а не предшествовало ему, и т. д. Это было сравнительно просто: нужно было отказаться от прямого алфавитного порядка и упорядочить слова по небольшим подгруппам, каждая из которых начиналась бы с глагола с одной приставкой и содержала бы все другие слова с той же приставкой в прикорневой позиции и другими, вторичными приставками. Иными словами, вместо того чтобы помещать *выпроводить* между *выводить* и *доводить*, в новом списке его следовало поместить непосредственно после *проводить*. Тогда наш фрагмент гнезда с корнем /вод/ будет выглядеть так, как это показано в таблице III (б). Это, разумеется, гораздо ближе к идеально отражающему словообразовательные отношения порядку, чем вариант РСС—III, хотя и этот список не лишен недостатков (отсюда, например, следует, что *производить* образовано от *изводить*). Но так как у нас нет никакой возможности ввести символы, отражающие НС-структуру пред- и постсуффиксальных сегментов в линейное представление, то РСС—IV, как нам кажется, достаточно адекватно отражает словообразовательные отношения — настолько, насколько можно ожидать от подобного рода списков.

1.7. РСС — IV был последней существенной переработкой материала при создании РСС. Для этого варианта с переупорядоченными сложными словами и иначе расположенными префиксальными производными была практически в последний раз проведена сверка и исправлено большое количество ошибок, допущенных при сегментации, при приписывании статуса производных базовым корням и т. д. Более

того, была написана программа, которая позволила перенести ударения из исходного списка ОС в отсегментированный вариант РСС—IV, и несколько сот омографов, составивших прежде одно гнездо, были разнесены по отдельным гнездам. Если не считать всех этих мелких изменений, РСС—IV представлял собой РСС в его окончательном виде.

2. СТРУКТУРА СЛОВАРЯ

Вид и основные структурные элементы РСС уже были нами описаны в кратком наброске истории его создания (разд. 1). В этом разделе мы остановимся на структуре словаря более подробно, т. к. важно понять его внутреннюю логику, отразившуюся в упорядочении слов в словаре.

2.0. Словарь содержит 10 953 гнезда. Каждому гнезду был поставлен в соответствие основной, или канонический, корень, и все гнезда были расположены в алфавитном порядке этих основных корней. Внутри одного такого основного гнезда содержится от одного до шестнадцати подгнезд производных корней. Каждое из подгнезд включает в себе все слова, построенные на данном алломорфе (грубо говоря, аллографе) основного корня, а сами подгнезда упорядочены по алфавиту. Так, внутри канонического гнезда *влад* все слова, содержащие аллограф *влад* (напр., *владеть*), предшествуют подгнезду, содержащему *влас* (напр., *безвластие*), за которым в свою очередь следуют подгнезда, построенные на аллографах *волос* (ср. *волость*), *лад* (ср. *обладание*) и *лас* (ср. *областной*).

2.1. Внутри каждого подгнезда, состоящего из производных корней, слова сгруппированы в более мелкие гнезда на основании их предкорневой сегментной структуры. Префиксальные слова (т.е. слова с нулевой приставкой; нуль считается первой буквой алфавита) предшествуют префиксальным, последние упорядочены в соответствии с алфавитным порядком префиксов. Например, бесприставочные слова *гладилка*, *гладить*, *гладь* предшествуют *выгладить*, *догладить* и т. д. Слова с приставками сгруппированы таким образом, чтобы лучше была видна их внутренняя НС-структура. Располагаются они по алфавитному порядку ближайшей к корню приставки: *задебоиширить* идет впереди *надебоиширить* и т. п. Слова, имеющие более чем одну приставку,

образуют отдельные подгруппы в составе группы, определяемой на основании первой, т. е. ближайшей к корню, приставки. Другими словами, приставки упорядочиваются «изнутри наружу»; так, слово *навозить* предшествует *завозить* и *унавозить*. Приведем в качестве примера часть гнезда *вод* I 'осуществлять', в которой нет составных слов и их суффиксальных производных и которая содержит слова

из /вод/ и ть
 про из /вод/ и ть
 вос про из /вод/ и ть
 пере про из /вод/ и ть
 на /вод/ и ть

Внутреннее устройство здесь таково: *изводить* идет раньше, чем *наводить*; внутри подгруппы *-из* слова с нулевой второй справа приставки идут перед словами с ненулевой приставкой (напр., *изводить* стоит перед *производить*); внутри подгруппы с цепочкой *произ-* слово *производить* с нулевым третьим справа префиксом предшествует словам с ненулевым (вос- и пере-). Можно было бы воспроизвести структуру того гнезда графически, располагая его таким образом:

изводить
 производить
 воспроизводить
 перепроизводить
 наводить,

но такое представление гнезда затрудняет прослеживание процедуры префиксации внутри гнезд и их частей. Когда внутренняя логика выяснена, расположение слов в прямой столбец становится вполне понятным.

Слова с одинаковыми предкорневыми и корневыми сегментами упорядочиваются по суффиксам, т. е. по их посткорневым цепочкам. Например, в пределах группы слов с корнем /ви/ 'крутить' все слова, начинающиеся с *переви-*, располагаются в алфавитном порядке по суффиксам:

пере /ви/ в к а
 пере /ви/ ва ть
 пере /ви/ ва ть ся
 пере /ви/ т ый
 пере /ви/ ть
 пере /ви/ ть ся

Упорядочивание посткорневых элементов осуществляется по сегменту, а не по всей последовательности посткорневых единиц, так что в приведенном выше фрагменте, напри-

мер, суффикс *в к а* предшествует *ва ть* (поскольку *в* предшествует *ва*), *а т ый* следует впереди *ть* (так как *т* предшествует *ть*). Единственный случай, когда посткорневое сегментное упорядочивание представляет определенную проблему, — это вкрапление некоторых флексий в множество словообразовательных суффиксов. *Ни разу*, например, стоит между *разом* и *разящий*, а не после *раз*.

Резюмируем: сначала происходит упорядочивание основных корней, затем производных, затем предкорневых сегментов и, наконец, посткорневых сегментов.

2.2. Сложные слова (т. е. слова с неглагольными предкорневыми сегментами) идут непосредственно после простого слова, на базе которого они построены. Так, за словом *голубой* следует *бело-голубой*, *беловато-голубой*, ... , *ярко-голубой*, и только потом идет следующее по алфавиту суффиксальное производное от */голуб/* — *голубок*. По причинам, указанным в разделе 1.6.1, все слова с составными элементами в предкорневой последовательности и с суффиксами в посткорневой рассматриваются как суффиксальные производные от сложных слов. *Социально-соглашательский*, например, трактуется не как сложное слово, построенное на базе *соглашательский*, а как суффиксальное производное от *социально-соглашатель*.

Сложные слова, образованные от сложных слов, также считаются сложными словами, т. е. составная часть сложного слова вместе со всеми своими суффиксальными производными непосредственно следует за тем сложным словом, на базе которого оно построено (а тем самым предшествует суффиксальным производным последнего). Проиллюстрируем сказанное на примере небольшой группы из гнезда */вес/* 'вес'. Это гнездо начинается с

	/вес/	
в против о	/вес/	сложное слово от <i>вес</i>
лег к о	/вес/	сложное слово от <i>вес</i>
пол у лег ко	/вес/	сложное слово от <i>легковес</i>
лег ко	/вес/ н ост ь }	суффиксальные производные слова <i>легковес</i>
лег ко	/вес/ н ый }	
мало	/вес/	сложное слово от <i>вес</i>
мало	/вес/ к ий	суффиксальные производные от <i>маловес</i>
мало	/вес/ н ый	
и т. д.		

Несколько более сложный пример гнезда из сложных слов и производных дает */вод/* I 'осуществлять'

про из /вод/ и тель	сложное слово от <i>производитель</i>
дел о про из /вод/ и тель	суффиксальные производные от
дело о про из /вод/ и тель н и ц а	<i>делопроизводитель</i>
дело о про из /вод/ ств е н н ый	
дело о про из /вод/ ств о	суффиксальное производное от
→ про из /вод/ и тель н ост ь	<i>производитель</i>
мал о про из /вод/ и тель н ост ь	сложное слово от <i>производитель-</i>
	<i>ность</i>
мал о про из /вод/ и тель н ый	суффикс произв. от <i>малопроизво-</i>
	<i>дительность</i>
не про из /вод/ и тель и ост ь	сложное слово от <i>производитель-</i>
	<i>ность</i>
не про из /вод/ и тель и ый	суффикс произв. от <i>непроизводи-</i>
	<i>тельность</i>
и т. д.	

2.3. Решения, принятые относительно группировки слов в гнезда, опирались на различие синхронических и диахронических аспектов при словообразовании. Часто бывает далеко не просто установить, являются ли два слова или два множества слов деривационно связанными в современном русском литературном языке. Во многих случаях ясна как сама этимологическая связь между множествами семантически несопоставимых слов, так и ее формальное (графическое) отражение. Например, множество слов, содержащих последовательность *образ*, порождается путем присоединения приставки *об* 'вокруг' к корню *рез /раз* 'резать'. С другой стороны, семантическая связь между этим множеством слов и другими словами СРЛЯ, восходящими этимологически к корню *рез/раз*, в действительности весьма слабая (ср. *выражать*, *стеклорежущий*, *врознь*), и объединение их всех в одно гнездо очевидным образом дает заведомо не дифференцированную картину словообразования СРЛЯ. Но еще опаснее разделение таких слов на два или более гнезда. Это можно сделать, только опираясь на значение (наличие или отсутствие у слов общих семантических элементов), которое является наименее формализуемой и наименее контролируемой стороной словообразования¹². Еще хуже то, что, коль скоро множества этимологически соотнесенных слов распределяются по разным словообразовательным гнездам, теряется возможность исследования даже потенциальных словообразовательных связей (класс слов с *образ* будет тогда иметь помету «о», остальные производные от *рез/раз* попадут в класс «р» и т. д.). Иначе говоря, семантические трудности распознавания деривационных гнезд на уровне синхронии велики, а возможность исправления оши-

бок — в тех случаях, когда этимологически близкие группы разбиты на два или более несопоставимых друг с другом и алфавитно упорядоченных канонических корневых гнезд, — чрезвычайно мала. Если, однако, оставить все такие слова вместе, можно хотя бы продолжить их изучение как потенциально связанных. Слова, которые были ошибочно объединены в одну группу (со строго синхронной точки зрения), дают о себе знать так, будто бы это объединение было их собственной ошибкой, в то время как слова, которые были неправильно разъединены, эти ошибки маскируют. Поэтому в процессе подготовки данного словаря в сомнительных ситуациях мы всегда отдавали предпочтение этимологии. В подавляющем большинстве случаев это не создавало никаких дополнительных трудностей в изучении синхронного словообразования, поскольку различающиеся множества (типа слов с *образ*) на уровне синхронии образуют легко опознаваемые подмножества этимологических гнезд, в которые они помещены. Лишь в крайне редких ситуациях семантические различия не сопровождались формальными. И тогда у нас не было иного выбора, как собрать этимологически тождественные, но синхронно разные слова в одно гнездо РСС (например, *пек* 'интересоваться, беспокоиться' и *печь* в словах *опека, печать, печь*; ср. также семантически несоотносимые, но формально сходные слова *вышестоящий* и *дорогостоящий*, оба производные от *ста*).

Так как РСС в конечном счете является компендиумом материалов по русскому словообразованию, а не этимологическим словарем, мы не стремились слепо следовать за этимологическим критерием. Если фонологические или семантические результаты явно вынуждали нас проводить расщепление первоначально установленных множеств слов, связанных друг с другом, эти множества записывались в РСС отдельно; ср., например, *вязать* и *узкий*. Более того, не было предпринято даже попытки объединить в одно гнездо множества слов, очевидным образом связанных между собой в тех случаях, когда их алфавитный порядок сходен. Последнее обстоятельство делает эти множества легкими для изучения, как если бы все эти слова были объединены как однокорневые. Например, слова, содержащие цепочки *уз* или *уж* 'узкий' (*обуживать, узкий* и под.), даются в гнезде отдельно, но близком по своей структуре гнезду, в которое входят слова, содержащие цепочку *уз* 2 'связывать' (*узник, обуза* и др.). Чаще всего такая ситуация возникает в гнездах, построенных на заимствованных морфемах. Так,

/аним/	/аним/	изм
	пре	/аним/ ист
		/аним/ ист ич е ск ий

непосредственно следует

/анимал/	/анимал/	из аци я
		/анимал/ изм
		/анимал/ ист
		/анимал/ ист ич е ск ий
		/анимал/ ь н ый,

а три небольших этимологически идентичных гнезда лексем /шах/, /шахиншах/ и /шахматы/ приведены в словаре одно под другим и не образуют одного гнезда. Аналогично РСС содержит три отдельных однословных гнезда с корнем $\acute{e}li\xi$ — /гелик/oid/, /геликон/ и /геликоптер/. Морфологический статус этих заимствованных единиц в СРЛЯ полностью не ясен.

Иногда, хотя и редко, мы в целях отражения имеющихся в языке словообразовательных отношений между словами шли на то, чтобы пренебречь их этимологической близостью. В РСС есть, например, слово *свидетель*, этимологически связанное с * *věd* 'знать', которое, однако, помещено в гнездо *вид* 'видеть'. Подобная ситуация представлена и в гнезде /ман/ 'человек', которое содержит не только заимствования (в основном из голландского и немецкого языков) с морфемой *ман*, такие, как *боцман* от голландского *bootsman* или *фурман* от немецкого *Fuhrmann*, но также и два исконно санскритских слова, не имеющих ничего общего со значением 'человек'. Это *брахман* и *брахманизм*, восходящие к санскритскому *brahman* 'молитва'. Гнездо I/вал/ 'бросать' включает в себе как настоящие производные с приставками *подвалить*, *подваливать* вместе с образованными от этих глаголов именами *подвалка* и *подвальщик*, так и ложные — «не по праву» попавшее сюда существительное *подвал* и несколько производных от него слов, которые все восходят не к славянскому корню *val* 'качать' (как в *валить*), а к общегерманскому *wall* или к еще более раннему латинскому *vallum*. Однако такие случаи приписывания к одному словообразовательному гнезду элементов, имеющих разное этимологическое происхождение, довольно редки в РСС. Иногда чисто механически, хотя и правдоподобно воссоединяются в РСС слова одинакового индоевропейского происхождения, впоследствии развивавшиеся независимо в разных индоевропейских языках. Слово *секуция* 'битье' произошло от латинского

ex(s)ecutio, но входит в одно гнездо РСС вместе с такими славянскими производными того же корня, как *секач* и *секира*.

Из вышесказанного следует, что мы не придерживались исключительно этимологического или чисто синхронного критерия. Во многих случаях сегментация и отнесение слов к тем или иным гнездам осуществлялись экспериментально с целью выяснения, к каким результатам приводят данная сегментация и данное распределение по гнездам. Единственным соображением, последовательно проводимым в ходе подготовки словаря, было желание представить русские слова в нем таким образом, чтобы максимально облегчить изучение словообразовательных связей между ними.

2.4. Предкорневой отрезок. Формальные свойства предкорневого отрезка абсолютно ясны из описания расположения в словаре сложных слов и алфавитного упорядочивания по префиксам, которое было дано в разделе 1.6. Поэтому здесь мы остановимся лишь на некоторых комментариях и замечаниях.

Менее значительная погрешность представлена сложными словами с первым элементом *пол-*, который требует постановки второго элемента (производящей основы) в генетиве. Именно из-за окончаний генетива этим сложным словам приписывается неправильная словообразовательная структура, а точнее, неверно определяется их производящая основа. Например, для *полметра* устанавливается (вместо правильного *метр*) производящая основа *метра*.

2.4.1. Вычислительные процедуры не могут отличить те предкорневые единицы, которые порождаются из предлогов, от тех, которые порождаются с помощью глагольных приставок. В результате слова, производные от предложно-падежных групп, объединяются в пределах гнезда с приставочными глаголами и их производными. Так, прилагательное *пришкольный*, образованное от предложно-падежной формы *при школе*, стоит в РСС сразу после *ошколярить*, как если бы оно было адъективным производным от *пришколить*, причем оно отделено тринадцатью единицами от слов *школьный* и *общешкольный*, с которыми словообразовательно более тесно связано, чем с *ошколярить*. Аналогично, слово *нарасхват* подается в словаре как отглагольное имя, производное от несуществующего **нарасхватить*, а не как производное от имени *расхват*. Не может компьютер рас-

познать и то, когда последовательность букв *пре* является неполногласным вариантом приставки *пере-*, а когда морфемой со значением 'очень, чрезвычайно'. Это приводит к нелепому словорасположению, когда прилагательные с *пре* 'очень, чрезвычайно' идут в алфавитном порядке вместе с приставочными глаголами, как в

по /стран/ ств ов а ть
пре /стран/ н ый
при /стран/ ств ов а ть,

а не рассматриваются как префиксальные производные от *странный*. Похожая ситуация возникает и с приставкой *про*, которая происходит от латинского *pro-* и которая отождествляется с *про* от славянского преверба *про-*, так что *проконсул*, вместо того чтобы быть префиксальным производным от *консул* (как *вице-консул*), идет в конце гнезда, как если бы это слово было производным от фиктивного глагола типа **проконсулировать* (как *проконсультировать* идет в конце гнезда, построенного на /консульт/). Далее, компьютер не различает соединительной гласной *-о-*, использующейся для образования сложных слов, и глагольной приставки *-о-*, в результате чего, например, *нефтеочистка* было ошибочно истолковано как сложное производное от *очистка*:

 /чист/ к а
зуб о /чист/ к а
нефт е о /чист/ к а
ух о /чист/ к а,

тогда как правильно было бы интерпретировать это слово как сложное, образованное от отглагольного имени с приставкой *-о-* *очистка*. Такие ошибки в большинстве случаев исправлялись вручную. Однако здесь, как и в некоторых других местах, со словообразовательной точки зрения неверное упорядочивание было сознательно оставлено неисправленным. Так мы поступали в тех случаях, когда неправильное словорасположение заставляет обратить внимание на интересный тип омографии или факт русской словообразовательной морфологии, которые иначе остались бы незамеченными.

2.5. Посткорневой сегмент. Если не учитывать трудностей, вызванных нерациональным порядком слов в кириллице, упорядочивать посткорневые сегменты несложно, так как порядок слева направо соответствует порядку добавления к корню словообразовательных элементов (т. е.

никакого нового, дополнительного переупорядочивания, как в случае с предкорневыми сегментами, здесь не нужно).

Ввиду того что суффиксация по сравнению с префиксацией значительно более продуктивный способ словообразования, большую проблему представляет правильная сегментация суффиксов. Основной недостаток сегментации посткорневых цепочек в РСС состоит в том, что в результате получаются слишком мелкие единицы. Как мы уже писали в разд. 1.3.3, была принята стратегия вычленять как можно более мелкие суффиксальные элементы, чтобы одинаковые элементы были распознаны компьютером. Поскольку, например, суффикс *-ск-* без предшествующего гласного встречается в словах *венский, майорский и судейский*, он всегда вычленялся как *-ск-*, даже когда в слове впереди него выступала гласная *-е-*, не образующая морфемы (например, в словах *рахитический, скопческий и вражеский*.) Естественно, что после такого мелкого членения в посткорневой цепочке остается много морфологической «пыли» (например, только что упомянутое *-е-*, *ь* в таких словах, как */рационал/ ь н ый, за /реч/ ь е* и т. п. Из-за того что базовая основа на *-j-* в глаголах на *-ают*¹³ усекается до инфинитивной, глаголы типа {урожáj} появляются с основами, оканчивающимися на *-а* (ср. на */рож/ а ть, под/рож/а ть*).

Элемент {-j-} полных основ этих глаголов графически поглощается следующей морфемой в словах типа */рожд/а-ем ост ь и /ла/ ющ ий* (ср. похожую судьбу *-й-* в суффиксе *-ян:* */росс/ и й ск ий*, но */росс/и ян к а*).

В результате такого процесса, наиболее часто затрагиваемого {-j-}, после сегментации в посткорневых сегментах слов остается большое количество не-морфем. Другими словами, наряду с такими очевидными морфемами, как *-ива-*, *-тел-*, *-щик-*, *-ост-*, *-изм-* и др., посткорневые цепочки содержат довольно много вхождений последовательности *ь й* и различных гласных, морфологическая независимость и морфемный статус которых едва ли могут быть обоснованы. Когда такой способ сегментирования был объединен с аналогичным, но менее радикальным способом, на основе которого получались формы типа *из ат ор* и *из ир ов а ть*, в посткорневых сегментах слов из РСС содержалось значительно больше графических единиц, нежели настоящих морфем. Поскольку словообразовательные суффиксы СРЛЯ хорошо известны (равно как и морфонологические чередования, которые они вызывают), ситуация оказывается гораздо более предпочтительной, чем могла бы показаться

с первого взгляда. К тому же значительно удобнее собрать вместе вхождения, скажем, *-ск-* и *-еск-*, когда последнее встречается в форме *е ск*, а не оставлено нерасчлененным в виде *-еск-*. Полезно, однако, помнить, что в то время, как в предкорневых и корневых сегментах каждый графический элемент имеет предположительно по крайней мере потенциальный статус морфемы, для посткорневых сегментов по только что указанным причинам это не верно.

2.6. В предыдущих разделах были ясно показаны все достоинства и недостатки РСС, чем он является на самом деле и чем не является. К нему нельзя подходить как к полному описанию русской словообразовательной морфологии; такое описание — это дело далекого будущего. Если же по достоинству оценить то, что представляет собой данный словарь — большое собрание материала, организованного логически непротиворечивым способом, — то есть основания считать, что он окажет существенную помощь в изучении законов и способов словообразования в современном русском литературном языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это утверждение отнюдь не имеет целью преуменьшить значение предшествующих работ в этой области, многие из которых полезны и важны. Однако бесспорно, что даже лучшие работы по русскому словообразованию не достигают 10й степени совершенства описания, которая отличает лучшие работы по русскому словоизменению (Jakobson 1958, Зализняк 1967, Stankiewicz 1968) или фонологии (Hallé 1963).

² Например, приставка *на-* обычно выступает в начале слова, но в СРЯ 1961 приведено 25 глаголов на *пона-*, 15 — на *перена-* и т. д. Все такие случаи нена начального употребления приставок должны быть выявлены и объединены в отдельные группы.

³ Известные мне источники либо уже устарели (Рейф 1835 — 1836), либо слишком ориентированы на преподавание (Kantchaliowski — Lebettre 1951, Wolkonsky — Poltoratzky 1961) и поэтому мало пригодны для осуществления предлагаемого здесь проекта.

⁴ Ср. рецензии на ОС: Боровский Я. «Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы», 1959, вып. 1. с. 170—175; Булаховский Л. А. «Русский язык в школе», 1957, № 5, с. 110—114; Былинский К. И. и Розенталь Е. Д. «Вопросы языкознания», 1957, № 5, с. 141—145; Обнорский С. П. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1957, № 4, с. 366—369.

⁵ Например, посредством «квадратов Гринберга», ср. Greenberg 1957, 18—22.

⁶ Строго говоря, предкорневой сегмент содержит не только первый, но и все, кроме последнего, компоненты сложного слова (если не принимать во внимание собственную НС-структуру этих сложных слов, например *радио фото теле (граф)*, *критико-библио-граф ич еск ий*, где в скобках стоит корневой сегмент). Соединительная гласная также относится к предкорневому отрезку.

⁷ В русском языке нет слов, в которых за *над-* следуют *ж*, *ц* или *щ*; что касается *н*, то такая последовательность встречается лишь в предложном сочетании *на днях*.

⁸ Легче иметь дело с такими единицами, как *-изир-*, когда они хранятся в виде *из+ир*, чем с единицами типа *-из-*, когда они являются частью несегментированных цепочек типа *-изир-*. Дело в том, что процедура нахождения элемента *-из-* в цепочке *-изир-* приводит также к нежелательному выделению *-из-* в составе последовательности *-изм-* и т. п.

⁹ В этих и последующих примерах неправильная форма (PCC — I) приводится перед стрелкой, а правильная форма (PCC — II) — после стрелки.

¹⁰ О морфонологическом представлении глубинных основ см. W o r t h 1967, 1968.

¹¹ Например, в проспекте новой Академической грамматики: Л о п а т и н — У л у х а н о в 1966, 83—86.

¹² Общепринятый критерий семантических различительных признаков сам по себе также неадекватен, поскольку этимологически не связанные синонимы будут — если мы основываемся на этом критерии — попадать в одно гнездо. Необходимо, очевидно, учитывать и формальные, и семантические «квадраты» (см. G r e e n b e r g 1957, 18 и сл.). Однако морфонологическая и морфосемантическая вариативность в словообразовании чрезвычайно велика, и не ясно еще, как именно следует количественно ее оценивать, чтобы автоматически определять границу между полисемией и омонимией (т. е. когда два слова, обладающие частично формальным и частично семантическим сходством, должны считаться полисемантическими вариантами одного гнезда, а когда квазисинонимичными представителями двух разных гнезд). Прежде чем с уверенностью взяться за решение этой проблемы, необходимо провести значительно большее число исследований.

¹³ Об этом типе глаголов см. прежде всего J a k o b s o n 1948.

ПРОБЛЕМЫ И АНТИНОМИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Словарь начинает жить с того момента, когда он обращается не к значению слов, а к их «действию».

Жорж Батай. Документы.

1. СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ «СЛОВАРЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА» («DICTIONNAIRE CULTUREL»)*

1.1. Теория словаря литературного языка как систематическое осмысление сложного эмпирического объекта оформилась совсем недавно. До XIX столетия фактически лишь сами практики, составлявшие словари данного типа, брали на себя труд комментировать свою работу. Это были в основном «лексикографы-ремесленники», движимые различными, часто противоположными, целями и руководствовавшиеся весьма разными представлениями об объекте своей деятельности.

Вместе с тем такие труды, как «Factums» Фюретьера, Предисловие к Академическому словарю, Предисловие к словарю Сэмюэла Джонсона, а также некоторые работы братьев Гримм, Мюррея и Литтре, имеют важнейшее значение, являясь своего рода предысторией *металексикографии*.

Конкретный же критический анализ словарей, который мог бы наметить направления такой теории, поначалу отсутствовал: считалось, что словарь — это своего рода техническое приспособление, которое принято использовать, а не обсуждать. Когда же критическая литература наконец появилась, она оказалась беспомощной. Если изучить все публикации о словаре Литтре, со времени его создания и до наших дней, легко увидеть, что как в самих строках, так и между строк нескольких сотен почтительных, тривиальных или высокопарных статей не сказано почти ничего (Rey 1970).

Alain Rey, Simone D e l e s a l l e. Problèmes et conflits lexicographiques. — In: «Langue française», № 43 («Dictionnaire, sémantique et culture»), Paris, 1979, p. 4—26.

* Употребляемый авторами термин «dictionnaire culturel» примерно соответствует закрепившемуся в отечественной лексикографии термину «словарь литературного языка». — Прим. ред.

В критике трудов дидактического характера, в частности словарей и энциклопедий, как и в литературной критике, часто одерживает верх интуиция и впечатление. Такая критика исходит исключительно из общественного мнения (*effet social*), в котором имеют место как одобрительные, так и полемические отклики; при таком подходе объективные критерии и исчерпывающая информация о словарях скорее осложняют, чем облегчают дело.

Конечно, историки языка, например исследователь французского языка Ф. Брюно, уделяли словарям значительное внимание, но они чаще всего рассматривали словарь лишь как инструмент, позволяющий наблюдать лексику в развитии. Так же как астроном не считает себя обязанным изучать устройство подзорных труб и телескопов, специалист по исторической лексикологии не заботится о том механизме, который помогает ему описывать тот или иной срез словарного состава или выявлять недостатки описаний. Тем не менее астроному не обойтись без изготовителей инструментов, поэтому весьма желательно его сотрудничество со специалистами по оптике, ибо только они способны усовершенствовать его инструментарий.

В последние десятилетия, особенно после 1950 года, появился явный интерес к словарю как к объекту, заслуживающему внимания. Словарем как таковым сначала интересовались лишь сами лексикографы, но они с трудом успевали преодолевать многочисленные практические трудности, возникавшие в их повседневной работе. Лингвисты-теоретики реже снисходили до рассмотрения приемов и методов лексикографического описания, оценивая их с позиций новейших, но зачастую наиболее уязвимых и наименее пригодных для этой цели лингвистических теорий.

Для создания теории словаря прежде всего нужно было, чтобы свои усилия объединили: практики с теоретической ориентацией (начиная с испанца Х. Касареса это были в основном лексикографы-европейцы, главным образом французы), лингвисты или логики, занимающиеся лексикографическими проблемами, и, наконец, специалисты по истории словарного дела. Иначе говоря, просто требовалось, чтобы, с одной стороны, искушенные в теории лингвисты, осмыслив лексикографическую проблематику, занялись составлением словарей (в США — этнолингвистических словарей; во Франции — одноязычных учебных или толковых словарей литературного языка и т. п.), а с другой стороны, лексикографы-экспериментаторы начали мыслить

в «лингвистических», а затем и в «семиотических» категориях применительно к данному типу метаязыкового текста. Но объединение этих двух видов практической деятельности не имело теоретически целостного характера, не было ориентировано на какое-то определенное приложение. В этом вопросе часто не принимались во внимание практические результаты теоретиков в силу того, что создаваемый ими объект (та или иная «теория») нацелен скорее на отражение научной картины всего реального (если не всего истинного), чем на создание далеко не бесспорных, отчасти произвольных описаний, привычных для лексикографов-практиков. В терминах эпистемологии это соответствует противопоставлению, с одной стороны, более или менее формальных *моделей*, принципиально последовательных и непротиворечивых и предназначенных исключительно для приобретения знания, и, с другой стороны, *социальных представлений* (*images sociales*), всегда сложных, преимущественно интуитивных, обусловленных прагматическими целями и опирающихся на систему социально-культурных ценностей. Известный специалист в области семантики У. Вейнрейх (Weinreich 1964, 1962), критически рассмотрев свойства лексикографической дефиниции, попытался «с максимальной наивностью» присоединить к своей теоретической модели некоторый не совсем четко определенный компонент, ориентированный на социальную реальность и являющийся продуктом деятельности с гораздо более давними традициями, чем лингвистика. Эта деятельность основывается на хотя и устаревшей, но тем не менее вполне допустимой теории, которая при условии критического подхода к ней может быть включена в систему современных знаний.

В противоположность этому, когда лексикограф овладевает с большей или меньшей степенью свободой понятиями лингвистической семантики, например понятиями «компонентного анализа» или генеративной семантики, он начинает разрываться между желанием избежать противоречий в своих описаниях (если, конечно, он осознает их противоречивость) и необходимостью продолжать создавать приемлемые для практического использования тексты. Он терзается сознанием несовершенства и неадекватности своих моделей, неосмотрительно призванных отразить сложную, данную в опыте реальность, которая включает не только языковую сферу.

Эта реальность есть совокупность языковой и культурной деятельности и соответствующих систем, и она носит

семиотический характер. Словарь же как таковой есть текст метасемиотической природы. В терминологии Ельмслева, план его содержания сам образует семиотическую систему, членящую некоторый план выражения — язык и его лексику, узуальные подязыки и их словарный состав, речевые произведения и встречающиеся в них единицы — и отображающую это членение на определенный план содержания — действительный мир, социально-культурное видение мира, концептуальные единицы, соотносимые с экстенциональными классами. Это «содержание содержания» познано пока еще очень слабо. Семиотические теории лишь начинают исследовать эти «вторичные моделирующие системы» культурного и мировоззренческого порядка, которые семантически организуют тексты, производимые данным социальным коллективом. Отражение этого содержания метасемиотического характера в разных словарях чрезвычайно непоследовательно. Поэтому встает проблема наиболее полного отражения в словаре одновременно и языковой системы, рассматриваемой в определенных аспектах, и ее существенных узуальных подсистем («узусов»), и правил, определяющих нормы употребления, и, наконец, отдельных стереотипных высказываний и клише, передающих понятия культуры и идеологии, более или менее устойчивых и общепринятых (doxa и соответствующие paradoxes). В практике создания больших одноязычных толковых словарей на протяжении истории формировались разные подходы к представлению этого многоаспектного содержания.

Понять особую метасемиотическую сущность словаря позволяет его *форма*, характеризующая его специфику по отношению к энциклопедиям, учебникам, грамматикам и ко всем другим описательным моделям, план содержания которых сам является значащей системой, в том числе и по отношению к лингвистической теории.

1.2. Объектом толкового словаря могут выступать две разные реальности, что влечет за собой два возможных типа описаний. Действительно, не следует смешивать *лексический компонент* лингвистической модели, т. е. элемент системы, которую можно описать, по крайней мере частично, с помощью строгих правил (морфо-синтаксических и морфо-семантических), и *лексику в употреблении* — объект социальный, исторический и культурный. Это различие для одноязычной лексикографии носит фундаментальный характер. Толковый словарь либо может строиться как

описание лексического компонента языковой системы, либо может быть нацелен на более широкое изучение, охватывающее действие этой системы в различных *сферах ее употребления*, которое приводит к непредсказуемому разнообразию речевых произведений. Практически каждый конкретный словарь стремится охватить оба эти объекта, но преимущественное внимание уделяется либо одному, либо другому, и результаты анализа оказываются неравнозначными.

Задачи словаря совмещают в себе и обучение образцам, и описание понятийно-культурного содержания, рассчитанное либо на изучающих язык, либо на владеющих им в совершенстве. Кроме того, нет четкой границы между лингвистическим описанием и описанием понятий и денотатов (энциклопедическим описанием).

Таким образом, определение понятия «толковый словарь» — задача нелегкая, осложняющаяся неопределенностью границ объекта, не задаваемых теоретически, но обусловленных целями и реальными нуждами практики. Эти факторы приводят к созданию определенного дидактического текста, расчлененного по формальным основаниям, который и принято называть «словарем». Следует уточнить, какой тип словарей среди многочисленных их разновидностей будет служить предметом настоящего рассмотрения.

Прежде всего мы отказываемся от рассмотрения словарей энциклопедического типа, рискуя, правда, столкнуться с неясной, а возможно, и неразрешимой проблемой разграничения между описанием знаков в употреблении и описанием обозначаемых ими вещей и понятий. В своем рассмотрении «толкового словаря» мы сосредоточимся на одном аспекте: на развернутом описании совокупности наблюдаемых фактов употребления лексики одного языка или фактов, выводимых из такого наблюдения. Рассматриваемый таким образом толковый словарь ориентирован не на обучение системе: в противоположность учебному словарю он включает богатую номенклатуру и не ограничивается наиболее употребительными лексическими элементами, необходимыми для овладения языковым минимумом. В отличие от двуязычных и многоязычных словарей он не обращается (по крайней мере систематически) к межъязыковым синонимам (переводным лексическим эквивалентам): его метаязык совпадает с языком-объектом, он не может прибегать к ссылкам на знания, закрепленные в другой языковой системе, какими бы надежными и достаточными они ни были¹. Такой сло-

варь не воплощает в себе абстрактную и упрощенную модель активного запаса лексики, а стремится использовать и отразить богатство и сложность речевых произведений, которые и обуславливают весь комплекс лингвистических проблем всех уровней, а также многочисленные вопросы социально-культурного, когнитивного и т. п. характера.

Именно такого рода «комплексность» филологического источника лежит в основе структуры широкого толкового одноязычного словаря, который мы будем называть, стремясь точнее передать его содержание, термином «словарь литературного языка» («dictionnaire culturel»).

Последние достижения французской лексикографии в этом отношении могут быть противопоставлены друг другу. С одной стороны, это «Словарь современного французского языка», «Микро-Робер», «Малый Борда» — наиболее последовательные и однородные из словарей, предназначенных для детей; они базируются на достаточно ясном выборе материала и отличаются друг от друга лишь способом «привязки» лежащих в их основе лингвистических теорий, обычно смешанных, к эмпирической, строго педагогической задаче, которая может варьироваться в зависимости от категории потенциальных потребителей. Эти дидактические словари отличаются также способами оформления лексикографического текста, своей намеренной или бессознательной риторикой и мировоззренческими постулатами.

С другой стороны, существует разряд толковых словарей литературного языка, отображающих посредством филологического анализа текстов культуру языкового коллектива; к ним относятся словарь Робера, менее полный «Словарь французского языка» («Большой Ларусс»), еще более краткие, но значительно отличающиеся от словарей первого типа «Малый Робер» и «Лекси» («Lexis») и самый полный, пока еще не изданный «Тезаурус французского языка». Включая толкования, несоизмеримо более богатые, чем толкования словарей первого типа, эти словари не отличаются такой же последовательностью и внутренней согласованностью. Они продолжают исторические традиции XIX века, которые отмечены значительными, хотя и не в равной степени успешными достижениями; не следует, однако, забывать, что тогда же существовала и традиция дидактических словарей и словарей ограниченного объема, о чем свидетельствуют «Малый Буаст» («Le petit Boiste» — 1801) и многочисленные учебные словари, вышедшие до 1900 г.

И наконец, в ряду больших исторических словарей,

относящихся к XIX веку, следует упомянуть тщательные описания вещей и идей, независимо от того, назывались ли они термином «энциклопедический словарь» или нет, так как любое описание, подчиненное историко-культурной перспективе, также совмещает в себе две реальности, изучением которых лингвистика в *строгом смысле* пока еще не занималась.

Это, с одной стороны, более или менее широкий семантический спектр, охватывающий аналитическое значение слова или устойчивого словосочетания (*unité complexe et codée*) и меняющийся в зависимости от условий употребления, *оценки смысла* (*effets de sense*) или социальных *коннотаций*. С другой стороны, это системы *понятий* и система *классов* объектов знания («вещей») — системы, которые развивают значимость (в, сосюрсовском смысле) многообразных языковых знаков, выполняющих номинативную, десигнативную или концептуальную функцию.

Эти две оси пронизывают различные области, так или иначе связанные с лингвистикой, но они в такой же и даже большей степени существенны для социологии, культурной антропологии и для комплекса общественных и эпистемологических наук, включая логику и семиотику. Отступив от необъятных и малоизученных пространств, где простого наблюдения еще недостаточно, чтобы гарантировать обоснованные выводы, лингвистическая теория ограничила свой объект, сведя, в частности, описание лексических элементов к их морфосинтаксической структуре и к отдельным обедненным семантическим моделям.

1.3. Такое ограничение, необходимое для создания лингвистических теорий, противоречит насущным практическим задачам лексикографии; в частности, оно противоречит принципу дидактизма: теоретическое описание, например, не принимает во внимание нормативные установки и необходимость следования им. Еще в большей степени такое ограничение не соответствует представлению и принципам анализа *филологического* корпуса. Термин «филологический», неоднократно употреблявшийся выше, вполне применимый к большим историческим словарям XIX века, может показаться неоправданным, когда речь идет о словарях современного языка. Однако в основе любого описания, базирующегося на письменных, социально принятых текстах, лежит именно филологический принцип. Накладываемое таким образом ограничение на *тексты* («письменные» и

«социально принятые») как раз и служит основополагающим принципом больших одноязычных толковых словарей, которые стремятся показать культуру с помощью определенных лексических подсистем в той же мере, в какой они претендуют отразить язык в целом через отдельные сферы его употребления (usages). Эти сферы представлены в основном литературным языком и в большей или меньшей степени, в зависимости от выбора составителя, языками науки, техники, педагогики и т. п. В этот корпус не попадают все устные *неконтролируемые* факты употребления языка, которым можно противопоставить произносимые устно, но в литературном отношении правильные тексты (l'écrit — parlé), такие, как политические речи, выступления на пресс-конференциях, большая часть радио- и телепередач; эти тексты сопоставимы с речами ораторов и проповедников Великого века, ставшими достоянием литературы. (В театре, где тексты сначала пишутся, а затем произносятся со сцены, дело обстоит по-другому.) Помимо этого, в данный корпус не входят произведения спонтанной письменной речи, такие, как частные письма, которые, за исключением писем образованных корреспондентов, свидетельствуют о почти полном пренебрежении их авторов к правилам литературной письменной речи (начиная с несоблюдения правил орфографии) и о несоответствии подавляющего большинства текстов нормативным моделям (в настоящее время во французском языке это обычное явление). Истинная филология, стремящаяся воссоздать духовную культуру и знания языкового коллектива по текстам, бытующим в разных сферах общественной жизни, не исключает из своего рассмотрения никакие из этих текстов, или, говоря точнее, принимает во внимание все, что она может использовать для своих целей ².

Предпочтение, отдаваемое принятым в обществе текстам, особенно литературным, в значительной мере противоречит социологическому принципу, который, казалось бы, должен учитываться научной мыслью XX века. Любопытно, однако, что задолго до того, как утвердился взгляд на филологию как на социальную семиотику текстов (какой она мыслилась своими создателями), социологический подход более отчетливо прослеживался в лексикографии. Доказательство этому дает анализ «Универсального словаря» Фюретьера (1690) и Предисловие Джонсона к его словарю (1755).

Между тем такая однозначная иерархизация текстов позволила научной лексикографии XIX века, имевшей дело

со все накапливающимся материалом и с чрезвычайно многогранным объектом (язык, его употребление, тексты и культура во всей ее исторической совокупности), получать результаты методом, существенно отличным от филологического. Этот метод был поставлен на службу истории: истории языка и лексики, истории культурной, в частности литературной, деятельности, истории развития знаний, для чего исследовалось формирование терминологических систем. В результате этого даже в бесспорном шедевре среди других исторических словарей — в «Новом английском словаре, основанном на исторических принципах» («New English Dictionary on historical principles»), иначе называемом Оксфордским словарем, — так же как и в его предшественниках и продолжателях его традиций (в датском, сербском, русском и других вариантах), можно заметить недостаточную четкость и несовершенство замысла.

Нечеткость в отношении выбора литературных и научных источников ведет к неосознанному предпочтению отдельных областей лексики. Нечеткость характерна и для семантического анализа, который преимущественно направлен на изучение употребления знаков, но затрагивает также и структуру понятий. Особенно сильно нечеткость проявляется в статусе формы выражения (означающего) по отношению к содержанию (означаемому). План выражения фактически переоценивается, когда прослеживается история эволюции знаков (в традициях Гримма), и недооценивается, когда анализируется их функционирование, ибо интуитивная лексическая семантика не опирается на формальные закономерности.

Но указанные нечеткости, которые обнаруживаются (иногда не столь явно) и в современных словарях, были в то время неизбежны; во всяком случае, они не снижают высокого качества результатов анализа, затрагивающего столь трудные для описания области; это проявляется в детальности описаний семантических и формальных изменений во времени и, что особенно свойственно Оксфордскому словарю, в точности и уместности отсылок к более точно концептуализированным областям. Лексикография, занимающаяся составлением толковых словарей литературного языка, в отличие от практики составления многочисленных энциклопедий не пользуется этим приемом, что связано с узким пониманием «лингвистического» подхода к словарям, который своей строгостью противопоставляется подходу энциклопедическому. Такое пренебрежение, понятное в

отношении словарей средней значимости, вызывает сожаление, когда речь идет о широких словарях, составляющихся с привлечением разнообразных средств.

2. ПРИРОДА И НЕЧЕТКОСТИ СЛОВАРЯ

Итак, объект теории лексикографии, как и объект самого словаря, чрезвычайно многоаспектен. Как любой текст, словарь влечет за собой комплекс сложных проблем: генетических³, структурных, стилистических и риторических. Содержание такого металингвистического текста дидактического характера составляет прежде всего лексика, но, помимо этого, и другие компоненты языка (если только их членение осуществлено на лексическом уровне), а также отношения между лексическими структурами и системой знаний, которые можно назвать прагматикой словаря, описанной пока еще только вчерне.

К этому следовало бы еще добавить скрытое содержание словаря (в котором проявляется его идеология), возложенные на него задачи (дидактические, учебные и т. п.) и их связь с социальной оценкой словаря. Как и функционирование любого текста, функционирование словаря предполагает «взятие слова» (или, образно говоря, захват социальной власти) и «произнесение слова» — процесс, материализованный обращением объекта в обществе. Таким образом, составление словаря — это фактически одновременное создание экономического объекта, знака социально-культурной природы и текста дидактической целенаправленности. С этой точки зрения любое противопоставление «коммерческих словарей» (иначе говоря, словарей, издаваемых фирмами, которые открыто ищут прибыли) и описаний, «не имеющих отношения к прибыли», носящих сугубо научный характер, кажется просто смехотворным. Более уместным здесь было бы противопоставление между сводными, компилятивными текстами, с одной стороны, и текстами, построенными в соответствии с заданной целью, — с другой; или противопоставление между поиском некоторой информации для ее распространения и поиском соответствующей аудитории; на наш взгляд, эти противопоставления далеко не независимы.

Для анализа такого эмпирически богатого объекта, каким является толковый словарь, исследователи пользуются разнообразными, но по необходимости ограниченными приемами. Основной предмет их изучения — это особенности

лексикографического «текста»: состав и организация словаря; внутренняя структура единицы словаря (словарной статьи), включающей дефиницию; пометы, анализ значений и употреблений слов, примеры и т. п. (см., например, R e u - D e b o v e 1971). Некоторые исследователи словарей не без оснований настаивают на текстовом характере своего объекта (J. et Cl. D u b o i s 1971), не слишком, правда, изменяя установившиеся традиции. Ученые, настроенные более прагматически (например, Z g u s t a 1971), описывают методы. И наконец, объектом лексикографического описания может выступать отражение в словаре социологического аспекта описываемого языка — основного для этнолингвистов. Этнолексикографы распространяют этот аспект, обозначаемый префиксом *этно-*, не на характер описания, а на характер описываемой ими лексики (ср. работы Себеока, Матьо, Конклина и др.). Их вклад, однако, мог бы стать весьма ценным для историков-лексикологов, которые, как мы видели, часто имеют дело именно с письменными, печатными текстами ⁴.

Необходимо подчеркнуть следующий очевидный факт: существует огромная дистанция между «лингвистическим» и «семантическим» полюсами, в свете которой «лексикографическую продукцию» соотносят, с одной стороны, с состоянием теоретических знаний (но при этом неправомерно говорить о «приложении» этих знаний, о «прикладной лингвистике»), а с другой стороны, с социально-историческим и культурным полюсом, обязывающим учитывать конкретные условия, в которых создается словарь, и собственно текстовую природу этого словаря (в последнем случае он становится филологическим, а следовательно, и семиотическим объектом).

На наш взгляд, широкий толковый словарь литературного языка, основывающийся на использовании многочисленных социально принятых текстов и охватывающий наряду с описанием системы (конечно, несовершенным) описание употреблений и их изменений во времени, пространстве и обществе, — это такая неоднородная модель, одновременно и богатая, и неполная, которая позволяет лучше, чем любой другой тип словаря, представить масштабы лексикографической проблематики. Раз такой тип словаря существует, значит, в этом есть общественная потребность; если же он не обладает достаточной связностью, то это свидетельствует о чрезвычайной сложности и неопределенности объекта, который он отражает, и о соответствующей нечеткости

его замысла. Изменения природы словаря этого типа, вызываемые развитием наук, изучающих речевую деятельность (такие изменения можно наблюдать на примере последовательности словарей: от немецкого словаря братьев Гримм до английского Оксфордского словаря: от словаря Литтре до словаря Робера и «Тезауруса французского языка»(ТФЯ)), сопровождаются смешением понятий и непоследовательностями, которые свидетельствуют о неадекватности теории, направляющей создание «полезного» дидактического текста — иначе говоря, текста, отвечающего общественным потребностям и способного функционировать в системе общественной коммуникации.

В настоящей работе речь пойдет о недавно появившихся во Франции или находящихся в процессе разработки словарях рассматриваемого типа. Такой «словарь литературного языка» одновременно является и наиболее парадоксальным, и наиболее значительным из всех продуктов лексикографической деятельности.

Действительно, двуязычные словари, словари научно-технических терминов, составленные по систематическому или несистематическому принципу, и учебные словари чаще всего рассматриваются как простые рабочие инструменты. В противоположность им широкие описания лексики создаются не только в утилитарных и учебных целях. Начиная с эпохи Возрождения ставилась задача описать некоторые особенно важные сферы употребления отдельных языков, то есть зафиксировать и расклассифицировать относящиеся к ним языковые факты. Составление больших словарей XVII века было преимущественно делом академии (Академии делла Круска, Королевской испанской академии, Французской Академии), то есть делом институтов с открыто нормативным, если не «авторитарным», статусом. В XVIII веке эту традицию нарушили одиночки — политически оппозиционно настроенные культурные деятели (например, Семюэль Джонсон, придерживавшийся несколько конформистских взглядов, французские философы-энциклопедисты). С XIX века начинается эра «университетской» науки. Составлением словарей занялись преподаватели университетов: именно в Оксфорде создается большой толковый словарь английского языка. За нормой власти (в области культуры) пришла норма позитивного знания; в XX веке все работы по составлению толковых словарей, полных или ограниченного объема (за исключением словаря Робера), возглавляются или проводятся в университетах, в то время как

дело создания энциклопедических словарей не закреплено в социальном плане столь определенно.

«Академические» словари XVII века подчеркивали исключительность того или иного языка (например, испанского или французского), что отражало превосходство определенной идеологии и успехи приводящей к этому политики. Большие «словари-сокровищницы» эпохи Возрождения носили совсем другой характер: они описывали престижные мертвые языки, а следовательно, языки социально безопасные и незаменимые, такие, как латинский и греческий. И когда немного позднее объектом описания стали служить *живые* языки, то это делалось с целью возвести их на тот же универсальный уровень; однако эти языки живут и отражают особые культурные традиции. Следовательно, приходится «универсализировать», то есть умерщвлять и бальзамировать с целью увековечения, тексты, отобранные с идеологических позиций.

Чтобы хотя бы частично прояснить сущность такой «сокровищницы», таких «банков данных» (в которых «данные» заданы так неопределенно), уместно обратиться к метафорическому сравнению, вспомнив процесс накопления и еще шире — сферу финансов. Первое понятие включает в себя идею накопления капитала и его защиты во время опасности, второе — идею обращения капитала с целью обогащения; оба эти понятия есть символы социальной власти.

3. АНТИНОМИИ «СЛОВАРЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

Противоречивость решений, особенно ощутимая в больших словарях, прежде всего проистекает из сложности описываемого объекта. Противоречия чаще всего заключаются в нарушении или в невозможности применения методических дихотомий, установленных Соссюром (например, дихотомии «синхрония — диахрония»), что при более глубоком рассмотрении связано с их недостаточной определенностью (например, дихотомии «язык — речь»).

Сразу же можно указать пять основных трудностей, обусловленных следующими пятью противопоставлениями:

а) описание функционирования элементов / описание их эволюции;

б) описание абстрактной и единой в своем роде «лексической компетенции» / описание социально обусловленных вариантов и коннотаций;

с) использование корпуса источников в филологических целях/построение лингвистической модели;

д) анализ знака в употреблении (его дефиниция+«условия употребления»)/видимость «нейтрального» анализа знака в «языке»;

е) анализ языковых знаков/описание понятий⁵.

Описание значений и временной фактор

3.1. Стремление (и необходимость) описывать лексику, извлеченную из текстов, неоднородных в хронологическом отношении, заставило лексикографию выработать три типа процедур. Первая, которая иллюстрируется словарем Литтре, основывается на принципе относительной *панхронии*. В словаре Литтре, хотя он и именуется «историческим», в одной и той же словарной статье используются два принципа систематизации примеров: одни примеры, относящиеся к XI—XVI векам, упорядочиваются по хронологическому принципу, но никак не толкуются и не классифицируются по смыслу; анализируются же лишь примеры, иллюстрирующие ту модель французского языка, на которую главным образом ориентирован словарь (эти примеры в основном проецируются от Малерба до Шатобриана, то есть относятся примерно к двум векам). И дело представляется так, будто бы на протяжении всего этого периода развития французского языка функционировала единая коммуникативная модель (как будто бы все тексты были совместимы во времени). В этом, несомненно, заключается заблуждение донаучного этапа лексикографии. Но в таком случае заблуждением является и стремление описать «синхронно» лексику французского языка между 1790 и 1960 годами, как это делается в «Тезаурусе французского языка» (ТФЯ).

Другой подход реализован в больших исторических словарях германских языков — начиная с Оксфордского словаря, — в которых регистрируются все лексические единицы, извлекаемые согласно филологическому принципу из некоторого инвентаря высказываний, и все эти единицы анализируются единообразно с момента их первой письменной фиксации до позднейшего времени. Этим обуславливается хронологический принцип организации материала в каждой словарной статье, который, несмотря на явные недостатки, обладает достоинством объективности, особенно важным, если учитывать отсутствие надежных критериев частотного или логического характера.

И остается еще чисто эмпирический подход, которым руководствуются позднейшие словари, такие, как словарь Робера или «Большой Ларусс» (БЛФЯ), стремящиеся, с одной стороны, избежать панхронических заблуждений, а с другой — выделить для потенциального потребителя информацию, касающуюся языкового прошлого (то есть чуждые современному языку употребления). Состав этих словарей хорошо разработан в той части, которая содержит единицы и значения, употребительные в момент создания словаря, и очень ограничен в других частях. Критерием отбора служит практика: то или иное слово или значение, исчезнувшее в XVIII веке, включается в словарь, если оно встречается в известных текстах XVII века; такое слово относится к пассивному лексическому запасу, который необходим отдельным читателям для доступа к культурному наследству. Следовательно, задаваемая этими словарями модель зависит от состояния словарного состава языка в момент построения словаря; в нее входит: а) активный запас (который французы называют «современной лексикой») и б) пассивный запас, включающий современную лексику и лексику, употребительную в XIX, XVIII и XVII веках (встречающуюся в литературных и драматических произведениях). Кроме этого, для слов и значений, которые, как предполагается, существенно не изменились, приводятся свидетельства употребления в еще более ранних текстах (в том числе и в большей или меньшей степени восстановленных обрывках средневековых текстов). Материал, иллюстрирующий употребление слов с момента их первого засвидетельствования, используется для этимологических справок.

Такая смешанная модель тем не менее является последовательной: в словаре при помощи помет, таких, как, например, *vx.* «архаичное», *vieilli* «устаревшее» (используемых в словаре Робера) или *class.* «классическое», кратко характеризуется содержание слов, что придает словарю более определенную дидактическую ориентацию (примером может служить БЛФЯ).

Как было сказано выше, ТФЯ в этом отношении отличается противоречивостью. Первоначально задуманный как труд, описывающий «современный» этап французского языка и занимающий определенное место в серии других описаний («древнефранцузский язык» — XI—XIV вв.; «среднефранцузский язык» — XV—XVI вв.; «классический французский язык» — XVII—XVIII вв.), этот словарь строит

свои описания по синхроническому принципу; в диахронической же части прослеживается история лексических единиц с момента их первого засвидетельствования до наших дней. С общеисторической точки зрения такая периодизация представляется рациональной и прогрессивной по сравнению с интуитивным эмпиризмом в подходе Литтре. Однако такой подход вносит свои трудности в анализ употребления: описать в синхроническом аспекте функционирование высокочастотного слова в пределах между 1790 и 1960 годами — задача не менее трудно разрешимая, чем для Литтре была задача описания употребления слов в сравнимых временных рамках (1630—1830). Эта проблема представляется даже более сложной, чем задача описания единицы во всех ее употреблениях, относящихся к современному периоду языка, при строгом отграничении всех других употреблений (такая попытка предпринимается в словаре Робера и БЛФЯ). Действительно, филологический принцип, которого придерживается ТФЯ и о котором будет сказано дальше, обязывает исчерпывающим образом описывать все употребления слов, даже совершенно забытые, если они встречаются в исходном корпусе. Эта задача во многих случаях практически неразрешима. Так, например, у слова ART 'искусство, ремесло' между 1790 и 1860 годами область употребления резко изменилась: эстетический аспект его значения, первоначально актуализованный в выражении *les Beaux-Arts* 'изящные искусства', где слово ART имеет свой исходный смысл (*лат.* *ars* 'искусство, наука'; *греч.* *tekhné* 'искусство, ремесло'), постепенно становится все более важным, и в конце концов большинство других изначальных употреблений этого слова переходит в разряд архаичных или нерегулярных (как, например, в выражениях *l'art et la manière* 'истинное искусство и манера, стиль'; *ouvrage d'art* 'сооружение'; *École des Arts et Métiers* 'Профессионально-техническое училище'. С синхронической точки зрения, учитывая, что у слова ART нет особых ограничений на сочетаемость, в качестве его основного значения должно было бы указываться «эстетическое» значение (как это делается в «Словаре современного французского языка» (ССФЯ)). Но в словарях, которые базируются на историческом принципе, дело представляется по-другому. Так, в ТФЯ значения этого слова характеризуются следующим образом: 'практическая цель', затем 'эстетическая цель', то есть располагаются в порядке, не соответствующем представлениям современного носителя языка. В результате

толкование этого слова, несмотря на документально подтвержденное исследование его употребления, проведенное Жоржем Маторе (которое, как кажется, не было использовано), остается очень неопределенным.

По существу, строгое синхроническое описание употреблений слова ART свелось бы к перечню его синтагматических ограничений. В таком случае в разработанном описании была бы необходима отсылка к истории. Несоответствие между синхроническим принципом описания и стремлением больших толковых словарей отразить культуру становится очевидным, если учесть, насколько тесно исторический план значения и все его расхождения с современным состоянием (которое к тому же четко не фиксируется) связаны со структурой денотативных значений, коннотаций и соответствующих понятий (это видно на примере изменений слова ART до и после Дидро, до и после влияния Гегеля, Мальро, Франкастеля, Фосийона и др.). Таким образом, широкие толковые словари, включая, согласно своей природе, пассивный лексический запас, не могут основываться на чисто синхронических принципах.

Фактически хронологические границы описываемой эпохи, будь они узкими и не заданными эксплицитно (как в учебных словарях) или широкими и явно указанными, скрывают разнородность элементов языка. Языковые значения, активно используемые в речи в момент составления словаря, по чисто практическим соображениям, естественно, описываются иначе, чем непродуктивные значения пассивного запаса; значения же, не принадлежащие ни к активному, ни к пассивному запасу, упоминаются лишь в собственно исторических или филологических описаниях (если эти два плана описания разграничиваются). От выбора того или другого плана описания зависит пока еще слабо исследованный вопрос о «кодифицирующей» способности словаря: филологический принцип исключает такую способность, хотя такие словари, как ТФЯ, словарь Робера, БЛФЯ, ориентированы на описание современного французского языка и, следовательно, на описание продуктивных структур речи. «Синхронический» же словарь (ССФЯ, «Микро-Робер») стремится закрепить кодифицированный язык, но в силу своей нормативной установки он вынужден включать большое количество непродуктивных единиц, что противоречит сущности модели такого типа. В действительности в противопоставлении «синхронических» и «диахронических» словарей кроется более существенное различие

между функциональной совместимостью и функциональной несовместимостью значений в рамках одной эмпирической коммуникативной модели.

Модель компетенции и статус примеров

3.2. Функциональный анализ фактически направлен на изучение системы, позволяющей производить высказывания, *совместимые* в одном и том же узусе языка. Этот узус определяется различными параметрами, в том числе не только хронологическими, но и географическими (диалекты), социальными (социальные подъязыки) и др. Однако в больших толковых словарях сообщаются многочисленные сведения относительно разнообразных и часто несовместимых в одном узусе употреблений, и к этому еще добавляется информация явно не функционального характера: этимологические и металингвистические справки.

Таким образом, возникает противоречие между целью и методами. Цель, абстрактно говоря, заключается в описании совокупности знаний о лексических значениях, в соответствии с которыми могут строиться потенциальные, однородные относительно данного узуса высказывания (цель идеального (fictive) «кодифицирующего» словаря) или, если подходить к этому вопросу более реалистично, которые используются при понимании множества высказываний, весьма неоднородных относительно гипотетической, не менее идеальной базовой компетенции, которая задает «современный узус». Однако выявление отклонений от этого теоретического современного узуса предполагает построение культурно-идеологической модели, иначе говоря, нормативной модели, эксплицируемой через нормативные суждения или выводимой из анализа правил и исключений. Изменение моделей такого рода обнаруживается при анализе крайних случаев, то есть таких слов, на форму или значение которых накладывается запрет (см. G i r a r d i n 1979).

Словари, не базирующиеся на ограниченном корпусе текстов (такие, как «Литтре», словарь Робера, БЛФЯ), практически задают свою модель примерами, реальными или искусственно создаваемыми. ТФЯ основывается на грубом принципе: он опирается на замкнутый корпус текстов, что чрезвычайно существенно; однако установление этого корпуса и его использование в процессе разработки словарных статей связаны с серьезными проблемами.

Проблема примеров заслуживает того, чтобы на ней остановиться и подробнее охарактеризовать оба используемых типа.

а) Примеры, построенные ad hoc. Если использование таких примеров является правилом в учебных и переводных словарях, то в больших толковых словарях литературного языка они используются лишь в качестве дидактического «подкрепления» нормы и вовсе отсутствуют в словарях чисто филологической ориентации (например, в ТФЯ). Назначение таких примеров заключается в установлении поведения лексических единиц и фразеологизмов, соответствующего общей компетенции и говорящего, и пользователя словарем, согласно данной модели описания. Эти «вымышленные» примеры могут быть грубо расклассифицированы в соответствии с их языковой природой (предложения vs. отдельные единицы или словосочетания) или в соответствии с характером их содержания (совокупность придуманных лексикографом примеров благодаря их нормативной установке частично позволяет отразить его идеологию и — шире — его духовный мир).

б) Примеры, извлеченные из ранее построенных и реально наблюдаемых текстов. Отбирая источники цитирования, лексикограф сначала строит дискурсивную социально-культурную модель, из которой вытекает модель разных употреблений в пределах нормы, а затем уже модель языка, хотя она обычно выдается за исходную.

В словарях, о которых идет речь, то есть в словарях, отражающих современное состояние французского языка, описания в большинстве случаев основываются на чисто интуитивной оценке компетенции (понятие компетенции в этом смысле сопоставимо с понятием допустимости у генеративистов). Модель, задаваемая словарем, есть, таким образом, функция от социолингвистической компетенции лексикографов, которые построили, засвидетельствовали или выбрали из заданного исчерпывающего списка примеры. Из этого следует, что, как ни весома документальная подтвержденность примеров и какой бы ни была модель, основную ответственность за словарь несут создатели его концепции, а создатели и редакторы словарных статей. Словарь является классическим примером коллективного труда, который создается прежде всего рядовыми членами этого коллектива.

Использование примеров, якобы соответствующих некоторой уникальной гипотетической компетенции, поро-

ждает массу противоречий с филологической моделью, так как эти примеры одновременно демонстрируют существование социально обусловленных различий в употреблении. Не касаясь семантического аспекта этого вопроса, мы не должны забывать, что «коннотации» и «виртуэмы» каждой лексической единицы, которые обуславливаются этими различными употреблениями, усложняют описание и придают ему довольно иллюзорную, хотя целенаправленную и преднамеренную уникальность.

Филологический принцип и построение лингвистической модели

3.3. Именно в этом сопоставлении в наиболее явной форме проявляется теоретическое противоречие. Филология, в XIX веке окончательно заявившая о себе как наука, ведущая начало с XVII века (со времен Лейбница), ни в какой мере не противопоставляет себя лингвистике, тогда как лингвистика стремится отделиться от филологии, что обусловлено исторически. Покончив с периодом нелестных и необоснованных суждений относительно филологии, на протяжении которого, однако, ее в большей или меньшей степени смешивали со сравнительно-историческим языкознанием, историки общественной мысли вернулись к более здравым взглядам. Филологический подход — это, по существу, семиотический подход к текстам, на котором основывается антропология исторического прошлого. Широкое понимание «археологии знания», предложенное Фуко, принципиально не слишком отличается от понимания филологии в общем и положительном смысле этого термина, которое было предложено Ренаном в работе «Будущее науки».

Но и филолого-лингвистическая формулировка вопроса не освобождает от проблем. Значение филологии при такой постановке вопроса умалывается до того, что она признается лишь рабочим инструментом исторической лингвистики или истории. Именно в этой роли используется филологический принцип, которому подчиняется как историческая лексикография XIX века, так и лексикография, пришедшая ей на смену, в большей или меньшей степени придерживающаяся сосюрговской теории.

Очевидно, что приемлемое описание лексики не может обойтись без эмпирической базы. Эта база существует в виде текстов. Однако желание описать функционирование

лексикой в чисто синхроническом аспекте, как мы только что видели, предполагает, между прочим, и учет зафиксированных употреблений, перешедших в пассивный запас языка, а также воссоздание гипотетической модели владения языком, в соответствии с которой в неограниченном количестве могут производиться потенциальные тексты и которая частично и неявно воспроизводит модель компетенции составителей словаря. Систематическое построение «примеров» как прием анализа (так же как этот прием в постхомскианском синтаксисе) характеризуется тем достоинством, что оно позволяет *исчерпывающим образом описывать комбинаторные особенности поведения единиц*. Но при анализе лексики этот прием представляется целесообразным использовать лишь в дидактических целях, тогда как для эмпирического описания его применение будет оставаться преждевременным до тех пор, пока процедуры системного анализа не будут распространены на все лексико-синтаксические области.

Филология и ее составная часть — лексикография, напротив, основываются на наблюдении фактов речи, в силу чего «филологический» словарь строит лингвистическую модель, опирающуюся на чистое наблюдение, то есть эмпирико-индуктивную модель.

Корпус текстов, необходимый для создания такой модели, должен обладать статистическими свойствами представительной выборки. Однако вся совокупность текстов, которая должна быть репрезентирована («речь в целом», или Σ -речь, в терминологии К. Хегера), настолько сложна, что в настоящее время ее невозможно задать никакой статистической выборкой. Можно только с уверенностью сказать, что а) эта выборка должна быть очень обширной и б) она должна представлять все типы допустимых высказываний (исключая наблюдаемые отклоняющиеся от нормы тексты, которые производятся говорящими, не вполне владеющими системой, например маленькими детьми, у которых своя особая система, или начинающими изучать язык, например недавними переселенцами и т. п.). Принцип (а) относительно легко осуществить при наличии соответствующих средств и благодаря техническим возможностям автоматизации обработки документальных данных⁶.

Принцип же (б) пока не имеет под собой серьезной базы.

Общая типология текстов прежде всего должна занять соответствующее ей место в модели функциональной совместимости (см. раздел 3.2); кроме этого, она должна любую

классификацию поставить в зависимость от модели употребления, так как исключается возможность полного описания всех вариантов употребления, относящихся к одной системе и одному языку, какие бы ограничения на них ни накладывались (например, типа «современный французский язык»). И наконец, следует учитывать особенно важное обстоятельство: лингвистика по своей природе не способна выработать критерии для подобной типологии, так как она призвана строить модель «языка»; этого не в состоянии также сделать ни социология, ни семиотика. Не углубляясь в анализ этой проблемы, отметим, что все словари по преимуществу филологической ориентации (Оксфордский словарь, «Литтре», ТФЯ) придерживаются строго нормативного и ограничительного подхода относительно «текстов, принимаемых в рассмотрение» и отвергают как недопустимые большинство речевых фактов. Такое положение, при котором абсолютное предпочтение отдается «литературным» текстам (хотя никто не в состоянии дать определение этому термину) и абсолютная монополия принадлежит опубликованным письменным текстам, социально принятым и оцениваемым как «долговременные» (что книгам свойственно в большей степени, чем журналам, а журналам, в свою очередь, в большей степени, чем газетам, и совсем несвойственно листовкам, афишам, рекламам и т. п.), приводит к тому, что создаваемая модель значительно отличается от гипотетической, по необходимости более общей модели *языка*. Добавлений к выборке печатных, но менее авторитетных текстов, в которых допустимы всякого рода неологизмы (составляющие, например, «Словарь новых слов» П. Жильбера, добавления к «Малому Роберу» 1978 года и т. п.); и даже редких случаев добавления распространенных разговорных выражений недостаточно, чтобы изменить это положение⁷.

«Принцип авторитета», каким бы он ни был, будет постоянно подвергаться переоценке с культурных позиций. Несмотря на это, проза таких писателей, как Бальзак, Стендаль, Гюго, Флобер, Пруст, Валери, Жид и некоторых других, будет с достаточным единодушием признаваться авторитетной (даже если кому-то и не нравится подобная терминология), чтобы служить определением «современной французской речи». Однако на этом такой список и закрывается: любое его продолжение небесспорно и тут же обнаруживает различия во мнениях, отражающие разногласия идеологического характера. Обусловленное эстетическими,

если не этическими, соображениями исключение из иллюстративного материала к словарям примеров из «паралитературы» и «низкой литературы» (показательные названия!), издаваемой огромными тиражами, свидетельствует о решительном пренебрежении количественным фактором — частотностью употребления в модели коммуникации. С точки зрения социологии — не говоря уж о статистике — нет ничего более ненаучного!

Однако модель, выводимая из корпуса текстов «классической литературы», обладает важными положительными свойствами, используемыми в лексикографии. Прежде всего этот корпус в отличие от корпуса специальных дидактических текстов не зависит (или мало зависит) от тематической принадлежности текстов: писатель может говорить о чем угодно (так как основное его занятие — это «выражать себя») и выражать себя через свои тексты. Кроме того, такой корпус, включая речь литературных персонажей, отражает тексты, бытующие в общении самых разнообразных социальных слоев, часто очень точно воспроизведенные (отражает, конечно, в той мере, в какой обращение к этим текстам отвечает литературным замыслам писателя). Достаточно вспомнить о ценном свидетельстве «Человеческой комедии», «Отверженных», романов Флобера и Золя или «В поисках утраченного времени» — художественных произведений, позволяющих непосредственно наблюдать речь буржуа, крестьян, рабочих, высшего света, снобов и других социальных групп каждой эпохи.

Однако, каким бы значительным ни было такое литературное свидетельство, все-таки опасно прибегать только к нему. Возьмем случай территориальных диалектизмов. Хотя эти факты функционирования лексики, не принадлежащие «общенародному употреблению» французского языка, чаще всего не признаются словарями, они тем не менее в небольшом количестве проникают в них из литературных произведений, благодаря, например, Жорж Санд (проживавшей в 1830—1850 гг. в провинции Берри), Бальзаку (Турен), Флоберу и Мопассану (Нормандия), Доде, а затем Паньолу и Жионо (юго-восток Франции) и т. д. Все эти диалектизмы столь же случайны, как случайно присутствие в романе лексики той или иной тематики.

Достаточно широкий «литературный» корпус может содержать письменные тексты, построенные непосредственно носителями различных социальных и территориальных подъязыков, однако их включение в корпус будет мало

значащим или вообще ничего не значащим для описания отдельных подъязыков и языка в целом, так как их отбор будет производиться в соответствии с совсем иными критериями: критериями социальной значимости. То же самое можно сказать о референциальных системах, отображаемых номенклатурой или терминологией, а также оценочных системах, выражаемых разного рода утверждениями и их риторикой, — эти системы в подобной выборке также *представлены* беспорядочным и случайным образом по отношению к глобальным моделям, установлением которых занимаются лингвисты.

В зависимости от того, в какой мере при организации словарной статьи привлекается материал, почерпнутый из литературных и дидактических текстов, любой критический анализ словаря будет ориентирован на рассмотрение одного из следующих двух вопросов: а) в какой степени данный корпус текстов отображает и представляет язык и «идеологическую компетенцию»⁸ языкового коллектива в описываемый период времени? б) в какой степени выбор единиц и их словарные толкования представляют последовательную модель данного языка и данной компетенции?

Следует признать, что мы не располагаем инструментами, которые позволяли бы ответить на эти вопросы, но тем не менее их необходимо принять к сведению, чтобы избежать путаницы, которую допускают некоторые критики, смешивающие в своих неодобрительных оценках лексикографическую модель и то, что она описывает: тексты, факты употребления (*usages*) и даже сам язык. И в этом отчасти повинен лексикограф, на которого возложена передача всего необозримого содержания речи социального коллектива. Лексикограф обязан исключать, подтверждать, выбирать, комментировать и т. п. Нужно признать по крайней мере, что «филологический принцип» (если он применен последовательно) не допускает возможности добиваться нормативности путем исключения фактов из рассмотрения: в ТФЯ снимаются некоторые действовавшие ранее нормативные запреты, чего никак не позволял предвидеть словарь Литтре 1860 года. Приложение же к словарю Робера оставляет такую возможность. Это значит, что учет невзыскательности среды и изменчивости оценочных суждений имеет в этом деле большее значение, чем соблюдение внутреннего принципа.

В то же время «внедрение» через словарь определенного материала может подвергнуть опасности нейтральность

описания, и прежде всего, если принять решение следующего типа: учитывать только выбранный корпус текстов, хотя этот корпус по своей природе и ограничен, либо рассматривать тексты словарей как элементы этого корпуса, как спонтанные тексты⁹. Эти принципы могут осознаться как необходимые, однако они показывают, что описание, которому присуща однородность, есть следствие преодоления всякого рода неоднородностей.

Так, положение в словаре двух слов, одно из которых является морфологически регулярным образованием или верифицируемым заимствованием и встречается один или два раза в корпусе текстов, а другое не засвидетельствовано в корпусе, но включено в словарь в силу того, что оно входит в состав «приоритетной» лексики (случай, частный для ТФЯ, словаря Робера и БЛФЯ), совершенно различно в лингвистическом, семиотическом и культурном отношении. Все словари литературного языка стремятся согласовать не вполне совместимые друг с другом критерии, но чем более полно и эксплицитно выражена в словаре «филологическая» информация, тем более уязвимой и чувствительной к изменениям оказывается структура его модели. В этом отношении ТФЯ представляет собой осязаемый прогресс (однако восстановление «структурной модели» этого словаря, так же как и Вартбургского «Few», под силу лишь искусственному читателю).

Отношения, существующие между филологическим принципом и микроструктурой словаря (содержанием словарных статей), еще более сложны. Известно, что последовательность расположения в словаре разграничиваемых значений отдельного слова может устанавливаться в соответствии с тремя принципами: историческим — в порядке засвидетельствования, частотным — в порядке убывания частоты употребления, и «логическим» — основанным на морфосемантических и риторических критериях (от «прямого» значения к «переносному»). Эти традиционные принципы согласуются со стремлением упростить пользование словарем (в этом отношении лишь первый принцип является исключением, так как он может потребовать более строгой методики). «Исторические» словари, например такого типа, как Оксфордский, ставят во главу угла исторический принцип. Ограниченные словари синхронического плана (например, ССФЯ) предпочитают использовать частотный принцип. «Логический» принцип отражает систематический подход к представлению фактов языка и реали-

зован, например, в «Общем словаре французского языка» Атифельда и др. Такой подход вступает в противоречие с эмпирическими данными истории. Известно, что в языке существует огромное количество нерегулярностей: например, «переносные» значения могут обнаруживаться раньше, чем «прямые», существительные «действия» могут не означать действий и т. д.

Часто желание логически упорядочить описание приводит к воссозданию того, «что должно было бы быть». Опираясь на концепцию школы Пор-Рояль, возрожденную идеологами, Атифельд шел по такому пути в XIX веке; в XX веке для тех же целей в ТФЯ были использованы теоретические достижения Густава Гийома. Общее стремление к экспликации в разных областях лексической семантики — явление прогрессивное; оно необходимо для описания всякого рода закономерностей, но если такая «логическая» модель (небесспорная уже в силу метафизического характера своей основы) противоречит наблюдаемым данным, то филологический принцип оказывается нарушенным¹⁰.

Анализ последствий применения филологического принципа может прояснить наконец центральный вопрос лексикографии: «Какой объект описывается словарем?», а также вопрос, который должен предшествовать первому: «На чем основывается воспроизведение этого объекта?» Ответ на второй вопрос ясен: «На наблюдении над корпусом письменных печатных текстов, литературных или научно-дидактических, который рассматривается в качестве представительной выборки всей совокупности речевых произведений». Проблемы и спорные положения, связанные с таким корпусом, были рассмотрены выше. Что касается первого вопроса, то тут следует отметить двойственность описания, которое альтернативно направлено и на текст, служащий источником (тогда объектом описания выступают оттенки значений, в большей или меньшей степени окрашенные стилистически; пометы, касающиеся формы выражения; актуализированные аспекты значений идеологического, тематического, окказионального характера; «мир речи» и т. п.), и на модель «системы» (тогда описывается денотативное значение, синтаксические и морфосемантические структуры и т. п.). Эта раздвоенность описания может проявляться в неадекватности метаязыка (разграничения значений, дефиниций и т. п.) применительно к наблюдаемым и использованным для описания текстам (см. В и з о п 1979). Подобная неадекватность свойственна всем большим словарям:

она свидетельствует о неоперациональном характере сосюрковского противопоставления языка и речи (текстов). В нашем случае речь идет скорее о модели употребления, чем о модели языка (по необходимости неоднородной).

Впрочем, приоритет модели употребления интуитивно ощущался уже грамматиками и лексикографами классической эпохи. Но для них «узус» был нормативным ограничением эстетической («возвышенное» употребление) или этико-социальной («правильное употребление») природы. В настоящее время такой фильтр носит более дискретный характер, но он продолжает выступать посредником между всем множеством текстов и моделью; и вполне понятно, почему литературному тексту отдается предпочтение: возможные отклонения от нормы и ошибки в нем ограничены как в качественном, так и в количественном отношении. И если Фрей попытался составить «Граматику ошибок», то создание словаря ошибок остается невыполнимым делом: ошибка — это факт речи, язык — это норма. Это ложное положение обязано своим существованием именно недооценке статуса употреблений; и теоретики, отказывающиеся принимать в расчет концепцию, которой придерживался Ельмслев, а затем и Косериу, невольно «играют на руку» социальным силам.

В действительности мы (как и большинство лингвистов) полагаем, что никакой словарь не может выступать как способ представления «модели языка» (и уж тем более как способ «описания языка», что звучит еще более наивно). Речь могла бы идти о модели социально обусловленных употреблений языка и модели *противоречий* таких употреблений, однако в настоящее время лингвистика не в состоянии справиться с такой задачей.

Семантика лексических единиц в употреблении

3.4. Семантический анализ лексической единицы представляет собой одну из самых важных задач лингвистического описания. Результаты этого анализа сказываются на способах организации описываемого материала — фактов речи, языка и его употребления (это проявляется в устройстве словарных статей, в линейной или иерархической последовательности их расположения, в порядке представления информации внутри них), но более явно эти результаты отражаются в дефинициях значений, в описании областей их применения и т. п.

Задачи и методы такого анализа (детально исследуемые в статьях, опубликованных в *Language in France* 1979) целиком зависят от выбранного способа членения элементов, которые могут быть выделены в любой семиотической системе, в частности в общеупотребительной лексике и в специальных словарных областях естественного языка. Такой выбор устанавливается в рамках дисциплины, столь высоко авторитетной, сколь и широко определенной, — в рамках *семантики*. О какой семантике может идти речь?

Во-первых, об экстенциональной семантике — в той мере, в какой приходится классифицировать разные случаи употребления единиц, их дистрибуции и функции. Во-вторых, об интенциональной семантике, которая имеет дело с непосредственным объектом словаря, т. е. определяет существенные дифференциальные признаки единиц («семы») и в соответствии с ними структурирует значения единиц («семемы»), учитывая аспект их функционирования. В-третьих, о семантике, которая принципиально чаще всего рассматривает лексическую единицу в рамках синтагмы; этот подход проявляется при анализе глаголов и прилагательных (результаты которого зависят от анализа номинативной синтагмы). И наконец, о денотативной семантике, которая опирается на факты речи, позволяющие обнаруживать всякого рода «коннотации».

Здесь не место подробно обсуждать эту проблематику, однако следует иметь в виду ее существование, поскольку она во многом определяет и выбор материала, и результаты лексикографического анализа. Необходимо также напомнить, что в лингвистике в понятие «семантика» вкладывается не вполне ясный смысл. Здесь речь идет об эмпирической семантике, объектом которой служат лингвистические знаки во всем их разнообразии. Для лексикографической семантики объектами являются все элементы словаря, несмотря на их различия (при этом не имеет значения, выступают ли они в качестве словарной единицы или ее составной части); это могут быть и морфемы, и слова, и синтагмы, и идиоматические выражения, например *hydro-* 'гидро-' и *-logie* '-логия'; *homme* 'человек' и *bête* 'животное'; *désorganisation* 'дезорганизация' и *anticonstitutionnellement* 'противоконституционно'; *acheter qqch à qqn* 'купить что-либо у кого-либо'; *chevaux de bois* 'карусель'; *en avoir ras le bol* 'быть сытым по горло'; *tel est pris qui croyait prendre* 'не рой яму другому, сам в нее попадешь'. Эти

объекты-знаки могут рассматриваться в составе ситуации, в контексте или, напротив, абстрактно, как потенции языка.

Семантика, понимаемая в широком смысле, покрывает три взаимосвязанные области, называемые вслед за Ч. Моррисом *синтактикой* — информация о реальных и потенциальных сочетаниях знаков, *семантикой* (в строгом смысле) — информация об отношениях знаков к тому, что они обозначают, и *прагматикой* — информация об отношениях между знаками и теми, кто ими пользуется. Легко заметить, что во внутренней структуре наиболее аналитических словарей (в иерархической организации словарных статей) чаще всего синтаксический аспект (функциональный, дистрибутивный и т. п.) превалирует над семантическим, а тот в свою очередь над прагматическим. Разграничения значений, закрепленные в разных дефинициях (семантический аспект), обычно подчиняются синтаксической классификации (например, *v. tr.* 'переходный глагол' *vs.* *v. intr.* 'непереходный глагол'), но зато они доминируют над разграничениями прагматического характера (противопоставлениями между уровнями языка или типами речи). Так, например, в ССФЯ для группировки значений использовались в основном синтаксические критерии.

Анализ «помет употребления», используемых в словарях, свидетельствует о нечеткости различия между явлениями семантического и прагматического порядка (см. Сапдел 1979); анализ дефиниций показывает, что существует взаимодействие между всеми тремя аспектами знака, особенно между синтактикой и семантикой (см. Градин — Магандин 1979).

К явлениям прагматической природы, которые, однако, в большей степени сказываются на семантике единиц, относятся значения, связанные с оценочными суждениями: либо с суждениями, выражающими социально-этическую оценку и «окрашивающими» употребление многих существительных и прилагательных (например, *dévergondé* 'распутный, распутник'; *discret* 'скромный'; *discretion* 'скромность, сдержанность' и т. п.), либо с суждениями, смысл которых складывается из смыслов составных единиц (*un beau garçon* 'красивый мальчик'; *un pauvre type* 'бедный малый' и т. п.), либо с суждениями металингвистического характера, объясняющими или осуждающими тот или иной факт речевого поведения (*de suite* 'подряд, один за другим' для определения слова *immédiatement* 'непосредственно'; *rallier à* 'временно исправить, улучшить' и т. п.).

При широкой распространенности определенного речевого явления на семантику единицы может оказывать косвенное воздействие ее употребление в речи; переход таких фактов «в язык» слишком часто понимается упрощенно-метафизически (или в соответствии с неявным, упрощенно-метафизическим подходом). Такие речевые явления не индивидуальны, они приняты обществом и соответствуют идеологии. Сосуществующие в речи употребления неизбежно вступают в конфликт, который временно разрешается социально устанавливаемой относительно речевой деятельности нормой. Эта норма «сливается» с семантикой единиц и регламентирует не только их окказиональные значения и коннотации (что она должна делать согласно своему назначению), но также их функционирование в наиболее общем смысле— как в интенциональном (связь с понятием), так и экстенциональном (связь с классами «вещей»).

Для отражения этой нормы традиционные словари пользуются самыми примитивными и недостаточными средствами (такими, например, как пометы типа *rêjog*. 'пренебрежительно', непоследовательно применяемые то в рамках, то за рамками толкования). Социальная норма, регламентирующая употребление лексических единиц в определенных ситуациях, привела, например, к тому, что применение прилагательного *méchant* 'злой' по отношению к человеческим существам в 1979 году считалось допустимым лишь в одном специфическом типе речи (при общении взрослых с детьми или детей между собой, особенно в буржуазной среде); во всех других ситуациях употребление этого слова в таком сочетании приобретает стилистическую окраску. Норма определяет не только специфические особенности употребления (такие, например, как в модели Якобсона), но и общую динамику слова; так, например, прилагательное *sot, sotté* 'глупый, бестолковый', которое не является ни «устаревшим», ни «архаичным», для носителей современного французского языка при производстве речевых высказываний играет менее важную роль и реже используется, чем прилагательные *bête* 'глупый', *idiot* 'слабоумный' или *con* 'незадачливый, дурак' (тем не менее оно включается в словари, тогда как слово *con* до недавнего времени в них не допускалось).

В плане семиотики культуры (можно говорить также об «идеологической» норме) эта социальная норма определяет условия функционирования (*besognes*) всех лексических единиц, обозначающих и одновременно оценивающих

существа и объекты: так, слово *prostituée* 'проститутка' не может нести нейтральный смысл, так же как и слово *vierge* 'девственница' или *assassin* 'убийца'. Иначе говоря, «семантика» подобных слов — это не «семантика» в смысле Морриса или по крайней мере не только семантика Морриса. Анализ их значений требует учета социологических факторов: чтобы определить эти значения, необходимо располагать информацией о месте соответствующего денотата в системе культурных представлений. Подобного экстралингвистического подхода оказывается недостаточно для анализа таких слов, как *putain* 'шлюха', *putelle* 'девственница' (*разг.*), *tueur* 'убийца' (*разг.*), употребление которых отчасти определяются «коннотациями» разной природы. Для описания такого типа единиц, имеющих соответствующие нейтральные денотативные синонимы, словари пользуются эффективным приемом, который можно трактовать как «псевдодвухязычное» описание. Этот прием служит главным образом для закрепления нормы. Умозрительно легко изменить норму в обратную сторону и написать вместо: *Pute: vulg. (ou pop. ou très fam., selon les options) Prostituée* 'шлюха: *вульг.* (или *простор.*, или *очень фамил.* по выбору) проститутка' следующий текст: *Prostituée: bourg. (bourgeois; ou off.: langue officielle) Pute* 'Проститутка: *бурж.* (*буржуазное*; или *офици.*: официальный стиль) шлюха'. Практическая невозможность прибегать к такому приему (разве что с полемической целью или ради шутки), отсутствие в словарной традиции помет типа *bourg.* (*бурж.*) или *off.* (*офици.*) ясно указывает на неоспоримое и полное главенство нормы. Тот факт, что она может находиться в противоречии с представлениями о частотности употребления (слово *vélo* 'велосипед' (*разг.*), без сомнения, употребляется чаще, чем слово *bicyclette* 'велосипед', стилистически не маркированное), только проясняет ее природу: норма определяется не количественными, не статистическими факторами, это — не объективный закон, а общественное установление, предписание.)

Анализ языка и описание понятия

3.5. Помимо неоднозначностей и противоречий, рассмотренных выше, существует еще одна трудность, связанная с нечеткостью противопоставления «толкового словаря» и «энциклопедического словаря» и противопоставления

описываемых ими объектов: языковых знаков и «вещей», соответствующих им во внешнем мире.

Эти противопоставления определяются семантикой единиц и связаны, в частности, с формой ее представления в словаре — с дефиницией. Дефиниция, являющаяся для лингвиста синонимической перифразой толкуемого слова, выступает в форме текста (*syntagme*), составленного на описываемом языке и, следовательно, в соответствии с его синтаксическими и лексическими структурными правилами указывающего на элементы, которые позволяют отличить (опознать, понять) означаемое: слово или знак. Дефиниция должна согласоваться как с устройством системы языка, так и с нормой употребления, закрепленной в этом языке (исключение могут составлять шуточные, полемические и т. п. дефиниции, которые приводятся в псевдословарях). Кроме этого, как любой текст, она должна соответствовать требованиям риторики (иногда принято говорить об «эlegantности» дефиниции). Ее нормативная целеустановка обуславливает определенный выбор лексических средств, которые при других целях — аналитическом описании или описании синонимов — не регламентируются; эта дефиниция может прибегать к ссылкам лишь на определения более известных, более понятных, чем толкуемые, слов — что не всегда возможно при описании значений терминов или понятий научной номенклатуры (здесь слово *l'araignée* 'паук' может быть определено как *une arachnide* 'паукообразное существо', а *les arachnides* 'паукообразные существа' как принадлежащие к *chélicéales* 'келокералиям', т. е. членистоногим, жалящим).

Отклонения от канонических формул толкования (которые хорошо описаны лингвистами)¹¹ объясняются в значительной мере именно стратегией построения текста дефиниции.

Цели лексикографического описания влекут за собой и другие, более очевидные, различия между рассматриваемыми типами словарей. Словарь, ориентированный на описание «языка», строит дефиниции в виде относительно коротких текстов, включающих минимальный набор элементов, соответствующих существенным признакам семемы; к этому набору добавляются важные, но избыточные признаки, уже не логического, а культурного характера. Энциклопедические словари используют более длинные описания, содержащие собственно дидактические сведения. Однако и любой толковый словарь прибегает к энциклопедическому

аспекту описания, например в ССФЯ слово *houblon* 'хмель' трактуется следующим образом: «ХМЕЛЬ *сущ. м.р.* Вьющееся растение, культивируемое на юге и на севере Франции, цветы которого используются для придания аромата пиву при его изготовлении». В этом толковании существенные признаки, которые отличают хмель от всех других видов вьющихся растений, устанавливаются не на основе ботанических понятий; они вполне сознательно заменены такими «неминимальными» признаками, как зона распространения этого растения (ограниченная, как ни странно, только Францией) и промышленное назначение. Этот последний аспект значения, важный в культурном отношении, был бы проиллюстрирован примером в «чисто толковом словаре». В больших толковых словарях литературного языка, в частности при описании того особого пласта, который формируется *лексикой концептуализированных областей*, использование «энциклопедических» признаков становится оправданным и, как мы полагаем, совершенно необходимым с точки зрения пользования словарем. Эта особая лексика, часто называемая лексикой «специальных областей» (хотя все ограниченные области являются специальными) или «научно-технической терминологией» (хотя многие понятия не относятся ни к науке, ни к технике), требует иного описания, чем, например, глагол *тапгøг* 'есть', прилагательное *petit* 'маленький' или существительное *table* 'стол'. В силу этого в больших толковых словарях, так же как и в энциклопедических, обособляются и разграничиваются отдельные области. Как мы видели, пометы, указывающие области применения слов в этих словарях, неоднозначны, и причина этого кроется в методической предосторожности¹². Но использование таких помет тем не менее говорит о признании специфической проблематики, связанной с корпусом дефиниций и корпусом научных описаний. Эта проблематика затрагивает, в частности, вопрос о возможности нормализации дефиниций, то есть вопрос о совокупности слов, которые могут использоваться в качестве логических имен для выражения в языке терминологических систем. Но исследование терминологических систем (называемых «терминологией» в силу досадной неоднозначности) ставит другие проблемы и должно быть теоретически отграничено от задачи лексикографического описания специальных словарных областей (как концептуализированных, так и неконцептуализированных): объектом первого выступают лишь логические имена, кото-

рые анализируются в соответствии с ономаσιологическим подходом (от «называемого» к имени); объектом второго являются все знаки-слова, единообразно анализируемые в соответствии с семасиологическим подходом (от знака к означаемому, к семемам, к концепту — понятию или «ноэме» — и к классам объектов). Терминология служит лишь для обозначения объектов знания, объединенных в классы; эти классы, называемые экстенциональными, соотносимы со сферой понятий, то есть поддаются *определению* (поэтому существует возможность их концептуализации). Анализ терминологии носит внеязыковой характер, анализ же лексики — внутриязыковой¹³. Эти дополняющие друг друга подходы описания ориентированы на один и тот же эмпирический объект («тематическое слово» некоторой области может выступать или выступает как термин), и естественно, что существует тенденция к их смешению. Различие же между лексикографическим описанием знака в употреблении и описанием понятия (концепта), то есть между двумя типами описаний, поневоле соотносимых с одной и той же единицей, практически не ощутимо. Однако их противопоставленность может проявляться при оценке языковой приемлемости и истинности употребления. Так, например, если утверждение:

(1) Le soleil est une étoile

‘Солнце — это звезда’ —

истинно, то утверждение:

(2) Le soleil empêche de voir les étoiles

‘Солнце мешает видеть звезды’ —

должно было бы быть ложным; однако оно интуитивно воспринимается как истинное; а утверждение:

(3) Cette étoile est le soleil

‘Эта звезда есть солнце’ —

должно было бы быть семантически приемлемым; однако оно таковым не является, так как это противоречило бы знанию лексических значений.

Чтобы установить интуитивно корректное описание, нужно обратиться к двум значениям слова *étoile* ‘звезда’. Первое из них соответствует стереотипному «обиходному» определению: «Светящаяся точка на ночном небе и т. д.», а второе — научному определению понятия: «Небесное светило, излучающее энергию» (с возможными уточнениями). Два класса объектов, соотносящиеся с этими двумя типами определений, не совпадают: объект «солнце», например, исключается из первого, но включается во второй.

В подобной ситуации находятся многие классы объектов знания, так же как и многие языковые знаки. Например, названия наиболее распространенных животных и растений точно или не совсем точно соответствуют одному или нескольким местам в таксономической системе, «обиходной» (народная таксономия) или научной. Для толкового словаря, если он и берется отразить подобную систематизацию, это не является основной задачей, ибо главная его задача — описание функционирования знаков.

Но «семантика» такого имени в нем может трактоваться либо в соответствии с «обиходной» социально-культурной семиотикой, либо в соответствии с какой-либо упорядоченной и контролируемой семиотической системой (теорией, наукой и в наиболее незначительной степени в соответствии с регулируемой практикой-«техникой»). Рассматриваемое противопоставление отражается в соответствующей модификации толкования. Между толкованием, построенным по морфосемантическому принципу (*tournage*=*action de tourner* 'точение=действие по глаголу *точить на станке*'), или толкованием, основывающимся на принципе синонимических или трансформационных замен (*chute*=*action, fait de tomber* 'падение=действие, факт, обозначаемые глаголами *опускаться, валиться*'), и энциклопедическим описанием-определением, структура которого может меняться в зависимости от природы означаемого, референта или от замысла словаря¹⁴, существует целая гамма переходных случаев. В толковых словарях литературного языка встречаются, например, толкования, служащие простым «ориентиром» в системе (так, в ТФЯ для слова *balbuzard* 'скопа' приводится толкование: «Хищная птица, питающаяся исключительно рыбой»), или «квазиминимальные» толкования, а также толкования, в большей или меньшей степени развитые в логическом отношении и использующие стереотипные культурные представления. Толкования этого последнего типа «проецируют» на содержательный уровень языка наиболее распространенные речевые факты, в частности выражения, выступающие в закодированной форме: метафоры культурного порядка, всякого рода «обороты речи» и т. п. Тот факт, что слово *chat* 'кошка' определяется через слова 'мышь' и 'усы', связан, очевидно, с тем, что метафорические выражения *jouer au chat et à la souris* 'играть в кошки-мышки', *moustaches de chat* 'кошачьи усы' и т. п. характеризуются в речи значительной частотностью и связностью. Однако существование фразеологического оборо-

та écrire comme un chat 'писать как курица лапой (букв. 'как кошка')' не делает необходимым введение в толкование этого слова признака: «...лапы которой производят частые, мелкие движения». Природа выбора минимально необходимых признаков, на основе которых строится оптимальное толкование, изучена пока слабо.

Сравнительно с таким лексикографическим «псевдоопределением», которое сопряжено со множеством сложных проблем, определение понятия «кошка» в зоологии (являющееся, правда, скорее описанием знака *felix domesticus* 'домашние представители семейства кошачьих', чем знака *chat* 'кошка') представляется очень хорошо структурированным. Строгость такого определения зиждется на внутренней согласованности системы: таксономической системы млекопитающих. Если такая система меняется (что может произойти, так как она призвана отражать соответствующие изменения знаний в области зоологии), то определение должно быть модифицировано. Замысловатое же, трудно поддающееся анализу, зачастую противоречивое стереотипное словарное толкование относительно устойчиво. Стабильность характерна прежде всего для «стержня» толкования, ассоциированного с обиходными представлениями об обозначаемых вещах, что показано на примере слова *corbeau* 'ворон' в (Fradin — Magandin 1979). Что же касается такого признака, как место в орнитологической системе, для таких слов, как *corbeau* 'ворон', *grac* 'грач', *corneille* 'ворона' и т. п., то он зависит от состояния таксономии, лишь условно принятой на данном этапе развития зоологии. Следует еще добавить, что слово *corbeau* 'ворон' используется для обозначения всех (или всех основных) птиц, классифицируемых орнитологами как представители семейства вороновых. И хотя настоящие вёроны — редчайшее явление во Франции, тем не менее французы часто употребляют именно слово *corbeau* 'ворон' для обозначения вёрон, а слово *corneille* 'ворона' употребляется, по-видимому, намного реже. Этот пример показывает, что для слов такого рода естественно необходимы как «обиходные» толкования, соответствующие общепринятому употреблению, так и научные определения, соответствующие ограниченным сферам употребления. И здесь речь идет не о полисемии, а о разных уровнях включения в систему и о разных системах: с одной стороны, о системе общеупотребительной и специальной лексики — совокупности лексических знаков языка, с другой стороны, о тер-

минологических и номенклатурных системах — совокупности имен, необходимых для упорядочивания знания. Смешивая эти два уровня в своем описании или прибегая ко второму, хотя бы только для характеристики тематических особенностей (описания «специальных областей»), словарь порождает путаницу эпистемологического характера, за которую он, однако, ответственности не несет.

Для него все же представляется удобным следующее решение: эксплицировать оба уровня с помощью двух типов определений, соответствующих двум типам речевого употребления. По этой причине в словарях, называемых «толковыми», продолжает «паразитировать» энциклопедизм: описанию употребления слов часто отводится задний план, а на переднем выступает определение понятий; в толковании продолжают переплетаться элементы стереотипных обиходных представлений и классификационные признаки, в большей или меньшей степени соответствующие научной картине мира. Слова, которые призваны играть роль элементов некоторой терминологической системы, толкуются строго в соответствии с критериями, выработанными данной системой (либо в соответствии с теоретически установленными критериями, например математическими и т. п., либо в соответствии с критериями, основанными на систематизации эмпирических данных). Таким образом, определение, например, термина «анатомия», если оно построено корректно, явно или неявно включается в систему современной терминологии этой области и не может быть без соответствующей предосторожности сведено к фрагментам классификации Ламарка или Кювье. То же можно сказать и о тех случаях, когда в одной и той же области знания (в гуманитарных науках, в философии) конкурируют несколько теорий: все дефиниции тогда должны включаться в одну систему и четко согласовываться с одной определенной теорией или с определенным классом теорий.

Таким образом, можно видеть, что «филологический» подход в применении к этим концептуализированным областям не может использоваться в том же виде, что и при общем описании словарного состава языка. Количественный аспект становится уже несущественным; самым важным фактором оказывается природа текстов; социолингвистическая и «идеологическая» нормы перестают играть роль. Доводя последнее положение до крайности, можно считать, что каждый текст сам устанавливает свою собственную норму.

Все сказанное выше не должно оставлять впечатления, что задача создания большого толкового словаря литературного языка малоосмысленна или неосуществима. Мы пытались показать, что общественная полезность такого словаря должна служить предметом обсуждения и что необходимо разрешать его внутренние противоречия — а это разные вещи. Сравнительно со словарями XIX века недавно появившиеся словари основываются на новом принципе: назначение этих словарей более определенно связывается с их ролью в оптимальной модели общественной коммуникации.

Подтверждение этому можно найти в предисловии Л. Гильберта к «Большому Ларуссу французского языка» и в предисловии П. Имбс к «Тезаурусу французского языка», которые мы настоятельно рекомендуем прочитать или перечитать тем, кто пользуется этими словарями. В них отражается сходство и различие ясно определенных замыслов этих словарей.

Принятые в них подходы описания обладают тем достоинством, что они устанавливают взаимосвязь между: а) ограниченной, но показательной совокупностью текстов, принятых в данном социально-культурном коллективе: эти тексты служат инструментом «проникновения» в культуру, для чего всегда не хватает материала и материал всегда оказывается недостаточно однородным; б) картиной культурных представлений, которая воссоздается на основе текстов и членит сферу опыта посредством лексических знаков, совокупности оценочных суждений, штампов мысли и речи (*doxa*), то есть посредством кодов или элементов семиотических систем, составляющих код и семиотику речевой деятельности; в) описанием некоторых закономерностей, касающихся отдельных сфер употребления языка, его подсистем, и, наконец, г) ограниченной моделью, отчасти научного характера, того объекта, который условно можно назвать семантикой языковых единиц (не вполне научный характер такой модели связан скорее с идеологической основой принятого подхода, чем с недостатками его осуществления).

Не вызывает сомнения возможность и желательность гомогенизации и совершенствования на объективной основе этих описаний лексики; однако идеальный словарь существует лишь в сознании метафизически настроенных,

закоснелых исследователей. И все же создание более или менее оптимального словаря в свете поставленных задач теоретически вполне возможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Существуют еще «квазидвуязычные» словари, которые сопоставляют не два языка, а две сферы употребления языка, например словарь жаргонизмов, словарь просторечного языка и т. п.

² По поводу понятия «филология» см. Реу 1972, 1973. Отметим, что лексикография пользуется традиционными критериями оценки, тогда как «новая история» (впрочем, это спорная формулировка) учитывает и повседневную бытовую речь.

³ Генетических в том смысле, в каком один из авторов данной статьи предложил понятие *генетической типологии* словарей в работе Реу 1977, 54 и сл.

⁴ Процедуры описания бесписьменных языков (разработанные Сэпиром, Пайком, Найдой и их последователями) остаются «мертвой буквой» для исследователей «культурных языков». Это первое непростибельное упущение. Кроме этого, историей лексикографии описаны корректно только западные традиции, и то начиная лишь с эпохи Возрождения, тогда как китайские и особенно арабские традиции лексикографии могли бы внести в эту область большой вклад. Наиболее изученной нам представляется французская лексикография (см. Quemada 1968; Matoré 1968; Wagner 1967; Woodriddle 1977), о чем, конечно, сожалеть не приходится.

⁵ Некоторые из этих проблем, касающихся «Тезауруса французского языка», правильно проанализированы в работе Хаустап 1977.

⁶ Практически такая программа — в силу существующей экономической системы — не позволяет обеспечить рентабельность и поэтому заставляет прибегнуть к некупаемым финансовым затратам, а это уже затрагивает интересы государства. Если для создания словаря такого типа требуется двадцать лет работы ста лексикографов, отбирающих и обрабатывающих сто миллионов примеров, то, разумеется, коммерческий издатель не захочет быть причастным к такой работе. В XIX веке можно было прибегать к покровительству престижных учебных заведений (таких, как Оксфордский университет), но такие времена прошли.

⁷ О сущности «литературной» модели свидетельствует, например, странный подбор текстов корпуса, взятого за основу 1-го тома «Тезауруса французского языка»: 27 текстов из Барре, 38 — из Леона Доде и 4 — из Валле (последняя цифра показательна), 42 — из Дюамеля и 1 — из Жуандо; произведения Русселя, Дарьена, Кайо и других авторов отсутствуют вовсе.

⁸ Чтобы избежать эпистемологической путаницы, выражение «идеологическая компетенция» используется здесь в метафорическом смысле по отношению к тому техническому смыслу, который вкладывается в понятие «компетенции» в работах Хомского.

⁹ Этот принцип реализован в «Тезаурусе французского языка», и как будто это был первый такой случай.

¹⁰ Так, например, «Тезаурус французского языка» содержит большое количество словарных статей, в которых не фиксируется первое, основное значение слова, согласно принципу, принятому словарем, тог-

да как «вторичные» значения отражаются; даже перебирая слова в алфавитном порядке, можно заметить, например, следующее: balèvre, А 'нижняя губа; гримаса нижней губы'; ballotер З, А и В 'трясти; растормошить, расшевелить'; balsa А 'бальзовое дерево'; banalement А 'банально'; banlieue А 'пригород'; baratteur А 'сбойщик масла'; barbette А 'барбет' и т. п. Наблюдения и индукции, которые возведены в принцип, здесь недостаточны.

¹¹ Относительно толковых словарей французского языка см. работу R e u — D e b o v e 1971; анализ описания глаголов в «Малом Робере» приводится в: M a t i n 1977. В последней работе показано, что способ толкования путем указания синонимов и родовых понятий (через включение) используется в этом словаре более чем в 83% случаев. Отклонения от этого правила — менее 17% случаев — обусловлены скорее нормативными и риторическими соображениями, чем предпочтением другой структуры толкования.

¹² См. список сокращений к «Малому Роберу», в котором разъясняются значения используемых в нем помет.

¹³ Проблемы анализа терминологии обсуждаются в работе R e u 1979.

¹⁴ Не останавливаясь подробно на основаниях возможных вариаций, укажем лишь некоторые: отражение причинности, чувственно воспринимаемого аспекта, оценочных суждений, назначения и т. п.; эти аспекты могут использоваться в большей или меньшей степени в зависимости от природы денотата, в качестве которого может выступать конкретный объект, естественный или искусственный материал; абстрактный объект, всегда искусственный, но часто выдаваемый за естественный. Типологию подобных дидактических «дефиниций» еще предстоит создать.

К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ОБЩЕНАРОДНОГО ЯЗЫКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

1. «Существует ... множество профессиональных языков (Fachsprachen), в зависимости от профессии мы наряду с общенародным языком (Gemeinsprache) владеем одним или несколькими из них. В отличие от арго (Sondersprache) профессиональный язык определяется предметом, который он описывает, а не кругом лиц, которые им пользуются»¹.

Это наблюдение, так же как и сам интерес лингвистов к профессиональным языкам и арго, возникло отнюдь не в XX веке.

1.1. Уже в XVII и XVIII веках лексикографы, ориентация которых была прежде всего нормативной, в своих программах составления словарей предусматривали также необходимость отражать профессиональную лексику и арготизмы². Лингвистическое и культурно-историческое значение профессионализмов и арготизмов сознавал и Я. Гримм, который в предисловии к «Словарю немецкого языка» (1854 г.) писал: «Я занимался всеми словами наиболее древних состояний в полной уверенности, что они предоставляют богатейший материал для исследования истории языка и обычаев народа»³.

1.2. В настоящее время проблематика, связанная с профессиональными языками, представляется чрезвычайно важной; характерно, а впрочем, и естественно, что вновь пробудился всеобщий интерес, и прежде всего со стороны

Wolfgang M e n t r u p. Überlegungen zur lexikographischen Erfassung der Gemeinsprache und der Fachsprachen.— In: «Interdisziplinäres deutsches Wörterbuch in der Diskussion», Düsseldorf, 1978, S. 48—77.

Данная статья представляет собой переработанное изложение доклада «Общенародный язык и профессиональный язык», прочитанного на I Коллоквиуме, который состоялся 12—13 декабря 1975 г. в Бад-Хомбурге (Ср. Mentrup 1976).

лингвистов, к вопросам совершенствования профессиональных языков, а также их грамматического и лексикографического описания⁴.

Бесспорно, что в XIX и особенно в XX веке под влиянием существенных изменений в науке и технике дифференциация, количество и значение различных областей знания достигли совершенно новых, доселе невиданных размеров. Интенсивное возникновение новых специальностей, технологических и научных дисциплин обуславливает необходимость их обеспечения языковыми средствами. Это означает, что наряду с развитием новых предметных областей (Fachbereiche)* происходит стремительная дифференциация профессиональных языков.

Подавляющее большинство самостоятельных (предметных) областей знания, бурно развиваясь, «все глубже проникает в общественную и частную жизнь, оказывает все более непосредственное влияние на изменение условий, в которых мы должны жить» (Weinreich 1976, 365). Это относится и к взаимоотношениям между общенародным языком и необозримыми по количеству и объему словарного состава профессиональными языками, играющими в настоящее время важнейшую роль. Таким образом, можно говорить об «онаучивании» нашей жизни в XX веке, все возрастающем значении особых профессиональных языков. Если в XIX веке, в силу распространения профессиональных областей и языков, слово Fach приобретает значение 'область знания, предмет науки, профессиональная отрасль' и от него возникают производные сложные слова Fachmann 'специалист' и Fachsprache 'профессиональный язык' (Droz d—Seibicke 1973, 3), то появившиеся в XX веке сложные слова Fachidiot 'человек, не разбирающийся в данной области знания', Fachkauderwelsch, Fachchinesisch 'язык, непонятный для непрофессионалов' и Fachjargon 'профессиональный жаргон' ясно указывают на усиливающееся чувство неудовлетворенности из-за отсутствия связи одних профессиональных областей с другими профессиональными и непрофессиональными областями.

Противоречие между расширяющимся миром трудовой и профессиональной деятельности и личной жизнью человека, так же как противоречие между все более дробящимися и постоянно расширяющимися профессиональными язы-

* Данный термин иногда переводится как «профессиональные области». — Прим. ред.

ками и общенародным языком, все чаще воспринимается как угрожающее и неразрешимое — угрожающее в отношении человеческой личности и неразрешимое в отношении профессиональных областей и языков.

Реакция на эту ситуацию приобретает разнообразные формы: от негативно-пессимистических сетований на упадок культуры и языка, которые сопровождаются призывом изменить образ жизни путем создания в каждом доме маленького домашнего алтаря в примиренческо-ностальгическом духе: с пожелтевшими фотографиями неизвестных лиц, почтовыми открытками, относящимися к рубежу веков, с источенными червями прялкой, льнотрепалкой и маслобойкой — такого родного уголка, который был бы противопоставлен обесчеловеченному миру цивилизации, с одной стороны, до констатации трудностей взаимопонимания и коммуникативных помех, возникающих при общении на разных профессиональных языках или на профессиональном языке и общенародном языке, — с другой.

В настоящее время стало ясно, что это — центральная коммуникативная проблема:

— Гиппер (G i r r e g 1969) требует, чтобы языкознание не только критиковало профессиональные языки, но и давало бы рекомендации по их совершенствованию.

— Вайнрих (W e i n r i c h 1976) предлагает план создания систематического междисциплинарного словаря, в котором на основе единой лексикографической концепции должны быть описаны как общенародный, так и профессиональные языки с учетом внутренней структуры каждого из них и взаимосвязей между ними.

— Оба подчеркивают необходимость заново обдумать отношение профессиональных языков к общенародному языку как их единой основе⁵ и призывают представителей самых различных дисциплин координировать свои усилия в этом начинании, пользуясь всеобщей поддержкой.

— Если утверждение, что будущее уже началось, верно, то его можно, пожалуй, отнести к развитию технологии и науки. Что же касается примирения специализированных, технизированных областей трудовой деятельности с частной жизнью человека, примирения профессиональных языков и общенародного языка, то здесь еще есть множество нерешенных проблем, в которых необходимо разобраться.

2. При серьезном рассмотрении задач лексикографического описания профессиональных языков и общенародного языка в их взаимном переплетении возникает множе-

ство вопросов, которые здесь невозможно даже поставить и обсудить, не говоря уже о том, чтобы их решить.

2.1. В качестве примера таких вопросов могут быть названы следующие:

2.1.1. И прежде существовали различные мнения о том, как же практически следует трактовать отношение общенародного языка с профессиональными языками и арго. Если Харсдёрффер, Шоттель и Бёдикер исходят из концепции общего словаря, разделенного на статьи в соответствии с корнями или основами слов, Лейбниц и Фриш считают, что нужны отдельные словари для общенародного языка, профессиональных языков, диалектов и исторических состояний словарного состава (Н е п п е 1968, 98 и сл.).

На Бад-Хомбургском коллоквиуме обсуждались две основные модели: интегрирующему решению проблемы, т. е. представлению о целостном едином словаре общенародного и профессиональных языков, противопоставлялась возможность разделить словарь на две части; в первой описывается общенародный язык, во второй дается снабженное подробной системой ссылок описание профессиональных языков, причем вторая часть в свою очередь могла бы состоять из отдельных томов, каждый из которых был бы посвящен одному профессиональному языку.

2.1.2. Еще Лейбниц ставил вопрос о том, какие слова следует представлять в словаре «по алфавиту», а какие «по их природе», «в соответствии с классификацией вещей» (Н е п п е 1968, 98).

Гримм располагает общий словарный состав в алфавитном порядке и видит в этом важную черту словаря: «Словарь — это алфавитный список слов какого-либо языка». Он категорически возражает против составления словаря по корневым гнездам, куда непосредственно входили бы производные и сложные слова, так как только алфавитный порядок дает уверенность в том, что читатель сможет быстро и точно найти любое слово⁶. Интересно, что по завершении этого алфавитного словаря он планировал добавить к нему «различные указатели и приложения, пользуясь которыми можно было бы получить детальное представление о способах употребления отдельных слов, а также обо всех необычных словах и выражениях, характерных для языка отдельных сословий» (G g i s h t 1854, I, 11).

В Бад-Хомбурге были учтены как принцип общего алфавитного упорядочения всего словаря, так и точка зрения, согласно которой общенародную лексику следует пред-

ставлять в алфавитном порядке, а лексику профессиональных языков — в системном порядке:

«Нельзя отказаться от алфавитного принципа расположения статей, поскольку в противном случае будет неудобно пользоваться словарем. Но необходимо проанализировать, в какой мере и какой форме для дополнения алфавитного принципа может быть привлечен систематический аспект (например, отсылки, поля значений, обзорные статьи, словари отдельных подязыков и т. д.)» (Тезис 10).

2.2. В центре последующих рассуждений находятся прежде всего две комплексные проблемы: проблема объема словаря и проблема взаимосвязи между общенародным языком и профессиональными языками; вторая из этих проблем отражает отношение неспециалиста к специальной предметной области.

В проект словаря любого объема не могут быть включены наряду со словарным составом общенародного языка полные словари всех профессиональных языков, поскольку из-за размера материала это невозможно⁷. Отсюда вытекает необходимость ограничений.

Осуществить их можно двумя способами. Каждый из них предполагает прежде всего полную инвентаризацию (*Bestandsaufnahme*) элементов определенного множества и затем подразделение каждого базового множества на подмножества. Эти способы таковы:

— Ограничение материала определенными подмножествами. Оно основывается на оценке различных характерных признаков и определяемых ими подмножеств.

— Объединение по мере возможности элементов определенного подмножества. Такое объединение ставит своей целью экономное описание систематически проявляющихся признаков элементов какого-либо подмножества.

2.2.1. В процессе первичной инвентаризации необходимо прежде всего описать такой межотраслевой язык, который обеспечивает потребности многочисленных предметных областей, рассматривая его при этом как подсистему, внутри которой могут быть проведены необходимые разграничения⁸.

В результате этой первичной инвентаризации получаем множество всех предметных областей, которые описываются специфическим профессиональным языком: для осуществления первого ограничения необходимо на основе критерия релевантности подразделить полученное базовое множество на подмножества, что дает возможность сосредоточить внимание только на «важных» профессиональных языках.

Что такое «важный», можно определить, только ответив на вопрос, для кого и для чего? Тем самым мы приходим к центральной проблеме нашей темы: для кого предназначен такой междисциплинарный словарь?

Первый возможный ответ: для каждого носителя языка, и в том числе для специалиста, интересы которого в своей профессиональной области обширны и глубоки. Такая цель делает невозможными ограничения любого рода, т. е. как исключение из словаря отдельных профессиональных языков, так и сокращение объема словарей определенных профессиональных языков⁹.

Второй возможный ответ: прежде всего для лиц, владеющих общенародным языком, для непрофессионалов с их либо дилетантским, либо вынужденным интересом к различным предметным областям и профессиональным языкам.

Если придерживаться этой точки зрения, то необходимо установить критерии, применение которых позволит оценить по степени важности (и тем самым выделить) различные подмножества среди многочисленных предметных областей и профессиональных языков, при этом будет также поднят вопрос о связи между общенародным и профессиональными языками, иными словами, вопрос об отношении непрофессионала к той или иной специальной предметной области¹⁰.

Применение таких критериев к общей совокупности всех предметных областей приводит к разбиению этого базового множества на подмножества, а ориентированный на ограничение выбор из них дает возможность выделить редуцированное по сравнению с исходным множеством подмножество профессиональных языков.

2.2.2. Я уверен, что, несмотря на произведенную выборку, материал будет столь обширным, что его дальнейшее ограничение неизбежно. Чтобы иметь возможность его осуществить, на втором этапе инвентаризации необходимо проанализировать каждый из отобранных на первом этапе профессиональных языков и в соответствии с определенными критериями подразделить его на подмножества. Последние и позволят осуществить на данном уровне дальнейшую редукцию. Для проведения этой вторичной инвентаризации необходимо уметь отвечать на вопрос: что относится к профессиональному языку?

Под профессиональным языком можно понимать терминологию, имеющую в значительной мере конвенциональный характер, по возможности свободную от синонимии и омо-

нимни, характеризующуюся высокой степенью точности, семантической четкости и однозначности.

«Специфика профессиональных языков заключена прежде всего в их словарном составе. Предметы, отношения и процессы, связанные с определенной специальной областью, обозначаются с учетом мельчайших подробностей, с точностью, далеко выходящей за рамки принятой в общенародном языке» (P o r z i g 1962, 259).

При характеристике профессиональных языков подчеркиваются такие свойства, как системное описание взаимосвязанных систем понятий (иерархии, рядов, структур), международная систематизация и нормирование профессиональных областей и языков, преобладание имен существительных, отсутствие собственного синтаксиса и эмоционального компонента (междометий), слабая возможность изменения значений и пр.

Это первичное, ориентированное на лексику рассмотрение профессиональных языков связано, между прочим, с представлением о значительной дистанции между ними и общенародным языком: «Все профессиональные языки...— это побеги от одного корня, растущие на иной интеллектуальной почве, нежели общенародный язык»¹¹.

Определенная таким образом область не является гомогенной; это проявляется как в структуре словарей отдельных профессиональных языков, так и в отношении языков различных областей друг к другу, например языков естественных наук к языкам гуманитарных наук. При определении различий между профессиональными языками и распределении их на этой основе на подмножества можно исходить, в частности, и из связи общенародного языка с отдельными профессиональными языками. Поясню это на примере биологии и химии.

2.2.2.1. Значительную часть языка ботаники и зоологии (см. A h l h e i m 1965, 20 и сл.; P ö g k s e p 1977, 147 и сл.) составляет восходящая к Линнею номенклатура названий растений и животных. Все эти названия (одно- или многочленные), объединенные в строго иерархическую систему, изначально передаются латинскими формами, т. е. имеют латинские суффиксы, окончания и повсеместное написание *s* (вместо *k/z*), при этом отдельные таксономические группы внутри этой системы характеризуются либо определенными суффиксами (например, в ботанике: *-phyta* (тип), *-phytina* (подтип), *-opsida* (класс), *-idae* (подкласс), *-ales* (отряд), *-ineae* (подотряд), *-aceae* (семейство), *-oideae* (подсемейство));

либо определенными структурами (наименования видов по меньшей мере двучленны) ¹².

Рядом с этими специальными терминами стоят обозначения так называемых таксономических групп в немецкой и/или латинской форме: *Sorte* (*cultivar*) 'сорт', *Art* (*spezies*) 'вид', *Gattung* (*genus*) 'род', *Famifie* (*familia*) 'семейство', *Ordnung* (*ordo*) 'отряд', *Klasse* (*classis*) 'класс', *Abteilung* (*divisio*) 'тип' (в зоологии соответственно *Stamm* 'тип' и *Reich* (*regnum*) 'царство'). «Основная структура представленной здесь системы соответствует схеме логической понятийной пирамиды. Речь идет о систематическом подчинении по принципу рода и вида *Genus proximum* и *Differentia specifica*... Построенные по такому принципу пирамиды поднимаются по степени абстракции от индивидуальных до общих понятий. Такие схемы, отражающие степень абстракции, обладают наглядностью, способствующей экономии мыслительных усилий... Происходящий при этом процесс абстрагирования следует ... интерпретировать ... как позитивное выявление особенных, то есть общих для сравнительно большого числа живых организмов признаков» (G i r r e g 1969, 71; ср. также P ö r k s e n 1977, 148).

Кроме приведенных номенклатурных терминов и обозначений порядковых категорий, в зоологии и ботанике имеются и другие общие специальные слова, которыми обозначаются определенные действия, процессы, протекающие в организмах, особенности поведения, части организмов, их виды, формы, признаки и т. д. Немалая их часть — это немецкие слова; что же касается иноязычных заимствований, входящих в данную группу, то это почти исключительно слова, ассимилировавшиеся в немецком языке. Например, *Traube* 'виноград', *Ähre* 'колос', *Kätzchen* 'сережка (на дереве)', *Kolben* 'початок', *Rispe* 'ложный колос', *Dolde* 'зонтик', *Zapfen* 'шишка'; *gegenständig* 'супротивный', *aufrecht* 'прямой', *aufsteigend* 'поднимающийся', *kriechend* 'пресмыкающийся', *niederliegend* 'стелющийся', *quirlich* 'однолетний (побег), годичный (кольцо на срезе дерева)', *geflügelt* 'крылатый', *gefurcht* 'в морщинах', *sitzend* 'сидячий', *gestielt* 'стебельковый, черенковый', *verwachsen* 'заросший', *durchwachsen* 'проросший', *gewimpert* 'опушенный', *gesägt* 'зазубренно-пиловидный', *gezähnt* 'зубчатый', *gekerbt* 'зазубренный'; *Nuß* 'орех', *Kapsel* '(семенная) коробочка', *Schötchen* 'стручок', *Hülse* 'стручок', *Beere* 'ягода'; *Herde* 'стадо', *Rudel* 'стая', *Koppel* 'свора', *Sprung* 'прыжок', *Kette* 'выводок', *Ком-*

pagnie 'сообщество'; Samen 'семя', Stiel 'стебель (цветка)', Stamm 'корень', Blatt 'лист', Sporen 'споры'; Fruchtfolge 'севооборот', achromatisch 'ахроматический', Bioklimatik 'биоклиматология'; Nackt-/Bedecktsamer 'голосемянные растения/растения, семена которых имеют покрытия'.

При лексикографическом описании с обозначенными выше пластами можно поступать по-разному. Принимая во внимание их количество (а речь идет о миллионах), практически невозможно учесть в междисциплинарном словаре названия растений и животных, относящиеся к первой группе. Я и не считаю это необходимым или рациональным. Во-первых, на мой взгляд, эти термины, пунктуально зафиксированные в пределах одной дисциплины, мало связаны с другими профессиональными языками. С другой стороны, эти термины изолированы и от общего языка из-за особенностей синтаксического применения и из-за чужеродной языковой формы; я полагаю, что в своей терминологически установленной структуре и функции они крайне редко используются в общенародном языке или в тексте, предназначенном для неспециалистов. Как средства идентификации они сохраняют свою однозначность преимущественно не через контекст, а через постоянное место в определенной терминологической системе.

Группу наименований порядковых категорий, видимо, следует включить в междисциплинарный словарь, фиксируя при этом именно терминологические значения соответствующих слов в профессиональных языках и указывая их в принятой немецкой и/или латинской форме.

Безусловным основанием такого включения можно считать наличие лексемного соответствия для данного термина в каком-либо другом профессиональном языке и/или в общенародном языке; это соответствие охватывает следующие случаи:

— Профессиональные обозначения встречаются в различных профессиональных языках (в рассмотренном примере: в ботанике и зоологии), причем по мере надобности их значения специально уточняются.

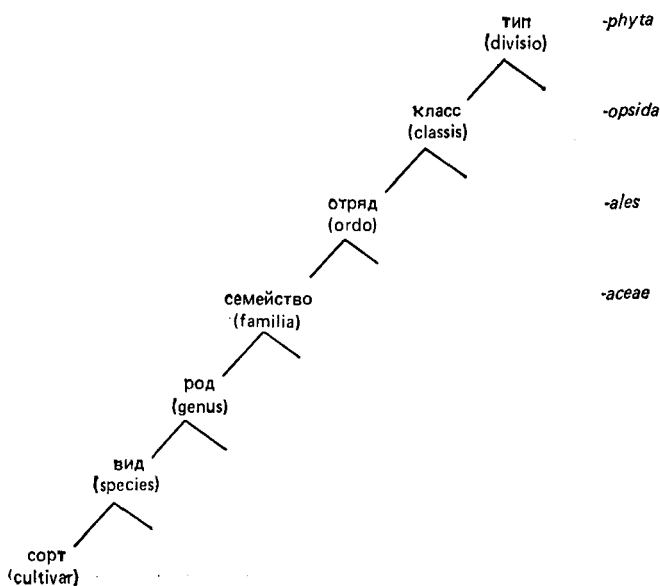
— При этом, как было показано выше на примере обозначений понятий, связанных с отношениями субординаций, части/целого и вхождения в множество, они имеют определенные общие понятийные признаки (например, Valenz 'валентность' в химии и языкознании).

— Эти признаки могут к тому же часто иметь соответствия в дотеоретическом, общем осмыслении того или иного

понятия, что отражается в общеязыковом употреблении (например, для Klasse 'класс': «характеризуемое общими признаками подмножество элементов какого-либо большего множества»).

— Обозначения употребляются только в одном профессиональном языке, но имеют общеязыковые соответствия (например, Kraft 'сила' — «предмет или лицо, которое совершает воздействие»).

Внутри понятийной пирамиды порядковых категорий объем понятия отдельного элемента определяется через фиксированную позицию, которую он занимает внутри понятийной системы. Эту систему вместе со всеми относящимися к ней элементами, образующими иерархическую структуру, можно описать и графически изобразить в какой-либо центральной статье словаря. В эту статью можно было бы дополнительно включить синтактико-семантические правила дистрибуции элементов (дистрибутивные модели), так же как и характеристику структурных элементов, специфичных для терминологических групп, входящих в ту или иную категорию (ср., например, вышеназванные суффиксы и окончания, а также структуры) (Schubert — Wagner 1971; Zandler 1972):

При каждом термине, стоящем в словаре в соответствии с принятым сегодня алфавитным порядком, например *Abteilung* 'тип', *Ordnung* 'отряд', *Klasse* 'класс', можно было бы помещать относительно краткое указание на профессиональное употребление и ссылку на центральную статью. Типичные системные словообразовательные средства могут быть выделены как заглавные слова и также снабжены отсылкой к центральной статье.

В противоположность существующим описаниям преимуществом предлагаемого способа является большая точность, лучшая наглядность и, вероятно, также более высокая экономность. Сопоставим предложенную нами схему с существующими описаниями. Так, в словаре современного немецкого языка Клаппенбах и Штайница элементы рассмотренной выше системы определяются при помощи соответствующих более общих или более частных понятий. В статье с заглавным словом *Familie* с пометой „биология” дается значение: «Подразделение в системе живых существ, стоящее между отрядом и родом», *Klasse* определяется как «Подразделение в системе живых существ, стоящее между типом и отрядом». В словаре Дудена приводится следующее значение слова *Familie* в языке биологии: «Системное подразделение, состоящее из родов», и слова *Klasse* — «Группа живых существ или предметов с общими признаками». Из обоих определений не следует, какое место занимает отдельное слово в общей системе классификационных категорий (*K l a p p e n b a c h — S t e i n i t z* 1961 и сл.; *D u d e n* 1971).

Группу наиболее общих терминов ботаники и зоологии следовало бы подвергнуть полной инвентаризации с тем, чтобы выделить подмножества. В качестве первичного критерия их выделения можно было бы рассмотреть лексемную близость к элементам других профессиональных языков и/или общепонятного языка. Если такие слова удастся выявить, то я считаю, что их следует отнести ко всеобъемлющему междисциплинарному словарю, при этом нас не должно волновать число этих слов. Необходимо также проверить, нельзя ли объединить описания некоторых подмножеств. Возможны, например, такие центральные статьи: «соцветия», «расположение листьев», «прикрепление листа к стеблю», «край листьев», «форма плодов», «обозначения групп животных», «части растений» и т. д., в которых также можно было бы сформулировать общие синтактико-семантические пра-

вила дистрибуции, типы словообразования (производные и сложные слова) и т. п.¹³.

2.2.2.2. В неорганической химии¹⁴ тоже можно выделить три группы слов: номенклатурно установленные названия химических элементов, «рациональные наименования», а также группу общих терминов. Названия элементов — это латинские или латинизированные обозначения. Они служат основой сокращений, употребляемых в качестве символов химических элементов. Рациональные наименования — это построенные по принципу сложных слов обозначения, в которых «по отдельным частям слов можно узнать строение химических соединений,.. кроме того, сюда относятся такие обозначения, в которых присоединение определенных суффиксов к корню... характеризует классы соединений» (A b l h e i m 1965, 18).

Используемые словообразовательные средства (префиксы и суффиксы) происходят из латинского или греческого языков, и их употребление носит системный характер: -ium — показатель металлов, -um — неметаллов, -on — инертных газов, -id — бескислородных солей, -it — кислых солей, -at — средних солей, -an, -en, -in — показатели органических соединений.

«Префикс Нуро- указывает на крайне низкое, а префикс Per- — крайне высокое содержание кислорода в кислотах. Cis- и Trans- обозначают пространственное расположение атомов в соединениях. Обозначения простых сахаристых соединений содержат суффикс -ose (Pentose 'пентоза', Hexose 'гексоза'), названия производных от сахара ферментов (лат. *fermatio*) или энзимов... образуются при помощи суффикса -ase. Наименования простых белковых веществ содержат суффикс -in (Protein 'протеин', Albumin 'альбумин'), сложных — окончание -id» (F l u c k 1976, 85; L i p p e r t 1978).

Наряду с этим существует группа обозначений процессов, приборов, технических методов и т. д., например, Polymerisation 'полимеризация', Polarisation 'поляризация', Emulsion 'эмульсия', часть из них образована от имен собственных, например: Erlenmeyer-Kolben 'колба Эрленмейера', Bunsenbrenner 'бунзеновская горелка' и т. д.

При лексикографическом описании указанных слоев данного профессионального языка можно было бы в центральной статье привести названия элементов (вместе с сокращениями, используемыми в качестве символов) и сформулировать определенные общие правила дистрибуции. Кроме того,

можно было бы сформулировать правила, описывающие закономерности образования сложных (составных) наименований химических соединений, а также системные функции словообразовательных средств в плане строения химических веществ. На соответствующих алфавитных местах при названиях отдельных элементов, а также при отдельных словообразовательных средствах можно было бы довольствоваться кратким указанием на их специальное употребление в данной предметной области и отсылкой к центральной статье. В группе общих терминов необходимо было бы провести полную инвентаризацию и отбор в том же направлении, в котором это намечено выше для общих терминов ботаники и зоологии.

2.2.3. Наряду с возможностью отражать только системные черты, а не отдельные элементы в случае таких слов, как названия животных и растений, следует указать и на другие возможности использования принципа системно-обобщающего описания.

2.2.3.1. Составление центральной статьи рекомендуется для групп слов, родственных по смыслу или предметной соотнесенности, а также для лексических полей и микрополей внутри определенных предметных групп. В последнем случае использование в словаре соответствующих графических иллюстраций может избавить от необходимости давать трудоемкие дефиниции и описания, так как рисунки покажут соответствующие различия между описываемыми предметами гораздо нагляднее. Эта возможность широко использовалась в словаре Брокгауза, иллюстрированном «Дудене» и разнообразных стандартах (DIN). Так, в словаре Брокгауза (S r g a s h B r o k h a u s 1964, 379) рядом со словарной статьей *die Kuppel, -/-n Überwölbung eines Raumes, meist in Form einer Halbkugel, Abb. K 61*. 'Купол — свод помещения, чаще всего в форме полушария, рис. К 61'. дается таблица, на которой изображены и снабжены названиями различные типы куполов: шарообразный, острый, приплюснутый, в виде призмы, клиновидный, объемный, подвесной, в виде луковицы, а также различные части купола.

В случаях систематического подчинения иерархическая системная связь в центральной статье может быть наглядно представлена, как было показано выше, с помощью схем (уровни, подуровни, однопорядковые ряды) (DIN 1974, 2, 3; ср. также DIN 1973), см. рис. 1, 2, и 3 ниже.

Конечно, ясно, что такого рода систематическое описание возможно только в области строго нормированных дис-

Рис. 1

Рис. 2

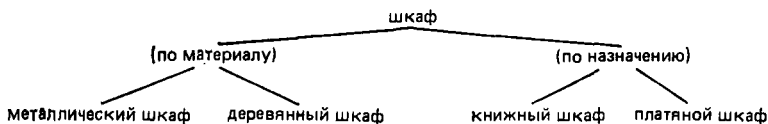

Рис. 3

циплин, например в технике, но не вообще в области всех наук.

2.2.3.2. Вероятно также, что для слов, родственных по смыслу или предметной соотнесенности, можно составить универсально пригодные указатели их значений и синтактико-семантические дистрибутивные правила, которые можно было бы представить в соответствующей центральной статье. Это дало бы, например, возможность путем простой ссылки на центральную статью определить как значения слов типа Apfel 'яблоко', Birne 'груша', Pflaume 'слива' и т. д.: «плод яблони/грушевого дерева/сливового дерева» и «яблоня/грушевое дерево/сливовое дерево», так и подходящие для всех них синтагмы с глаголами blühen 'цвести', pflücken 'собира́ть', schmecken 'пробовать, отведыва́ть', schütteln 'трясти' и т. д.

2.2.3.2.1. Для такого рода централизованного изложения необходимо разработать синтагматические связи, типичные для определенных групп слов различных профессиональных языков, например, в форме списка наиболее частотных глаголов; см. следующую таблицу на стр. 315¹⁵:

№	анатомия	мед. тексты	научные тексты	стандартный разгов. язык
1.	sein 'быть'	liegen 'лежать'	sein 'быть'	sein 'быть'
2.	können 'мочь'	lassen 'давать (возможность)'	werden 'становиться'	können 'мочь'
3.	liegen 'лежать'	entsprechen 'соответствовать'	haben 'иметь'	sagen 'говорить'
4.	bilden 'образовывать'	sich ergeben 'получаться'	können 'мочь'	haben 'иметь'
5.	haben 'иметь'	führen zu 'приводить к чему-то'	müssen 'быть должным' (что-то сделать)	müssen 'быть должным' (что-то сделать)
6.	ziehen 'тащить'	kommen zu 'приходить к'	geben 'давать'	kommen 'приходить'
7.	bestehen 'существовать'	sich finden 'находиться'	bestimmen 'устанавливать'	wollen 'хотеть'
8.	besitzen 'владеть'	geben 'давать'	lassen 'давать (возможность)'	geben 'давать'
9.	entsprechen 'соответствовать'	folgen 'следовать'	sollen 'быть должным' (что-то сделать)	machen 'делать'
10.	verlaufen 'проходить'	sich bilden 'образовываться'	zeigen 'показывать'	gehen 'идти'
11.	entspringen 'происходить'	bleiben 'оставаться'	liegen 'лежать'	sollen 'быть должным'
12.	stehen 'стоять'	vorliegen 'существовать'	machen 'делать'	glauben 'полагать'
13.	zeigen 'показывать'	zeigen 'показывать'	heißen 'называть'	wissen 'знать'

Четыре столбца составлены таким образом, что слева направо степень специализации убывает.

Только в одном столбце встречаются глаголы.

— анатомия: besitzen, bestehen, bilden, entspringen, stehen, verlaufen, ziehen;

— медицинские тексты: sich bilden, bleiben, sich ergeben, sich finden, folgen, führen zu, kommen zu, vorliegen;

— научные тексты: bestimmen, heißen, werden;

— стандартный разговорный язык: gehen, glauben, kommen, sagen, wissen, wollen.

В двух столбцах встречаются глаголы:

— анатомия + мед. тексты: entsprechen;

- мед. тексты + научные тексты: lassen;
- научные тексты + стандартный разг. язык: können, machen, müssen, sollen,

В трех столбцах встречаются глаголы: geben, haben, liegen, sein, zeigen.

Такая предварительная оценка носит пока лишь условный характер, поскольку состав таких групп, как модальные и вспомогательные глаголы, может существенно варьироваться¹⁵. Кроме того, всегда следует учитывать то обстоятельство, что такие таблицы основываются на учете только плана выражения, при этом одинаковые звуковые формы могут иметь весьма различные планы содержания.

Основным требованием здесь должно быть проведение такого исследования групп текстов с самыми различными характеристиками, которое основывалось бы на единой грамматической модели, учитывающей содержательную сторону¹⁶, что дало бы действительно сопоставимые результаты.

2.2.3.2.2. Для непосредственного сравнения несколько больше подходят следующие списки, в которых представлены 15 наиболее употребительных английских глаголов в 5 профессиональных словарях¹⁷ (см. с. 317).

Только в одном столбце встречаются глаголы:

- строительное дело: support, provide;
- химия: contain, form, become, call;
- математика: let, define, exist, satisfy, denote;
- медицина: occur, follow, increase;
- физика: calculate, observe, determine.

В двух столбцах:

- строительное дело + химия: will, must;
- строительное дело + математика: consider;
- строительное дело + медицина: should/shall;
- математика + физика: obtain;
- медицина + физика: see.

В трех столбцах: do (отсутствует в химии и математике).

В четырех столбцах: make (отсутствует в математике), find (отсутствует в строительном деле).

Во всех столбцах встречаются глаголы: be, can, may, have, use, show, give.

Анализ позволяет выявить, с одной стороны, группу из семи глаголов, которые встречаются во всех списках. Речь идет о глаголах с очень общим значением, которые используются также как вспомогательные глаголы (be, have), модальных глаголах (can, may) и глаголах use, show и give. С другой стороны, имеются группы глаголов, специфических

№	строительное дело	химия	математика	медицина	физика
1.	be 'быть'	be	be	be	be
2.	can 'мочь, быть в состоянии'	have	have	may	use
3.	may 'мочь'	can	let 'позволять давать'	can	give
4.	will 'хотеть'	may	can	have	have
5.	have 'иметь, обладать'	will	may	shall	can
6.	use 'использовать'	make	show	show	show
7.	show 'показывать'	use	define 'определять'	occur 'случаться, происходить', find	find
8.	should	give 'давать'	give		make
9.	give 'давать'	show	obtain 'получать'	do	obtain
10.	must 'быть должным (что-то сделать)'	contain 'содержать'	exist 'существовать'	make	see
11.	do 'делать'	form 'создавать(ся)'	use 'применять, использовать'	give	may
12.	make 'делать, изготавливать'	must	satisfy 'удовлетворять, выполнять'	follow 'следовать'	calculate 'вычислять'
13.	support 'поддерживать'	become 'становиться'	find 'находить, получать'	use	observe 'наблюдать'
14.	provide 'обеспечивать'	call 'называть, обозначать'	consider	increase 'возрастать'	do
15.	consider 'полагать, учитывать'	find 'находить'	denote 'обозначать'	see 'видеть, понимать'	determine 'определять, решать'

для отдельных профессиональных словарей (объем этих групп может существенно увеличиваться в последующих, более низких разрядах), а также глаголы, которые входят в два — четыре словаря (конечно, только в пределах представленных списков разрядов от одного до пятнадцати). При дальнейшем более тщательном исследовании употребления глаголов должны быть учтены по меньшей мере следующие моменты:

— все глаголы, включая глаголы, относящиеся к нижним разрядам каждого профессионального языка, следует описать и расклассифицировать на подгруппы по признаку их вхождения в различные словари;

— глаголы, входящие только в один профессиональный словарь, необходимо проанализировать, учитывая при этом их синтагматические связи, с точки зрения того, насколько их особое значение/употребление специфично именно для данного профессионального словаря;

— глаголы, входящие в несколько профессиональных словарей, необходимо проанализировать, учитывая их синтагматические связи, с точки зрения того, насколько их значение/употребление специфично для данной группы профессиональных словарей;

— общеязыковые глаголы, не специфичные для профессиональных языков (чаще всего встречающиеся в нескольких профессиональных языках), следует проанализировать с точки зрения их дистрибуции, поскольку не лишено оснований предположение, что в профессиональных языках их синтагматические связи имеют определенную специфику.

2.2.3.3.1. Выше неоднократно указывалось на возможность систематического и экономного описания системных черт при помощи словообразовательных моделей¹⁸. Их можно было бы использовать как для общенародного языка, так и для профессиональных языков, так как и в профессиональных языках употребляются словообразовательные средства общенародного языка. Это касается как производных, так и сложных слов. Словообразовательные средства можно вводить как заголовочные элементы словарных статей и описывать их различные функции в общенародных и профессиональных языках. Сложные слова, в том числе и с определительным компонентом (последние играют важную роль прежде всего в специальных технических языках), могут быть систематически описаны в статье основного слова, при этом различные функции определительных элементов ведут к разбиению на подклассы, на которые в таком случае

может даваться ссылка при отдельном элементе, стоящем на своем месте по алфавиту.

Как широко могут быть представлены сложные слова, по крайней мере в некоторых профессиональных языках, показывает исследование Пельки, посвященное названиям деталей в металлообрабатывающей промышленности: из 2694 наименований 2400 представляют собой сложные слова, из них 2397 имеют определительный элемент. Из них 84,7% состоят из двух элементов. Из 2026 наименований с базисной лексемой 1030 были построены на базе 23 лексем (всего лексем было 227) (см. P e l k a 1971, 110; F l u c k 1976, 66).

«Так, Х. Ишрайт установил, что общая совокупность нормированных наименований, представленная в стандартах DIN, вышедших в 1965 г., составляла 11 500 терминов. Эти наименования были образованы из 2100 элементов в различных сочетаниях». 131 сложный глагол, используемый при описании обработки железа и стали, построен на основе пяти слов: *schweißen* 'сваривать', *härten* 'закачивать', *glühen* 'раскалять', *ziehen* 'подвергать вытяжке', *formen* 'формовать' (I s c h g e u t 1965, 176 и сл).

На возникающую в связи с существованием многочисленных сложных и производных слов проблему объема словаря указывал еще Гримм (G r i m m 1854, I, XXV), но при этом он также подчеркивал системный характер образования сложных слов, «которые благодаря особенностям немецкого языка могут создаваться в бесчисленных количествах», ср., например, префиксальные образования, которые невозможно охватить ни в одном словаре. В таких случаях Гримм советовал: «Выводить на основе существующих аналогий законы... например, префикс *auf-* вызывает у меня прежде всего мысль о глаголах, обозначающих громкое звучание чего-либо, причем эти звуки будят спящего: *aufbellern* 'залаять', *aufblimmeln* 'затрезвонить', *aufblasen* 'затрубить', *aufdonnern* 'загреметь', *aufgeigen* 'заиграть на скрипке', *aufkläuten* 'зазвонить', *aufposaunen* 'заиграть на тромбоне', *aufschreien* 'вскрикнуть', *aufsingen* 'запеть', *auftrummeln* 'забарабанить', *auftrumpeten* 'заиграть на трубе', *auftuten* 'затрубить' и т. д.; достаточно привести в словаре некоторые из них с хорошими примерами...». Я добавил бы к этому: в центральной статье, посвященной префиксу *auf-*, где это его употребление фигурировало бы наряду с другими.

Дополнительно, однако, следует назвать правила, описывающие случаи, когда принцип аналогии не соблюдается:

«в исключениях и отклонениях от него в свою очередь скрываются правила, которые надо обнаружить... так, *aufgeigen* обычно означает 'заиграть на скрипке', следовательно, о пробуждении звуком скрипки можно говорить только тогда, когда существуют определенная ситуативная связь». Это верно также и для суффиксальных образований (*G g i t t* 1854, I, XLII). Принято считать, что от каждого глагола образуется существительное мужского рода на *-er*, от которого в свою очередь можно образовать существительное женского рода на *-erin*,... однако оказывается, что существительные, образованные таким образом от некоторых (чаще всего простых) глаголов, не употребляются в языке, в то время как от сложных глаголов подобные существительные легко возникают: никто не говорит *der Faller, Lasser, Heizer*..., но прекрасно образуются *der Erblasser* 'завещатель', *Verheizer* 'предсказатель'; *Halter* 'владелец' и *Haushalter* 'эконом', и *Verwalter* 'управляющий' от *verwalten* 'управлять'...».

2.2.3.3.2. В работе *R o g a l l a* 1976 авторы исследовали корпус текстов Эрка, содержащий научные публикации по 34 дисциплинам (общий объем 250 000 словоупотреблений), на предмет выявления закономерностей в области словообразования. Из приблизительно 5500 существительных, которые остались после выделения отчетливо выраженных сложных слов, более 50% оканчиваются на один из 15 наиболее частотных суффиксов. Около 34% (почти 1900) существительных оканчиваются на *-ung*, *-keit*, *-heit*, *-schaft*, *-nis*, *-tum* или *-er*, 31% (около 1730) существительных оканчиваются на *-ung* (более 1000), на *-keit* (почти 300), на *-heit* (более 100) и на *-er* (более 330). «Из более чем 330 существительных, оканчивающихся на *-er*, около 20 были женского рода (частота больше 30: *Dauer* 'продолжительность, срок', *Ziffer* 'цифра'), и более 30 — среднего (частота от 60 до 25: *Alter* 'возраст', *Zeitalter* 'поколение, век', *Mittelalter* 'средневековье', *Theater* 'театр', *Wasser* 'вода', *Muster* 'образец'). Почти 280 оставшихся существительных — мужского рода. Около 80% из них обозначают людей, большинство представляет собой образованные от глаголов *nomina agentis* (напр., *Einwanderer* 'переселенец', *Bearbeiter* 'обработчик') либо наименования лиц по их происхождению (напр., *Europäer* 'европеец'). Сюда же примыкает группа поменьше — наименования орудий в самом широком смысле, а также существительные, которые в зависимости от контекста могут относиться и к той, и к другой группе (напр., *Empfänger*

‘получатель, адресат; приемник’, — Schreiber ‘пишущий; то, чем пишут’). Остаток (около 10%) составляют слова, для которых, так же как для существительных женского и среднего рода, нельзя предложить классификацию, основанную на семантическом признаке (напр., Körper ‘туловище’, Hunger ‘голод’, Eifer ‘рвение’) (R o g a l l a 1976, 3).

На основании этого описания можно предложить следующий проект обобщающей статьи:
-er

1. П р и м е р: der Bearbeiter → jemand, der [Manuskript] bearbeitet: ‘обработчик → тот, кто обрабатывает [рукописи]’: обозначение лица, которое что-то делает [существительное мужского рода, образованное от глагола]: (сведения о дистрибуции с примерами).

2. П р и м е р: der Leuchter → etwas, das leuchtet: ‘святильник → нечто, что светит’: обозначение предмета, который что-то «делает» [существительное мужского рода, образованное от глагола]: (сведения о дистрибуции с примерами).

3. П р и м е р: der Europäer → jemand, der in Europa wohnt/lebt, aus Europa kommt/stammt ‘европеец → человек, который живет в Европе, приехал/родом из Европы’: обозначение лица, характеризующегося по территориальному признаку, [существительное мужского рода, образованное от существительного]: (сведения о дистрибуции с примерами).

4. П р и м е р: der Tilsiter → etwas (ein Käse), das (der) aus Tilsit kommt/stammt ‘тильзитский → что-то (сыр), привезенное из Тильзита/изготовленное там’; das Dortmunder → etwas (ein Bier), das aus Dortmund kommt/stammt ‘дортмундское → что-то (пиво), привезенное из Дортмунда/изготовленное в Дортмунде’: название продукта по территориальному признаку [существительное мужского или среднего рода, образованное от существительного]: (сведения о дистрибуции с примерами).

5. П р и м е р: der Bohrer → Gerät, womit man bohren kann: ‘сверло → прибор, которым можно сверлить’: обозначение предмета/прибора, которым можно делать что-то, используя его как инструмент [существительное мужского рода, образованное от глагола]: (сведения о дистрибуции с примерами).

Вышеназванные пять словообразовательных моделей только приблизительно описывают возможности использования -er как словообразовательной морфемы. Они скорее ставят вопросы, чем отвечают на них:

— Какие ограничения накладываются на каждую модель? К каким глаголам она может применяться? К каким не может?

— Какие могут быть установлены общие дистрибутивные правила?

— Должно ли в центральной статье, согласно ономаσιологическому способу описания, указываться, что, например, в случае 3, рассмотренном выше, могут использоваться также суффиксы *-ner* (*Amerikaner* 'американец') или *-ler* (*Südstaatler* 'выходец из Южных штатов')?

— Должны ли абсолютно все слова на *-er* обсуждаться в одной статье? То есть даже те, которые не попадают ни в один из указанных типов, как, например, существительные женского рода (*Dauer, Ziffer*), или среднего рода (*Alter, Muster*), или вышеназванная группа существительных мужского рода, не обладающих общим семантическим признаком (*Körper, Hunger*)?

— Какие пометы должны даваться около каждого заглавного слова? Какие специальные пометы необходимы наряду с указанием на словообразовательную модель?

2.2.3.3.3. В качестве наиболее частотных иностранных суффиксов авторы называют *-ion, -ie, -tät, -ig* и *-ismus*. При помощи этих суффиксов образовано 700 различных существительных, т. е. около 13% от общего числа (*Rogalla 1976, 4*). В таблице (с. 324—325) в двух левых столбцах приводятся немецкие и иностранные суффиксы (сверху вниз по убыванию их встречаемости). Таблица составлена на материале подсчетов Х. и В. Рогалла для корпуса текстов Эрка. Остальные столбцы дают представление о частоте английских и французских суффиксов, служащих для образования существительных, в названных в таблице профессиональных языках¹⁹.

Мы не будем подробно останавливаться на словообразовании прилагательных, приведем только таблицу употребляемых для этого словообразовательных суффиксов (с. 326—327). Таблица составлена на основе тех же материалов, что и таблица для существительных.

Важным представляется тот факт, что число лексикализованных (идиоматичных) единиц по сравнению с «прозрачными» суффиксальными образованиями, легко разлагающимися на составные части и интерпретируемыми при помощи их, чрезвычайно мало. В этой связи, а также ввиду того, что число словообразовательных элементов вполне обозримо и они не так уж сильно варьируются в различных

профессиональных языках, представляется вероятным, что с помощью центральных статей, посвященных отдельным словообразовательным элементам, можно охватить значительное множество соответствующих производных слов.

Привлечение к рассмотрению других языков, например английского и французского (см. приведенные таблицы), представляет большой интерес уже с чисто сопоставительной точки зрения. Кроме того, эти данные можно было использовать для описания этимологии заимствованных суффиксов на фоне их употребления в соответствующих иностранных языках.

Для описания действующих в области словообразования закономерностей (в том числе и ограничений) соответствующие исследования, как в области общенародного языка, так и профессиональных языков, должны систематически расширяться и углубляться²⁰. Следовало бы выяснить также, в какой мере в центральных статьях могут быть приведены общие правила дистрибуции элементов для систематически описанных словообразовательных групп.

2.2.4. До сих пор я строил изложение так, как будто в описанных в разделе 2.2.2. профессиональных языках существуют только латинизированные специальные выражения типа: *Corniferae*, *Ericales*, *Ericaceae*, *Orchidaceae*, *Crocus*, *Erica*, *Crocus candidus/sativus* и *albiflorus* и наряду с ними не употребляются ассимилировавшиеся в немецком языке, менее удаленные от общенародного языка *Erikazeen* 'вересковые', *Orchideen* 'орхидеи', *Krokusse* 'крокусы' и *Erikas* 'вереск', как будто существуют только *salix alba*, *salix tristis*, *Silberweide* 'ива серебристая' и *Trauerweide* 'ива плакучая', но рядом с ними не стоит просто *Weide* 'ива', как будто существуют — привлечем к рассмотрению также и медицину — только *Bacillus botulinus*, *Caries dentalis*, *Bacterium coli commune* и не употребляются просто *Bazillus* 'бацилла', *Karies* 'кариес' и *Bakterie* 'бактерия'. Эти так называемые «тривиальные обозначения/названия», имеющие широкое распространение в профессиональных языках (а в некоторых случаях укоренившиеся и в общенародном языке) и рассматриваемые с научной точки зрения как упрощенные (и потому противопоставленные строго определенным терминам), заставляют пересмотреть определение профессионального языка как совокупности чисто научной терминологии.

2.2.4.1. В последнее время профессиональные языки рассматриваются уже не как сугубо специальные термино-

Суффиксы существительных

№	научные тексты		строительное дело		химия	
	нем.		анг.	фр.	анг.	фр.
1.	-ung (Umdrehung) 'вращение'	-ion (Funktion) 'функция'	-ion (section) 'секция'	-ion (construction) 'строительство'	-ion (direction) 'инструкция'	-ion (solution) 'раствор'
2.	-er (Bearbeiter) 'работчик'	-ie (Theorie) 'теория'	-ing (building) 'здание'	-eur (hauteur) 'высота'	-ation (combination) 'соединение'	-ure (temperature) 'температура'
3.	-keit (Leichtigkeit) 'легкость'	-tät (Realität) 'реальность'	-ure (temperature) 'температура'	-té (qualité) 'качество'	-ity (ability) 'способность'	-eur (valeur) 'ценность'
4.	-heit (Steilheit) 'крутизна'	-ik (Politik) 'политика'	-ment (requirement) 'требование'	-ure (architecture) 'архитектура'	-ment (arrangement) 'классификация'	-té (quantité) 'количество'
5.	-schaft (Wissenschaft) 'наука'	-ismus (Organismus) 'организм'	-ty (property) 'собственность'	-ie (superficie) 'поверхность'	-ure (feature) 'особенность'	-ide (acide) 'кислота'
6.	-nis (Verhältnis) 'отношение'		-er (water) 'вода'	-on (béton) 'бетон'	-ence (difference) 'различие'	-ie (énergie) 'энергия'
7.	-tum (Wachstum) 'развитие'		-ance (resistance) 'сопротивление'	-ence (expérience) 'опыт'	-y (chrometography) 'хроматография'	-ment (groupement) 'группировка'
8.				-ment (bâtiment) 'здание'	-er (layer) 'слой'	-ence (fréquence) 'частота'

Суффиксы существительных

№	математика		медицина		физика	
	анг.	фр.	анг.	фр.	анг.	фр.
1.	-ion (assumption) 'предположение'	-ion (fonction) 'функция'	-ion (infection) 'инфекция'	-ion (lésion) 'повреждение'	-ion (equation) 'выравнивание'	-ion (fonction) 'функция'
2.	-action (calculation) 'вычисление'	-eur (valeur) 'значение'	-ment (development) 'развитие'	-ie (partie) 'часть'	-ty (velocity) 'скорость'	-eur (valeur) 'значение'
3.	-у (frequency) 'частотность'	-té (propriété) 'свойство'	-ity (severity) 'строгость'	-ment (traitement) 'лечение'	-ure (figure) 'фигура'	-té (quantité) 'количество'
4.	-ence (congruence) 'конгруэнтность'	-ie (partie) 'часть'	-ing (finding) 'обнаружение'	-té (activité) 'активность'	-ment (experiment) 'эксперимент'	-ure (mesure) 'мера'
5.	-ity (capacity) 'вместимость'	-ence (existence) 'существование'		-eur (tumeur) 'опухоль'	-ing (scattering) 'разброс'	-ie (énergie) 'энергия'
6.	-al (differential) 'дифференциал'	-eé (dérivée) 'производная функция'		-ence (différence) 'различие'	-ence (difference) 'различие'	-on (électron) 'электрон'
7.	-a (formula) 'формула'	-age (voisinage) 'смежность'		-ure (fracture) 'перелом'		-ence (expérience) 'опыт'
8.	-er (computer) 'вычислительная машина'	-ment (développement) 'развитие'		-ose (tuberculose) 'туберкулез'		-ment (mouvement) 'движение'

Суффиксы прилагательных

№	научные тексты		строительное дело		химия	
	нем.		анг.	фр.	анг.	фр.
1.	-isch (draufgängerisch) 'напористый'	-al (sozial) 'социальный'	-al (general) 'общий'	-ique (technique) 'технический'	-al (additional) 'дополнительный'	-ique (sulfurique) 'серный'
2.	-lich (möglich) 'возможный'	-iv (relativ) 'относительный'	-ic (public) 'коммунальный'	-al (normal) 'нормальный'	-ic (atomic) 'атомный'	-al (expérimental) 'эксперименталь- ный'
3.	-ig (gebirgig) 'гористый'	-ell (individuell) 'промышленный'	-able (available) 'пригодный'	-ent (différent) 'различный'	-ive (extensive) 'обширный'	-aire (moléculaire) 'молекулярный'
4.	-bar (beeinflussbar) 'имеющий влияние'	-ent	-ive (relative) 'относительный'	-ant (important) 'важный'	-able (considerable) 'значительный'	-é (composé) 'составной'
5.	-los (zweifellos) 'несомненный'	-är	-ous (various) 'различный'	-el (industriel) 'промышлен- ный'	-ary (elementary) 'элементарный'	-ant (suivant) 'следующий'
6.	-haft			-eur (intérieur) 'внутренний'	-ous (analogous) 'аналогичный'	-el (potentiel) 'потенциальный'
7.	-weise (beziehungsweise) 'ответственный'			-able (véritable) 'истинный'		-ent (différent) 'различный'
8.	-mässig (regelmässig) 'регулярный'			-ible (possible) 'возможный'		-if (relatif) 'относительный'

Суффиксы прилагательных

№	математика		медицина		физика	
	анг.	фр.	анг.	фр.	анг.	фр.
1.	-al (additional) 'дополнительный'	-al (general) 'общий'	-al (clinical) 'клинический'	-ique (clinique) 'клинический'	-al (experimental) 'экспериментальный'	-ique (magnétique) 'магнитный'
2.	-ed (bounded) 'ограниченный'	-el (réel) 'действительный'	-ic (aortic) 'аортальный'	-al (normal) 'нормальный'	-ic (magnetic) 'магнитный'	-al (expérimental) 'экспериментальный'
3.	-ar (linear) 'линейный'	-ique (caractéristique) 'характерный'	-ive (effective) 'эффективный'	-aire (pulmonaire) 'легочный'	-ive (positive) 'положительный'	-aire (linéaire) 'линейный'
4.	-ing (corresponding) 'соответствующий'	-if (positif) 'положительный'	-able (available) 'полезный'	-eur (nerveux) 'нервный'	-ar (nuclear) 'ядерный'	-ent (différent) 'различный'
5.	-ic (analytic) 'аналитический'	-ant (suivant) 'следующий'		-if (digestif) 'пищеварительный'		-ant (suivant) 'следующий'
6.	-ive (additive) 'дополнительный'	-aire (linéaire) 'линейный'		-able (variable) 'переменный'		-if (relatif) 'относительный'
7.	-ent (apparent) 'очевидный'	-é (fermé) 'закрытый'		-ent (fréquent) 'частый'		-el (réel) 'действительный'
8.	-able (acceptable) 'приемлемый'	-ent (précédent) 'предыдущий'		-eur (antérieur) 'предшествующий'		-eur (inférieur) 'нижний'

логические системы, а как неоднородные комплексы, расчленение которых на горизонтальные пласты определяется такими параметрами, как коммуникативная ситуация, партнер коммуникации и коммуникативные условия. Тем самым подходу, ориентированному на лексический анализ, противопоставляется коммуникативно ориентированная точка зрения, которая в свою очередь — в отличие от изоляционистского представления о четком разделении общенародного и профессионального языков — указывает на связь этих систем.

Для отдельных профессиональных языков были разработаны примерно следующие многослойные модели:

— Для области профессиональных языков техники: язык науки (язык теории, специальная терминология), язык производства (цеховой язык, профессиональный разговорный язык, собственно производственный язык, производственный язык, специализированный по более мелким отраслям), язык продавцов (язык распределяющих).

— Для политического профессионального языка: научный язык, деловой язык, профессиональный разговорный язык.

— Для профессионального языка химии: научный язык, жаргон, употребляемый в лабораториях, язык учебников, язык преподавания.

— Для медицинского профессионального языка: научный язык, профессиональный разговорный язык, язык учебников, язык практики, или язык клиник ²¹.

Сравнение этих различных моделей позволяет выделить три основных слоя.

— Первый слой — это научный язык (он более всего соответствует обсуждавшимся нами до сих пор принципам), за исключением тривиальных названий и, возможно, общих специальных слов.

Второй слой — это профессиональный разговорный язык (цеховой язык, производственный язык, лабораторный жаргон), который состоит прежде всего из нестрого определенных профессиональных слов и жаргонизмов и служит преимущественно для повседневного общения людей, работающих в данной отрасли.

— Третий слой — это язык распределяющих (я предпочел бы его назвать языком, служащим распространению чего-либо), сюда входит язык продавцов, язык торговли, язык агитации, язык рекламы.

Важно указать, что многие профессиональные термины,

переходя со ступени на ступень, например от ученых через рабочих к дилетантам, изменяются и упрощаются. Эти изменения сразу затрагивают семантику слова. Можно сказать, что от ступени к ступени значения профессиональных слов становятся все более общими, менее дифференцированными, связь между словом и явлением действительности становится менее однозначной (Мён (M ö h n) называет это семантической ступенчатостью).

Эти изменения часто затрагивают и форму слова. Выражения, многочленные в профессиональной терминологии, заменяются только основным словом. Исконно родовые наименования, например, в области ботаники и зоологии, начинают использоваться как видовые, например Krokus 'шафран' или Klematis 'ломонос'. Характерные для профессиональных языков латинизированные формы и правописание изменяются по образцам немецкого языка. В общем, профессиональные слова начинают функционировать в общенародном языке; набор синтаксических конструкций, в которых они употребляются, расширяется.

Необходимо было бы обдумать вопрос о модификации этой многослойной модели применительно к другим профессиональным языкам.

— Так, может возникнуть сомнение, существует ли вообще разделение на первый и третий слой в языке управления, или они, скорее, совпадают ²².

— Так, анализ языка права ²³ дает возможность выделить в нем язык законов, язык приговоров и научную правовую терминологию, исследование терминологии психоанализа (P ö r k s e p 1973) позволяет вычленить в ней группу исконно немецких слов (напр., Trieb 'импульс', Lust 'удовольствие'), словосочетания, состоящие из немецких и заимствованных слов (напр., böses Objekt 'злой объект', Lustprinzip 'принцип получения удовольствий'), и группу чисто иноязычных элементов (напр., Abstinenz 'воздержанность', Fixierung 'фиксация'), однако ни то, ни другое членение не совпадает с рассмотренным выше расслоением профессиональных языков.

2.2.4.2. Различные исследователи требуют описания всех явлений, охватываемых понятием «профессиональный язык», в их реализации на всех уровнях. Методически это правильно, но практически трудно осуществимо. Выше в общих чертах говорилось о том, что прежде всего следует принимать во внимание первый слой, а также выдвигались предложения о необходимых ограничениях и обобщениях. Из

чисто практических соображений я считаю невозможным учесть в словаре любого объема профессиональный разговорный язык как распространенное средство общения в кругу специалистов; кроме того, он не фиксируется письменно.

Третий слой — язык, служащий распространению чего-либо, — отличается от первых двух, чье применение ограничено данной предметной областью, тем, что он выходит за рамки своей области, его применение направлено на широкий круг людей. Здесь встречаются «информационные усилия и информационные потребности» (см. М ö h n 1968). Здесь ясно видна площадь, на которой происходит обмен, где интересы продавцов встречаются с интересами покупателей, — биржа с законом спроса и предложения, распространенным на многие области. Здесь та сфера, где предметные области и их профессиональные языки направлены на неспециалистов, владеющих только общенародным языком, где дилетант встречается с текстами, ориентированными на него, но при этом насыщенными данными предметных областей и элементами профессиональных языков.

Этот слой как вербализованное обращение представителей предметных областей к неспециалистам поддается фиксации. Это — написанные для неспециалистов и особенно для детей научно-популярные книги, определенная группа ориентированных на дилетантов профессиональных словарей, инструкции по подключению к сети и эксплуатации электрических приборов, руководства по сборке мебели, поставляемой в разобранном виде, брошюры с рекомендациями для людей, страдающих болезнями сердца, письма проповедников к верующим и пропагандистские материалы, адресованные гражданам. Следует назвать также научно-популярные передачи радио и телевидения, начиная от рассказов Дитфурта о Хабе и Кусто и кончая комментариями Зильманна, Штерна и Гржимека, и многое другое. Следует обдумать вопрос о составлении корпуса такого рода профессиональных текстов, рассчитанных на неспециалистов.

Неспециалист сталкивается с профессиональной лексикой, которую он не знает, в первую очередь в текстах, которые читает чаще всего вынужденно, под влиянием определенных обстоятельств, например когда заболит или ему придется ремонтировать электроплиту. Эту группу слов я называю терминами, привнесенными в общенародный язык. Их следует отличать от слов, которые как исконные термины прочно вошли в общенародный язык и широко в нем употребляются, а также от слов, которые, напротив, были

заимствованы профессиональными языками из общенародного языка и получили в них специальные значения (лексемное отношение, лексемное соответствие). Следует проверить также, исходя из этих общеязыковых слов, насколько глубоко их проникновение в профессиональный язык и насколько сильно противопоставление между общим и специально профессиональным употреблением.

Привнесенные в общенародный язык профессиональные слова могут быть терминами в полном смысле этого слова, но их употребление может и удаляться от чисто профессионального на одну или несколько ступеней. Здесь было бы интересно выяснить, какие термины из каких профессиональных областей принадлежат к этой группе.

3. Приведенные выше рассуждения находятся в причинной связи с размышлениями о междисциплинарном коммуникативном словаре, который задуман как издание, свидетельствующее о примирении профессиональных языков с общенародным языком. Этот словарь должен предназначаться для людей, владеющих общенародным языком, которые по необходимости сталкиваются с написанными для них, но насыщенными профессиональной лексикой текстами. Термины в этих текстах чаще всего им незнакомы. Тем не менее как таковые они существуют для непрофессионалов в первую очередь не как элементы замкнутой в себе, надуманной системы — это для них, как говорится, чистая теория, — а как слова, встречающиеся в руководстве по применению различных вещей, текстах инструкций, указаниях по использованию предметов, которые приносят пользу. И раз такие тексты рассматриваются как полезные, то, значит, плоды уже налицо.

Если бы удалось кодифицировать эту группу слов в словаре и выявить особенности их использования в общенародном языке по сравнению со строго определенным научным употреблением, то это был бы один из факторов, который наряду с другими оправдал бы усилия, затраченные на разработку словаря.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Porzig 1962, 219. Ср. также работы Вюстера (Wüster) в книге Drozd — Seibicke 1973, VIII, и Seibicke 1959, 70.

² Henpe 1968, 99 и сл.

³ Grimm 1854, I, XXX. О необходимости исследования профессиональных языков ср. Mentrup 1978b.

⁴ Ср., например, Bausch — Schewe — Spiegel 1976; Drozd — Seibicke 1973; Fluck 1976; Gipfer 1969; Graham 1963; Hoffmann 1975 и 1976; Klute 1975; Mentrup 1976 и 1978b; Möhn 1968 и 1976; Petöfi — Podlech — von Savigny 1975; Seibicke 1959; VDI — Tagung 1977; Weinrich 1976. Ср. также обсуждение проекта междисциплинарного словаря на европейском симпозиуме по теме «Использование языка в специальных целях — Language for Special Purposes (LSP)», который состоялся в Вене в августе 1977 г., а также на 14-м годовичном заседании Института немецкого языка в Маннхайме (март 1978 г.), посвященном проблеме «Профессиональные языки и общенародный язык» (ср. Fachsprache und Gemeinsprache 1977).

⁵ «Чем больше профессиональные языки отдалены от общенародного языка, тем более настоятельной становится необходимость обратной связи профессиональных языков с горизонтом понимания естественных языков, на базе которых они сформированы» (Gipfer 1969, 75). «Общенародный язык... это общий знаменатель различных профессиональных языков» (Weinrich 1976, 366).

⁶ Grimm 1854, I, IX. «...Необходимо составлять словарь в алфавитном порядке» (там же, с. XI; ср. там же, с. XXI). «Словарь хочется раскрывать по алфавиту и на соответствующей букве находить то, что ищешь; слова abgehen 'отходить', annehmen 'принимать', eingehen 'прибавлять', eindringen 'проникать' должны быть представлены как самостоятельные единицы, а не в статьях слов gehen или nehmen или тем более an, auf, ein» (Grimm 1854, II, V).

⁷ См. соответствующие данные в Mentrup 1978a.

⁸ О некоторых попытках классификации см. Mentrup 1978a.

⁹ Я считаю, что такую программу реализовать невозможно.

¹⁰ О некоторых критериях см. Mentrup 1978a.

¹¹ Seibicke 1959, 70. «Можно ли вообще в случае с профессиональными языками говорить о языковой деятельности в собственном смысле этого слова? В любом случае она существенно отличается от таковой применительно к общенародному языку. Там мир при помощи языка превращается в „собственность духа“; здесь же дело сводится к регистрации и каталогизации мира, в процессе которых «слово» выступает только инструментально. Таким образом описанный мир остается вне человека, это, в сущности, не переработанный, а только перерабатываемый им чужой мир. Такое освоение мира не останавливается перед самим человеком; все связи в значительной мере овеществлены. Это действие можно ликвидировать только в том случае, если мы будем сознательно рассматривать описание мира при помощи профессиональных языков лишь как метод и вспомогательное средство, что должно дать нам возможность эффективно противодействовать процессу овеществления» (там же, с. 80).

¹² Прежде всего именно в более низких разрядах имеются многочисленные немецкие термины, состоящие из одного или нескольких компонентов (часто атрибутивные структуры или сложные слова), которые, однако, специалистами рассматриваются — если я это правильно себе представляю — как недостаточные точные.

¹³ Предлагаемое здесь ограничение по отношению к порядковым категориям, а также к наиболее распространенным профессиональным словам, обозначающим части растений и т. п., встречается уже у Кампе. (Ср. Pöcksen 1977, 153.)

¹⁴ См. Ahlheim 1965, 15 и сл.; Fluck 1976, 83 и сл.; Pöcksen 1977, 150 и сл.

¹⁵ Список терминов по анатомии см. В а u b b а с h 1967, список терминов, встречающихся в медицинских текстах, см. В е s k e r 1977; в научных текстах см. Е r k 1972. Список слов стандартного разговорного языка был разработан в рамках исследования синтаксических структур текстов стандартного разговорного немецкого языка рабочей группой под руководством В. Ментрупа (Институт немецкого языка). В этом исследовании не было учтено применение глаголов sein 'быть', haben 'иметь' и werden 'становиться' как вспомогательных; таким образом, в целом глаголы haben и werden относятся к более высокому разряду. Аналогичным образом обстоит дело в исследовании Баумбала с глаголом werden. Беккер вообще не рассматривает вспомогательные и модальные глаголы. Данные Флука (F l u c k 1976, 94) неточны, поскольку он приводит списки не в порядке разрядов, а в алфавитном порядке. Поскольку Ментрупом (M e n t r u p 1976, 439) были заимствованы эти списки, постольку и в его исследовании присутствует эта неточность.

¹⁶ Названное в примечании 15 исследование текстов стандартного разговорного языка учитывало также смысловые варианты глаголов. Планировалось распространить это исследование и на специальные, профессиональные тексты, но в настоящее время в силу ряда причин не представляется возможным его осуществить.

¹⁷ Списки заимствованы из терминологических словарей по строительству, математике, медицине, физике, опубликованных в 1973—1976 гг. Существующие в некоторых случаях различия в порядке разрядов объясняются тем, что определенные лексемы в использованных списках (как, например, use) обозначали не только глагол (to use), но и существительное (the use). Степень частотности глаголов в таких случаях выявляется на основании списка частотности англо-немецкого алфавитного указателя. По нему же приводились и значения слов. О частотных словарях см. также Н o f f m а n n 1975, 25 и сл., 119 и сл.

¹⁸ Ср. P o l e n z 1968a, 26: «Ввиду пугающего возрастания в современном мире объема словаря — как в его общей части, так и области профессиональной, с которой каждый носитель языка ежедневно сталкивается через посредство массовой коммуникации,— необходимо сознательно разрабатывать продуктивные правила словообразования. Это дало бы возможность ограничить определенными рамками возникающие в процессе речевых актов варианты уже существующих лексем, ориентируясь при этом на собственные синтагмы носителей языка».

¹⁹ Списки заимствованы из терминологических словарей по строительству, математике, медицине, физике, вышедших в 1973—1976 гг. Ср. также Н o f f m а n n 1976, 249 и сл.

²⁰ Ср., например, F l e i s c h e r 1974, K ü h n h o l d, W e l l m а n n 1973, W e l l m а n n 1975, P o l e n z 1968a, 1968b, соответствующие главы в немецких грамматиках. Следует указать на VD1: 2270 (-los, -frei), 2271 (-ung), 2273 (-bar, -haft, -lich, -sam), 2274 (-ieren, -isieren, -fizieren), 2275 (-er), 2276 (ve-, ent-, er-, ge-, miß-, ver-, zer-).

²¹ Ср. также работы F l u c k 1976, 64, 77, 83, 91 и сл.; M ö h n 1968; S c h i r r e g e s 1976; L i p p e r t 1978 и библиографию в них.

²² В работе W a g n e r 1970 такое разделение не осуществляется.

²³ См. M ü l l e r — T o c h t e r m а n n 1959. О попытке иерархической классификации, в которой «административный язык» рассматривается как общее понятие, а «язык права», «язык законов», «язык суда», «язык договоров», «язык документов» как подпонятия, см. W a l t h e r 1976.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И МАШИННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БОЛЬШОГО КОРПУСА ТЕКСТОВ

Четвертому значению слова *corpus* 'корпус' в словаре «The Random House Dictionary of the English Language» (1967) дается следующее определение: «Линг. Совокупность высказываний или предложений, считающаяся представительной для данного языка или диалекта и используемая для грамматического анализа этого языка или этого диалекта». Это определение в основном совпадает с определением 3b в словаре «Webster's Third New International Dictionary of the English Language». Но и там оно слишком узко. Я предлагаю расширить его так: «Совокупность текстов, считающаяся представительной для данного языка, диалекта или другого подмножества языка, предназначенная для лингвистического анализа». Это определение учитывает то обстоятельство, что корпус может быть сознательно смещен — например, в сторону юридического или научного языка — и что он может использоваться как для грамматического анализа, так и для анализа фонологического, графемного, лексического или семантического. Собственно говоря, машинный корпус текстов в последнее время чаще всего используется для анализа лексики, в частности для статистического исследования частот слов (например, К и щ е г а — F r a n c i s 1967).

В 1962 году, когда я только начинал собирать в университете Брауна «The Brown Standard Corpus of American En-

¹ W. Nelson Francis. Problems of Assembling and Computerizing Large Corpora.— In: «Empirische Textwissenschaft. Aufbau und Auswertung von Text-Corpora», H. Bergenhoftz, B. Schaefer (Hrsg), Königstein, 1979, S. 110—123. Данная статья является переработанным вариантом доклада, прочитанного на семинаре по юго-западному варианту английского языка (Скайларк-1) в Техасском университете (Эль Пасо) 17 октября 1974 г. Публикуется с сокращениями.

glish» (корпус В), я встретил на одной из лингвистических конференций профессора Роберта Лиза. Отвечая на его вопрос относительно моих тогдашних интересов, я сказал, что у меня есть заказ от Министерства образования США на формирование корпуса современного американского варианта английского языка в миллион словоупотреблений для машинного использования. Он посмотрел на меня с удивлением и спросил: «Для чего, собственно, вы это делаете?» Я сказал что-то о выяснении подлинных фактов английской грамматики. Никогда не забуду его ответ: «Это бессмысленная трата вашего времени и правительственных денег. Вы — носитель английского языка; в течение десяти минут вы способны представить больше примеров на любое явление английской грамматики, чем сможете найти во многих миллионах слов случайных текстов». Это замечание весьма существенно для нашей темы. Не думаю, что Хомский в ту пору уже определил свои термины *competence* 'компетенция, владение языком' и *performance* 'употребление языка', но именно это противопоставление имел в виду Лиз (вспомните, что он является первым и весьма ортодоксальным учеником Хомского). Корпус — собрание текстов — неизбежно является фиксацией употребления, а лингвист должен — по крайней мере в соответствии с ранней версией трансформационной теории — заниматься только компетенцией. Самым же лучшим способом получения знаний о компетенции считалась не работа с текстами, а использование интуиции носителя языка. Вот почему правомерен вопрос, зачем нужно тратить время, силы и средства на сбор корпуса текстов. Ответ, конечно, состоит в том, что очень и очень многих людей, в том числе лингвистов, действительно интересует употребление языка, либо само по себе, либо как один из путей, ведущих к пониманию компетенции. В качестве доказательства я могу привести тот факт, что 160 копий машинной ленты, содержащей корпус В, используются во многих странах, от Новой Зеландии до Норвегии. Не знаю, какое применение находят все эти копии, но то, что я слышал о судьбе некоторых из них, убеждает меня в том, что наша первоначальная идея — собрать корпус, который служил бы единым исследовательским инструментом для различных типов лингвистического анализа — в достаточной степени оправдала себя. Например, шведский ученый опирался на этот корпус при подсчете частот букв в печатных текстах английского языка (Zettersten 1969); философ из Гонконга изучает сочетаемость слова *good* 'хо-

роший'; ученый из Канберры изучает лексические гнезда; а мои аспиранты использовали его при исследовании многих проблем, включая английские модальные вспомогательные глаголы (E h r t a n 1966) и длительный вид английских глаголов (R e c k t e n w a l d 1974). Это примеры таких вопросов, которые могут, а в некоторых случаях должны рассматриваться с точки зрения употребления. Мы надеялись, что, имея в наличии тщательно отобранный и подготовленный корпус, мы сможем сразу убить двух зайцев: (1) избавить других от необходимости самим заниматься формированием корпусов и вводом их в ЭВМ и (2) предоставить в распоряжение ученых стандартный набор данных, который позволил бы проводить сравнительные исследования. Похоже, и в том и в другом случае мы оказались правы.

Не все корпусы имеют такое же широкое назначение, как наш. Например, корпус «The American Heritage Intermediate Corpus» (корпус АН), содержащий 5 000 000 слов (C a r r o l l et al. 1971), был сформирован с целью сделать широкодоступными цитаты, на которых основывался бы словарь для учащихся 4—8 классов американских школ. Корпус проекта «The Survey of English Usage» (корпус S), руководимого профессором Рэндольфом Куирком в Лондонском университетском колледже, был первоначально предназначен для получения материала, полезного при составлении грамматики, и в настоящее время на основе этого корпуса уже создана наиболее исчерпывающая грамматика со времен Есперсена (Q u i r k et al. 1972), а кроме того, решен ряд более ограниченных задач. Профессор Фредерик Кэссиди из Висконсинского университета собрал большой и разнообразный корпус современного и более раннего американского варианта английского языка, на основе которого создается словарь «The Dictionary of American Regional English» (C a s s i d y 1970). Профессор Джесс Бессинджер использовала корпус текстов староанглийской поэзии для машинного исследования староанглийского стихосложения (примеры других корпусов староанглийских текстов см. S a t e r o p et al. 1970). Можно с уверенностью сказать, что большинство корпусов формируется именно с учетом какой-то конкретной цели, хотя часто они используются для других целей, отличных от тех, которые ставились первоначально. Цель, определяющая замысел корпуса, должна помочь ответить на некоторые вопросы, существенные уже на ранней стадии проектирования корпуса. Наиболее важными из них являются три вопроса: (1) какова совокупность (об-

ласть) языковых данных, из которой должна быть извлечена выборка? (2) каков должен быть размер выборки? (3) какова должна быть структура выборки? Предположим, например, что мы хотим получить корпус, представительный для американского варианта английского языка 1977 года. Мгновенно размеры области (универсума) приобретают астрономические масштабы. Оставляя в стороне рукописные и печатные тексты, объем которых хотя и велик, но составляет лишь небольшую часть целого, я исхожу из того, что в среднем человек способен проговорить в день два часа подряд. Очевидно, цифра эта сильно меняется в зависимости от рода занятий (на одном конце шкалы располагаются профессора и политики, а на другом — лесничие и смотрители маяков), однако, по-видимому, два часа — вполне вероятная средняя величина. Как мы увидим дальше, даже если я завысил эту цифру на 100%, это не имеет большого значения: полный объем рассматриваемой совокупности все равно будет невообразимо велик. Два часа в день при 200 словах в минуту (нормальная скорость при разговоре) составляет 24 000 слов в день или около 8,75 миллиона слов для одного человека в год. Это число, умноженное на 200 миллионов людей, дает общее число слов в год, равное 1 750 000 000 000 000. Даже если каждый человек будет говорить лишь 12 минут в день, то и тогда наша оценка уменьшится только в 10 раз и составит 175 миллионов миллионов слов. Очевидно, что любая разумная, поддающаяся обработке выборка будет подобна ведру, которым пытаются вычерпать океан, и вряд ли размер этого ведра будет иметь большое значение. Например, выборка, содержащая 5 000 000 слов, составила бы лишь одну часть выборки, содержащей 350 000 000 слов.

Большая часть корпусов, конечно, извлекается из более ограниченной области в соответствии с той конкретной целью, для которой они формируются. Корпус В, например, ограничен прозой, печатавшейся в США в течение 1961 года, исключая драматургию и художественные произведения, содержащие более 50% диалога (Francis 1965). Не представляю, каков объем данного массива текстов — несомненно, много миллионов слов, так что доля нашей выборки хотя и больше, чем емкость ведра по сравнению с океаном, однако она не больше, чем капля в ведре воды. Область корпуса АН намного меньше: она ограничена учебниками и ответами учащихся 3—9 классов американских школ, полученными с помощью анкет, разосланных администрации более 200 школ.

Из приблизительно 6000 названий, упомянутых в ответах, было отобрано в качестве универсума 1045, и на их основе составлено 10 000 элементарных выборок по 500 слов. В некоторых случаях сама область настолько мала, что может быть использована полностью, как в случае конкорданса указателя употреблений слов в произведениях Шекспира (S r e v a s k 1968—1970), где и область и выборка состоят из всех подлинных произведений Шекспира.

С теоретической точки зрения интересен фактор, редко принимаемый во внимание при определении размера области, а именно то, что можно назвать индексом восприятия. Обычно каждый текст рассматривается как одна единица наравне с любым другим текстом. Но если мы постараемся определить, не сколько раз был данный текст произведен (обычно один), а сколько раз он был прочитан или услышан, то цифра для одного устного высказывания может меняться от единицы (информант, отвечающий лингвисту) до 50 000 000 или более (президентская речь по телевидению или радиопередача об основных спортивных событиях). В некотором роде аналогичное явление может появиться и в письменном материале. Меня однажды спросили, на основании чего мы включили в корпус В статьи из журналов типа «Архивы по неврологии» наряду с газетами типа чикагской «Трибюн» и нью-йоркской «Таймс». Я ответил, что, во-первых, точное определение числа читателей каждой из наших 500 элементарных выборок с целью их «взвешивания» было бы чрезвычайно трудной задачей и, во-вторых, введение подобных «весов» исказило бы сам корпус, сдвинув его в сторону ежедневной газеты настолько, что сделало бы его уже непредставительным для эмпирического многообразия языков той области, на основе которой корпус был отобран.

Размер выборки на основе заранее определенной области, которая должна составить итоговый корпус, диктуется как логическими и практическими, так и теоретическими соображениями. Рассмотрим в первую очередь теоретические соображения. Это главным образом статистические вопросы, связанные преимущественно с целями, для которых выбирается корпус. Я не статистик, поэтому для подробного ознакомления с теоретической трактовкой статистических вопросов я отсылаю читателя к двум исчерпывающим статьям Джона Б. Кэрролла, одной — основывающейся на корпусе В (S a r g o l l 1967) и другой — основывающейся на корпусе АН (S a r g o l l 1971). Но я могу подчеркнуть один совершенно очевидный факт, что размер выборки, необхо-

димый для правильного представления фиксированной области, зависит от конкретного рассматриваемого аспекта языка. Например, графическая система является, вероятно, самой простой, с наименьшим числом дискретных единиц (букв и знаков пунктуации) и, несмотря на причуды английского правописания, наименьшим числом правил сочетания. Поэтому выборка печатного материала, необходимая для установления частот отдельных букв, а также типов и частот разрешенных сочетаний, по-видимому, достаточно мала. Я не знаю, насколько большие выборки использовались Э. По для криптограммы в известном его рассказе «Золотой жук» или конструкторами линотипа для установления известной последовательности ETAOIN SHRDLU, которую мы иногда видим в газете в тех случаях, когда оператор, желая сбросить строку, пробегает пальцами по клавишам. Я уверен, что эти выборки содержали менее 1 000 000 слов, однако полученные на их основе данные подтверждаются уже упоминавшимися исследованиями Зеттерстена, хотя он обнаружил, что частоты и даже ранг среди первых десяти букв меняются в зависимости от жанра материала, на основе которого была произведена выборка. Точно так же фонологическая система, опять же с относительно небольшим числом дискретных единиц и (с позволения Хомского и Халле) сравнительно простыми правилами сочетания, может изучаться на основе весьма небольшой выборки. В рамках программы обследования языковой ситуации в Шотландии, например, для определения фонемных инвентарей у информантов использовался список приблизительно в 1000 слов, которые могли бы быть произнесены и записаны в течение нескольких часов (C a t f o r d 1958). Правила сочетаемости фонем и просодические данные, безусловно, требуют больших по размерам выборок непрерывной речи, типа корпуса S, который собран в рамках обследования употребления английского языка (Q u i r k 1960; 1974, 167ff). Но по-прежнему вполне вероятным представляется предположение, что для составления практически полного инвентаря вовсе не обязательна сверхгромоздкая выборка.

Однако, когда мы обращаемся к грамматической системе, ситуация меняется. Хотя теоретически система эта конечна, о чем ежедневно твердят нам адепты трансформационной грамматики, число возможных конструкций, безусловно, очень велико и прописной истиной является вывод о том, что ни одна грамматика и даже обширные компендиумы Ес-персена, Круизинги и Поутсмы не охватывают всех возмож-

ностей. А эти грамматики основываются на корпусах примеров, собираемых в течение всей жизни, но при этом, правда, сдвинутых в сторону грамматически интересных явлений. Здесь я должен признать, что профессор Лиз был прав: носитель языка в состоянии придумать конструкции, которые охотно будут признаны грамматически правильными другим носителем языка, хотя статистически они могут быть настолько редкими, что вообще не попадут в очень большие выборки текстов. Такова, например, полностью маркированная глагольная составляющая с выраженными прошедшим временем, модальностью, перфектностью, прогрессивным видом и пассивом. Один такой пример я однажды услышал и запомнил — *you should have been being paid* — пример, имеющий блестящие рекомендации: он встретился в разговоре между секретарем Американской ассоциации по изучению современных языков и президентом Национального совета учителей английского языка. Тем не менее ни одной такой глагольной составляющей не оказалось среди миллиона слов корпуса В.

Это соображение — трудность или даже невозможность нахождения всех возможных конструкций в ограниченной выборке — привело профессора Куирка и его коллег к понятию расширенного корпуса, а именно случайной выборке, расширенной с помощью целенаправленного извлечения. Вот как он его описывает (Quirk 1974, 167—168):

«Центральным для всей задачи (обследование употребления английского языка) является понятие формирования с целью анализа большого корпуса английского языка в том виде, в каком он фактически употребляется, корпуса, который достаточно представительен для речи образованных мужчин и женщин во время их общественной или частной деятельности, на работе, во время отдыха, речи устной или письменной. Опираясь в нашем описании на такую широкую область практического употребления языка, мы тем самым стремимся избежать обоих недостатков старых описаний, о которых я упоминал (а именно — использование эклектической и, следовательно, искажающей действительную картину выборки и пренебрежение разговорным языком). Но, безусловно, никакой корпус, как бы он ни был велик, не мог бы дать детальную информацию обо всех грамматических структурах английского языка. Действительно, трудно представить себе совокупность текстов, достаточно большую, чтобы снабдить нас полными сведениями, хотя бы о словоизменении... Поэтому для исследования потенциаль-

ного употребления языка носителем, говорящим по-английски, мы дополнительно разработали психолингвистические методики с тем, чтобы каталогизировать те единицы его языкового репертуара, которые не всегда могут встретиться в реальных примерах, собранных исследователем».

У меня здесь нет места для описания «психолингвистических методик», на которые ссылается Куирк, однако полное обсуждение этого вопроса содержится в «Исследовании лингвистической приемлемости» Рэндольфа Куирка и Яна Свартвика (1966). Цель этих методик заключается в целенаправленном расширении корпуса с помощью тонких и косвенных методов извлечения высказываний. В некотором смысле они могут рассматриваться как попытка добраться до компетенции более непосредственным путем, нежели позволяют описание и анализ даже большой выборки употреблений.

Когда целью формирования корпуса является лексический анализ, приходится отказаться от всех надежд на полное отображение лексики. Лексикон языка настолько велик, настолько огромно, почти бесконечно, число возможных сочетаний, что мы не в состоянии представить себе корпус, как бы велик он ни был, который вместил бы все это. Безусловно, достижение полноты возможно при значительном ограничении области. Конкорданс Спевака, область которого — произведения Шекспира, содержит все 29 066 слов, употребляемых Шекспиром, и указывает все их сочетания по крайней мере в пределах стихотворной строки. Но это совершенно особый случай. Если наша область — язык в целом или печатная форма языка, как в корпусах В и АН, числа просто становятся слишком большими. Причина этого — большие размеры словарного состава любого известного языка и очень неровное распределение слов в текстах. В случае такой жестко замкнутой системы, как графическая, все буквы, по-видимому, могут встретиться в пределах нескольких печатных страниц, и ничего нового с увеличением выборки мы бы не встретили. Лексикон, напротив, фактически открытая система. Как бы долго мы ни расширяли выборку, мы по-прежнему будем встречать еще не представленные в ней слова. Чуть более миллиона словоупотреблений корпуса В дали около 50 000 разных слов (словоформ), и отношение количества слов к количеству словоупотреблений равно примерно 1 : 20. 5 000 000 словоупотреблений корпуса АН дали 87 000 разных слов, и количество слов относится к количеству словоупотреблений примерно как 1 : 57.

Ясно, что кривая выравнивается, так как увеличение числа словоупотреблений в пять раз увеличило число разных слов (словоформ) только на 75%. Можно предположить, что наступит момент, когда в корпусе будет представлен весь словарь. С помощью довольно тонкого математического аппарата профессор Кэрролл вычислил, что корпус с тем же соотношением словоупотреблений и разных слов, что и в корпусе АН, должен быть извлечен из области, содержащей свыше 600 000 разных слов. Чтобы включить их все, понадобится, по его оценке, корпус в 100 раз больший, т. е. содержащий 500 000 000 слов¹.

Причиной этому, безусловно, является весьма неровное распределение слов в естественном языке. В корпусах, сходных по объему с корпусами В и АН, частоты меняются от слова the (определенный артикль), покрывающего 7% всех словоупотреблений (каждое четырнадцатое слово), до *harax legomena*, слов, которые занимают около 40% словаря, а покрывают лишь незначительную часть словоупотреблений. В корпусе АН, например, первые 1000 слов, или только немногим более 1% словаря, покрывают 75% всего корпуса, в то время как приблизительно 35 000 *harax legomena*, около 40% словаря, покрывают только 0,7% всего корпуса. Эти цифры сравнимы с аналогичными данными для корпуса В. По-видимому, 40% — довольно стабильный процент *harax legomena* для большого корпуса. Для большинства людей это кажется противоречащим интуиции. Тем не менее это подтверждается частотными подсчетами по всем достаточно большим корпусам.

Кроме этих теоретических соображений, имеются, естественно, некоторые практические ограничения на размер корпуса. Время и энергия, которые могут быть затрачены на формирование и обработку корпуса, ограничены, и те и другие в конечном счете могут быть переведены в деньги. Корпус формируется разными способами и различными органами: отдельными лицами, группами, работающими в академических институтах, правительственными организациями (все в больших масштабах такие документы, как юридические законы и патенты, вводятся в ЭВМ для облегчения их по-

¹ Естественно, цифра эта теоретическая. Так как область, из которой был извлечен данный корпус, ограничена 1000 книгами, ее совокупный объем намного меньше половины биллиона словоупотреблений. Поэтому когда выборка будет расширена, она в конечном счете включит в себя всю область, и ситуация здесь окажется схожей с конкордансом Шекспира, в котором полностью перечислен ограниченный словарь.— *Прим. автора.*

иска) и частными фирмами, особенно издателями словарей. Во всех случаях именно наличие фондов накладывает внешние ограничения на размеры корпуса.

Стоимость работ, естественно, сильно варьируется в зависимости от типа материала и объема предредактирования и другой необходимой обработки. Самым простым и дешевым оказывается использование уже имеющихся корпусов, сформированных для какой-либо другой цели. Так, например, все более широкое использование машинных носителей для записи языковой информации означает, что большие массивы текста записываются вначале на перфоленду, с которой этот массив может быть непосредственно введен в ЭВМ. Одно из препятствий к свободному использованию таких корпусов — это ограничения, связанные с авторским правом. Другое препятствие заключается в отсутствии со стороны составителя корпуса контроля над отражаемой областью, т. е. контроля над методами формирования выборки; он должен брать то, что ему дают. Несмотря на это, я надеюсь, что в будущем такие материалы будут использоваться в широком масштабе.

Противоположный случай — это разговорный материал, который обычно записывается на магнитофон и транскрибируется иногда непосредственно на перфокарты или перфоленду, а чаще через промежуточный машинописный текст, который может быть прочитан оптическим сканирующим устройством. Транскрибирование может занять в 10—40 раз больше времени, чем обработка письменного материала, что зависит от количества фонетических признаков, которые должны быть сохранены. Иногда, хотя и редко, корпус звучащей речи может быть затранскрибирован за счет кого-то другого для других целей. Расшифровки магнитофонных записей с разговорами Никсона, опубликованных в результате расследования Уотергейтского дела, используются для лингвистического анализа, хотя качество и самих записей, и их транскрипций значительно снижает их ценность для этой цели.

Что касается затрат, связанных с печатным текстом, то они находятся где-то между этими крайними точками. Миллион слов корпуса В стоил Министерству образования США в 1963—1964 годах около 23 000 долларов, или около 2,3 цента за слово. В настоящее время, я полагаю, это было бы в 2—3 раза дороже. Таким образом, если для случая разговорного материала мы умножим эту цифру на коэффициент 20, может оказаться, что слово будет стоить по меньшей мере дол-

лар, а это уже довольно дорого. Конечно, расходы могли бы быть ниже, если бы в качестве помощников можно было бы использовать добровольцев или студентов. Однако и в этом случае подобный проект остается дорогостоящим делом. Самым дорогим делом, я думаю, являются полевые исследования диалекта, когда лингвисты выезжают для выявления, интервьюирования и записи информантов или у них дома, или в местах их работы. В свете сказанного примечателен тот факт, что первыми к числу первых корпусов, которые стали систематически собираться, относятся полевые записи в рамках программы обследования разговорного языка США и обследования английских диалектов. Ни один из этих проектов не достиг еще машинной реализации, хотя планы такого рода уже имеются.

Как только решены основные теоретические и практические вопросы, касающиеся цели, размеров области и желательного или возможного размера выборки, необходимо принять решение относительно основных параметров корпуса. Каковы, например, должны быть размеры базовых единиц? Это могут быть отдельные слова или короткие фразы, как в большинстве обследований диалектов. Или предложение, как в «Атласе немецкого языка» Венкера—Вреде. Или отдельные слова с указаниями на их употребления в составе стандартного и легкодоступного текста, как в конкордансе Спевака по Шекспиру. Корпусы, используемые для синтаксического анализа, обычно содержат либо полные тексты, либо, как в корпусах В и АН, элементарные выборки определенной длины (2000 и 500 словоупотреблений соответственно). В некоторых случаях корпус может быть составным: корпус S, например, содержит четыре основных типа звучащего текста и три — письменного, все они оформлены в виде элементарных выборок, содержащих по 5000 словоупотреблений каждая.

Далее, должен быть установлен способ отбора текстов и формирования корпуса. Обычно он объединяет целенаправленный выбор и случайный: заранее планируется, как должна быть подразделена изучаемая область и какова должна быть величина выборки или ряда выборок, извлекаемых из каждого подраздела, а затем с помощью случайной процедуры производится выбор конкретных текстов или частей текстов, которые будут включаться в корпус. При планировании корпуса В мы собрали на совещание таких крупных специалистов в области формирования корпуса, как Рэндольф Куирк, Филип Гоув и Джон Б. Кэрролл. Эта группа опре-

делила размер корпуса (1 000 000 словоупотреблений), число текстов (500, каждый состоящий из 2000 словоупотреблений), область (английский язык, произведения американских авторов, впервые напечатанные в США в 1961 году), подразделы (15 жанров, 9 — «информативная проза» и 6 — «художественная проза») и — с помощью таинственного процесса индивидуального голосования и усредненного соглашения — число элементарных выборок из каждого жанра (от 6 для научной фантастики до 80 для собственно научной литературы). Приняв эти решения, консультанты удалились, предоставив мне и моему небольшому штату возиться с перечнями книг, библиотечными каталогами и таблицей случайных величин, чтобы отобрать конкретные выборки. Логически формальные соображения склонили нас к некоторым произвольным решениям, таким, как ограничение ежедневной прессы теми газетами — примерно тридцатью, — микрофильмы которых имеются в Публичной библиотеке Нью-Йорка. При создании корпуса АН было использовано такое же соединение планового начала, практической необходимости и случайности. Его составители разослали письма директорам 221 школы; школы были тщательно отобраны с учетом их типа (включая частные и религиозные школы), географического распределения и других релевантных соображений. На основе 90 заполненных анкет, которые они получили, был составлен список из 19 000 названий, представляющих свыше 6000 различных книг, распределенных по заранее составленным 22 категориям. Из них они отобрали немногим более 1000 текстов: это «наибольшее число текстов, которые можно было обработать за имеющееся время и держать под достаточным контролем при формировании выборки» (Сагголл et al. 1971, XV). На основе методов, слишком сложных, чтобы здесь их описывать, но полное объяснение которых детально изложено в частотном словаре «The American Heritage Word Frequency Book», они определили число элементарных выборок для каждого текста и, наконец, взяли выборки, расположенные в текстах через равные промежутки.

В отличие от этих больших корпусов, где делается попытка более или менее пропорционально представить всю область, традиционные обследования диалектов в этом отношении довольно неадекватны. Здесь обычно отражается очень небольшая часть языка и крайне незначительная часть населения. В основном она отражает лишь индивидуальные и региональные особенности. Лингвист, собирающий диалек-

тный материал в процессе полевой работы, напоминает не географа, обследующего топографию местности, а скорее кропотливого золотоискателя. Он ищет то, что ему надо, в местах, где, как он полагает, больше всего можно надеяться на успех. Одно из последствий такого подхода заключается в том, что никто не знает, какая часть регионального словаря действительно уникальна для данного региона.

Как только приняты все эти предварительные решения, начинается практическое формирование самого корпуса. Если планирование проведено правильно, то методика отбора и формирования корпуса совершенно ясна, и практическое извлечение элементарных выборок оказывается чисто формальной процедурой. Для корпусов, основывающихся на печатном материале, таких, как корпус В и корпус АН, требовалось просто найти текст, использовать соответствующие случайные процедуры для определения места элементарной выборки и сосчитать слова. В нашей работе мы иногда отдавали предпочтение практическим соображениям (в ущерб чистой случайности) в целях экономии денег. Так, если наша случайная процедура выбора указывала на название, которого не было в библиотеке университета Брауна, мы просто переходили к следующему, имеющемуся в библиотеке названию — следовательно, наш универсум в действительности представлял собой не прозу, напечатанную в США в течение 1961 года, а ту часть этой прозы, которая имела в нашей библиотеке. Для нескольких жанров, материалы по которым обычно не хранятся в университетских библиотеках, мы использовали другие коллекции: как уже упоминалось, наши газетные подборки были получены из собрания микрофильмов Публичной библиотеки Нью-Йорка. Наши детективы мы выбрали из крупного хранилища частной библиотеки в Провиденсе, а материалы популярных журналов — из большого запаса журналов в нью-йоркском букинистическом магазине. Для других видов материалов используются другие методы. Для изучения устного и письменного английского языка негритянского населения штата Миссисипи в том виде, в каком он используется первокурсниками в колледже г. Тугалу, мы записали на магнитофон дискуссии небольших групп студентов (для устного корпуса), а для письменного корпуса — собрали классные сочинения тех же студентов. Изучая лексику, профессор Синклер собрал около миллиона слов спонтанной речи, просто записывая с помощью непрерывно работающего магнитофона непринужденный разговор сидящих вокруг камина в его един-

бургском кабинете трех или четырех человек, которых он усиленно угощал чаем (S i n c l a i r et al. 1970, 22—23). В отличие от этих неформальных, но заранее подготовленных источников профессор Куирк использовал радиопередачи Би-Би-Си — как дискуссии за круглым столом, так и официальные и неофициальные разговоры — наряду с тайно сделанными магнитофонными записями совещаний и других неофициальных бесед. Единственное решение, которое должен был принять профессор Слевак, — какое издание Шекспира выбрать. Ориентируясь в большей степени на читателей-литературоведов, чем на лингвистов, он остановился на современном издании, хотя некоторые лингвисты предпочли бы первое. Профессор Уолтер Лобан из Калифорнийского университета в Беркли, собирая с промежутками большой корпус языка школьников в течение двенадцатилетнего обучения в школе, проводил индивидуальные интервью, используя картинки, служившие информантам либо объектом описания, либо отправной точкой при сочинении рассказов (L o b a n 1966). Обычный метод сбора диалектного материала — это командирование опытного полевого исследователя, вооруженного анкетой, записной книжкой и магнитофоном. Однако успешно применяются для сбора материала, в частности лексики, и другие методы, такие, как почтовые анкеты (M c I n t o s h 1952). Для исследования словаря штата Техас профессор Бэгби Этвуд снабдил отправляющихся на каникулы студентов опросными листами, которые они заполнили с помощью информантов своего родного города; таким способом он собрал большой корпус лексики из всех округов Техаса (A t w o o d 1962).

Я полагаю, он первым использовал машинные методы обработки данных (фирмы IBM) для сортировки своего материала. Профессор Уильям Лабов собрал большой корпус данных о произношении поствокалического *r* в городе Нью-Йорке, просто спрашивая продавцов магазинов, где находится тот отдел, который, как он знал, расположен на четвертом этаже (fourth floor).

В последней части моей темы — ввод корпуса в ЭВМ — я не собираюсь вдаваться в технические детали, которые в таком общем обсуждении оказались бы неуместными. Но я настойчиво рекомендую каждому, предполагающему ввести корпус в ЭВМ (а в наши дни любой сколько-нибудь большой корпус должен планироваться с учетом этой перспективы), в достаточной степени ознакомиться с техникой программирования и работой ЭВМ, с тем чтобы он знал, чего он может

ожидать, чего он может в разумных пределах требовать и что ему следует делать, чтобы работа с его корпусом шла как можно легче и обходилась как можно дешевле. Вероятно, наиболее удобный для этого способ — прослушать вводный курс программирования, который в наши дни читается во всех университетах. Это позволит ему сознательно участвовать в принятии разумных решений по ряду важных вопросов. Каков, например, должен быть способ ввода — перфокарты, перфоленты, компакт-кассеты, непосредственная печать на терминале или оптическое сканирующее устройство? Как корпус будет размещен в памяти? Как он будет заиндексирован? Основной вопрос, ответ на который поможет программисту определить наиболее эффективный и экономичный формат: что должно быть объектом поиска? Для корпуса, сформированного с определенной целью, на этот вопрос легко ответить. Но для корпуса общецелевого назначения, такого, как наш корпус В, необходимо попытаться рассмотреть все потенциальные использования. Мы решили включить такое количество графических вариантов — курсив, жирный шрифт, римские цифры и т. д., — которое можно было бы закодировать без чрезмерного усложнения способа кодирования. В результате нам пришлось подготовить вторую версию, освобожденную от большинства этих дополнительных знаков, для таких пользователей, которые в первую очередь интересуются текстом как простой цепочкой слов. Возможности вычислительной техники, сильно возросшие с 1962 года, позволяют другим использовать вариант корпуса В с прописными и строчными буквами и обычной пунктуацией, который в печатном виде или в виде микрофиши легче читается, чем старый вариант, использующий только прописные буквы и большое количество специальных символов или их комбинаций для кодирования знаков пунктуации.

Основной вопрос на этом этапе касается объема информации, содержащейся в тексте, устном или письменном, которое должно быть сохранено при машинном кодировании. Перевод языкового материала из одной формы в другую неизбежно влечет некоторые потери в деталях. Я не знаю, например, никакого способа для фиксации в письменной форме индивидуальных особенностей голоса, которые позволяют нам узнавать человека даже по телефону. Тем не менее в таких корпусах, как, например, записи разговоров в Белом Доме, эта информация может оказаться чрезвычайно важной. Точно так же невозможно перевести в машинную форму

все огромное разнообразие печатного материала, не превращая кодирование в невероятно громоздкую процедуру. Более того, размер и вид шрифта, плотность печати на странице, даже, я думаю, сорт бумаги — все влияет (по крайней мере подсознательно) на наше восприятие текста при чтении. Что делать с более или менее очевидными ошибками: орфографическими и типографскими при печати, повторным обращением к уже сказанному, заиканием, произвольными перестановками звуков и всем прочим, что характеризует спонтанную речь? Снова ответ должен быть подсказан теми задачами, для решения которых создается корпус. Не обязательно делать полную фонетическую или даже фонологическую транскрипцию устного материала, который предназначен для лексического или грамматического анализа, он должен быть записан обычной орфографией. Мы сделали так с упоминавшимся выше корпусом, собранным в штате Миссисипи, и точно так же поступили Синклер с его эдинбургскими диалогами и Лобан с его оклендскими интервью. Но пунктуация — это другое дело. Записи Лобана транскрибировались вначале машинисткой, которая, исходя из общепринятой практики расстановки знаков препинания, сама определяла границы предложений. Часть материала содержала куски, состоящие из длинных цепочек независимых предложений, соединенных союзом *and* 'и'. Машинистка расставила знаки препинания так, как положено в предложениях с многочисленными сочинительными связями. Но когда группа лингвистов прослушала записи, то на основе интонационного контура стало очевидным, что большинство *and* являются началом предложения. Фактически для некоторых говорящих *И* являлся обычным способом начинать новое предложение в связном повествовании — в какой-то мере это сходно с употреблением *kaí* в тексте Нового завета. Так как одним из параметров, которые Лобан использовал при анализе своего материала, была длина предложения, то ясно, что эти кажущиеся малозначительными знаки препинания полностью меняли дело. Продолжая эту тему, скажу, что устный материал, собранный для обследования употребления английского языка Куирком (корпус S), был почти полностью записан в общепринятой орфографии с использованием фонетики только в специальных случаях, но с тщательно разработанной системой записи просодических явлений, таких, как темп, громкость, высота тона, тембр голоса и так далее (см. Crystal — Quirk 1964). Это позволяет сохранить грамматически значимые речевые сигналы, не

загромождающая транскрипцию фонетическими деталями, нерелевантными для целей обследования. Большая часть этой просодической и паралингвистической информации сохранена в машинном варианте, подготовленном в настоящее время в Лундском университете (Orestrom, Svartvik Thavenius 1976). С другой стороны, для большинства корпусов, сформированных на основе диалектов, существенной является как фонологическая, так и грамматическая и лексическая информация, что означает, что фонетические транскрипции обязательно должны быть переведены в машинное представление для дальнейшего использования. В течение некоторого времени это оставалось сложной проблемой. Попытка решить ее была предпринята профессором Рексом Уилсоном и его коллегами в Канаде. Уилсон составил новый фонетический алфавит, разработанный с учетом возможностей специального печатающего устройства «golf — ball» фирмы IBM, которое будет вводить фонетическую транскрипцию непосредственно с терминала (Wilson et al. 1973).

Еще многое можно было бы сказать о переводе устного или печатного текста в машинную форму, но я не буду больше на этом останавливаться. Я бы хотел, однако, привлечь внимание к еще одному вопросу, с которым сталкивается составитель корпуса на стадии ввода его в ЭВМ: какое количество дополнительной информации должно быть введено вместе с корпусом и есть ли вообще необходимость в такой информации? Это особенно касается корпуса, который предполагается использовать для грамматического и лексического, особенно семантического, анализа. С письменным английским языком связаны две проблемы, от которых зависит главным образом подсчет частоты: распознавание омографов и представление их в словаре в стандартной форме (лемматизация). Английский язык особенно богат (или засорен) омографами двух типов. К одному типу относятся однокоренные слова, являющиеся разными частями речи, но не имеющие соответствующих морфологических показателей: например, пары существительное — глагол типа walk 'прогулка — гулять', run 'бег — бежать', love 'любовь — любить', hate 'ненависть — ненавидеть', find 'находка — находить', blow 'дуновение — дуть', drive 'езда — ехать' и т. д. Другой тип включает случайные омографы — этимологически не связанные слова, но имеющие одинаковое написание, такие, как bloom 'цветение', 'стальная болванка', sow 'свинья', 'чушка', row 'ряд', 'гребля',

‘шум’ и т. д. Даже среди модальных глаголов пять — can, will, must, dare и need — имеют омографы, а если мы проигнорируем прописные буквы, то можем добавить шестой — may. Это делает невозможным определение абсолютной и относительной частоты этих грамматически важных элементов на основе корпусов, не различающих омографов (таких, как корпус В и корпус АН); распознавание омографов требует либо разработки сложных алгоритмов, либо ручного подсчета на основе конкордансов. С другой стороны, в английском языке имеются словоизменительные морфемы (их относительно небольшое количество по сравнению с латинским или греческим, но они обладают высокой частотой), отличающие графические формы множественного числа, прошедшего времени и т. п. от основных форм. В нормализованном списке (таком, как в обычных словарях) все формы данного слова приводятся в одной словарной статье. Это можно легко сделать с помощью ЭВМ, но не имеет смысла делать, если не разделены омографы. Так, например, чтобы определить действительную частоту глагола love ‘любить’, ЭВМ должна подсчитать все случаи встречаемости LOVE, LOVES (3 л., наст. вр.), LOVING (прич. наст. вр.), LOVED (прош. вр.) (здесь нет никаких трудностей), а затем вычеркнуть случаи употребления LOVE и LOVES, являющиеся существительными, и LOVING и LOVED, являющиеся существительными или прилагательными (вот здесь уже кроются большие трудности).

Полисемия ставит перед нами проблемы, сходные с теми, что ставит омография. Любой человек (но не ЭВМ) знает, что FAST — это по крайней мере пять различных слов: глагол, означающий ‘поститься’, существительное, означающее ‘пост’, два прилагательных, означающих соответственно ‘быстрый’ и ‘твердый’, и наречие, означающее ‘быстро’. Все мы также согласны, что BOARD — это единое существительное, хотя область его значений включает и ‘доска’, и ‘правление’. Но сколько слов стоит за цепочкой STALL? В словаре «The Random House Dictionary» на слово с такой орфографией дается две статьи, а в словаре «Webster’s Third New International» — пять.

Последний вопрос выходит, конечно, за рамки чисто машинной проблемы. Но рассмотрение омографов и их нормализованной записи подсказывает, что корпус мог бы быть применен с гораздо большей пользой, если бы он был каким-то образом размечен: с помощью грамматических сокращений после каждого слова, цифровых индексов или каких-то

иных помет, т. е. с помощью формальных символов, которые могла бы использовать ЭВМ для объединения того, что должно быть объединено, и разделения того, что должно быть разделено, то есть для выполнения тех функций, которые читатель выполняет исходя из структуры и контекста высказывания. Такое приписывание помет можно было бы осуществить по крайней мере полуавтоматически, и мы в университете Брауна работаем над этой проблемой (G r e e — R u b i n 1971). Но в некоторых случаях это, вероятно, легче осуществить вручную на этапе редактирования. В название настоящей статьи включено слово «проблемы», поэтому если я всячески старался подчеркнуть возникающие при формировании корпуса проблемы и трудности, то только потому, что выполнял поставленную перед собой задачу. И все же надеюсь, что я не отбил охоту у других заниматься этим делом, ибо, несмотря на скептическое замечание Лиза, с которого я начал статью, заниматься этим делом стоит. Тот, кто составляет корпус не только для своих целей, но и предоставляет его в распоряжение своих коллег, выполняет работу, имеющую непреходящую ценность.

ЛИТЕРАТУРА

А Г 1960 — Грамматика русского языка, т. 1. Фонетика, морфология. АН СССР. М., 1960.

Даль 1955 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. т. 1—4, М., 1955.

Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Лопатин — Улуханов 1966 — Лопатин В. В., Улуханов И. С. Построение раздела словообразования. — В кн. «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, с. 50—91.

Потиха 1964 — Потиха З. А. Школьный словообразовательный словарь. изд. 2. М., 1964.

Рейф 1835—1836 — Рейф Ф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка. т. 1—2, С.-Петербург, 1835—1836.

С Р Я 1961 — Словарь русского языка. АН СССР, Ин-т русского языка, т. 1—4. М., 1957—1961.

Ожегов — Шапиро 1959 — Ожегов С. И., Шапиро А. Б. (ред.). Орфографический словарь русского языка, изд. 4. М., 1959.

Ушаков 1940 — Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка, т. 1—4. М., 1935—1940.

Шанский 1959 — Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959.

Ahlheim 1965 — Ahlheim K.-H. Rechtschreibprobleme im fachsprachlichen Bereich. — In: «Wissenschaftliche Redaktion» 1965, I, 14—34.

Andersen 1975 — Andersen Elaine S. Cups and glasses: learning that boundaries are vague. — In: «Journal of Child Language», 1975, 2, 79—103.

Andersen 1977—Andersen Elaine S. The eyes have it: lexical structure and the domain of human body parts. Manuscript, 1977.

Apostel et al. 1957—Apostel L., Mays W., Morf A., Piaget J. Les liaisons analytiques et synthétique dans les comportements du sujet. Presses Universitaires, Paris, 1957.

Ariel 1967—Ariel S. Semantic tests.—In: «Man», 1967, II, 535—550.

Atwood 1962—Atwood E. B. The regional vocabulary of Texas. University of Texas Press, Austin, 1962.

Bach 1967—Bach E. *Have* and *be* in English syntax.—In: «Language», 1967, XLIII, 462—485.

Baldinger 1960—Baldinger K. Alphabetisches oder begrifflich gegliedertes Wörterbuch.—In: «Zeitschrift für Romanische Philologie», 1960, 76, 521—536.

Baldinger 1964—Baldinger K. Sémasiologie et onomasiologie.—In: «Revue de Linguistique Romane», 1964, 28, 249—272 (Немецкий перевод: Semasiologie und Onomasiologie.—In: Geckeler H. (Hrsg.) «Strukturelle Bedeutungslehre». Darmstadt, 1978 (=Wege der Forschung CCCCXXVI), 371—401).

Ballweg—1977 Ballweg J. Semantische Grundlagen einer Theorie der deutschen kausativen Verben. (=Forschungsberichte des IdS, Mannheim, 38). Tübingen, 1977.

Ballweg-Schramm 1978—Ballweg-Schramm Angelika. Zur Prinzipienlehre der Lexikographie. Diskussion und Exemplifizierung.—Ig: «Zeitschrift für Germanistische Linguistik», 1978, 6, 1, 1—17.

Battig-Montague 1969—Battig W. F., Montague W. E. Monograph Supplement 3.—In: «Journal of Experimental Psychology», 1969, 80.

Baumbach 1967—Baumbach R. Das Verb in deutschen medizinischen Lehrbüchern.—In: «Deutschunterricht für Ausländer», 1967, 17, 11—22.

Bausch et al. 1976—Bausch K.-H., Schewe W. H. U. Spiegel H.-R. Fachsprachen. Terminologie — Struktur — Normung (= DIN Normungskunde Heft 4). Berlin, Köln, 1976.

Becker 1977—Becker N. Wertigkeit und Frequenz in der Lexis hochspezialisierter medizinischer Texte.—In: «Zielsprache Deutsch», 1977, 1, 21—27.

Bendix 1966—Bendix E. H. Componential Analysis of General Vocabulary: The Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi and Japanese. Indiana University Press, Bloomington, 1966.

Berlin et al. 1973—Berlin B., Breedlove D. E. and Raven P. H. General principles of classification and nomenclature in folk biology.—In: «American Anthropologist», 1973, 75, 214—242.

Bielfeldt 1958—Bielfeldt H. H. (Hrsg.). Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958.

Bierwisch-Kiefer 1968—Bierwisch M., Kiefer F. Remarks on definitions in natural language.—In: «Studies in Syntax and Semantics». F. Kiefer (ed.). Dordrecht, 1969, 55—79.

Binnick 1971—Binnick R. I. *Bring* and *come*.—In: «Linguistic Inquiry», 1971, 2, 260—265.

Black 1949—Black M. Language and Philosophy. Cornell University Press, Ithaca, 1949.

Bloom 1973—Bloom L. One word at a time. Mouton, The Hague, 1973.

Bloomfield 1933—Bloomfield L. Language. Henry Holt, New York, 1933 (Русск. перевод: Блумфилд Л. Язык. «Прогресс», М., 1968).

Boertien 1975—Boertien H. S. Vagueness of container nouns and cognate verbs. Unpublished dissertation, University of Texas, 1975.

Bolinger 1961—Bolinger D. L. Generality, Gradience, and the All-or-None. Mouton, The Hague, 1961.

Brown 1958—Brown R. How shall a thing be called?—In: «Psychological Review», 1958, 65, 14—21.

Buzon 1979—Buzon C. Dictionnaire, langue, discours, idéologie.—«Langue française», 1979, 43, 27—44.

Cameron et al. 1970—Cameron A., Frank R., Leyerle J. Computers and Old English concordances. University of Toronto Press, Toronto, 1970.

Candel 1979—Candel D. La présentation par domaines des emplois scientifiques et techniques dans quelques dictionnaires de langue.—«Langue française», 1979, 43, 100—115.

Carlson 1977—Carlson G. Reference to kinds in English. Ph. D. thesis, University of Massachusetts, 1977.

Carnap 1936—Carnap R. Testability and meaning.—In: «Philosophy of Science», 1936, 3, 420—471.

Carroll 1967—Carroll J. B. On sampling from a lognormal model of word-frequency distribution. In: Kučera—Francis 1967, 406—424.

Carroll 1971—Carroll J. B. Statistical analysis of the corpus.—In: Carroll et al. 1971, XXI—XL.

Carroll et al. 1971—Carroll J. B., Davies P. Richman B. The American Heritage word frequency book. American Heritage Publishing Co., New York, Houghton Mifflin Company, Boston, 1971.

Cassidy 1970—Cassidy F. G. The DARE project at the end of 1970. ERIC Document ED 060 006.

Catford 1958—Catford J. C. Vowel systems of Scots dialects.—In: «Transactions of the Philological Society», 1958, 107—117.

Cedergren—Sankoff 1974—Cedergren Henrietta, Sankoff D. Variable rules: performance as a statistical reflection of competence.—In: «Language», 1974, 50, 333—355.

Chen—Hsieh 1971—Chen M., Hsieh Hsin-I. The time variable in phonological change.—In: «Journal of Linguistics», 1971, 7, 1, 1—13.

Chomsky 1957—Chomsky N. Syntactic Structures. Mouton, The Hague, 1957. (Русск. перевод: Хомский Н. Синтаксические структуры.—В кн.: «Новое в лингвистике», вып. II, Изд-во иностр. лит-ры, М., 1962, 412—527).

Chomsky 1965—Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. MIT Press, Cambridge, Mass., 1965. (Немецкий перевод: Chomsky N. Aspekte der Syntax-Theorie. Frankfurt/M., 1969; русск. перевод: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Изд-во Моск. ун-та, М., 1972).

Crystal—Quirk 1964—Crystal D., Quirk R. Systems of prosodic and paralinguistic features in English. Mouton, The Hague, 1964.

Davidson — Harman 1972 — Davidson D., Harman G. (eds.) Semantics of natural language. Reidel Publishing Co., Dordrecht, 1972.

Davy — Quirk 1969 — Davy D., Quirk R. An acceptability experiment with spoken output.—In: «Journal of Linguistics», 1969, 5, 109—120.

DeVos — Caramazza 1975 — DeVos L., Caramazza A. The development of natural language concepts: the interaction of form and function of objects. Unpublished manuscript. Johns Hopkins University, 1975.

DIN 1973 — DIN: 2330. Begriffe und Benennungen. Entwurf. 1973.

DIN 1974 — DIN: 2331. Begriffssysteme und ihre Darstellung. Entwurf. 1974.

Dixon 1971 — Dixon R. M. W. A method of semantic description.—In: «Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology», Steinberg D. D., Jakobovits L. A. (eds.). Cambridge University Press, 1971.

Drozd — Seibicke 1973—Drozd L., Seibicke W. Deutsche Fach- und Wissenschaftssprache. Wiesbaden, 1973.

Duden 1971 — Duden: Stilwörterbuch der deutschen Sprache: 6. Auflage von G. Drosowski u. a. (= Der Große Duden, Bd. 2), Mannheim, 1971.

Ehrman 1966 — Ehrman Madefine. The meanings of the modals in present-day American English. Mouton, The Hague, 1966.

Engel 1970 — Engel U. Die deutschen Satzbaupläne.—In: «Wirkendes Wort», 1970, 20, 361—392.

Engel — Schumacher 1976 — Engel U., Schumacher H. Kleines Valenzlexikon deutscher Verben (= Forschungsberichte des IdS 31). Tübingen, 1976. (2. Aufl., 1978).

Erk 1972 — Erk H. Zur Lexik wissenschaftlicher Fachtexte. Verben. Frequenz und Verwendungsweise (=chriften der Arbeitsstelle für wissenschaftliche Didaktik des Goethe-Instituts, Band 4). München, 1972.

Fachsprachen und Gemeinsprache 1977 — Fachsprachen und Gemeinsprache. Jahrestagung 1978 des Instituts für deutsche Sprache, Mannheim, 14 März bis 17. März 1978.—In: «Deutsche Sprache», 1977, Heft 3, 284—285.

Fachwortschatz Bauwesen 1976 — Fachwortschatz Bauwesen. Häufigkeitswörterbuch, Russisch-English-Französisch. Leipzig, 1976.

Fachwortschatz Chemie 1973 — Fachwortschatz Chemie. Häufigkeitswörterbuch, Russisch-English-Französisch. Leipzig, 1973.

Fachwortschatz Mathematik 1976 — Fachwortschatz Mathematik. Häufigkeitswörterbuch, Russisch-English-Französisch Leipzig, 1976.

Fachwortschatz Medizin 1973—Fachwortschatz Medizin. Häufigkeitswörterbuch, Russisch-English-Französisch. 2., unveränderte Auflage, Leipzig, 1973.

Fachwortschatz Physik 1976 —Fachwortschatz Physik. Häufigkeitswörterbuch. Russisch-English-Französisch 3., unveränderte Auflage. Leipzig, 1976.

Feigl 1958 — Feigl H. The «mental» and the «physical».

— In: Feigl H., Maxwell G. (eds.). «Minnesota Studies in the Philosophy of Science». II. Minnesota University Press, Minneapolis, 1958, 370—497.

Filipec 1968 — Filipec J. Zur innersprachlichen Konfrontation von semantischen Teilstrukturen im lexikalischen System.— In: «Travaux linguistiques de Prague», 1968, 3, 105—118.

Fillmore 1969 — Fillmore Ch. J. Review article of Bendix 1966.— In: «General Linguistics», 1969, IX, 41—65.

Fillmore 1971 — Fillmore Ch. Verbs of judging.— In: Fillmore Ch. J., Langendoen D. T. (eds.). Studies in Linguistic Semantics, Holt, Rinehart, and Winston, New York, 1971, 272—289.

Fillmore 1972 — Fillmore Ch. J. On generativity.— In: «The Goals of Linguistic Theory». Peters S. (ed.) Prentice-Hall, 1972, 1—19.

Fillmore 1975a — Fillmore Ch. J. An alternative to checklist theories of meaning.— In: «Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society», Cogen C. et al., (eds.) Berkeley, 1975, 123—131. (2nd print, 1978).

Fillmore 1975b — Fillmore Ch. J. The future of semantics.— In: «The Scope of American Linguistics», Austerlitz R. (ed.), Peter de Ridder Press, 1975, 135—158.

Fleischer 1974 — Fleischer W. Worthildung der deutschen Gegenwartssprache. 3. Auflage. Leipzig, 1974.

Fluck 1976 — Fluck H.-R. Fachsprachen (= UTB 483). München, 1976.

Fradin — Marandin 1979 — Fradin B., Marandin J. Autour de la définition: de la lexicographie à la sémantique.— «Langue française», 1979, 43, 60—83.

Francis 1964 — Francis W. N. A standard sample of present-day English for use with digital computers. Report to U. S. Office of Education on Cooperative Research Project, No. E-007. Brown University, Providence, 1964.

Francis 1965 — Francis W. N. A standard corpus of edited present-day American English for computer use.— In: «College English», 1965, 26, 267—273.

Frege 1879 — Frege G. Begriffsschrift. Англ. перевод отдельных частей в кн.: Geach — Black 1952, 1—20.

Frege 1892 — Frege G. Über Sinn und Bedeutung. Англ. перевод в кн.: Geach — Black 1952, 56—78 (русск. перевод: Фреге Г. Смысл и денотат.— В кн.: «Семиотика и информатика», вып. 8, 1977, 181—210).

Garvin et al. 1967 — Garvin R. L., Brewer J., Mathiot Madeleine. Predication typing: a pilot study in semantic analysis.— In: «Language», Monograph 27, 1967

Geach — Black 1952 — Geach P. T., Black M. Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege. Blackwell, Oxford, 1952.

Gipper 1969 — Gipper H. Zur Problematik der Fachsprachen ein Beitrag aus sprachwissenschaftlicher Sicht.— In: «Festschrift für Hugo Moser», Düsseldorf, 1969, 66—81.

Girardin 1979 — Girardin C. Contenu, usage social et interdits dans le dictionnaire.— «Langue française», 1979, 43, 84—99.

Goodenough 1965 — Goodenough W. H. Yankee kin-

ship terminology: a problem in componential analysis.— In: «American Anthropologist», 1965, 67, 11, 259—287.

G ö t z e 1973 — G ö t z e L. Zur didaktischen Auswertung linguistischer Monographien. Relevanz der Satzbaupläne aus didaktischer Sicht.— In: Hartmann R. R. K. (Hrsg.), German Linguistics, Papers from the B.A.A.L. Seminar at Nottingham, March 1972 (= Tübinger Beiträge zur Linguistik 42), Tübingen, 1973, 131—161.

G ö t z e 1979 — G ö t z e L. Valenzstrukturen deutscher Verben und Adjektive. Eine didaktische Darstellung für das Fach «Deutsch als Fremdsprache» (= Heutiges Deutsch, Reihe III, Band 3). München, 1979.

G r a b a n d 1963 — G r a b a n d G. Sprachliche Ausdrucksmittel im internationalen Funksprechverkehr mit Luftfahrzeugen.— In: «Sprache im technischen Zeitalter», 1963, 7, 507—529.

G r a g g 1978 — G r a g g G. B. Redundancy and polysemy: reflections on point of departure for lexicology.— In: «Papers from the Parasession on the Lexicon», Chicago Linguistic Society, Chicago, 1978, 174—183.

G r e e n b a u m — Q u i r k 1970 — G r e e n b a u m S., Q u i r k R. Elicitation experiments in English. Linguistic studies in use and attitude. Longman, London, 1970.

G r e e n b e r g 1957 — G r e e n b e r g J. H. Essays in Linguistics. Chicago, London, 1957.

G r e e n e — R u b i n 1971 — G r e e n e Barbara B., R u b i n G. M. Automatic grammatical tagging of English. Department of Linguistics, Brown University, Providence, 1971.

G r i c e 1975 — G r i c e H. P. Logic and conversation.— In: Speech acts (Syntax and Semantics 3), Cole P., Morgan J. L. (eds.) Academic Press, New York, 1975, 41—58.

G r i m m 1854 — G r i m m J. Vorwort.— In: Grimm J.u.W. Deutsches Wörterbuch, Bd. I. und II. Leipzig, 1854.

G u i l l a u m e 1927 — G u i l l a u m e P. Les débuts de la phrase dans le langage de l'enfant.— In: «Journal de Psychologie», 1927, 24, 1—25.

H a l l e 1959 — H a l l e M. The Sound Pattern of Russian. 's-Gravenhage, 1959 (русск. перевод гл. I, с. 19—46, см. в кн.: «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962, 299—339).

H a l l e 1963 — Халле М. О правилах русского спряжения (предварительное сообщение). In: «American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists». Vol. I, The Hague, 1963, 113—132.

H a l l o w e l l 1955 — H a l l o w e l l A. I. Culture and Experience. University of Pennsylvania Press, 1955 (ссылки в статье Ч. Филлмора даны по изданию 1971 года).

H a r r i s 1968 — H a r r i s Z. Mathematical Structures of Language. John Wiley, New York, 1968.

H a u s m a n n 1977 — H a u s m a n n F. J. Splendeurs et misères du Trésor de la langue française.— In: «Zeitschrift für französische Sprache und Literatur», 1977, 87, 3—212 sq.

H e g e r 1964 — H e g e r K. Die methodologischen Voraussetzungen von Onomasiologie und begrifflicher Gliederung.— In: «Zeitschrift für Romanische Philologie», 1964, 80, 486—516.

H e l b i g 1965 — H e l b i g G. Der Begriff der Valenz als Mittel der strukturellen Sprachbeschreibung und des Fremdsprachenunterrichts.— In: «Deutsch als Fremdsprache», 1965, 2, 10—23.

Helbig 1967 — Helbig G. Die Bedeutung syntaktischer Modelle für den Fremdsprachenunterricht.— In: «Deutsch als Fremdsprache», 1967, 4, 195—204 und 205—267.

Helbig 1969 — Helbig G. Zur Applikation linguistischer Theorien im Fremdsprachenunterricht und zu den Beziehungen zwischen Sprach- und Lerntheorien.— In: «Deutsch als Fremdsprache», 1969, 6, 15ff.

Helbig — Schenkel 1969 — Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1959. (3. Aufl. 1975).

Hempel 1939 — Hempel C. G. Vagueness and logic.— In: «Philosophy of Science», 1939, 6, 163—180.

Henne 1968 — Henne H. Deutsche Lexikographie und Sprachnorm im 17. und 18. Jahrhundert.— In: «Wortgeographie und Gesellschaft». Festschrifts für L. E. Schmitt. Berlin, 1968, 80—114.

Henne 1972 — Henne H. Semantik und Lexikographie. Untersuchungen zur lexikalischen Kodifikation der deutschen Sprache. (= Studia Linguistica Germanica 7). De Gruyter, Berlin, New York, 1972.

Henne 1975 — Henne H. Sprachpragmatik. Nachschrift einer Vorlesung. (= Reihe Germanistische Linguistik 3). Tübingen, 1975.

Henne 1976 — Henne H. Prinzipien einsprachiger Lexikographie.— In: «Probleme der Lexikologie und Lexikographie», Moser H. u. a. (Hrsg.) (= Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache, Mannheim. Sprache der Gegenwart, Band 3), Düsseldorf, 1976, 95—117.

Henne — Wiegand 1969 — Henne H., Wiegand H.E. Geometrische Modelle und das Problem der Bedeutung.— In: «Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik», 1969, 36, 130—173.

Heringer 1976 — Heringer J. Idioms and lexicalization in English.— In: Shibatani M. (ed.). «The grammar of causative constructions» (Syntax and Semantics 6). Academic Press, New York, 1976, 205—216.

Hersch — Caramazza 1976 — Hersch H. M., Caramazza A. A fuzzy set approach to modifiers and vagueness in natural language.— In: «Journal of Experimental Psychology», 1976, 105, 254—276.

Hockney 1975 — Hockney D. et al. (eds.) Contemporary research in philosophical logic and linguistic semantics. Reidel Publishing Co., Dordrecht, 1975.

Hoffman 1975 — Hoffmann L. (Hrsg.). Fachsprachen und Sprachstatistik, Beiträge zur angewandten Sprachwissenschaft. (= Sammlung Akademie-Verlag 41) Berlin, 1975.

Hoffman 1976 — Hoffman L. Kommunikationsmittel — Fachsprache. Eine Einführung. (= Sammlung Akademie-Verlag 44). Berlin, 1976.

Horn 1975 — Horn L. On the semantic properties of logical operators in English. Ph. D. thesis, UCLA, 1975.

Householder 1975 — Householder F. Linguistic speculations. Cambridge University Press, London, New York, 1975.

Ikegami 1970 — Ikegami Y. The Semiological Structure of the English Verbs of Motion: A Stratificational Approach. Senseido, Tokyo, 1970.

I schreyt 1965 — I schreyt H. Studien zum Verhältnis von Sprache und Technik. Institutionelle Sprachlenkung in der Terminologie der Technik. Düsseldorf, 1965.

J a k o b s o n 1948 — J a k o b s o n R. Russian conjugation.— In: «Word», 1948, 4, 155—167.

J a k o b s o n 1959 — J a k o b s o n R. Shifters, Verbalcategories, and the Russian Verb. Перепечатано в кн.: J a k o b s o n R. Selected Writings, v. 2. Mouton, The Hague, Paris, 1971, 130—147.

J a k o b s o n 1958 — Я к о б с о н Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением.— In: American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists», 's-Gravenhage, 1958, 127—156.

J e s p e r s e n 1905 — J e s p e r s e n O. Language. Copenhagen, 1905.

K a n t c h a l o w s k i — L e b e t t r e 1951 — K a n t c h a l o w s k i V. P., L e b e t t r e P. Recueil des verbes russes classifiés et étudiés avec leurs racines d'après le cours de P. Boyer, Paris, n. d. 1951, rotaprint.

K a r t t u n e n 1971 — K a r t t u n e n L. Some observations on factivity.— In: «Papers in Linguistics», 1971, 4, 55—69.

K a r t t u n e n 1974 — K a r t t u n e n L. Presupposition and linguistic context.— In: «Theoretical Linguistics», 1974, 1, 182—194.

K a r t t u n e n — S t a n l e y 1975 — K a r t t u n e n L., S t a n l e y P. Conventional implicature in Montague grammar.— In: «Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society», Berkeley, 1975, 266—278. (2nd print 1978).

K a t z — F o d o r 1963 — K a t z J. J., F o d o r J. A. The structure of a semantic theory.— In: «Language», 1963, 39, 170—210.

K a y — C o l e m a n 1978 — K a y P., C o l e m a n L i n d a. How to lie (with statistics). Manuscript, 1978.

K e m p s o n 1975 — K e m p s o n R u t h. Presupposition and the delimitation of semantics. Cambridge University Press, London, New York, 1975.

K e m p t o n 1977 — K e m p t o n W. Category grading and taxonomic relations: a mug is a sort of a cup. Unpublished manuscript: University of Texas. Department of Anthropology, 1977.

K l a p p e n b a c h — S t e i n i t z 1961ff.— K l a p p e n b a c h R u t h, S t e i n i t z W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1961 ff.

K l u t e 1975 — K l u t e W. (Hrsg.). Fachsprache und Gemeinsprache, Kommunikation/Sprache. Materialien für den Kurs- und Projektunterricht. Frankfurt, Berlin, München, 1975.

K r i p k e 1972 — K r i p k e S. Naming and necessity.— In: Davidson — Harman, 1972, 253—355.

K u b e z a k 1976 — K u b e z a k J a c q u e l i n e. Verbauswahl. IdS-Arbeitspapier VV 52 der Projektgruppe Verbvalenz, Mannheim, 1976 (vervielfältigt).

K u b e z a k 1977 — K u b e z a k J a c q u e l i n e. Zur Pragmatik der Lexikographie. Am Beispiel der Lemmataauswahl für ein Wörterbuch deutscher Verben. Arbeitspapier VV 70 der Projektgruppe Verbvalenz, Mannheim, 1977 (vervielfältigt). Также в кн.: Festschrift für Prof. Dr. H. Draye. Löwen, 1977.

K u č e r a — F r a n c i s 1967 — K u č e r a H., F r a n c i s W. N. Computational analysis of present-day American English. Brown University Press, Providence, 1967.

Kühnhold — Wellmann 1973 — Kühnhold I., Wellmann H. Das Verb. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Erster Hauptteil (= Sprache der Gegenwart Bd. 29). Düsseldorf, 1973.

Labov 1972 — Labov W. Language in the Inner City. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1972.

Labov 1973 — Labov W. The boundaries of words and their meanings.— In: «New Ways of Analyzing Variation in English». Bailey C. J., Shuy R. (eds.). Georgetown University Press, Washington, D.C., 1973, 340—373.

Labov — Labov 1974 — Labov W., Labov Teresa. The grammar of *cat* and *mama* (доклад, прочитанный на заседании Лингвистического общества Америки. Нью-Йорк, 1974).

Labov — Labov 1977 — Labov W., Labov Teresa. Learning the syntax of questions.— In: «Recent Advances in the Psychology of Language». Campbell R., Smith P. (eds.). Plenum, New York, 1977.

Labov — Labov to appear — Labov W., Labov Teresa. The semantics of *cat* and *mama*. To appear.

Lakoff 1972 — Lakoff G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts.— In: «Papers from the Eighth Regional Meeting». Chicago Linguistic Society, 1972, 183—228. Перепечатано в переработанном виде в кн.: Носкнеу 1975, 221—271.

Leech 1968 — Leech G. N. Some assumptions in the meta-theory of linguistics.— In: «Linguistics», 1968, 39, 87—102.

Leech 1969 — Leech G. N. Towards a semantic description of English. Longmans, London, Harlow, 1969.

Leech 1974 — Leech G. Semantics. Penguin Books, Harmondsworth, 1974.

Lehrer 1968 — Lehrer Adrienne Semantic cuisine.— In: «Journal of Linguistics», 1968, 5, 39—56.

Leisi 1952 — Leisi E. Der Wortinhalt. 4th Edition, Quelle and Meyer, 1972.

Lewis 1936 — Lewis M. M. Infant Speech. Harcourt and Brace, New York, 1936.

Lieberman et al. 1957 — Lieberman A. M., Harris K. S., Hoffman H. S., Griffith B. C. The discrimination of speech sounds within and across phoneme boundaries.— In: «Journal of Experimental Psychology», 1957, 54, 358.

Lippert 1978 — Lippert H. Fachsprache Medizin.— In: «Interdisziplinäres deutsches Wörterbuch in der Diskussion». Henne H., Mentrup W., Möhn D., Weinrich H. (Hrsg.). Schwann, Düsseldorf, 1978, 86—101.

Loban 1966 — Loban W. Problems in oral English. NCTE Research Report No. 5. National Council of Teachers of English, Urbana, Illinois: 1966.

Lyons 1963.— Lyons J. Structural Semantics. (Publications of the Philological Society XX). Blackwell, Oxford, 1963.

Lyons 1967 — Lyons J. A note on possessive, existential and locative sentences.— In: «Foundations of Language», 1967, III, 390—396

Lyons 1968 — Lyons J. An introduction to theoretical linguistics. Cambridge University Press, London New York, 1968 (русск. перевод: Лайонз Дж. Введение в георетическую лингвистику. «Прогресс», М., 1978).

Martin 1977 — Martin R. Essai d'une typologie des définitions verbales dans le dictionnaire de langue.— «Travaux de linguistique et de littérature», XV, 1, Strasbourg, 1977, 361 sq.

Matoré 1968 — Matoré G. Histoire des dictionnaires français. Larousse, Paris, 1968.

McCawley 1968 — McCawley J. D. The role of semantics in a grammar.— In: «Universals in linguistic theory». Bach E., Harms R. T. (eds.). Holt, Rinehart and Winston, New York, 1968, 124—169 (русск. перевод: МакКоли Дж. Д. О месте семантики в грамматике языка.— В кн.: «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X, «Прогресс», М., 1981, 235—301).

McCawley 1971 — McCawley J. D. Prelexical syntax. Georgetown University Monograph Series on Languages and Linguistics 1971, 21, 19—33

McCawley 1972 — McCawley J. A program for logic.— In: Davidson — Harman 1972, 498—544.

McCawley 1975 — McCawley J. Verbs of bitching.— In: Hockney 1975, 331—332.

McCawley 1978 — McCawley J. Conversational implicature and the lexicon.— In: Pragmatics. Cole P. (ed.) Academic Press, New York, 1978.

McIntosh 1952 — McIntosh A. An introduction to a Survey of Scottish Dialects. Nelson, Edinburgh, 1952.

Mentrup 1976 — Mentrup W. Gemeinsprache und Fachsprachen. Überlegungen zur Methodik ihrer lexikographischen Erfassung.— In: «Wirkendes Wort», 1976, 26, 431—443.

Mentrup 1978a — Mentrup W. Korpora und Belegsammlungen.— In: «Interdisziplinäres deutsches Wörterbuch in der Diskussion». Düsseldorf, 1978, 195—232.

Mentrup 1978b — Mentrup W. Zur Beschäftigung mit Fachsprachen. Paper, 1978.

Mentrup 1978c — Mentrup W. Überlegungen zur Zusammenstellung und verwendung eines Korpus für ein großes interdisziplinäres Wörterbuch der deutschen Sprache.— In: Bergenholtz H., Schaeder B. (Hrsg.) «Empirische Textwissenschaft. Aufbau und Auswertung von Text-Corpora». Scriptor, Königstein/Ts. 1978, 182—203.

Miller 1972 — Miller G. A. English verbs of motion: a case study in semantics and lexical memory.— In: «Coding Processes in Human Memory». Melton A. W., Martin E. (eds.). Winston, 1972.

Möhn 1968 — Möhn D. Fach- und Gemeinsprache. Zur Emanzipation und Isolation der Sprache.— In: «Wortgeographie und Gesellschaft». Festschrift für L. E. Schmitt. Berlin, 1968, 315—348.

Möhn 1976 — Möhn D. Zur Entwicklung neuer Fachsprachen.— In: «Deutscher Dokumentartag», 1976, 311 ff.

Müller — Tochtermann 1959 — Müller — Tochtermann H. Struktur der deutschen Rechtssprache.— In: «Muttersprache», 1959, 84—92.

Nida 1947 — Nida E. A. Field techniques in descriptive linguistics.— In: «International Journal of American Linguistics», 1947, 13, 138—146.

Nida 1949 — Nida E. A. Morphology, the Descriptive Analysis of Words. 2nd ed. University of Michigan Press, Ann Arbor, 1949.

Nida 1950 — Nida E. A. Learning a Foreign Language. Friendship Press, New York, 1950.

Nida 1958 — Nida E. A. Analysis of meaning and dictionary making.— In: «International Journal of American Linguistics», 1958, 24, 279—298 (русск. перевод: Найдя Е. А. Анализ значения и составление словарей.— В кн.: «Новое в лингвистике», вып. II. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1962, 45—71).

Oreström et al. 1876 — Oreström B., Svartvik J., Thavenius Cecilia. Manual for terminal input of spoken English material. Survey of Spoken English, Lund, 1976.

Peirce 1933 — Peirce Ch. S. Collected papers, V, Hartshorne Ch., Weiss P. (eds.), Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1933.

Peika 1971 — Peika R. Werkstückbenennungen in der Metallverarbeitung (= Göppinger Arbeiten zur Germanistik 42). Göppingen, 1971.

Pelletier 1977 — Pelletier F. J. *Or.*— In: «Theoretical linguistics», 1977, 4, 62—74.

Petöfi et al. 1975 — Petöfi J. S., Podlech A., von Savigny E. (iifrg.). Fachsprache — Umgangssprache (= Wissenschaftstheorie und Grundlagenforschung 4). Kronberg/Ts., 1975.

Pisoni 1975 — Pisoni D. B. Auditory short-term memory and vowel perception.— In: «Memory and cognition», 1975, 3, 7—18.

Polenz 1968a — Polenz P. von. Wortbildung und Wortsoziologie.— In: «Wortgeographie und Gesellschaft». Festschrift für L. E. Schmitt. Berlin, 1968, 10—27.

Polenz 1968b — Polenz P. von. Ableitungsstrukturen deutscher Verben.— In: «Zeitschrift für deutsche Sprache», 1968, 24, Iff., 129ff.

Popper 1959 — Popper K. R. The logic of scientific discovery. Hutchinson, London, 1959.

Pörksen 1973 — Pörksen U. Zur Terminologie der Psychoanalyse.— In: «Deutsche Sprache», 1973, 1, 7—36.

Pörksen 1977 — Pörksen U. Einige Aspekte einer Geschichte der Naturwissenschaftssprachen und Ihrer Einflüsse auf die Gemeinsprache.— In: «Sprachwandel und Sprachgeschichtsschreibung». Jahrbuch 1976 des Instituts für deutsche Sprache (= Sprache der Gegenwart Bd. 41). Düsseldorf, 1977, 146—166.

Porzig 1962 — Porzig W. Das Wunder der Sprache. 3. Auflage (1. Auflage 1952), Bern.

Projektgruppe Verbvalenz 1975—1978 — Projektgruppe Verbvalenz 1975—1978: Erarbeitung einer Verbvalenzgrammatik auf semantischer Basis zur Vorbereitung eines Valenzwörterbuchs (GFG-Projekt En 46/6), Jahresbericht 1975, Jahresbericht 1976, Jahresbericht 1977. Mannheim (vervielfältigt).

Projektgruppe Verbvalenz 1976 — Projektgruppe Verbvalenz 1976: Integrierte Studie zu Verben der oralen Konsumation. IdS-Arbeitspapier VV 65 der Projektgruppe Verbvalenz, Mannheim (vervielfältigt).

Projektgruppe Verbvalenz 1977 — Projektgruppe Verbvalenz 1977: Vorläufiges Vokabular der benutzerorientierten standardisierten Beschreibungssprache und Probeartikel. IdS-Arbeitspapier VV 80 der Projektgruppe Verbvalenz, Mannheim (vervielfältigt).

Putnam 1970 — Putnam H. Is Semantics Possible?— In: «Metaphilosophy», 1970, 1, 187—201.

Putnam 1975 — Putnam H. The meaning of «meaning». — In: «Minnesota Studies in the Philosophy of Science». Gunderson K. (ed.), 1975, 7, 131—193. Также в кн.: Putnam H. (ed.) Language, mind, and reality. Cambridge University Press, London, New York, 1975, 215—271.

Quirk 1960 — Quirk R. Towards a description of English usage. — In: «Transactions of the Philological Society», 1960, 40—61.

Quirk 1965 — Quirk R. Descriptive statement and serial relationship. — In: «Language», 1965, 41, 205—217.

Quirk 1974 — Quirk R. The linguist and the English language. Edward Arnold, London, 1974.

Quirk — Svartvik 1966 — Quirk R., Svartvik J. Investigating linguistic acceptability. Mouton, The Hague, 1966.

Quirk et al. 1972 — Quirk R., Greenbaum S., Leech J. N., Svartvik J. A grammar of contemporary English. Longman, London, 1972.

Quéhada 1968 — Quéhada B. Les dictionnaires du français moderne (1539—1863). Didier, Paris, 1968.

The Random House Dictionary of the English Language. Jess Stein (Editor in Chief). Random House, New York, 1967.

Recktenwald 1974 — Recktenwald R. P. The English progressive: semantics and history Unpublished Dissertation. Brown University 1974.

Reed 1973 — Reed S. K. Psychological processes in pattern recognition. Academic Press, New York, 1973.

Rey 1970 — Rey A. Littré, l'humaniste et les mots. Gallimard (Les Essais), Paris, 1970.

Rey 1972 — Rey A. Du discours à l'histoire: l'entreprise philologique au XIXe siècle. — «Langue française», 1972, 15.

Rey 1973 — Rey A. Langage et temporalités. — «Langages», 1973, 32.

Rey 1977 — Rey A. Le lexique: images et modèles, Armand Colin, Paris, 1977.

Rey — Debove 1971 — Rey — Debove J. Étude linguistique et sémiotique des dictionnaires français contemporains, Mouton, La Haye, 1971.

Rogalla — Rogalla 1976 — Rogalla H., Rogalla W. Zur Wortbildung in wissenschaftlichen Texten. Manuskript, 1976.

Rosch 1973 — Rosch Eleanor. Natural categories. — In: «Cognitive Psychology», 1973, 4, 328—350.

Rosch 1975a — Rosch Eleanor. Cognitive representations of semantic categories. — In: «Journal of Experimental Psychology: General», 104, 1975, 192—233.

Rosch 1975b — Rosch Eleanor. Human categorization. — In: «Advances in cross-cultural psychology». Warren N. (ed.). London, 1975, 1—72.

Ross 1967 — Ross J. R. Constraints on variables in syntax. Ph. D. Tesis, MIT, Cambridge, Mass., 1967.

Ross 1972 — Ross J. R. Endstation Hauptwort: the category squish. — In: «Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society», Chicago 1972, 310—328.

Sadock 1977 — Sadock J. Truth and approximation. — In: «Proceedings of the Third Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society», Berkeley, 1977, 430—439.

Samarin 1965 — Samarin W. J. Controlling elicitation of equivalents.— In: «The Bible Translator», 1965, 16, 36—38.

Samarin 1967 — Samarin W. J. Field Linguistics. Holt, Rinehart and Winston, New York, 1967.

Sankoff—Thibault 1977 — Sankoff G., Thibault J. L'alternance entre les auxiliaires *avoir* et *être* en français parlé à Montréal.— «Langue française», 1977, 34, 81—108.

Sankoff—Thibault 1978 — Sankoff G., Thibault J. Sacrilege in Quebec French. Manuscript, 1978.

Schade 1970 — Schade G. Einführung in die deutsche Sprache der Wissenschaften, 2. Aufl. Berlin, 1970.

Scheffler 1964 — Scheffler I. The anatomy of inquiry. Routledge, London, 1964.

Schipperges 1976 — Schipperges H. Die Sprache des Arztes (= Schriftenreihe der Bezirksärztekammer Nordwürttemberg Nr. 25). Stuttgart, 1976.

Schmerling 1978 — Schmerling Susan. Synonymy judgements as syntactic evidence.— In: «Pragmatics» Cole P. (ed.). (Syntax and Semantics 9), Academic Press, New York, 1978.

Schubert—Wagner 1971 — Schubert, Wagner. Pflanzennamen und botanische Fachwörter, 1971.

Schumacher 1975 — Schumacher H. Probleme der Verbalenz.— In: «Deutsch als Fremdsprache und neuere Linguistik», Werner G., Fritz G. (Hrsg.). München, 1975, 41—66.

Schumacher 1976a — Schumacher H. Über die Valenzgrammatik und ihre Bedeutung für den Deutschunterricht.— In: «Modern Languages», 1976, 57, 3, 116—126.

Schumacher 1976b — Schumacher H. Ein Valenzwörterbuch auf semantischer Basis.— In: «Probleme der Lexikologie und Lexikographie», Moser H. u. a. (Hrsg.) (= Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache, Mannheim, Sprache der Gegenwart, Band 39). Düsseldorf, 1976, 95—117.

Schumacher 1977 — Schumacher H. Vorüberlegungen zu einigen Kommunikationsverben. Arbeitspapier VV 87 der Projektgruppe Verbalenz, Mannheim, 1977 (vervielfältigt).

Seibicke 1959 — Seibicke W. Fachsprache und Gemeinsprache — In: «Muttersprache», 1959, 70—84.

Sinclair et al. 1970 — Sinclair J. McH., Jones S., Daley R. English lexical studies. Report to OSTI on Project C/LP/08, Department of English, University of Birmingham, Birmingham, 1970.

Sommerfeldt—Schreiber 1975 — Sommerfeldt K.-H.; Schreiber H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive, 2. Aufl. Leipzig, 1974

Sommerfeldt—Schreiber 1977 — Sommerfeldt K.-E., Schreiber H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive. Leipzig, 1967.

Spevack 1968—1970 — Spevack M. Complete and systematic concordance to the works of Shakespeare. G. Olms, Hildesheim, 1968—1970.

Spevack 1972 — Spevack M. Shakespeare's English: the core vocabulary. — In: «Review of National Literatures», 3, 11, 106—122.

Spiegel—Spiegel H.-R. (o. J.). Neubenennungen in den technischen Fachsprachen. Manuskript.

- Sprach-Brockhaus 1964 — Sprach-Brockhaus, Der Deutsches Bildwörterbuch für jedermann. 7. Auflage. Wiesbaden, 1964.
- Stankiewicz 1968 — Stankiewicz E. Declension and Gradation of Russian Substantives. The Hague, 1968.
- Steger — Keil 1972 — Steger H., Keil M. Wortliste.— In: Steger, Hugo (Hrsg.). Das Zertifikat, Deutsch als Fremdsprache, Bonn, 1972, 13—64.
- Strawson 1964 — Strawson P. F. Identifying reference and truth-values.— In: «Theoria», 30, 1964, 96—118. Перепечатано в кн.: «Semantics», Steilnberg D. D., Jakobovits L. A. (eds.). Cambridge University Press, Cambridge, 1971; также в кн.: Strawson P. F. Logico-linguistic Papers, Methuen, London, 1971 (русск. перевод: Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение.— В кн.: «Новое в зарубежной лингвистике», вып. XIII. «Радуга», М., 1982, 109—133).
- Talmy 1972 — Talmy L. Femantic Structures in English and Atsugewi. Ph. D. Dissertation, University of California, Berkeley, 1972.
- Tarvainen 1973 — Tarvainen K. Zur Valenztheorie und ihrer praktischen Anwendung im Valenzwörterbuch von Helbig/Schenkel.— In: «Neuphilologische Mitteilungen», 1973, 74, 9—49.
- Trager 1934 — Trager G. L. What conditions limit variants of a phoneme? — In: «American Speech», 1934, 9, 313—315.
- Tversky 1975 — Tversky. A. Features of similarity.— In: «Psychological Review», 1975.
- Ullmann 1952 — Ullmann S. Précis de Semantique Française. Berne, 1952
- Ullmann 1958 — Ullmann S. Discussion in the «Structure of Meaning» session of the Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists, Oslo University Press, Oslo, 1958, 679—682.
- Vasmer 1955 — Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, 3 Bde, Heidelberg, 1953—1955 (русск. перевод: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. т. 1—4, «Прогресс», М., 1964—1973).
- Vasmer 1958 — Vasmer M. (Hrsg.) Russisches rückläufiges Wörterbuch, 2 Bde, Berlin, Wiesbaden, 1958.
- VDI-Tagung 1977 — VDI-Tagung. Aufgaben der Sprache in unserer Zeit.— In: «Muttersprache», 1977, 78, 65—148.
- Wagner 1967 — Wagner R. L. Les vocabulaires français. Didier, Paris, 1967
- Wagner 1970 — Wagner H. Die deutsche Verwaltungssprache der Gegenwart (= Sprache der Gegenwart Bd. 9). Düsseldorf, 1970.
- Walther 1976 — Walther H. Ein Versuch, zu gliedern und zu definieren: Verwaltungssprache, Gesetzessprache, Amtssprache u. dgl.— In: «Tagungsbericht: Sprache der Verwaltung. Kommission für Fragen der Sprachentwicklung», 21./22.5 Bad Homburg, 1976
- .. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Philip Babcock Gove (Editor in Chief). G. & C. Merriam Company, Springfield, Mass., 1971.
- Weinreich 1962 — Weinreich U. Lexicographic definition in descriptive semantics.— In: Householder F. W., Saporita S. (eds.) «Problems in lexicography», Bloomington, 1962, 25—43. (Франц. перевод: Weinreich U. La définition lexicographique ...— In: «Langages», 19, 1970).

Weinreich 1963 — Weinreich U. On the semantic structure of language.— In: Greenberg J. H. (ed.) «Universals of language», MIT Press, Cambridge, Mass., 1963, 114—171 (русск. перевод: Вейнрейх У. О семантической структуре языка.— В кн.: «Новое в лингвистике», вып. V, «Прогресс», М., 1970, 163—249).

Weinreich 1964 — Weinreich U. Webster's Third: a critique of its semantics.— In: «International Journal of American Linguistics», 1964, 30, 4, 1, 405—409. (русск. перевод см. в журн. «Вопросы языкознания», 1965, 1, 128—132).

Weinreich 1966 — Weinreich U. Explorations in semantic theory. In: «Current trends in linguistics», Sebeok Th. A. (ed.) Mouton, The Hague, 1966, 395—477 (частично переиздано в кн.: «Semantics», Steinberg D. D., Jakobovits L. A. (eds.) Cambridge University Press, 1971, 308—328; русск. перевод: Вейнрейх У. Опыт семантической теории.— В кн.: «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X, «Прогресс», М., 1981, 50—176).

Weinrich 1976 — Weinrich H. Die Wahrheit der Wörterbücher.— In: «Probleme der Lexikologie und Lexikographie». Jahrbuch 1975 des Instituts für deutsche Sprache (Sprache der Gegenwart Bd. 39). Düsseldorf, 1976, 347—371.

Wellmann 1975 — Wellmann H. Das Substantiv. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Zweiter Hauptteil (= Sprache der Gegenwart Bd. 32) Düsseldorf, 1975.

Weniger 1974 — Weniger Dorothea. The Semantic Structure of English Motion Verbs. Ph D. Dissertation, University of Zürich 1974.

Whitehouse et al. to appear — Whitehouse P., Caramazza A., Zurif E. Naming in aphasia: interacting effects of form and function.— In: «Brain and Language», to appear.

Wiegand 1970 — Wiegand H. E. Synchronische Onomasiologie und Semasiologie. Kombinierte Methoden zur Strukturierung der Lexik. Marburg, 1970. (= Germanistische Linguistik 3/70).

Wilson 1975 — Wilson D. Presuppositions and non-truth-conditional semantics. Academic Press, New York, 1975

Wilson et al 1973 — Wilson H. R., Wanamaker M. G., Kinnloch A. M. A revised phonetic alphabet, proposed by the Maritimes Dialect Survey.— In: «International Phonetic Association Journal», 1973, 3, 1, 29—35.

Wolkonsky — Poltoratzky 1961 — Wolkonsky C. A., Poltoratzky M. A. Handbook of Russian Roots. New York, 1961.

Wooldridge 1977 — Wooldridge T. R. Les débuts de la lexicographie française (Estienne, Nicot [...]), University of Toronto Press, 1977.

Worth 1967 — Worth, D. S. The notion of «stem» in Russian flexion and derivation.— In: «To Honor Roman Jakobson», The Hague, 1967, 2269—2288.

Worth 1968 — Worth D. S. Surface structure and deep structure in Slavic morphology.— In: «American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists», Vol. 1, The Hague, 1968, 395—427.

Zadeh 1972 — Zadeh L. A fuzzy-set-theoretic interpretation of linguistic hedges.— In: «Journal of Cybernetics», 1972, 2, 4—34.

Zandler 1972 — Zandler. Handwörterbuch der Pflanzennamen. 10. Auflage. Stuttgart, 1972.

Z e t t e r s t e i n 1969 — Z e t t e r s t e i n A. A statistical study of the graphic system of present-day American English. Studentenlitteratur, Lund. 1969.

Z g u s t a 1971 — Z g u s t a L. Manual of lexicography, Mouton, The Hague, 1971.

Z i m m e r 1964 — Z i m m e r K. E. Affixal negation in English and other languages: an investigation of restricted productivity. (Linguistic Circle of New York, Monograph 5.) New York, 1964 (=«Word» XX, 2 Supplement).

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ РАБОТ ПО ЛЕКСИКОГРАФИИ *

Augst G. Lexikon zur Wortbildung: Morpheminventar. Bde. 1—3. Tübingen, 1975.

Augst G. Untersuchungen zum Morpheminventar der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1975.

Bahr J. Ist Lexikographie eine Wissenschaft? Bemerkungen zu einer Tagung.— In: «Zeitschrift für germanistische Linguistik». 6, 1, 1978, 97—98.

Bailey R. W., Robinson J. L. The computer in lexicography.— In: «Lexicography and dialect geography». Festgabe for Hans Kurath. Scholler H., Reidy J. (eds.). Wiesbaden, 1973, 37—45.

Ballweg-Schramm Angelika. Zur semantischen Beschreibung von Verben im Hinblick auf lexikographische Erfordernisse.— In: «Kopenhagener Beiträge zur germanistischen Linguistik», 12, 1977, 37—58.

Barth E. Fachsprache. Eine Bibliographie.— In: «Germanistische Linguistik. Berichte aus dem Forschungsinstitut für deutsche Sprache», 3. Marburg, 1971, 205—363.

Baur G. W. Lexikographisches Kolloquium in Göttingen (20/21. Feb. 1975).— In: «Deutsche Sprache», 1975, 270—277.

«Beiträge zur Phraseologie und Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache». (=Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 59). Berlin, 1979.

Bergenholtz H. Das Wortfeld «Angst»: eine lexikographische Untersuchung mit Vorschlägen für ein großes interdisziplinäres Wörterbuch der deutschen Sprache. Stuttgart, 1980.

Bergenholtz H., Schaeder B. Deskriptive Lexikographie.— In: «Zeitschrift für germanistische Linguistik». 5, 1, 1977, 2—33. Перепечатано в перераб. и дополн. виде: **Bergenholtz H., Schaeder B.** Ausblicke auf eine deskriptive Lexikographie.— In: «Interdiszip-

* Библиография включает работы, написанные на английском, немецком или французском языках преимущественно после 1970 г. и связанные с проблематикой сборника.

linäres deutsches Wörterbuch in der Diskussion». Henne H., Mentrup W., Möhn D., Weinrich H. (Hrsg.). Düsseldorf, 1978, 116—172.

Bergeron V., Burke D. C., Leclerc-Houde J., Mepham M., Serrat R. Words, Computers, and Communication in Law. Ottawa, 1976.

Bergmann R. Homonymie und Polysemie in Semantik und Lexikographie.— In: «Sprachwissenschaft», 17, 1978, 23—29.

Bever T. G., Rosenbaum P. S. Some lexical structures and their empirical validity.— In: «Semantics». Steinberg D. D., Jakobovits L. A. (eds.). Cambridge, 1971, 586—600.

Boas H. U. Lexical entries for verbs in a contrastive lexicon English-German.— In: «Valence, semantic case, and grammatical relations». Abraham W. (ed.). Amsterdam, 1978, 191—216.

Clark Eve V. Discovering what words can do.— In: «Papers from the Parasession on the lexikon». Chicago, 1978, 34—57.

Coleman Linda, Kay P. Prototype semantics: The English word *lie*.— In: «Language», 57, 1, 1981, 16—44.

«The Computer and Literary Studies». Aitken A. J., Bailey R. W., Hamilton-Smith N. (eds.). Edinburgh, 1973.

«The Computer in literary and linguistic research». Papers from a Cambridge symposium. Wisbey R. A. (ed.). Cambridge, 1971.

«Computers and old English concordances». Cameron A. et al. (eds.) Toronto, Buffalo, 1970.

Conklin H. C. Lexicographic treatment of folk taxonomies.— In: «Problems in lexicography». Householder F. W., Saporita S. (eds.). Bloomington, 1962, 119—141.

Coseriu E. Die lexematischen Strukturen.— In: «Strukturelle Bedeutungslehre». Geckeler H. (Hrsg.). Darmstadt, 1978, 254—273.

Dahlgren Kathleen. The nature of linguistic stereotypes.— In: «Papers from the Parasession on the Lexicon». Chicago Linguistic Society. Chicago, 1978, 58—70.

«Dictionnaire, sémantique et culture». Delesalle Simone, Rey A. (eds.). (= «Langue française», 43). Paris, 1979.

Dietrich R. Automatische Textwörterbücher. Studien zur maschinellen Lemmatisierung verbaler Wortformen des Deutschen. Tübingen, 1973.

Downing P. On the creation and use of English compound nouns.— In: «Language», 53, 1977, 810—842.

Drosdowski G., Henne H., Wiegand H. E. Nachdenken über Wörterbücher. Mannheim, Wien, Zürich, 1977.

Drosdowski G. Nachdenken über Wörterbücher: Theorie und Praxis.— In: Drosdowski G., Henne H., Wiegand H. E. Nachdenken über Wörterbücher. Mannheim, Wien, Zürich, 1977, 103—143.

Dubois J., Dubois C. Introduction à la lexicographie: Le dictionnaire. Paris, 1971.

Dugast D. Vocabulaire et discours. Essai de lexicométrie organisationnelle. Fragments de lexicologie quantitative. Genève, 1979.

«Empirische Textwissenschaft. Aufbau und Auswertung von Text-Corpora». Bergenholz H., Schaedler B. (Hrsg.), Königstein/Ts., 1979. (= Monographien Linguistik und Kommunikationswissenschaft, 39).

Engelien J. Die Bearbeitung von Texten mit Hilfe von Compu-

tern.— In: «Empirische Textwissenschaft». *Bergenholtz H., Schader B.* (Hrsg.). Königstein/Ts., 1979, 124—130.

«Fachsprachen und Sprachstatistik, Beiträge zur angewandten Sprachwissenschaft». *Hoffman L.* (Hrsg.). Berlin, 1975.

Ferrarie G. Dictionnaire automatique et dictionnaire machine: une hypothèse.— In: «Computational and mathematical linguistics». Firenze, 1977, 257—262.

Fillmore Ch. J. Types of lexical information.— In: «Studies in syntax and semantics». *Kiefer F.* (ed.), Dordrecht, 1969, 109—137. Перепечатано в кн.: «Semantics». *Steinberg D. D., Jakobovits L. A.* (eds.), Cambridge, 1971, 370—392.

Geckeler H. Strukturelle Semantik des Französischen. Tübingen, 1973.

Gentner D. Evidence for the psychological reality of semantic components: the verbs of possession.— In: «Explorations in cognition», by *Norman D. A., Rumelhart D. E.* and The LNR Research Group. San Francisco, 1975, 211—246.

Gerling M., Orthen N. Deutsche Zustands- und Bewegungsverben: Eine Untersuchung zu ihrer semantischen Struktur und Valenz. Tübingen, 1979.

Gleason H. A. The relation of lexicon and grammar.— In: «Problems in Lexicography». *Householder F. W., Saporita S.* (eds.). Bloomington, 1962, 85—102.

Gordon W. T. Semantics (A bibliography: 1965—1978). London, 1980.

Gougenheim G., Michéa R., Rivenc P., Sauvageot A. L'élaboration du français fondamental (1er degré). Étude sur l'établissement d'un vocabulaire et d'une grammaire de base. Paris, 1964.

Greimas A. J., Sémantique structurale. Recherche de méthode. Paris, 1966.

Gruber J. Lexical structures in syntax and semantics. Amsterdam etc., 1976.

Gumb R. The inapplicability of the dictionary-encyclopedia distinction to the semantics of natural language.— In: «Information Storage and Retrieval», 6, 6, 1971, 445—452.

Hartmann R. R. K. Über den Einfluß der linguistischen Semantik auf die english-amerikanische Lexikographie.— In: «Linguistik und Didaktik», 11, 1972, 197—208.

Hatzfeld H. Lexicography and stylistics.— In: *Schutz A. H.* (Festschrift), 1964, 13—29.

Hayashi T. The theory of English lexicography: 1530—1791. Amsterdam, 1978.

Heath J. A case of intensive lexical diffusion.— In: «Language», 57, 2, 1981, 335—367.

Helbig G. Einführung in die Valenztheorie.— In: *Helbig G., Schenkel W.* Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1969, 8—68.

Helbig G. Valenz und semantische Merkmalanalyse.— In: «Linguistische Arbeitsberichte», Leipzig, 11, 1975.

Henne H. Lexikographie.— In: «Lexikon der Germanistischen Linguistik». *Althaus H. P., Henne H., Wiegand H. E.* (Hrsg.). Niemeyer Tübingen, 1980, 778—787.

Henne H. Nachdenken über Wörterbücher: Historische Erfahrungen.— In: *Drosdowski G., Henne H., Wiegand H. E.*

Nachdenken über Wörterbücher. Mannheim, Wien, Zürich, 1977, 7—50.

Henne H. Wörterbuchprobleme in der Diskussion.— In: «Praxis der Lexikographie: Berichte aus der Werkstatt». Henne H. (Hrsg.). Tübingen, 1979, 121—128. (=Reihe germanistische Linguistik, 22).

Henne H., Weinrich H. Zwanzig Thesen über ein neues großes Wörterbuch der deutschen Sprache.— In: «Zeitschrift für germanistische Linguistik», 4, 1976, 339—349.

Herberg G. Semantische Merkmalanalyse und Lexikographie. Berlin, 1974. (=Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte, 13).

Herbermann C.—P. Wort, Basis, Lexem und die Grenze zwischen Lexikon und Grammatik. München, 1981.

Hill A. Laymen, lexicographers, and linguists.— In: «Language», 46, 1970, 245—258.

Hiorth F. Arrangement of Meanings in Lexicography.— In: «Lingua», 4, 3—4, 1955, 413—424.

Hiorth F. On the Foundations of Lexicography.— In: «Studia Linguistica», 11, 1957, 8—27.

Hiorth F. On the Relation between Field Research and Lexicography.— In: «Studia Linguistica», X, 2, 1956, 57—66.

Hiorth F. On the Subject Matter of Lexicography.— In: «Studia Linguistica», 9, 1955, 57—65.

Hoeningswald H. M. Lexicography and Grammar.— In: «Problems in lexicography». Householder F. W., Saporta S. (eds.), Bloomington, 1962, 103—110.

Hoffman W. Zum Gebrauchswert etymologischer Wörterbücher.— In: «Zeitschrift für germanistische Linguistik», 6, 1, 1978, 31—46.

Horlitz B. Theorie und Praxis der Lexikographie. Bericht über ein lexikographisches Kolloquium am 20. und 21. Feb. in Göttingen.— In: «Zeitschrift für germanistische Linguistik», 3, 1975, 212—220.

Hudson R. A. Lexical Insertion in a Transformational Grammar.— In: «Foundations of Language», 14, 1, 1976, 89—107.

Iannucci J. E. Meaning discrimination in bilingual dictionaries.— In: «Problems in Lexicography». Householder F. W., Saporta S. (eds.). Bloomington, 1962, 201—216.

Imbs P. Préface.— In: «Trésor de la langue française», I, Paris, 1971, IX—XLVII.

«Interdisziplinäres deutsches Wörterbuch in der Diskussion». Henne H., Mentrup W., Möhn D., Weinrich H. (Hrsg.). Schwann, Düsseldorf, 1978.

Jackendoff R. Morphological and semantic regularities in the lexicon.— In: «Language», 51, 3, 1975, 639—671.

Josselson H. H. Lexicography and the Computer.— In: «To Honour Roman Jakobson», vol. 2, The Hague, Paris, 1967, 1046—1059.

Kärcher G. Kontrastive Untersuchung von Wortfeldern im Deutschen und Englischen. Frankfurt/M., 1979.

Kastovskiy D. Perspektiven der lexikalischen Semantik. Bonn, 1980.

Kiss G., Armstrong Ch., Milroy R., Piper J. An associative thesaurus of English and its computer analysis.— In: «The Computer and Literary Studies». Edinburgh, 1973, 153—165.

Klappenbach Ruth. Studien zur modernen deutschen Lexikographie: Auswahl aus den lexikographischen Arbeiten. Amsterdam, 1980.

«Kolloquium über Lexikographie. 1976». H y l d g a a r d — J e n s e n K. (Hrsg.). København, 1977. (= Kopenhagener Beiträge zur germanistischen Linguistik, 12).

K u ť e r a H., F r a n c i s W. N. Computational Analysis of Present-Day American English. Providence, Rhode Island, 1967.

K ũ h n P. Deutsche Wörterbücher. Eine systematische Bibliographie. Tübingen, 1978.

K ũ h n P. Der Grundwortschatz (Bestimmung und Systematisierung). Tübingen, 1979. (= Reihe Germanistische Linguistik, 17).

K ũ h n P. Notwendigkeit, Gebrauchswert und Verwendung von Grundwortschatzbüchern.— In: «Zeitschrift für Germanistische Linguistik», 9, 2, 1981, 164—179.

L a f f a l J. A concept dictionary of English. Essex, Connecticut, 1973.

L e h r e r A. Semantic Fields and Lexical Structures, 1974.

«La lexicographie». R e y - D e b o v e J o s e t t e (ed.). Paris, 1970. (= «Langages», 19).

Lexicographie.— «Dictionnaire de linguistique» par J. Dubois et al. Paris, 1973, 289—293.

«Lexicography and Dialect Geography: Festgabe for Haus Kurath». S c h o l l e r H., R e i d y J. (eds.). Wiesbaden, 1973.

«Das Lexikon in der Grammatik — die Grammatik im Lexikon», P e t ō f i J. S., B r e d e m e i e r J. (Hrsg.). Hbde. 1, 2. Hamburg, 1977. (= Papiere zur Textlinguistik, 13, 1).

L o d w i g R., B a r r e t E. Words, words, words. Vocabularies and dictionaries. 2nd ed. New Jersey, 1973.

M a l k i e l Y. Etymological dictionaries. A tentative typology. London, 1976.

M a l k i e l Y. A Typological Classification of Dictionaries on the Basis of Distinctive Features.— In: «Problems in Lexicography». H o u s e h o l d e r F. W., S a p o r t a S. (eds.). Bloomington, 1962, 3—24.

M a r c k w a r d t A. H. Lexicographical Method and the Usage Survey.— In: «Lexicography and Dialect Geography». Festgabe for Hans Kurath. S c h o l l e r H., R e i d y J. (eds.). Wiesbaden, 1973, 134—146.

M a r c u s S. Définitions logique et définitions lexicographique.— «Langages», 19, 1970, 87—91.

M a r t i n R. Essai d'une typologie des définitions verbales dans le dictionnaire de langue.— In: «Travaux de linguistique et de littérature», XV, 1, 1977.

M a t h i o t M a d e l e i n e. The place of the dictionary in linguistic description.— In: «Language», 43, 3, 1967, 703—724.

M c C a w l e y J. Fuzzy logic and restricted quantifiers.— In: «Philosophy and grammar». K a n g e r S., O h m a n S. (ed.). Dordrecht etc., 1980, 101—118.

M e i e r H. H. Lexicography as Applied Linguistics.— In: «English Studies», 50, 1969, 141—151.

M u l l e r C h. Principes et méthodes de statistique lexicale. Paris, 1977.

M u r r a y K. M. E. Caught in the web of words: J. A. H. Murray and the Oxford English Dictionary Oxford, 1979.

N a d y W. Some non-idiom larger-than-word units in the lexicon.— In: «Papers from the Parasession on the Lexicon», Chicago Linguistic Society. Chicago, 1978, 289—300.

Neuhauer F. Die Struktur der Explikation in deutschen einsprachigen Wörterbüchern. Eine vergleichende lexiko-semantische Analyse. Hamburg, 1980.

«New aspects of lexicography. Literary criticism, intellectual history and social change». Weinbrodt H. D. (ed.). London, Amsterdam, etc., 1972.

Osgood C. E., May W. H., Miron M. S. Cross-cultural Universals of Affective Meaning. Urbana, Chicago, London, 1975.

«Perspektiven der lexikalischen Semantik». Bonn, 1980.

Petöfi J. S. Das Lexikon als Komponent einer semiotischen Theorie von natürlichen Sprachen.— In: «Das Lexikon in der Grammatik — die Grammatik im Lexikon». Petöfi J. S., Bredemeier J. (Hrsg.). Hbde. 1, 2. Hamburg, 1977, 287—297.

Petöfi J. S. Lexikoneintragungen in der kanonischen Repräsentation von Sätzen und Texten.— In: «Das Lexikon in der Grammatik — die Grammatik im Lexikon». Petöfi J. S., Bredemeier J. (Hrsg.). Hbde 1, 2. Hamburg, 1977, 297—314.

Pottier B. La définition sémantique dans les dictionnaires.— In: «Travaux de linguistique et de littérature», III, 1, 1965, 33—39. (Heмицкий перевод: Pottier B. Die Semantische Definition in den Wörterbüchern.— In: «Strukturelle Bedeutungslehre». Geckeler H. (Hrsg.). Darmstadt, 1978, 403—433).

«Praxis der Lexikographie: Berichte aus der Werkstatt». Henne H. (Hrsg.). Tübingen, 1979. (= Reihe Germanistische Linguistik, 22).

«Probleme der Lexikographie», Akademie-Verlag, Berlin, 1970. (= Institut für Orientalforschung, Veröffentlichung, 73).

«Probleme der Lexikologie und Lexikographie». Düsseldorf, 1976. (= Jahrbuch 1975 des Instituts für deutsche Sprache).

«Probleme des Lexikons in der Transformationsgrammatik». Stelzer St. (Hrsg.). Frankfurt/M., Wiesbaden, 1972.

«Problems in Lexicography». Householder F. W., Saporita S. (eds.). Bloomington, 1962. (= International Journal of American linguistics, 28, 2).

Püschel U., Wimmer R. Wortsemantik und Lexikographie.— In: «Zeitschrift für germanistische Linguistik», 3, 1975, 200—211.

Quemada B. Lexicology and Lexicography.— In: «Current Trends in Linguistics». 9, II. Sebeok Th. A. (ed.). The Hague, Paris, 1972, 395—475.

Read A. W. The labeling of national and regional variation in popular dictionaries.— In: «Problems in Lexicography». Householder F. W., Saporita S. (eds.). Bloomington, 1962, 217—228.

Reichmann O. Germanistische Lexikologie. Stuttgart, 1976.

Rey A. Les dictionnaires: forme et contenu.— «Cahiers de lexicologie», 7, 1965, 65—102.

Rey A. A propos de la définition lexicographique.— «Cahiers de lexicologie», 6, 1965, 67—80.

Rey A. La terminologie: noms et notions. Paris, 1979.

Rey-Debove Josette. Étude linguistique et sémiotique des dictionnaires français contemporains. Paris, 1971.

Rey-Debove Josette. Le metalangage. Étude linguistique du discours sur le langage. Le Robert, Paris, 1978.

Ruhl C. Polisemy or monosemy: discrete meanings or a continuum? — In: «Analyzing Variation in Language». Fasold R. W., Shuy R. W. (eds.) Washington, D. C., 1973, 184—202.

Schaefer B. Lexikographie als Praxis und Theorie. Tübingen, 1981. (= Reihe Germanistische Linguistik, 34).

Siliakus H. J. In Search of a Common Vocabulary for the Social Sciences and the Humanities: a Report.— In: «Empirische Textlinguistik». Bergenholtz H., Schaefer B. (Hrsg.) Königstein/Ts., 1979, 148—170.

Strauss J. Konstrastive Lexik.— In: «Deutsch als Fremdsprache und neuere Linguistik». Werner O., Fritz G. (Hrsg.) München, 1975, 222—235.

Swanson D. C. Recommendations on the selection of entries for a bilingual dictionary.— In: «Problems in Lexicography». Householder F. W., Saporta S. (eds.). Bloomington, 1962, 63—78.

Taylor S. H. On the acquisition and completion of lexical entries.— In: «Papers from the Parasession on the Lexicon». Chicago Linguistic Society. Chicago, 1978, 347—356.

«Theory and method in lexicography: Western and non-western perspectives». Zgusta L. (ed.), Hornbeam Press, Columbia, 1980.

Wahrig G. Anleitung zur grammatisch-semantischen Beschreibung lexikalischer Einheiten. Versuch eines Modells. Niemeyer, Tübingen, 1973.

Wahrig G. Neue Wege in der Wörterbucharbeit. Gleichzeitig ein Beitrag zu einer strukturalistischen Bedeutungslehre. Hamburg, 1967.

Wahrig G. The syntagma as a fundamental unit of lexicon entries.— In: «Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik», 36, 3, 1969, 257—268.

Weinreich U. Dictionaries of the future: A set of parameters for descriptive semantics.— In: Weinreich U. «On semantics». Philadelphia, 1980, 267—294.

Wiegand H. E. Einige grundlegende semantisch-pragmatische Aspekte von Wörterbucheinträgen. Ein Beitrag zur praktischen Lexikologie.— In: «Kopenhagener Beiträge zur germanistischen Linguistik», 12, Kopenhagen, 1977, 59—149.

Wiegand H. E. Fachsprachen im einsprachigen Wörterbuch.— In: «Linguistik. Beschreibung der Gegenwartssprachen». Schumacher H., Leuschner B. (Hrsg.), Stuttgart, 1977, 38—64.

Wiegand H. E. Lexikographische Praxis — vom Standpunkt unterschiedlicher Wörterbuchtypen und Wörterbuchkonzepte. II. Lexikographisches Kolloquium am 21. und 22. Feb. im Hamburg.— In: «Zeitschrift für germanistische Linguistik», 63, 1978, 326—330.

Wiegand H. E. Nachdenken über Wörterbücher: Aktuelle Probleme.— In: Drosowski G., Henne H., Wiegand H. E. «Nachdenken über Wörterbücher». Mannheim, Wien, Zürich, 1977, 51—102.

Wiegand H. E. Synonymie und ihre Bedeutung in der einsprachigen Lexikographie.— In: «Sprache der Gegenwart», 39, 1976, 118—180.

Wolski W. Lexikographische Praxis: Bedeutungserklärungen zu Wörtern verschiedener Wortarten in Wörterbüchern unterschiedlicher Typen: 3, Lexikographisches Kolloquium am 19 und 20. Feb. 1981 am Institut für deutsche Sprache in Mannheim.— In: «Zeitschrift für germanistische Linguistik», 9, 2, 1981, 190—201.

Wolski W. Wortschatz und Verständigungsprobleme. Was sind

«schwere Wörter» im Deutschen? Jahrestagung 1982 des Instituts für deutsche Sprache (IdS), Mannheim 10.—12. März 1982.— In: «Zeitschrift für germanistische Linguistik» 10, 3, 1982, 348—356.

Z a m p o l l i A. Congrès International de Lexicographie Anglaise, New York, 5—7 juin 1972.— In: «Cahiers de lexicologie», 22, 1973, 113—126.

Z i m m e r m a n n H. Das Lexikon in der maschinelle Übersetzung. Wiesbaden, 1973.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Автоматическое сегментирование**
(см. *сегментация*)
- адвербиальный элемент 42
- акроним 234
- активный *vs.* пассивный запас лексики 266, 275, 277, 281
- акцидентальный *vs.* ингерентный [класс предложений] 'А имеет В' 96, 98, 103
- аллограф 250
- алломорф 250
- аллофон 133
- алфавитный порядок [слов в словаре], алфавитный принцип [расположения статей] = семасиологическое расположение [материала словаря] 205, 304—305, 311, 332 (ср. *системный порядок*)
- американский вариант английского языка 337
- анализ
- грамматический 334
 - графемный 334
 - компонентный, метод компонентного анализа 8, 16—17, 59, 75, 78, 109, 263
 - лексико семантический 24, 26
 - лексический 334, 341
 - логический 177
 - мультивариативный/многофакторный 142
 - семантический 269, 334
 - с переменными правилами (см. *программа с переменными правилами*)
 - фонологический 334
- арго, аргоизмы 301, 304
- артикуль
- неопределенный 79, 97
 - определенный 97, 99, 213, 342
- аффикс 228—229, 237
- начальный (см. *префикс*)
 - терминальный (см. *суффикс*)
- Валентности [глагола] 21, 213—214, 218—220, 223—224
- вариативность, вариантность, варьирование, вариации [употребления, формы] 136, 141—142, 217
- денотативной способности 14:
 - морфонологическая 154, 260
 - морфосемантическая 260
 - синонимическая 35—36
 - синтаксическая 134, 154
- вероятность [обозначения] 155—157, 162
- вес 155—157, 159—161, 165—166, 170
- взаимозависимость, [денотативных границ] 139—141, 148, 157
- виртуэма 280
- вопрос [обращенный к носителю языка] 72—74, 83—88, 109—111, 138, 144, 146, 148, 151, 168, 190, 195—197
- выборка, размер выборки, структура выборки, универсум [область извлечения выборки] 281, 284, 337—343, 345 (см. также *корпус текстов*)
- представительная 281, 286

— элементарная 344—346
выдвижение [именной группы]
в качестве темы (topicalizing),
выдвижение в статус темы
94, 97, 99, 107
выражение
— булевой логики 140, 152
— дизъюнктивное (см. *дизъюнкция*)

Гетероклитика 299

гипероним 209 (ср. *гипоним*)
гипоним гипонимия, 109—111,
117—118, 127, 129
гипотеза, [в лексикографии]
108—109, 117—121, 123, 127
глагол 43—45, 51, 202—204,
207—208, 210—212, 315—316
— базисный 41
— вспомогательный 316
— «движения» 41—43, 45
— каузативный 81—104,
189, 210 (см. также *перифрастический vs. лексический каузатив*)
— «коммуникации» 204,
207—208
— «купли-продажи» 49
— модальный 316, 351
— «мыслительной деятельности» 204
— «научной деятельности» 204
— «обладания» 81—104 (см. также *отношение обладания*)
— обучения 204
— общезыковой 318
— одноморфемный 41
— «отношений» 204
— «полуфактив» 191
— производный 45
профессиональных языков
314—318
— процессуальный 210
— родовой 208
— сложный 45
— «сообщения» 210—211
— «существования» 81—104,
204
— фактивный = предикат
фактивный 190—191
глагольный комплекс 212
гlossарий 5, 71
гlossы 5
грамматика, 157, 339, 340

— валентностей 201
— *vs.* словарь, соотношение
грамматики и словаря 8,
36
— трансформационно-семан-
тическая 105
грамматический тест 132 (ср.
тест)
границы между категориями
18, 133—135 (ср. *денотатив-
ная граница*)
графики согласованности (con-
sistency profiles) 138, 140—
141, 145—146, 150, 154
графические варианты корня
241 (см. также *корень*)
группа 103
— агентивная 94
— именная, именная состав-
ляющая, существитель-
ного = NP 79, 94, 97,
103—104, 107—108, 192,
213

Действие / деятельность *vs.* со-
стояние 82
деление [слова] на отрезки (di-
vision into fields) (см. *сегмен-
тация*)
денотат = референт 17, 79, 83,
102—105, 106—107 135, 140,
183, 213—214, 217, 300 (см.
также *объект; референция*)
денотативная граница 139 (ср.
границы между категориями)
(см. также *объект; референция*)
деривация (см. также *словообра-
зование*)
— двойственная / двумотиви-
рованная 244, 246
— множественная 244
дефиниционная база, база/базис
толкований/дефиниций 8, 30,
52, 56 (см. также *дефиниция*)
дефиниция/ лексикографическая
дефиниция, обоснование де-
финиции, построение / фор-
мулирование дефиниции 6, 8,
11—12, 15—16, 18, 20, 50, 63—
64, 66, 77—83, 85, 101, 105—
107, 173, 263, 292, 297 (см.
также *дефиниционная база*)
— критериальная 51
— минимальная 66, 76
— описательная 63

- описывающая употребление 51
- условная, условное определение = условное толкование 50, 52—53, 57
- характеристическая 50
- диалект, обследование диалекта 22, 133, 304, 344—345
- социальный 112
- территориальный 112, 283
- дизъюнкция = выражение дизъюнктивное 57, 107, 188, 199
- инклюзивная 107
- дистрибутивная / сочетаемостная связанность [лексем] 37 (см. также *сочетаемостное ограничение*)
- дихотомия «язык — речь» 273, 287
- дополнение [член предложения] 191—192, 212—214, 217
- допустимость / приемлемость vs. недопустимость / неприемлемость [предложения, соетания] 101—102, 278—279, 294
- Единицы описания [глаголов] 213, 215 (см. также *язык описания [глаголов]*)
- Знание
 - лексическое vs. грамматическое 25
 - о действительности 25, 50 (см. также *энциклопедическая информация*)
 - понятийное 174
 - фоновое = фоновая информация 92, 192
 - языковое (см. *компетенция*)
- значение 75, 152, 253 (см. также *понятие, семантика*²)
 - ассоциативное, коннотативное 123, 127 (см. также *коннотация*)
 - весов/весовое 141, 157, 160
 - вышестоящее (more inclusive) vs. нижестоящее (less inclusive) 61, 63—64
 - грамматической категории 228
 - грамматической морфемы, морфемы 28, 77
 - денотативное 133, 135
 - дефинитивное 76
 - дополнительное 63
 - единицы языка 75
 - идиомы 69—70
 - иерархически организованные 16, 64 (ср. *значения пересекающиеся*)
 - интенсивности 122
 - инхотативное 100
 - каузативное 100
 - лексическое, значение слова 18, 63, 72, 193, 205, 278
 - окказиональное 290
 - парадигматическое 75, 105
 - пересекающиеся, 16, 63, 66—69 (ср. *значения иерархически организованные*)
 - vs. понятие 9
 - принадлежности 173
 - референционное 61, 71
 - семантической единицы 66, 69
 - смежное 63
 - собственного имени 185
 - vs. суждение 9
 - термина 292
 - центральное/ядерное vs. периферия 28, 31, 78
- Идентификатор [семантического инвентаря] 14
- идиолект 111—112,
- иерархический класс 73 (см. также *уровень иерархии*)
- избыточность [описания] 27—28 (ср. *толкование минимальное*)
- семантическая 35, 59
- извлечение семантических/языковых фактов 83, 105
- измерение истинности, коннотативные измерения истинности 194, 197
- имплицативный ряд [ответов информанта] 144, 146, 175
- импликатура, импликатура дискурса 21, 186—187 (см. также *постулат способа выражения; кооперации принцип*)
- коммуникативная (соп-

- versational implicature) 188—189, 196, 200
 — условная (conventional implicature) 193 (ср. *пре-
суппозиция прагматическая*)
- импликация 127, 129 (ср. *кон-
традикция; тавтология*; см. также *тест «импликация —
противоречие»*)
 — логическая, логический вывод 114—116, 124, 178, 200 (см. также *правила вывода*)
 — ложная 106
 — фактическая 114
- инвариантная область, инвариантное ядро [на графике] 141—142, 154
- индекс восприятия 338
- интерпретация [высказывания, предложения] 79, 84, 86—87, 104
 — повторная 102, 103
 — маркированная vs. немаркированная 113
 — установленная законом 53, 58
- интерпретирующий семантический компонент словаря, 201, 202
- интроспекция 111—112, 119, 125, 131, 134
- информант 15, 71—72, 74, 112, 120, 124, 127—128 (см. также *тест*)
- информация (см. также *морфологические сведения [в словаре]*)
 — грамматическая 6
 — лексическая 23
 — семантическая 6—7, 23—24, 28, 36
 — словарная 20—21
 — стилистическая 213
 — фоновая (см. *знание фоновое*)
- истина vs. ложь vs. истинностный ноль 194
- истинностное значение [высказывания, предложения, суждения] 113—114, 190, 192—197 (см. также *логическая истинность; степень истинности; условие истинности*)
 — множественное 194
- исторический / хронологический vs. синхронический vs. относительной панхронии принцип [организации материала в словаре] 274, 276—277
 история [наука] 269
- Категоризация [объектов и событий], процесс категоризации 59, 175 (см. также *категория*) категория 30—31, 72, 108, 133—135, 147, 175 (см. также *категоризация*)
 — грамматическая 134
 — «естественная» 135
 — логическая vs. фактическая 115, 124 (см. также *логическое vs. фактическое*)
 — обязательная 37
 — описательная 117
 — понятийная 135
 — родовая, базисного уровня vs. видовая 47, 58, 171
 — семантическая 116
 — универсальная, общая 117
- квантор 83, 179—182, 197 (см. также *ограниченная vs. неограниченная квантификация; пренексная форма*)
 — общности 125, 181
 — оценочный 153
 — существования 79—80, 83, 106, 181
- когнитивная / психологическая реальность 78
- компетенция (competence), модель компетенции, абстрактное владение языком, языковая компетенция = языковое знание 115—116, 131, 147, 174, 278, 281, 299, 335, 341 (ср. *употребление*; см. также *теоретическое vs. наблюдаемое; лексический компонент лингвистической модели vs. лексика в употреблении; язык vs. речь*)
 — семантическая 115
- компонентный анализ (см. *анализ компонентный*)
- конкорданс 73
 — употреблений слов в произведениях Шекспира 338, 341, 342 сн., 344
- коннотация 88, 107, 277, 280,

- 290—291 (см. также значение ассоциативное)
 — дизъюнктивная 92
 — социальная 267
- конструкция
 — генетивная 107
 — пассивная, пассив 213, 218, 220—221, 223, 225
 — родовая 197
 — синтаксическая 26, 105
 — с эксплицитной vs. имплицитной квантификацией 132
- контекст, контекстуальная рамка 7, 37, 40, 67, 70, 138, 192, 200
 — лингвистический 186
 — общения 187
 — ситуационный = ситуация функциональная 84, 86, 92, 139, 144—146, 158—159, 162, 165, 167, 169, 170, 174, 176, 186
 — употребления [лексической единицы] 73 (см. также *употребление слова*)
- контрадикция [тип высказывания] 110, 115 (ср. *тавтология; импликация*)
- контрастивное множество, контрастивный набор 46, 54 (см. также *структура семантического поля*)
- конъюнкция 178 (ср. *структура сочинительная*)
 — двучленная 177
 — многочленная 177, 179
- кооперации принцип 187—189, 199 (см. также *импликатура*)
- координатная (city-block) метрика 135, 140
- корень 214, 229, 237—238 (см. также *графические варианты корня*)
 — базовый, канонический, основной 241—243, 249—250, 252
 — = омограф 240
 — производный (occurrence root) 231, 240—242, 247, 250, 252
- корневое гнездо 304
- корневой сегмент / отрезок [слова] 233, 239, 251, 259 (ср. *предкорневой сегмент, посткорневой сегмент; см. также сегментация*)
- корпус слов 230, 240
 — округов Техаса 347
- корпус текстов, корпус 22, 268, 276, 278 281—286, 334 (см. также *выборка*)
 — машинный 334—337, 340—348, 350 (см. также *машинное кодирование*)
 — расширенный 340—341
 — староанглийской поэзии 336
 — Эрка 320, 322
 — языка школьников 347
 — «The American Heritage Intermediate Corpus» = корпус АН 336—338, 341—342, 344—346, 351
 — «The Brown Standard Corpus of American English» = корпус В 334, 335, 337, 338, 340—344, 346, 348, 351
 — «The Survey of English Usage» = корпус S 336, 339, 344, 349
- культура и словарь 38, 263—264, 268, 299
- Лексик: 6
 — абстрактная vs. конкретная 18, 72—73, 136
 — высокочастотная 314—318
 — диалектная (см. *диалект*)
 — концептуализированных областей (см. *лексика профессиональная*)
 — общеупотребительная, повседневная = язык общеупотребительный 41, 48, 52, 55—56, 288, 296
 — профессиональная, профессионализмы 293, 301, 330—331 (см. также *термин профессиональный*)
 — специальная 38
 — терминологическая (см. *термин*)
- лексикографическая деятельность 10—12, 14 (см. также *лексикография семантическая инвентаризация*)
- лексикография 6—9, 299 (см.

- также лексикографическая деятельность)
- лексическая единица 57
- элементарная метакоммуникативная лексема 226
- лексический компонент лингвистической модели *vs.* лексика в употреблении 264—265 (см. также *компетенция; употребление*)
- лексический / языковой минимум 203—204, 265
- лексическое *vs.* грамматическое, разграничение лексического и грамматического 25
- лексическое *vs.* семантическое 24
- лексическое поле 24, 174, 313 (ср. *семантическое поле*; см. также *названия*)
- лемматизация [нормализованное представление слов в словаре] 350
- логика 177, 182—183, 194, 198, 267
- булева, булева алгебра 143, 153
 - двузначная 194
 - естественная 153
 - многозначная 21, 194
 - нечетких множеств, нечеткая = теория/модель, нечетких множеств 18, 153—154, 171—172, 196 (см. также *нечеткие множества*)
 - математическая = формальная 80, 177, 179
- логическая истинность [высказываний] 182, 199 (см. также *истинностное значение*)
- *vs.* фактическая истинность 114—115, 123 (см. также *логическое vs. фактическое*)
- логическая константа 199
- логическое *vs.* фактическое 114—115, 123—124, 126—127 (см. также *категория логическая vs. фактическая; логическая истинность vs. фактическая истинность*)
- Макрокласс 209 (ср. *медиакласс*; см. также *макроструктура*)
- макроструктура, макроструктурный уровень 21, 207, 209 (ср. *микроструктура, медиаструктура*; см. также *макрокласс*)
- маркированность, маркированный *vs.* немаркированный член [семантической оппозиции] 46, 47
- машинное кодирование, ввод корпуса в ЭВМ 347—350 (см. также *корпус текстов*)
- машинное сегментирование (см. *сегментация*)
- машинные методы обработки информации 49сн.
- медиакласс 207—209 (ср. *макрокласс*; см. также *медиаструктура*)
- медиаструктура, медиаструктурный уровень 21, 207, 209 (ср. *микроструктура; макроструктура*; см. также *медиакласс; медиаструктурная «шапка»*)
- медиаструктурная «шапка» 21, 209—210 (см. также *медиаструктура*)
- местоимение 192, 217
- возвратное 212
 - коррелятивное 217
 - относительное 217
- металексикография = теория словаря 261—262
- метасемиотическая природа [словаря] 264
- метатеория, семантическая метатеория 77, 105
- оценочная метатеория описаний 107
- метафора 25 (см. также *метафорический перенос*)
- метафорический перенос, перенос значений 35, 77, 113, 286 (см. также *метафора*)
- метаязык [представления семантической информации, толкования], символы метаязыка 8, 13, 76, 205, 265, 286 (см. также *термин метаязыка*)
- абстрактный 32
 - компонентный 18—19
- микроструктура, микроструктурный уровень, микроструктура словаря 21, 207, 209, 211, 285 (ср. *медиаструктура, макро-*

- структура*; см. также *словарная статья*)
- минимальная пара [тестовых предложений] 83—85, 193 (см. также *предложение тестовое*)
- многозначность, неоднозначность [слова] 56, 112—113, 127, 138, 202, 205 (см. также *полисемия*)
- лексическая неоднозначность предложения 76
- множественная деривация, двойственная / двумотивированная деривация 244, 246
- модель 27, 78, 263, 278, 280
- вероятностная 141
 - грамматики с семантическим базисом 202—203
 - денотативной структуры 142
 - дискурсивная социально-культурная 279
 - дистрибутивная 310
 - коммуникативная 274, 278
 - лексикализация 24, 36, 41
 - логистическая, логистического типа 155—158, 162
 - мультипликативная модель «применения» 141
 - нечетких множеств (см. *логика нечетких множеств*)
 - представления говорящих о мире 78
 - расширения значений 8, 35
 - словообразовательная 34, 318, 321
 - установления подобия образов 135
 - языка 282, 287
- морфема 231, 258—259, 288 (см. также *морфемный шов*)
- «ложная» 232
 - словоизменятельная 351
 - словообразовательная 229, 321
- морфемный шов, граница между морфемами, стык морфем 230—231, 233—235, 237 (см. также *морфема*)
- морфологическая реализация семантических моделей 45
- морфологические сведения [в словаре] 212 (см. также *информация*)
- морфонологическая предсказуемость 228
- мотивированное vs. немотивированное слово, аналитичность, мотивированность, прозрачность семантической [структуры слова] 6, 8, 34, 39, 41, 45 (см. также *мотивированный vs. немотивированный термин*)
- Названия (см. также *термин; подъязык юридический*)
- животных 48, 64—66, 73, 296, 307—308, 310—311
 - жителей страны 184
 - лиц 47—48, 64—65, 125
 - месяцев 39—40
 - отрезков времени 48
 - положительных характеристик 66—69
 - порядковых категорий 308—309
 - публикаций 61—63
 - растений 307—308, 310—311
 - сосудов 136—175
 - химических веществ 312—313
 - цветов [спектра] 188
 - частей тела 47
 - чисел 40—41
- наречие
- катафорическое 58
 - образа действия 42
 - оценочно-кванторное 140
 - подражательное 41
 - сентенциональное 206
- народная таксономия 73, 75, 295 (см. также *структура таксономическая*)
- народная этимология 77, 238
- неологизм 230, 282
- нечеткие множества 169 (см. также *логика нечетких множеств*)
- нечеткости словаря 270
- номенклатура 307—308, 312
- номенклатурное дробление 36
- норма [употребления], нормативная модель 21, 112, 202, 264, 278—279, 290—292, 297 (см. также *словарь нормативный*)

- Объект¹ [предмет] 134—136, 148, 153, 180—181 (см. также *денотат*)
- «несуществующий» 180—181
- объект² [изучения, описания]
- лексикографического описания 271
 - словаря 270, 286
 - теории лексикографии 270
 - толкового словаря 264
- объем словаря 204, 305—306, 319, 333
- обязательный *vs.* факультативный актант глагола 202
- границенная *vs.* неограниченная квантификация 179—180, 181—183, 199 (см. также *квантор*)
- ограничители (*hedges*) 135, 171, 194—195, 197, 200
- омограф, омография 234, 237, 240—241, 251, 257, 350—351
- омоним, омонимия 9, 76—78, 80, 97, 260, 306 (см. также *полисемия*)
- омофон 65
- ономасиологический класс 206, 214
- оператор [элемент логической структуры] 183
- описание
- грамматическое 202, 209
 - морфо-синтаксическое 201
 - семантическое 26, 27, 49, 50, 56
 - лингвистическое 77, 111
 - — *из* энциклопедическое 265
- опозиция 75, 83
- бинарная 50
 - парадигматическая 84
 - семантическая 46
- определенная дескрипция 185, 192
- основа [слова] 228
- производящая, 227, 243, 246, 249, 256
- отбор [лексики] 203
- отношение 96
- акцидентальное *vs.* ингерентное = отчуждаемое *vs.* неотчуждаемое 97—100, 102 (см. также *предложение акцидентальное vs. ингерентное*)
 - включения 109
 - дополнительности *vs.* пересечения *vs.* смежности 61—62
 - импликации = логического следования 120—122
 - морфологическое [между глаголами] 43
 - несовместимости 127, 129
 - обладания 99 (см. также *глаголы «обладания»*)
 - падежное 73, 96 (см. также *отношение семантическое*)
 - полисемическое 35
 - понятийное цепочное 32
 - противопоставления 109
 - противоречия 127, 129
 - семантическое 7, 19, 23—24, 28—29, 31, 49, 110—129 (см. также *отношение падежное; семантическая единица*)
 - словообразовательное 227, 229, 233—244, 248, 249, 255
- отрицание с широкой *vs.* узкой сферой действия, широкая *vs.* узкая сфера действия отрицания 79, 106—107
- Парадигма 226
- оппозиций 82
 - семантическая 47—49, 53—54
 - склонения 229
 - словоизменения 227
 - спряжения 229
 - словообразовательная 229
- параметры словаря 11
- переводной эквивалент 42
- перекрестные ссылки, максимизация перекрестных ссылок 23, 31—32, 59 (см. также *связность словаря*)
- переменная
- зависимая 156, 164
 - квантифицируемая 79
 - независимая 153, 156
 - связанная 179—180, 197

- синтаксическая 79
- переноса намерения принцип 53
- перифраза, перифразирование, язык перифраз 8, 26, 29
 - предложения 80
- перифрастический *vs.* лексический каузатив 189 (см. также *каузативный глагол*)
- план построения предложения 212—213
- план содержания *vs.* выражения, означаемое *vs.* означающее 9, 202, 264, 269, 292, 316
- подгнездо 247, 250 (см. также *словообразовательное гнездо*)
- подъязык 6, 8, 56 283—284
 - узуальный 264, 278, 287 (см. также *узус [языка]*)
 - юридический, юридический язык = словарь^а юридического подъязыка 8, 24, 29, 51—60, 329 (см. также *социологический подход [в лексикографии]*; *термин юридический*)
- позиция — распространитель 202
- полевая семантика, рабочие принципы полевой семантики, «полевой метод» 19, 20, 131
- полисемия 9, 32—33, 59, 76—78, 106, 109, 113, 157, 175, 260, 296, 351 (см. также *омоним*)
- понимание [предложений] 102 (ср. *интерпретация*)
- понятие 9, 25, 51—52, 57—58, 109, 206 (см. также *значение*)
 - вышестоящее *vs.* нижестоящее 313
 - индивидуальное 308
 - непрерывности 175
 - неточное 194
 - общее *vs.* конкретное 208, 308
 - родовое 54, 206
 - сложное 34, 43
 - существования 100
- понятийно-логические [связи слова] 20
- посткорневой сегмент / отрезок, суффиксальный отрезок [слова] 233—234, 236, 239, 252, 257—259 (ср. *корневой сегмент*, *предкорневой сегмент*; см. также *сегментация*)
- постулат способа выражения 188—189 (см. также *импликатура*)
- посылка [в силлогизме]
 - большая 86, 187
 - меньшая 86, 187
- правила вывода 179, 183, 199 (см. также *импликация логическая*)
- правила сегментации 232, 234—235, 238—239 (см. также *сегментация*)
- прагматика словаря [отношение между лексическими структурами и системой знаний] 270, 289
- предикат 79, 33
 - «класса» 199
 - = ограничитель 200
 - фактивный (см. *глагол фактивный*)
- предкорневой сегмент/отрезок [слова] 233—234, 236—237, 243—248, 251—252, 256, 258—260 (ср. *корневой сегмент*, *посткорневой сегмент*; см. также *сегментация*)
- предлог 217
- предложение 79
 - активное *vs.* пассивное 94, 103
 - акцидентальное *vs.* ингерентное 96—97 (см. также *отношение акцидентальное vs. ингерентное*)
 - аналитическое 182, 199
 - глубинное = глубинная функция 105
 - простое *vs.* сложное 84, 88—89
 - тестовое, тестовое высказывание 83, 90—91, 105 (см. также *тест*; *минимальная пара [тестовых предложений]*)
 - характеризующее 99
- представление
 - машинное [большого корпуса текстов] 334
 - семантическое 31
 - синтаксическое 79
 - формальное [лексической структуры] 152
- пренексная форма 182 (см. также *квантор*)
- пресуппозиция 21, 190, 193—194

— прагматическая 192—193 (ср. *импликатура условная*; см. также *семантический компонент presupпозиционный*)

— семантическая 190—192, 194

— — существования 192

префикс = аффикс начальный = приставка 229, 234—235, 237, 243, 245, 249—251, 256, 259, 312, 319 (см. также *сегментация префиксальная*)

— глагольный 212

префиксоид 243

префиксация 258 (ср. *суффиксация*)

прилагательное 26, 80, 140, 217 — анафорическое 58

примеры [в словаре] 214, 279—280

приставка (см. *префикс*)

программа/модель с переменными правилами, программа/модель Varbgule II = анализ с переменными правилами 155, 157—159, 161—165, 169—170, 172, 176

прономинализация 107

прототип 30—31, 51, 53, 135, 173

прототипная/нечеткая семантика = теория прототипов, прототипная теория 8, 30—31, 52, 56, 173 (ср. *списочная/четкая семантика*)

процедура [семантического анализа] 15, 17, 61, 70—71, 73

— анализа / исследования пересекающихся значений/областей 61, 66

— вертикально - горизонтального анализа, вертикально - горизонтальная 16, 61, 64, 66, 69

— открытия *vs.* проверки гипотез 108, 116, 126, 131,

— полевая 74сн. (см. также *полевая семантика*)

пучок фонологических *vs.* грамматических *vs.* семантических различительных признаков 228

Размытость/нечеткость, свойство размытости [лексического

значения, границ между семантическими областями, денотативных границ], размытое значение 18, 51—52, 138—140, 144, 148, 152—154

референт (см. *денотат*)

референциальный индекс 183—185 (см. также *референция*)

референционное поле 73

референция 21, 99, 183 (см. также *референциальный индекс; денотат*)

родовое *vs.* видовое наименование 329 (см. также *понятие родовое, родовой класс*)

родовой класс 64, 171 (см. также *понятие родовое*)

Связность словаря 8 (см. также *перекрестные ссылки*)

сегментация [на морфемы с помощью вычислительной машины] = машинное сегментирование = автоматическое сегментирование = деление [слова] на отрезки 231—234, 237—238 (см. также *правила сегментации; корневой сегмент; посткорневой сегмент; предкорневой сегмент*)

— префиксальная 234—235 (см. также *префикс*)

— суффиксальная 235 (см. также *суффикс*)

семантика¹ [= раздел лингвистики] 288—289

— возможных миров 181

— генеративная 263

— денотативная 288

— интенциональная *vs.* экстенциональная 288

— комбинаторная 153—154

— лексикографическая 288

— лексическая 8

— обыденного/общеупотребительного языка 51, 58

— описательная 106—107

— порождающая 76

— экспериментальная 17

— юридического языка 51, 58

семантика² [значение] (см. также *значение*)

— ограничителей 153

— — «степенных» 194

- слова = лексической единицы 18, 24, 34, 65, 287, 290, 292, 329
- — производного 21
- *vs.* форма [слова] 76 (см. также *семантическая vs. формальная [структура языка]*)
- языковых единиц 298
- семантическая единица 13 (см. также *отношение семантическое*)
- семантическая инвентаризация, инвентаризация семантических фактов [языка, подязыка] 6, 12—14 (см. также *лексикографическая деятельность, семантический инвентарь*; ср. *формальная инвентаризация*)
- семантическая несовместимость 124
- семантическая область 19
- семантическая сеть толкований 30
- семантическая сложность [лексем] 29—30
- семантическая структура
 - лексической единицы 29, 34, 63
 - *vs.* формальная [структура языка] 76—77
 - языка 12
- семантическая ступенчатость 329
- семантическая теория = теория значения/языкового значения 59, 102, 105, 143, 153
- семантический инвентарь = СИ 13—14, 305—306, 311 (см. также *семантическая инвентаризация*)
- семантический компонент, семантический признак, семантический элемент, семантический примитив, сема 16, 18—19, 27, 29—30, 32, 37, 43, 45, 47—48, 50, 61 сн.—63, 65, 68—70, 75—76, 88—89, 91—93, 96, 98, 100, 102, 105—106, 109, 141—144, 151—152, 156—158, 160, 162—163, 174—175, 206, 229, 253, 321 (ср. *символы метаязыка; фонетический признак*; см. также *анализ компонентный*)
- абсолютный *vs.* относительный 62
- ассоциативный, коннотативный 17, 107
- базисный, примитив 81—82
- вероятностный, «взвешенный» *vs.* категоричный 16, 143, 156
- гипотетический, предполагаемый, потенциальный 85, 87, 92
- диагностический, минимальный диагностический, дифференциальный, контрастивный, различительный, пространство дифференциальных признаков 16, 48, 53, 63—66, 69, 71, 75, 134—135, 139—140, 143, 151, 260, 288
- критериальный *vs.* дополнительный, избыточный 13, 66, 87—89, 91—92, 107, 134
- общий понятийный 309
- парадигматический 48
- пресуппозиционный 16 (см. также *пресуппозиция*)
- универсальный 77—78, 105
- центральный 68
- элементарный 50
- ядерный 16
- ‘дееспособный’ 216
- ‘действие’ 215
- ‘инструмент’ 215
- ‘каузировать’ 216
- ‘намеренно’ 216
- ‘перейти от А к В’ 216
- ‘процесс’ 215
- ‘ситуация’ 215
- ‘состояние (действительности)’ 215
- ‘средство’ 215
- ‘событие’ 215
- семантический метатип 19
- семантический объект 19
- семантическое поле 10, 16, 29, 41, 45—46, 50, 61 сн., 64, 67, 69, 72 (ср. *лексическое поле*)
- семантическое пространство 66
- семантический психолингвистический эксперимент (см. *тест*)

семасиологическое расположение [материала словаря] (см. *алфавитный порядок [слов в словаре]*)

семема 288, 292, 294 (см. также *значение слова*)

семиотика 264, 267, 280

— культуры 22

сеть [тип структуры семантического поля], семантическая сеть 49, 54

— минимальная полностью структурированная 27

силлогизм, силлогистическое рассуждение 85—86 (см. также *посылка [в силлогизме]*)

синоним, синонимия 34—35, 70—71, 117, 127, 260, 306

— межъязыковой 265

— денотативный 291

синтагма, синтагматическое противопоставление, синтагматическая связь 84, 288, 314, 318 (см. также *сочетаемое ограничение*)

синтаксис 134, 227

— компонентного метаязыка, компонентное представление 19

— порождающий 227

— союзов 177

синтактика *vs.* семантика (в строгом смысле) *vs.* прагматика 289

синхрония *vs.* диахрония, дихотомия «синхрония-диахрония» 253, 254, 273 (см. также *язык vs. речь*)

система

— вторичная семиотическая, вторичная моделирующая 22, 264

— графическая 339, 341

— классов объектов знания 267

— лексическая 174

— парадигматических противопоставлений 78

— понятийная, понятия 267, 310

— фонологическая 339

— языка = языковая 133, 264—265, 292

системно-языковые [связи слова] 20

системный порядок [слов в сло-

варе] = ономасиологическое, понятийно-семантическое расположение [материала в словаре] 205, 305, 322 (ср. *алфавитный порядок [слов в словаре]*)

ситуация

— денотативная 83

— каузативная 189

— коммуникативная, коммуникативные условия 203, 210—211, 328

— нейтральная 138, 140—141, 157—158, 163, 165, 169, 170

— фоновая (см. *контекст ситуативный*)

— функциональная (см. *контекст ситуативный*)

словарная статья, единица словаря, словарная единица 11, 21, 23, 185, 211—212, 214—215, 218, 271, 274 (см. также *микроструктура*)

— центральная статья словаря 310—311, 313—314, 319, 322—323

словарный состав языка (см. *словарь* ²)

словарь ¹ [результат лексикографической деятельности] 5—11, 14, 23, 27—28, 30—33, 38, 66, 71, 177, 184, 190, 202, 229, 261—262, 264—266, 269—271, 273, 279, 286, 289, 291—292, 304, 305, 311, 313

— академический 273

— валентностей 21, 201

— глагольных валентностей 201—205, 207, 209—211, 213

— двуязычный, многоязычный, переводной 9, 265, 272, 279

— «диахронический» *vs.* «синхронический» 227

— интеллектуальных роботов 8

— информационно-поисковой системы 9

— исторический 266—267, 269, 285

— «квазидвуязычный» = словарь жаргонизмов, просторечного языка 299

- литературного языка (dictionnaire culturel) 22, 261, 266, 272—273, 285
- машинного перевода 9
- междисциплинарный, междисциплинарный коммуникативный, систематический междисциплинарный 22, 303, 306, 309, 311, 331—331
- научно-технических терминов 272
- нормативный 6, 9 (см. также *норма*)
- обратный 7, 229, 234, 242
- ономастиологический [понятийно-семантический] 205—206
- ономастический 9
- описательный 6
- орфографический = ОС 230, 232, 234—237, 241, 259
- профессиональный 313, 330
- синонимический 7
- синтагматический 201
- = справочник 201, 203
- словообразовательный 7
- = сокровищница 273
- терминологический 9
- толковый, одноязычный толковый 230, 237, 262, 264, 266, 268—271, 277—279, 291—293, 295, 297—298
- учебный = дидактический 9, 262, 266, 272, 277—279
- «филологический» 281
- фразеологический 7
- частотный 7
- энциклопедический 262, 265, 267, 269, 273, 291—293
- этимологический 7, 9, 254
- этнолингвистический 262
- словарь² = словарный состав 275, 305, 341
 - логики 182—183
 - общий, первичный, базисный 38
 - юридического языка (см. *подъязык юридический*)
- словник, обоснование словника, формирование словника 12, 21—22, 207, 230, 236
- слово 51
 - абстрактного значения 67
 - диалектное 230
 - заглавное [в словаре] 212, 214
 - звукоподражательное 42
 - многозначное = многозначная форма 61сн., 76, 109
 - морфологически неразложимое 34
 - мотивированное (см. *мотивированное vs. немотивированное слово*)
 - = оператор 153, 154
 - производное 304, 318
 - — от предложно-падежных групп 256
 - — префиксальное 257
 - — сложное 244—245, 248, 252, 304, 318
 - — суффиксальное 244, 246—248, 251—252
- словоизменение 227—228 (ср. *словообразование*)
- словообразование 214, 219—220, 222, 224—225, 228—229, 253, 260 (ср. *словоизменение*; см. также *деривация, словосложение*)
- словообразовательная/деривационная морфология [русского языка], морфология словообразования 227—229, 242, 254, 257, 259
- словообразовательное/деривационное гнездо 227, 229, 239—243, 250—256, 260 (см. также *подгнездо*)
 - каноническое, каноническое корневое 250, 254
 - этимологическое 254
- словообразовательный словарь [русский] = РСС 227, 229—230, 232, 236, 237—245, 248—250, 254—256, 258—260
- словосложение 246 (см. также *словообразование*)
- словосочетание, сочетание 25—26, 42—44, 57, 66—68, 68, 101, 171
 - несвободное (см. *фразеологизм*)

- неидиоматичное 57
- устойчивое (см. *фразеологизм*)
- словоформа 341—342
- смысл
 - компонента 84—85
 - предложения 86, 102
 - слова 27—28, 32—34, 48
 - *us.* денотат 183
- современный русский литературный язык = СРЛЯ 230, 235, 240, 242, 253, 255, 258
- сопоставительно-типологические [связи слова] 20
- социологический подход [в лексикографии] 26, 50, 268, 270—273 (см. также *подъязык юридический*)
- сочетаемое/селекционное/синтагматическое ограничение/правило 202, 277 (см. также *дистрибутивная связанность; синтагма*)
 - идиосинкразическое 193
 - семантическое 205
- списочная (*checklist*)/четкая семантика, списочная теория, списочная семантическая теория 8, 30—31, 51—52, 56 (ср. *прототипная/нечеткая семантика*)
- спонтанная речь 346
 - письменная 268
- степень интенсивности [качества] 67—68
- степень истинности 194 (см. также *истинностное значение*)
- стратификация [словарного состава, лексик] 8, 23—24, 38
- структура
 - глубинная, глубинная составляющая/конструкция 94—95, 104
 - — основ = структура непосредственных составляющих 228
 - денотативных значений, денотативная 18, 133, 144, 151, 277
 - квазипартономическая 47 (ср. *структура партономическая*)
 - лексико-семантическая 24, 43, 50
 - партономическая, партономия 47—49 (ср. *структура квазипартономическая*)
 - поверхностная, поверхностно-синтаксическая 94—95, 181, 188
 - полисемическая 33
 - семантическая (см. *семантическая структура*)
 - семантического поля, лексической области 45—49 (см. также *контрастивное множество*)
 - синтаксическая 25, 102
 - словарной статьи 207
 - словаря 250
 - словообразовательного гнезда 228
 - сочинительная 178—179 (ср. *конъюнкция*)
 - таксономическая, таксономия 46—49, 54, 72, 173 (см. также *народная таксономия*)
 - цепочечная, цепи, цепочка 48—49
- структура непосредственных составляющих (см. *структура глубинная основ*)
- структурный образец [предложения], структурная модель [фразы], схема предложения 21, 74, 80, 212—213, 218—220, 223—224
- субъект [высказывания, предложения] 94
- суждение 102, 105
 - базовое [относящееся к уровню компетенции] *us.* относящееся к уровню употребления 117
 - вероятностное, взвешенное *us.* категоричное 142—144, 148, 151, 155, 157 (см. также *суждение семантическое*)
 - метафизическое 180
 - обобщенное 125
 - описательное 117—118
 - оценочное 289
 - семантическое 142—143 (см. также *суждение вероятностное us. категоричное*)
 - универсальное/общее 117—118

- суффикс = аффикс терминальный 227, 229, 235, 238, 244, 251—252, 258, 307, 312, 320, 322 (см. также *сегментация суффиксальная*)
- высокочастотный 320—327
 - прилагательных 326—327
 - словообразовательный 252, 258, 322
 - сложный 235—236
 - существительны: 324—325
- суффиксация 246, 258 (ср. *префиксация*)
- существительное 182, 217
- неисчисляемые vs исчисляемые 80
- Тавтология [тип высказывания] 110, 113—114 (ср. *контрадикция*)
- логическая 124
- таксономическая глубина, глубина таксономии 8, 34—35, 58
- таксономическая группа 307—308
- таксономическая формула 66
- тезаурус 10, 174
- текст 286
- лексикографический 271
 - металингвистический 270
- тема (topic) 94, 192
- конструкции с have 94
 - пассивного предложения 94
- теоретическое vs. наблюдаемое 115, 131 (см. также *компетенция*)
- теория
- вероятностей 154
 - знаков 205
 - значения (см. *семантическая теория*)
 - лингвистическая 267
 - нечетких множеств (см. *логика нечетких множеств*)
 - порождающей семантики 76
 - прототипов, прототипная (см. *прототипная/нечеткая семантика*)
 - словаря (см. *металексикография*)
 - семантических тестов
- [с участием информантов] 108, 116
- словарных дефиниций 173
 - словообразования 228
- термин, терминология, терминологическая система 22, 29, 31, 50—51, 55, 57, 64, 66, 75—76, 98, 108, 157, 269, 293—294, 297, 309, 311, 323, 328, 330—331 (см. также *названия*)
- видовой vs. родовой 34, 54, 164, 167, 312—313
 - лингвистический 226
 - метаязыка, метаязыковой 16, 31, 82 (см. также *метаязык*)
 - мотивированный vs. немотивированный 11 (см. также *мотивированное vs. немотивированное слово*)
 - научный, научно-технически 1 323
 - номенклатурный 308
 - профессиональный 328—329 (см. также *профессиональная лексика*)
 - родства 29, 49, 108—111 143
 - специальный 34, 184, 308
 - теоретический 131
 - юридический 35, 54—55 (см. также *подъязык юридический*)
- тест, тестирование, семантический тест = семантический психолингвистический эксперимент, экспериментальное изучение/исследование семантики/значений 11—12, 15—17, 20, 76, 81—83, 86—88, 93, 101—102, 105—106, 108—119, 121—129, 131—132, 136, 139, 151, 187, 191—200 (см. также *информант; тестирование дефиниций*; ср. *грамматический тест*)
- контрольный 118—121, 123, 127
 - как средство проверки/анализа фактов vs. проверки гипотез (см. *процедура открытия vs. проверки гипотез*)

- тест «вопрос — ответ», вопросно-ответный тест = тест В—О 17, 109, 119—123, 126, 128
- тест «импликация — противоречие» = тест И—П 17, 110, 112—113, 118—119, 121—126, 130
- тест на интерпретацию/на свободную (open-ended) интерпретацию 17, 83—85, 87—88
- тест на проверку соответствия посылки и заключения 17, 85
- тест на упорядочение фраз [с точки зрения большей или меньшей их осмысленности] 17, 86—87
- тест с союзом 'но' 88—89, 92, 103, 107
- тест «тавтология — кон-традикция» = тест Т — К 17, 110, 112—114, 119—120, 123—124, 126, 129
- тест типа не = Р, Q 85
- тестирование дефиниций 83 (см. также *тест*)
- тип 103, 106
 - склонения 229
 - словоизменения, словоизменяемый тип 228
 - словообразования 312
- тип (type) *vs.* представитель (token) 79, 89, 103—104, 106
- типология
 - словарей, типологические признаки 6
 - текстов 281—282
- толкование 6, 28, 33, 50—51, 79, 157, 212—214, 218—220, 223—224, 266, 295, 297
 - дизъюнктивное 57
 - минимальное, минимизация избыточности 27—28 (ср. *избыточное описание*)
 - «обиходное» *vs.* научное определение 296
 - словарное 140, 284, 296
 - условное (см. *дефиниция условная*)
- трансформация 50, 107
 - номинации 227
 - пассивизации 227
 - сокращения конъюнкции (conjunction reduction) = CR 178
- требования [к словарю, семантическому инвентарю] 11, 14
- Узус [языка] 278 (ср. *окказиональное значение*; см. также *употребление; подъязык узусальный*)
- указатели [словаря] 7
- уместность [применения слова] 154
- употребление (performance), модель употребления, реальное использование языка 131, 282, 287, 290, 335—336 (ср. *компетенция*; см. также *теоретическое vs. наблюдаемое; язык vs. речь*)
- употребление слова = словоупотребление, условие употребления 51, 56, 78, 138—139, 267, 275, 341—342 (см. также *контекст употребления*)
 - прототипическое *vs.* периферийное 50
- уровень
 - единиц [в словаре] 25
 - иерархии, иерархический уровень, уровень иерархического дерева 61—62, 64—65, 72 (см. также *иерархический класс*)
 - лексико-семантический 6, 40
 - метаязыковой, уровень языковой рефлексии 206
 - морфо-семантический 6
- условие истинности, истинностное условие [суждений, предложений, высказываний] 178—179, 181—182, 190, 196, 199—200
- Филология, филологический принцип/метод, филологический корпус 267—269, 274, 276—277, 280—281, 285—286, 299
- флексия 228, 252
- фонема, 133, 154, 339
- фонетика 134
- фонетическая транскрипция 349—350
- фонетический признак 77, 343 (ср. *семантический компонент*)

фонология 157

форма

- логическая 193
- многозначная (см. *слово многозначное*)
- слова, поверхностная форма 77, 329
- словаря 264

формальная инвентаризация 11
(ср. *семантическая инвентаризация*)

формирование большого корпуса текстов 334, 344, 346

фразеологизм = словосочетание устойчивое 15, 25, 267, 279

- идиома, идиоматическое выражение 25, 57, 69, 70—71, 74, 288

- клише 25, 264

- неидиоматичная формула 57

- несвободное словосочетание 25

- речевая формула 25, 57

- фразеологическое единство 57

- этикетное выражение (*Angedeformt*) 206

фрейм 49, 54

функциональная нагрузка [слов] 38

функция 17, 80, 96, 105, 139, 145, 163, 166, 171, 173

- алгебраическая 194, 200

- глубинная (см. *глубинное предложение*)

- десигнативная 267

- концентуальная 267

- линейная 142

- мощности 154

- номинативная 267

- одноместная *vs.* двухместная *vs.* трехместная *vs.* многоместная 80

- принадлежности [к классу] 171

- пропозициональная 179—181

- прототипическая 141

- строго монотонная 145

- убывающей *vs.* возрастающей

шей употребительности [слова] 139

— χ^2 162—163

Нарах леготепа 342

Целевая группа 203, 205, 207, 211

циклы [тип структуры семантического поля] 48

Числительное 40

— количественное 126

Шифтер 185

Эвфемизм 27.

экзистимативные частицы (*existimatorische Partikeln*) (см. *наречие сентенциональное*)

экстенциональный класс [класс объектов знания] 294—295

энциклопедическая информация/сведения 6, 66, 184 (см. также *знания о действительности*)

Язык 51, 78

- естественный *vs.* искусственный 56

- межотраслевой 305

- научный 328

- описания [глаголов] 213 (см. также *единицы описания [глаголов]*)

- общенародный, общий 56, 301—302, 305—307, 309, 311, 318, 323, 328, 329—332 (ср. *язык профессиональный*)

- общеупотребительный, обыденный, обычный (см. *общеупотребительная лексика*)

- профессиональный 301—305, 306—307, 309—311, 314, 318—319, 322—323, 328—332 (ср. *язык общенародный*)

- разговорный 328, 330

- *vs.* речь 273, 287

- юридический (см. *подъязык юридический*)

языковой код 90, 91, 101, 102

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Альхайм (Ahlheim К.-Н.) 307, 312, 332
Андерсен (Andersen, Elaine S.) 46, 151, 152
Апостель (Apostel L.) 132
Апресян Ю. Д. 5
Ариель (Ariel S.) 106, 107, 116, 131, 132
Аристотель 134, 185
Атифельд (Hatzfeld A.) 286
- Балдингер (Baldinger K.) 226
Балтин (Baltin M.) 175
Бальвег (Ballweg J.) 225, 226
Бальвег-Шрамм (Ballweg-Schramm, Angelika) 21, 201, 225, 226
Бархударов С. Г. 7
Баумбах (Baumbach R.) 333
Бауш (Bausch К.-Н.) 331
Бах (Bach E.) 107
Бёдикер (Bödiker) 304
Беккер (Becker N.) 333
Бендикс (Bendix E.) 16, 17, 19, 27, 73, 75, 81, 105—108, 116, 131
Бергенхольц (Bergenholtz H.) 334
Берлин (Berlin B.) 35, 47, 58
Бессинджер (Bessinger, Jess) 336
Бильфельд (Bielfeld Н. Н.) 229
Бинник (Binnick R.) 32
Бирвиш (Bierwisch M.) 28
Блумфилд (Bloomfield L.) 133
- Блэк (Black M.) 138, 148, 154
Болинджер (Bolinger D.) 175
Борда (Bordas) 226
Боровский Я. 259
Бридлов (Breedlove D. E.) 35
Брюно (Brunot F.) 262
Буаст (Boiste) 266
Бузон (Buzon Ch.) 286
Булаховский Л. А. 259
Бурстин (Bourstin P.) 225
Буртин (Boertien H. S.) 138, 148—151, 155
Былинский К. И. 259
Бэттиг (Battig W. F.) 135
- Вагнер (Wagner H.) 310, 333
Вагнер (Wagner R. L.) 299
Вайнрих (Weinrich H.) 302, 303, 332
Вайнштейн (Weinstein, Edith) 175
Вальтер (Walther H.) 333
Вариг (Wahrig G.) 12
Вейнрейх (Weinreich U.) 12, 81, 87, 88, 102, 106, 153, 263
Вельман (Wellmann H.) 333
Вениджер (Weniger, Dorothea) 45
Венкер-Вреде (Wenker-Wrede) 344
Виганд (Wiegand H. E.) 7, 12, 226
Винер (Wiener) 135
Виноградов В. В. 6, 10, 15
Волконский (Wolkonsky C. A.) 259
Вудбери (Woodbury T.) 39
Вулдридж (Wooldridge T. R.) 299
Вюстер (Wüster) 331

* В указатель не включены имена писателей и имена собственных, служащие лингвистическими примерами.

- Гамель (Hamel G. A.) 225
 Гарвин (Garvin P. L.) 108
 Гётце (Götze L.) 226
 Гийом (Guillaume G.) 286
 Гильберт (Gullbert L.) 298
 Гиппер (Gipper H.) 303, 308, 332
 Городецкий Б. Ю. 6, 10
 Гоув (Gove F.) 344
 Грабанд (Graband G.) 332
 Грабчиков С. М. 5
 Грайс (Grice H. P.) 187, 188
 Гримм (Grimm J.) 269, 301, 304, 319, 320, 331, 332
 Гримм (Grimm J. W.) 261, 272
 Грин (Green, Barbara B.) 352
 Гринбаум (Greenbaum S.) 129, 132
 Гринберг (Greenberg J. H.) 259, 260
 Грэгг (Gragg G.) 59
 Гуденаф (Goodenough W. H.) 19, 109, 110
 Дайвер (Diver W.) 28
 Даль В. И. 230
 Даути (Dowty D.) 199
 Дейви (Davy D.) 119, 132
 Делесаль (Delesalle, Simone) 22, 261
 Денисов П. Н. 6
 Дерриг (Derrig S.) 35
 Джонсон (Johnson D. B.) 227
 Джонсон (Johnson S.) 5, 261, 268, 272
 Диксон (Dixon R. M. W.) 38
 Дрозд (Drozdz L.) 302, 331, 332
 Дроздовский (Drosdowski G.) 7
 Дюбуа (Dubois Cl.) 7, 271
 Дюбуа (Dubois J.) 7, 271
 Ельмслев (Hjelmslev L.) 226, 264, 287
 Есперсен (Jespersen O.) 185, 336, 339
 Заде (Zadeh L.) 153, 154, 195—196, 200
 Зайбике (Seibicke W.) 302, 331, 332
 Зализняк А. А. 5, 228, 259
 Згуста (Zgusta L.) 12, 271
 Зеттерстен (Zettersten A.) 335, 339
 Зиммер (Zimmer K. E.) 107, 108
 Зоммерфельдт (Sommerfeldt K.-E.) 21
 Икегами (Ikegami Y.) 45
 Имбс (Imbs P.) 298
 Ишрайт (Ischreyt H.) 319
 Кавас (Kawas, Claudia) 175
 Кайль (Keil, Maria) 226
 Камерон (Kameron A.) 336
 Кандель (Candel D.) 289
 Канчаловский (Kantchalowski V. P.) 259
 Караматца (Caramazza A.) 152, 153, 175
 Караулов Ю. Н. 5, 6, 7
 Карлсон (Carlson G.) 200
 Карттунен (Karttunen L.) 191—193
 Касарес (Casarés J.) 20, 21, 262
 Каткарт (Cathcart P.) 60
 Катц (Katz J.) 28
 Кей (Kay P.) 31, 32
 Кемада (Quémada B.) 299
 Кемпсон (Kempson, Ruth) 190
 Кемптон (Kempton, Willett) 169, 171—173
 Киселевский А. И. 7
 Кифер (Kiefer F.) 28
 Клаппенбах (Klappenbach, Ruth) 311
 Клуце (Klute W.) 332
 Козак (Kozak A. S.) 227
 Конклин (Conklin) 271
 Косериу (Coseriu D.) 287
 Коулман (Coleman, Linda) 31
 Крипке (Kripke S.) 185
 Кристаль (Crystal D.) 132, 349
 Круизинга (Kruisinga) 339
 Куайн (Quine W. V.) 180, 181
 Кубрякова Е. С. 21
 Кубчак (Kubczak, Jacqueline) 225, 226
 Куирк (Quirk R.) 119, 129, 132, 135, 336, 339—341, 344, 347, 349
 Кэрролл (Carroll J. B.) 336, 342, 344, 345
 Кэссиди (Cassidy F. G.) 336
 Кэтфорд (Catford J. C.) 339
 Кювье (Cuvier G.) 297
 Кюнхольд (Kühnhold I.) 333
 Лабов (Labov, Teresa) 135
 Лабов (Labov W.) 16—18, 133—135, 138, 142, 154, 347
 Лайонз (Lyons J.) 107, 109, 129, 131, 132

- Лакофф (Lakoff G.) 135, 153, 194, 195, 197, 198, 200
 Ламарк (Lamarck J. B.) 297
 Ларусс (Larousse P.) 266, 298
 Лебеттр (Lebette P.) 259
 Лейбниц (Leibniz G. W.) 280, 304
 Лейзи (Leisi E.) 34, 59
 Лерер (Lehrer A.) 148
 Либерман (Liberman A. M.) 134
 Лиз (Lees R.) 335, 340, 352
 Линней (Linné K.) 307
 Липперт (Lippert H.) 312, 333
 Литтре (Littré E.) 261, 272, 274, 276, 284
 Лич (Leech G. N.) 16, 17, 26, 108, 116, 129, 131, 132
 Лобан (Loban W.) 347, 349
 Лопатин В. В. 260

 МакИнтош (McIntosh A.) 347
 МакКоли (McCawley J.) 21, 41, 57, 106, 177, 178, 188, 193
 Маранден (Marandin J.-M.) 289, 296
 Мартен (Martin R.) 300
 Маторе (Matoré G.) 277, 299
 Матьо (Mathiot, Madeleine) 7, 271
 Майер (Meier H. H.) 9
 Мён (Möh D.) 329, 330, 332, 333
 Ментруп (Mentrup W.) 22, 301, 331—333
 Миллер (Miller G. A.) 45
 Михедова Л. Г. 19
 Монтегю (Montague W. E.) 135, 198
 Моррис (Morris Ch.) 289, 291
 Мюллер-Тохтерман (Müller-Tochtermann H.) 333
 Мюррей (Murray) 261

 Найда (Nida E. A.) 16, 61, 71, 74, 299
 Нойбауер (Neubauer F.) 12

 Обнорский С. П. 259
 Огава (Ogawa N.) 175
 Ожegov С. И. 6, 230
 Орестрём (Oreström B.) 350

 Пайк (Pike K. Z.) 299
 Патнэм (Putnam H.) 185
 Пеллетье (Pelletier F. J.) 199
 Пелька (Pelka R.) 319

 Пёрксен (Pörksen U.) 307, 308, 329, 331, 332
 Петерс (Peters) 193
 Петефи (Petöfi J. S.) 332
 Пизони (Pisoni D. B.) 134
 Пирс (Peirce Ch. S.) 80, 81
 Подлех (Podlech A.) 332
 Познер (Posner) 135
 Поленц (Polenz P. von) 333
 Полторацкий (Poltoratzky M. A.) 259
 Поплер (Popper K. R.) 132
 Порциг (Porzig W.) 307
 Потиха З. А. 237
 Поутсма (Poutsma) 339

 Рассел (Russell B.) 185
 Рей (Rey A.) 7, 22, 261, 299, 300
 Рейвен (Raven P. H.) 35
 Рейна (Reina, Valerie) 199
 Рейф (Reiff F.) 259
 Рей-Добов (Rey-Debove, Josette) 271, 300
 Ректенвальд (Recktenwald R. P.) 336
 Ренан (Renan E. J.) 280
 Рид (Reed S. K.) 135
 Робер (Robert P.) 266, 272, 275—278, 282, 284, 285
 Робинсон (Robinson R.) 53, 60
 Рогалла (Rogalla H. W.) 320
 Роже (Roget P. M.) 41
 Розенман А. И. 5
 Розенталь Е. Д. 259
 Росс (Ross J. R.) 134, 178
 Рош (Rosch, Eleanor) 47, 135
 Рубин (Rubin G. M.) 352

 Савиньи (Savigny E. von) 332
 Самарин (Samarin W. J.) 74, 131
 Санкофф (Sankoff G.) 35, 135, 141, 155, 175
 Свартвик (Svartvik J.) 119, 129, 132, 341, 350
 Се (Hsieh H.-I.) 134
 Себеок (Sebeok T.) 271
 Седергрэн (Cedergren, Henrietta) 141, 155
 Сейдок (Sadock J.) 199, 200
 Сёрен (Seuren P.) 198
 Серль (Searle J. R.) 185
 Синклер (Sinclair J. Mc.) 347, 349
 Синха (Sinha A.) 175
 Соссюр (Saussure F. de) 273

Спевак (Spevak M.) 338, 341,
347

Станкевич (Stankiewicz E.) 228,
25)

Стейнберг (Steinberg D.) 75

Степанова М. Д. 5

Стросон (Strawson P.) 192

Сэпир (Sapir E.) 299

Тавениус (Thavenius, Cecilia)
350

Талми (Talmy L.) 37

Тарвайнен (Tarvainen K.) 226

Тибо (Thibaut, Johanne) 35, 135

Траутц (Trautz N.) 225

Трейджер (Trager G. L.) 133

Уилсон (Wilson R.) 35, 190

Улуханов И. С. 260

Ульман (Ullmann S.) 34, 36

Уорт (Worth D. S.) 227, 228, 260

Ушаков Д. Н. 230

Фасмер (Vasmer M.) 229, 234

Фейгль (Feigl H.) 131

Филлмор (Fillmore Ch. J.) 7,

8, 23, 29, 30, 50, 59, 106, 193

Флайшер (Fleischer W.) 333

Флук (Fluck H.-R.) 312, 319,

332, 333

Фодор (Fodor J. A.) 28

Фраден (Fradin B.) 289, 296

Фреге (Frege G.) 179, 183

Фрей (Frei H.) 287

Фриш (Frisch) 304

Фрош (Frosch H.) 225

Фрэнсис (Francis W. N.) 22,

334, 337

Фуко (Foucault M.) 280

Хайорт (Hiorth F.) 12

Халле (Halle M.) 228, 259, 339

Хамоян М. У. 5

Харрис (Harris Z.) 175

Харсдёрффер (Harsdörffer) 304

Хаусман (Hausmann F. J.) 299

Хаусхолдер (Householder F.) 188

Хегер (Heger K.) 226, 281

Хельбиг (Helbig G.) 21, 201, 202,
226

Хемпель (Hempel C. G.) 154

Хенне (Henne H.) 7, 9, 201,

226, 304, 331

Херинджер (Heringer J.) 189

Херш (Hersh H. M.) 152, 153

Хомский (Chomsky N.) 21, 107,

115, 131, 202, 299, 335, 339

Хорн (Horn L.) 199, 200

Хоффман (Hoffman L.) 332, 333

Хэллоуэлл (Hallowell A. I.) 40

Цандлер (Zandler) 310

Чэнь (Chen M.) 134

Шаде (Schade G.) 226

Шапиро А. Б. 230

Шеве (Schewe W. H. U.) 332

Шедер (Schaefer B.) 9, 334

Шенкель (Schenkel W.) 21, 201,

202, 226

Шеффлер (Scheffler I.) 131

Шиппергес (Schipperges H.) 333

Шмерлинг (Schmerling, Susan)

200

Шоттель (Schottel) 304

Шпигель (Spiegel H.-R.) 331

Шрайбер (Schreiber H.) 21, 201

Штайниц (Steinitz W.) 311

Штегер (Steger H.) 226

Шуберт (Schubert) 310

Шумахер (Schumacher H.) 21,

201, 202, 225, 226

Щерба Л. В. 6, 11, 12, 15—17, 22

Эггерс (Eggers D.) 226

Энгель (Engel U.) 201, 202, 226

Эрк (Erk H.) 226, 333

Эрман (Ehrman, Madeline) 336

Этвуд (Atwood E. B.) 347

Якобовиц (Jakobovitz L. A.) 75

Якобсон (Jakobson R.) 28, 185,

228, 259, 260, 290

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы и методы современной лексикографии. <i>Вступительная статья Б. Ю. Городецкого</i>	5
Ч. Дж. Ф и л л м о р. Об организации семантической информации в словаре. <i>Перевод с английского Н. Н. Перцовой</i>	23
Ю. А. Н а й д а. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения. <i>Перевод с английского Т. С. Зевахиной</i>	61
Э. Г. Б е н д и к с. Эмпирическая база семантического описания <i>Перевод с английского Т. С. Зевахиной</i>	75
Дж. Н. Л и ч. К теории и практике семантического эксперимента. <i>Перевод с английского И. М. Кобозевой</i>	108
У. Л а б о в. Структура денотативных значений. <i>Перевод с английского Н. В. Перцова</i>	133
Джеймс Д. М а к К о л и. Логика и словарь. <i>Перевод с английского И. Г. Сабуровой</i>	177
А. Б а л ь в е г - Ш р а м м, Г. Ш у м а х е р. Словарь глагольных валентностей на семантической основе. <i>Перевод с немецкого Е. Н. Саввиной</i>	201
Д. У о р т. Русский словообразовательный словарь. Введение. <i>Перевод с английского Г. Крейдлина</i>	227
А. Р е й, С. Д е л е с а л ь. Проблемы и антиномии лексикографии. <i>Перевод с французского И. Ю. Доброхотовой</i>	261
В. М е н т р у п. К проблеме лексикографического описания международного языка и профессиональных языков. <i>Перевод с немецкого Т. Б. Крючковой</i>	301
У. Н. Ф р э н с и с. Проблемы формирования и машинного	

представления большого корпуса текстов. <i>Перевод с английского И. Г. Сабуровой</i>	334
Литература	353
Избранная библиография зарубежных работ по лексикографии <i>Составила Т. С. Зевахина</i>	369
Предметный указатель. <i>Составитель И. Г. Сабурова</i>	377
Именной указатель. <i>Составитель И. Г. Сабурова</i>	394